Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

На правах рукописи

Оздемир Сибель

Глагольные и неглагольные средства выражения дистантности в будущем временном плане (на материале русского, турецкого и татарского языков)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научная специальность 5.9.8 — Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

Научный руководитель:
Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна,
профессор, доктор филологических наук

Нижний Новгород — 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3

ГЛАВА 1 КАТЕГОРИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ ... 17

1.1. Изучение категории будущего времени в русском языке ... 25

1.2. Изучение категории будущего времени в турецком языке ... 38

1.3. Изучение категории будущего времени в татарском языке ... 56

1.4. Дистантность в будущем временном плане ... 77

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1 ... 84

ГЛАВА 2 СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДИСТАНТНОСТИ В БУДУЩЕМ ВРЕМЕННОМ ПЛАН ... 86

2.1. Глагольные средства выражения будущего времени. Их потенциал в выражении дистантности ... 88

2.1.1. Оппозиция временных форм будущего в русском языке ... 92

2.1.2. Оппозиция временных форм будущего в турецком языке ... 108

2.1.3. Оппозиция временных форм будущего в татарском языке ... 122

2.2. Неглагольные средства выражения дистантности в будущем ... 146

2.2.1. Средства ближней, средней и дальней дистантности в русском языке ... 151

2.2.2. Средства выражения ближней, средней и дальней дистантности в турецком языке ... 199

2.2.3. Средства ближней, средней и дальней дистантности в татарском языке ... 255

2.2.4. Сопоставительный анализ будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках ... 298

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2 ... 307

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 310

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ... 317

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ... 317

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ... 320

СПИСОК РЕСУРСОВ ... 338

ВВЕДЕНИЕ

Категория будущего времени относится к числу сложных и теоретически значимых категорий грамматической семантики. В отличие от прошедшего и настоящего времени, будущее не поддается непосредственной верификации в момент речи: говорящий обращается к событию, которое еще не реализовано и поэтому неизбежно соотносится с прогнозом, намерением, планом, предположением, долженствованием или иной модальной установкой. В связи с этим будущая референция не может рассматриваться только как указание на событие, следующее за моментом речи. Она представляет собой функционально–семантическую область, в которой взаимодействуют грамматическое время, вид, модальность, контекст и лексико–синтаксические показатели временной перспективы.

В типологических описаниях будущее время обычно определяется как отнесенность ситуации к периоду после момента речи. Однако в реальном дискурсе такая временная локализация зависит не только от грамматической формы глагола, но и от контекстуальных условий: темпоральных наречий, календарных обозначений, аналитических конструкций, дискурсивных маркеров, а также от коммуникативной позиции говорящего. Поэтому при описании будущего времени особое значение приобретает параметр дистантности, то есть степень временной удаленности будущего события от момента речи. В настоящем исследовании дистантность будущей референции рассматривается через три зоны: ближайшее, среднесрочное и отдаленное будущее.

Актуальность исследования определяется тем, что в современной лингвистике будущая референция рассматривается не как изолированное значение грамматического времени, а как комплексная область, формируемая взаимодействием грамматических, лексических, синтаксических и контекстуальных средств. Особую значимость приобретает проблема дистантности будущего события, поскольку языки различаются не только

способами обозначения будущего, но и тем, насколько явно они маркируют ближайшую, среднесрочную и отдаленную перспективу. В этом отношении сопоставление русского, турецкого и татарского языков позволяет выявить функционально соотносимые модели выражения будущего в разноструктурных языках и показать, как глагольные формы, аналитические конструкции, темпоральные наречия и контекст совместно участвуют в построении временной перспективы высказывания. Недостаточная разработанность этой проблемы на материале трех языков и необходимость проверки наблюдений на корпусных данных обусловливают актуальность исследования для сопоставительной лингвистики, теории темпоральности, перевода и преподавания языков.

Степень разработанности темы. Категория будущего времени и связанные с ней параметры темпоральной перспективы получили широкое освещение в типологической, функционально-грамматической и частнограмматической литературе. Теоретические основы анализа грамматического времени, времени речи, времени события и времени референции представлены в работах Х. Райхенбаха [164], Б. Комри [120] и В. Кляйна [153]. Типологические и диахронические аспекты выражения будущего времени, включая грамматикализацию футуральных форм, рассматриваются в трудах Э. Даля [122; 124], Дж. Байби [117; 118], С. Фляйшман [136] и других исследователей. Связь будущего времени с модальными значениями анализируется в работах Й. ван дер Ауверы и В. А. Плунгяна [175], Я. Нюйтса [159], Ф. Палмера [162] и Х. Наррога [158].

В русистике будущее время традиционно рассматривается во взаимодействии с категорией вида, системой глагольных форм и контекстом в работах В. В. Виноградова [8], А. В. Бондарко [3; 4], авторов академической «Русской грамматики» [58; 59], Ю. С. Маслова [43], А. Тимберлейка [170], В. А. Плунгяна [55] и Е. В. Падучевой [54]. В современных исследованиях уточняются грамматический статус будущих форм, их нефутуральные употребления, а также соотношение футуральности, аспектуальности и

модальности в работах Н. М. Стойновой [65; 66], О. Ю. Чуйковой [87; 88], А. А. Зализняка и А. Д. Шмелева [23], а также Е. Жамалетдиновой [182].

В исследованиях по турецкому языку описаны морфологические и аналитические средства выражения будущности, в том числе форма на «-AcAk», аорист, формы настоящего времени и прогрессива в футуральных контекстах. Эти вопросы рассматриваются в трудах Т. Бангуоглу [109], Й. Корнфильт [155], З. Коркмаз [154], А. Гёксель и С. Керслейк [139], а также М. Каныка [149]. В более новых работах О. Балджы [107], Т. Акал [101], Х. Искендера [144] и С. Токтара [171] внимание уделяется ближайшему будущему, футуративным конструкциям, а также соотношению времени, вида, наклонения и модальности в турецком языке.

В татароведении рассматриваются временные формы, способы выражения будущего значения, связь футуральности с ирреалисом, аналитические конструкции и роль неглагольных маркеров в темпоральной интерпретации. Данные вопросы освещаются в работах Н. К. Дмитриева [19], Д. Г. Тумашевой [77; 78], Ф. Ю. Юсупова [94], авторов академической «Татар грамматикасы» [71], Г. Бурбиеля [116], С. Г. Татевосова [75], А. Р. Шамсутдиновой и Г. В. Галавовой [89]. Для настоящего исследования особенно значимы работы Г. Ф. Лутфуллиной [37; 38], Г. Ф. Лутфуллиной с соавторами [39] и Г. Ф. Лутфуллиной, Р. Ф. Мирхаева [40], посвященные сопоставительному анализу темпоральности, неглагольным средствам выражения временных значений и средствам выражения ближайшего будущего в татарском языке.

Несмотря на разработанность отдельных аспектов темы, недостаточно изученным остается сопоставительное описание будущей дистантности одновременно в русском, турецком и татарском языках. В частности, требует дальнейшего анализа распределение глагольных и неглагольных средств по зонам ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего на корпусном материале.

Объектом исследования являются глагольные и неглагольные языковые средства, оформляющие будущую референцию в русском, турецком и татарском языках, а также микроконтексты, в которых данные средства участвуют в выражении временной дистантности.

Предметом исследования выступают функционально–семантические особенности глагольных и неглагольных средств выражения будущей референции, их распределение по зонам ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего, а также контекстуальные условия, определяющие смысловые различия между сопоставляемыми языками.

Цель исследования заключается в функционально–сопоставительном анализе глагольных и неглагольных средств выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках, а также в выявлении закономерностей их распределения по зонам ближайшей, среднесрочной и отдаленной дистантности на материале национальных корпусов.

Для достижения указанной цели в работе решаются следующие **задачи:**

1. Уточнить теоретические основания описания будущего времени как функционально-семантической области, в которой взаимодействуют темпоральность, модальность, аспектуальность, контекст и коммуникативная установка говорящего.

2. Описать состав глагольных и неглагольных средств, участвующих в выражении будущей референции в русском, турецком и татарском языках.

3. Проанализировать глагольные средства выражения будущего времени в трёх языках, включая синтетические и аналитические формы, формы настоящего времени с футуральным значением, модальные и контекстуально обусловленные конструкции.

4. Определить роль категории вида в маркировании зон будущей дистантности в русском языке и сопоставить её с функционально близкими средствами характеристики будущего действия в турецком и татарском языках.

5. Уточнить и применить критерии разграничения ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего при сопоставительном анализе русского, турецкого и татарского языков.

6. Провести корпусный анализ на материале Национального корпуса русского языка, Turkish National Corpus и Татарского национального корпуса

«Туган тел», включающий отбор, разметку и аннотирование примеров по типу языкового средства, зоне дистантности и контекстуальному значению.

7. Описать частотное и функциональное распределение глагольных и неглагольных средств по зонам ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего в каждом из исследуемых языков.

8. Сопоставить особенности выражения будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках и определить значение полученных результатов для сопоставительного языкознания и преподавания языков.

Материалом исследования служат данные трёх национальных корпусов: Национального корпуса русского языка, Turkish National Corpus и Татарского национального корпуса «Туган тел». Все примеры и количественные данные извлечены из указанных корпусов. Примеры, приводимые в работе, рассматриваются как иллюстративный материал для анализа конкретных контекстов употребления исследуемых средств. Выбор национальных корпусов обусловлен тем, что они отражают реальное функционирование языка на материале текстов различных жанров и обеспечивают более репрезентативную и сопоставимую эмпирическую базу, чем анализ ограниченного числа художественных произведений. Это позволило выявить не отдельные случаи употребления, а типичные модели сочетания глагольных и неглагольных средств выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках.

Методология исследования определяется его сопоставительным и функционально–семантическим характером. В работе используются сопоставительный метод, функционально-семантический анализ, корпусный анализ, направленный отбор материала, микроконтекстуальный анализ и элементы количественной обработки данных. Сопоставительный метод применяется не для поиска прямых формальных совпадений между русским, турецким и татарским языками, а для выявления функционально соотносимых средств выражения будущей референции. Функционально-семантический анализ позволяет определить, какую роль в формировании будущего значения выполняют глагольные формы, аналитические конструкции, темпоральные наречия,

календарные обозначения и контекстуальные показатели. Корпусный анализ реализуется через направленный поиск микроконтекстов «в Национальном корпусе русского языка», «Turkish National Corpus» и Татарском национальном корпусе «Туган тел». Отбор материала проводится с учетом эксплицитных маркеров ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего, а также форм, способных выражать будущую референцию. Микроконтекстуальный анализ используется для разграничения собственно временных, модальных и контекстуально обусловленных значений. Элементы количественного анализа применяются для описания частотности и распределения глагольных и неглагольных средств по выделенным зонам дистантности.

Процедура исследования включает несколько этапов. На первом этапе были уточнены теоретические основания описания категории будущего времени в разноструктурных языках. В рамках данного этапа рассмотрены основные подходы к изучению будущего времени в русском, турецком и татарском языках, определены понятия будущей референции, футуральности и дистантности в будущем временном плане. Особое внимание уделено соотношению грамматического времени, временной отнесённости и контекстуальных средств выражения будущего значения.

На втором этапе были описаны глагольные средства выражения будущего времени в русском, турецком и татарском языках. Рассматривались синтетические и аналитические формы, личные и неличные глагольные формы, а также контекстуальные употребления глагольных форм, способных выражать значение будущего времени. При этом учитывалась роль категории вида в русском языке и функциональные средства передачи соответствующих значений в турецком и татарском языках. На третьем этапе были определены зоны будущей дистантности: ближняя, средняя и дальняя дистантность. Указанные зоны соотнесены с эксплицитными темпоральными конкретизаторами: сегодня, в ближайшее время, завтра, через несколько дней, через неделю, месяц, год, а также с аналогичными показателями в турецком и татарском языках.

На четвёртом этапе в корпусах осуществлялся направленный поиск микроконтекстов, в которых глагольные и неглагольные средства выражения будущего времени сочетаются с указанными темпоральными маркерами. Основным материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, Turkish National Corpus и Татарского национального корпуса «Туган тел». На пятом этапе полученные данные проходили ручную проверку и классификацию. Неоднозначные случаи рассматривались отдельно с учётом широкого контекста. Каждый пример аннотировался по типу средства, грамматической форме, зоне дистантности и значению в конкретном микроконтексте.

На заключительном этапе проводилось сопоставительное описание количественных и функциональных закономерностей, выявленных в русском, турецком и татарском языках. Это позволило определить, какие глагольные и неглагольные средства наиболее активно участвуют в выражении ближней, средней и дальней дистантности в будущем временном плане.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые в рамках одного сопоставительного исследования дистантность будущей референции рассматривается на материале русского, турецкого и татарского языков с учетом как глагольных, так и неглагольных средств. В отличие от работ, где будущее время описывается преимущественно через отдельные глагольные формы или в пределах одного языка, в диссертации предложен единый подход к анализу ближайшей, среднесрочной и отдаленной перспективы в трех разноструктурных языках. Новым является разработка операциональных критериев разграничения зон будущей дистантности и их применение к корпусному материалу. Это позволило показать, что степень удаленности будущего события определяется не только формой глагола, но и взаимодействием темпоральных наречий, календарных обозначений, аналитических конструкций, модальных средств и микроконтекста.

Научная новизна работы состоит также в выявлении типологических профилей выражения будущей дистантности: для русского языка — видо–

временного, для турецкого языка — морфологически концентрированного, для татарского языка — распределенного. Установлено, что неглагольные показатели не являются лишь факультативными уточнителями, а участвуют в структурировании ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего. Тем самым исследование вносит вклад в сопоставительное описание темпоральности, футуральности и функционально–семантических средств выражения будущей перспективы.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении принципов описания будущей референции как функционально–семантической области, в которой значение будущего формируется не только глагольной формой, но и взаимодействием аналитических конструкций, неглагольных показателей, модальных оттенков и микроконтекста. В работе обосновывается возможность сопоставительного анализа будущей дистантности в трех разноструктурных языках на основе единой модели, включающей ближайшую, среднесрочную и отдаленную перспективу. Теоретически значимым является также разграничение формального выражения будущего времени и контекстуального оформления будущей референции, что позволяет описывать межъязыковые соответствия не как прямые грамматические совпадения, а как функционально соотносимые способы построения временной перспективы высказывания.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в переводе, преподавании русского, турецкого и татарского языков, а также при разработке учебных и корпусно–ориентированных материалов. Предложенная классификация средств выражения ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего может использоваться при объяснении различий между грамматическим будущим временем и будущей референцией, формируемой контекстом. Полученные данные позволяют точнее выбирать переводческие соответствия, учитывать роль темпоральных наречий и аналитических конструкций, а также предупреждать ошибки, связанные с механическим переносом моделей одного языка на другой. Кроме того, результаты

исследования могут быть использованы при аннотировании временных значений и описании дистантности в корпусных данных.

Гипотеза исследования состоит в том, что в русском, турецком и татарском языках дистантность будущей референции не выражается одним специализированным грамматическим средством, а формируется в микроконтексте через взаимодействие глагольных форм, аналитических конструкций, темпоральных наречий, календарных обозначений и других контекстуальных показателей. Предполагается, что зоны ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего имеют в каждом из трех языков собственный набор типичных средств, однако их сопоставление возможно на основе единой функционально–семантической модели. В соответствии с этой гипотезой степень удаленности будущего события определяется не только формой предиката, но и совокупностью лексико–грамматических и контекстуальных факторов, что особенно проявляется при корпусном анализе реальных употреблений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Степень будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках формируется во взаимодействии глагольных, неглагольных и контекстуальных средств. Особую роль при этом играют темпоральные конкретизаторы, которые позволяют разграничить ближайшую, среднесрочную и отдалённую зоны будущего. Их состав и функциональная нагрузка варьируются в зависимости от языка и зоны будущего.

2. Дистантность будущего временного плана может быть описана через трёхзонную модель, включающую ближайшее, среднесрочное и отдалённое будущее. Ближайшая, среднесрочная и отдалённая зоны будущей дистантности различаются не только степенью временной удалённости, но и семантико-функциональным профилем. Ближайшая зона преимущественно связана с конкретным, ожидаемым или запланированным действием; среднесрочная зона характеризуется наибольшей вариативностью средств и усилением значений планирования, намерения, необходимости и прогнозирования; отдалённая зона

тяготеет к представлению будущего события как ожидаемого факта, результата или долгосрочной перспективы.

3. Функционально аналогичные глагольные средства в трёх языках демонстрируют сходные тенденции повышения и снижения частотности по зонам будущей дистантности. В русском и турецком языках специализированные средства выражения будущего — формы будущего времени совершенного вида в русском языке и форма «-(y)AcAk» в турецком языке — сохраняют ведущие позиции во всех трёх зонах, однако в среднесрочной зоне их доля снижается. В ближайшей зоне данные формы, а также формы настоящего времени в футуральном значении, преимущественно выражают конкретное или запланированное будущее. В среднесрочной зоне усиливаются конкурирующие средства: в русском языке — аналитические и модально-инфинитивные конструкции, в турецком языке — модально-инфинитивные конструкции и аористические формы на «-(A/I)r», в татарском языке — относительное будущее, аналитические и модально-инфинитивные конструкции. В отдалённой зоне вновь возрастает роль специализированных форм будущего времени: в русском языке — форм будущего времени совершенного вида, в турецком языке — формы «-(y)AcAk», в татарском языке — форм определённого будущего времени, что отражает представление будущего события как ожидаемого факта или результата.

4. На основе корпусного анализа выделены различные модели организации средств выражения будущей дистантности в сопоставляемых языках: для русского языка — смешанная видо-временная модель, основанная на взаимодействии вида, времени и контекста; для турецкого языка — морфологически концентрированная модель, связанная с устойчивой ведущей ролью формы «-(y)AcAk»; для татарского языка — распределённая и полицентрическая модель, при которой доминирующие средства изменяются в зависимости от зоны будущей дистантности.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные грамматическому времени, темпоральности, аспектуальности, модальности, типологии будущего времени и

сравнительно-сопоставительному языкознанию. Для настоящего исследования значимы следующие научные направления: теория грамматического времени и темпоральной референции: Х. Райхенбах [164], Б. Комри [120], В. Кляйн [153]; типология и грамматикализация будущего времени: Э. Даль [122; 124], Дж. Байби [117; 118], С. Фляйшман [136], Р. Перкинс и У. Пальюка [118], Э. Даль и В. Велупиллаи [124]; связь футуральности с модальностью и контекстуальной интерпретацией: Й. ван дер Аувера и В. А. Плунгян [175], Я. Нюйтс [159], Ф. Палмер [162]; функциональная грамматика, вид, время и аспектуальность в русском языке: В. В. Виноградов [8], А. В. Бондарко [3; 4], Ю. С. Маслов [43], В. А. Плунгян [55], Е. В. Падучева [54], А. Тимберлейк [170], Н. М. Стойнова [65; 66], А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев [23]; грамматическое описание будущего времени и глагольных форм в турецком языке: Т. Бангуоглу [109], З. Коркмаз [154], Й. Корнфильт [155], А. Гёксель и С. Керслейк [139], М. Канык [149], С. Акал [101]; исследования по татарскому языку, темпоральности, аналитическим конструкциям и средствам выражения будущего значения: Н. К. Дмитриев [19], Д. Г. Тумашева [77; 78], Ф. Ю. Юсупов [94; 95], авторы академической «Татар грамматикасы» [71], Г. Бурбиель [116], С. Г. Татевосов [75], Г. Ф. Лутфуллина [37; 38] и соавторы [39].

Указанные работы позволяют рассматривать будущую референцию не как (область, в которой взаимодействуют глагольные и неглагольные средства, модальные значения, контекст и параметр временной дистантности.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются использованием материалов трех национальных корпусов: Национального корпуса русского языка «НКРЯ», Turkish National Corpus «TNC» и Татарского национального корпуса «Туган тел», а также применением единых критериев отбора и анализа языкового материала. Обращение к корпусам позволяет опираться не на индивидуальный авторский стиль отдельных художественных произведений, а на реальные и повторяющиеся модели употребления в текстах разных жанров. Сопоставимость данных достигается за счет направленного поиска микроконтекстов с темпоральными конкретизаторами, ручной проверки неоднозначных случаев и аннотирования примеров по типу

средства, грамматической форме, зоне дистантности и контекстуальному значению.

Личный вклад автора состоит в постановке исследовательской проблемы, разработке теоретико-методологической основы исследования, систематизации научной литературы по вопросам будущей референции, футуральности и дистантности, а также в адаптации трёхзонной модели будущей дистантности к сопоставительному анализу русского, турецкого и татарского языков. Автором подготовлены поисковые запросы в корпусах «НКРЯ», «TNC» и «Туган тел», осуществлены отбор, ручная проверка, разметка и аннотирование языкового материала. Проведена классификация глагольных и неглагольных средств по зонам ближайшего, среднесрочного и отдалённого будущего, выявлены типичные сочетания темпоральных конкретизаторов с глагольными формами, выполнен сопоставительный и количественный анализ полученных данных, интерпретированы выявленные закономерности и сформулированы основные выводы исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования отражены в 10 научных работах автора, из них 5 опубликованы в изданиях из перечня ВАК; остальные представлены в материалах международных научно–практических конференций, изданиях, индексируемых в РИНЦ, а также в материалах международного симпозиума. Апробация основных положений работы осуществлялась на международных научных и научно–практических конференциях и симпозиумах: на II Международной научно–практической конференции «Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития» (Казань, Казанский государственный энергетический университет, 7–8 ноября 2024 г.); на II Международной научно–практической заочной конференции «Иностранный язык: традиции, опыт и инновации» (Казань, Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 12 декабря 2024 г.); на Международной научной конференции «Русский язык на пространстве СНГ и в мире» (Самарканд, 19 апреля 2025 г.); на X Международном симпозиуме молодых тюркологов памяти д–ра Якупа Омероглу

(Бишкек, Кыргызско–Турецкий университет «Манас», 21–23 апреля 2025 г.); на III Международной научно–практической конференции «Иноязычное образование в современных реалиях: проблемы и векторы развития» (Казань, Казанский государственный энергетический университет, 13–14 ноября 2025 г.).

В опубликованных работах отражены основные аспекты диссертационного исследования: способы выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках, взаимодействие футуральности и модальности, глагольные и неглагольные средства выражения будущего времени, а также лексические маркеры ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего.

Экспериментальная база исследования включает материалы Национального корпуса русского языка «НКРЯ», Turkish National Corpus «TNC» и Татарского национального корпуса «Туган тел». Использование указанных корпусов позволило обеспечить сопоставимость языкового материала и проверить функционирование средств будущей референции в реальных микроконтекстах.

Научные положения диссертации и соответствие паспорту специальности. Научные положения диссертации соответствуют паспорту специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика». Работа соотносится с исследованием грамматической семантики, функционально–семантических категорий темпоральности и футуральности, сравнительно-сопоставительным анализом разноструктурных языков, а также с применением корпусных и количественных методов при описании языковых единиц в дискурсе. Полученные результаты имеют отношение к лингвистическим аспектам перевода и преподавания языков, поскольку позволяют сопоставлять средства выражения будущей референции с учетом временной дистантности и контекстуальной семантики.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка источников языкового материала, списка использованных корпусов и электронных ресурсов. Общий объем работы составляет 338 страниц.

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень ее разработанности, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель, задачи и гипотеза, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы. Здесь же описываются материал и методы исследования, положения, выносимые на защиту, достоверность результатов, личный вклад автора, апробация исследования, соответствие паспорту специальности, а также структура диссертации.

В первой главе «Категория будущего времени в разноструктурных языках» рассматриваются теоретические основы изучения будущей референции в русском, турецком и татарском языках. В главе анализируются основные подходы к описанию будущего времени, его связь с темпоральностью, аспектуальностью, модальностью и контекстом. Отдельно рассматриваются особенности выражения будущего времени в каждом из трех языков, а также уточняется понятие дистантности в будущем временном плане.

Во второй главе «Средства выражения дистантности в будущем» исследуются глагольные и неглагольные средства, участвующие в выражении ближайшей, средней и дальней дистантности. Сначала рассматривается потенциал глагольных форм и аналитических конструкций в передаче будущей референции в русском, турецком и татарском языках. Затем анализируются неглагольные показатели дистантности: темпоральные наречия, календарные обозначения, именные и синтаксические конструкции, а также их функционирование в микроконтекстах. Эмпирическая часть главы опирается на корпусный материал и количественные данные, что позволяет выявить распределение исследуемых средств по зонам будущей дистантности и сопоставить три языка по единым критериям.

Каждая глава завершается выводами. В заключении обобщаются результаты исследования, формулируются основные теоретические и практические выводы, подтверждаются положения, выносимые на защиту, и намечаются перспективы дальнейшего изучения будущей референции и временной дистантности в сопоставительном аспекте**.**

ГЛАВА 1 КАТЕГОРИЯ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Временная структура в лингвистике не сводится к «календарному времени», поскольку язык не только размещает события на временной оси, но и представляет их в составе высказывания. В связи с этим принципиально важно разграничивать реальное время и грамматическое время. А. Бензер подчеркивает, что реальное время представляет собой непрерывный и неделимый поток, тогда как календарь и часы лишь делают его воспринимаемым через условное членение на отдельные отрезки [110, с. 70]. В языковой системе этому хронологическому потоку соответствует не само реальное время, а его грамматическая репрезентация, то есть временная форма глагола. В этом отношении показательным является определение Б. Комри, согласно которому глагольное время представляет собой грамматикализованное выражение временной локализации [120, с. 19]. В сходном направлении А. Бензер определяет «fiil zamanı» ‘глагольное время’ грамматический способ соотнесения события или ситуации с моментом речи и подчеркивает, что такая локализация осуществляется средствами языка, а не самим реальным временем [110, с. 71–73]. В более поздней работе исследователь также разграничивает реальное время как хронологическую область и временную форму как языковой способ представления события, что особенно важно для анализа соотношения времени, вида и модальности в тюркских языках [111, с. 13].

Разграничение реального и грамматического времени имеет особое значение, поскольку эти два уровня не всегда совпадают. Реальное время (time) представляет собой хронологическое время внешнего мира, тогда как временная форма (tense) выражает грамматический способ представления события в языке [111, с. 13]. Карлота С. Смит подчёркивает, что реальное время обладает структурой, сходной с пространственной: у времени нет фиксированной стороны или чётко заданной границы, поэтому события следует соотносить с определёнными временными интервалами [168, с. 420]. Развивая данную аналогию, исследовательница

отмечает, что объект обычно помещается не в отдельную «точку», а в некоторую «область» — например, в комнату, на стол или между двумя домами. Подобным образом событие локализуется не обязательно в точечном моменте, а в пределах определённого временного интервала. Это различие особенно важно для анализа языков, в которых временная референция выражается не только глагольными формами, но и контекстуальными, лексическими и дискурсивными средствами.

Выражение времени в языке не ограничивается глагольной формой. Вольфганг Кляйн рассматривает темпоральность как многоуровневую языковую категорию, которая реализуется «посредством самых разных грамматических путей» и формируется во взаимодействии грамматического времени, вида, временных наречий, обстоятельственных выражений и дискурсивного контекста [153, с. 1–2]. В его интерпретации грамматическое время не сводится к простой локализации события на временной оси, а устанавливает соотношение между референционным временем (topic time) и временем речи. При этом данное соотношение не является статичным: в нарративной структуре и конкретном дискурсивном контексте референционное время может смещаться «вперёд или назад» [153, с. 14]. Тем самым подчёркивается роль дискурса в темпоральной организации высказывания и выявляется гибкость временных структур.

С точки зрения анализа временных отношений особое значение имеет трёхкомпонентная модель Ханса Райхенбаха, включающая время речи (speech time, S), время события (event time, E) и время референции (reference time, R). Данная модель позволяет описывать временные формы не как простое указание на предшествование, одновременность или следование, а как систему отношений между несколькими временными точками. По Райхенбаху, для интерпретации ряда глагольных форм недостаточно установить, что событие локализовано до или после момента речи, поскольку существенную роль может играть также точка референции, относительно которой соотносится событие. Следовательно, временная семантика предстаёт как более сложная структура, чем линейное соотнесение события с моментом речи [164, с. 287–298].

На этом теоретическом фоне будущее время в простейшем виде может быть определено как размещение события после момента речи. Однако, в отличие от прошедшего и настоящего, будущая ситуация ещё не реализована, что делает её семантически открытой и объясняет тесную связь будущего времени с модальностью. Будущее время представляет собой темпоральную категорию, которая во многих языках может включать прогноз, предположение или иную модальную оценку говорящего относительно события, следующего за моментом речи [118, с. 244–280]. В ряде контекстов говорящий не только локализует событие в будущем, но и выражает предположение о вероятности его реализации. Такое употребление можно охарактеризовать как пересечение будущей референции и эпистемической оценки.

Бернард Комри отмечает, что во многих языках будущее время не является исключительно темпоральной категорией, а соотносится с различными модальными значениями, в том числе со значениями желания, намерения, возможности и необходимости. По наблюдению исследователя, вследствие семантической неопределённости и функциональной гибкости будущего времени не следует ожидать формирования единой грамматической категории будущего во всех языках [120, с. 55–56]. Ф. Р. Палмер также подчёркивает, что обращение к будущему во многих случаях в той же степени связано с модальностью, что и с собственно временной референцией [161, с. 13]. Именно это различение особенно важно при рассмотрении статуса будущего времени, который в современной лингвистике остаётся дискуссионным.

Показательной в данном отношении является англоязычная традиция, где длительное время обсуждался вопрос о том, следует ли трактовать форму «will» как показатель будущего времени или как носитель модального значения. Рафаэль Солки, анализируя функционирование «will», показывает, что данная форма не сводится исключительно к модальности и может рассматриваться как средство выражения будущей временной референции. Вместе с тем исследователь подчёркивает, что в реальном употреблении будущее время во многих языках тесно взаимодействует с модальными, интенциональными и предположительными

значениями. Следовательно, интерпретация будущего времени в значительной степени зависит от того, какие теоретические критерии принимаются в качестве исходных — сугубо темпоральные или более широкие семантико–прагматические [167, с. 187–215].

Такой подход закономерно выводит исследование к проблеме модальности. Ян Нюйтс рассматривает модальность как сферу, связанную с оценкой говорящим содержания высказывания, прежде всего с точки зрения степени достоверности, вероятности и обоснованности пропозиции. В рамках этой концепции эпистемическая модальность отражает не только формальные свойства высказывания, но и когнитивно–прагматическую позицию говорящего по отношению к сообщаемому. В этом отношении она особенно значима для анализа будущей референции, поскольку высказывания о будущем нередко включают не только указание на последующее во времени событие, но и элемент прогноза, предположения или оценки вероятности его осуществления. Следовательно, связь будущего времени с эпистемической модальностью следует рассматривать как закономерное проявление его семантической неоднородности и функциональной гибкости [159, с. 21–41].

В отличие от эпистемической модальности, деонтическая модальность связана не столько с указанием на будущее событие, сколько с выражением нормативной оценки действия — обязанности, необходимости, дозволения или запрета. В этом случае в центре внимания оказывается не временная локализация ситуации, а предписание относительно того, что должно быть выполнено, что допустимо и что исключается как недопустимое. Иными словами, деонтическая интерпретация ориентирована прежде всего на регулятивный аспект высказывания, а не на собственно темпоральную характеристику события [115, с. 77]. Такое разграничение особенно важно для анализа будущей референции: в одних случаях формы будущего времени выражают высокую степень уверенности говорящего в реализации события, а в других передают лишь предположение, прогноз или вероятностную оценку. Поэтому семантика будущего времени не является однородной и варьируется в зависимости от того, в какой мере в

высказывании актуализируется собственно временное значение или модальная перспектива [139, с. 218–219].

В. А. Плунгян рассматривает морфологию как уровень, связанный не только с формальным строением слова, но и с грамматической семантикой, то есть классификацией грамматических значений в языках мира [55, 12–17] Согласно подходу Яна ван дер Ауэры и Владимира А. Плунгяна, термин «модальность» следует относить к тем семантическим областям, в которых возможность и необходимость выступают как взаимосвязанные парадигматические варианты, образующие основу модальной системы [175, с. 79–124]. На этой основе в типологических исследованиях выделяются различные типы модальности. Для настоящего исследования особенно важна внутренняя по отношению к участнику ситуации модальность («participant-internal modality»). Она обозначает возможность или необходимость, обусловленную внутренними свойствами участника: возможность связана со способностями или умениями субъекта, тогда как необходимость отражает его внутренние потребности. Следовательно, данный тип модальности соотносится прежде всего с физическими, когнитивными или физиологическими характеристиками участника ситуации [6, с. 216].

Важным дополнением к указанным положениям является мысль Р. Якобсона о том, что общие значения грамматических категорий в естественном языке преобразуются в вариативные контекстуальные значения. Поэтому грамматическая форма не должна рассматриваться изолированно от коммуникативной ситуации [97, с. 315]. Для анализа футуральной референции это положение особенно существенно, поскольку значение будущего может формироваться не только специальной морфологией будущего времени, но и контекстом, прагматической установкой и вторичными грамматическими значениями. Кроме того, Якобсон показывает, что поэтическая функция языка способна выдвигать на первый план не только лексические, но и грамматические трансформации; показательным является случай обратной временной перспективы, при которой будущее представляется через формы, обычно связанные с прошедшим временем [97, с. 318].

Данный подход получает дополнительное подтверждение в исследованиях морфологических и неглагольных средств темпоральной репрезентации. Так, Г. Ф. Лутфуллина, И. В. Марзоева, Г. З. Гилязиева и соавторы рассматривают выражение временных отношений как многоуровневую систему, в которой значение времени формируется не только за счёт глагольной формы, но и за счёт неглагольных компонентов высказывания. В их интерпретации временные формы соотносятся с отношениями предшествования, одновременности и следования, тогда как неглагольные средства уточняют и конкретизируют временную организацию высказывания, ограничивая возможные способы локализации процесса. Тем самым морфологический анализ оказывается двунаправленным: с одной стороны, он исходит из значения временной формы предиката, с другой — учитывает неглагольные элементы, участвующие в построении целостной темпоральной структуры высказывания [39, с. 187–190].

В рамках настоящего исследования особую значимость приобретает проблема соотношения вида и аспекта в турецком, татарском и русском языках. Отсутствие в татарском и турецком языках морфологической категории вида, аналогичной русской видовой оппозиции, стало причиной ряда академических дискуссий [125, с. 1208]. В тюркологических исследованиях по этому вопросу сформировались два подхода. На первом этапе предпринимались попытки выявить грамматическую категорию вида; на втором этапе проводились исследования, обосновывающие отсутствие данной категории в тюркских языках. Со временем этот подход в татарском языке уступил место представлению о виде как об отдельной функционально–семантической структуре [148, с. 127].

Поскольку предикат является центральным компонентом предложения, при анализе временных и аспектуальных значений необходимо учитывать не только глагольную форму, но и те элементы высказывания, которые уточняют характер протекания действия [135, с. 399]. Согласно имеющимся исследованиям, слова и словосочетания, указывающие на длительность или повторяемость действия, функционируют как аспектуальные маркеры и участвуют в формировании аспектуального значения [110, с. 57, 68, 275–276]. В славянских языках

аспектуальные значения, как правило, выражаются непосредственно средствами глагола, тогда как в татарском языке существенную роль в их передаче играют неглагольные средства. Поскольку в тюркских языках отсутствует грамматическая категория вида в том виде, в каком она представлена в славянских языках, структура будущего времени в данном исследовании рассматривается не только на основе личных глагольных форм, но и с учётом неглагольных средств, словосочетаний и контекста [89, с. 292–295].

Выражение будущего времени в языках не сводится к простому обозначению постериорности, то есть события, следующего за моментом речи. Будущая референция часто включает модальные значения — прогноз, предположение, намерение, план или обязательство. Поэтому формы будущего времени пересекаются с эпистемической модальностью, связанной с вероятностью и уверенностью, а также с волитивной и интенциональной модальностью, выражающей намерение и план [120, с. 55–56; 118, с. 244–280; 175, с. 79–124]. С типологической точки зрения будущее время может выражаться несколькими способами: синтетически — при помощи аффиксов; аналитически — через вспомогательный глагол и основную глагольную форму; контекстуально — посредством употребления формы настоящего времени в значении будущего. Именно такие случаи позволяют выявить различие между реальным временем события и грамматической временной формой.

Джоан Байби и Эстен Даль, опираясь на типологические данные Эстена Даля (1985), показывают, что способы выражения будущего времени распределяются между перифрастической и связанной моделями относительно сбалансированно: 54 % (27/50) приходится на перифрастическое выражение, а 46 % (23/50) — на связанное, или аффиксальное, выражение будущего времени [117, с. 57]. Эти данные важны для настоящего исследования, поскольку позволяют рассматривать будущее время как область взаимодействия морфологических, аналитических и контекстуальных средств.

Особое значение имеет употребление формы настоящего времени в значении будущего, при котором грамматически настоящая форма обозначает будущую

ситуацию без специального маркирования будущего времени. Х. Руллман и соавторы определяют футуративные конструкции как структуры, выражающие отнесённость к будущему без специального грамматического показателя будущего времени. При этом они разграничивают простые футуративы (plain futurates) и прогрессивные футуративы (progressive futurates), показывая, что простые футуративы опираются на предпосылку заранее установленного плана, расписания или программы действия. В тех случаях, когда эксплицитная морфология будущего отсутствует, футуральная интерпретация выводится не столько из самой грамматической формы, сколько из актуального контекста, включающего информацию о плане, программе или расписании [165, с. 197–200].

Типологически выделяемые стратегии выражения будущего времени — синтетическая, аналитическая и контекстуально обусловленная — важны для описания будущей референции в разных языках. В русском языке выражение будущего времени тесно связано с категорией вида. Эстен Даль отмечает, что аналитическое, или перифрастическое, будущее возможно только с глаголами несовершенного вида, тогда как специального аффиксального спряжения будущего времени, за исключением формы глагола быть, в русском языке нет [122, с. 101]. Формы настоящего времени глаголов совершенного вида получают значение будущего. У глаголов несовершенного вида настоящее время выражает собственно настоящее, поэтому будущее значение передаётся аналитически — при помощи конструкции «вспомогательный глагол + инфинитив», например: буду писать. Как указывает Теренс Уэйд, формы совершенного вида в настоящем спряжении выражают будущее значение, тогда как будущее глаголов несовершенного вида строится аналитически [177, с. 307–308].

Данная особенность показывает, что в русском языке будущее время формируется во взаимодействии временной и видовой систем. В сопоставительном плане это особенно важно, поскольку в тюркских языках отсутствует грамматическая категория вида в славянском понимании. Поэтому значения завершённости, процессуальности или повторяемости будущего действия могут выражаться иными средствами, в том числе аспектуальными показателями,

аналитическими конструкциями, лексическими элементами и контекстом. Это соотносится с наблюдением Ахмета Бензера о том, что разграничение вида и способа действия, а также терминологическая неоднозначность аспектуальных категорий являются одной из центральных проблем сравнительного анализа языков [110, с. 158, 160].

Показательными в этом отношении являются романские языки. В современном французском языке, как отмечает А. Тристрам, наблюдается конкуренция между синтетической формой будущего, например *je chanterai* 'я буду петь', аналитической конструкцией *je vais chanter* 'я собираюсь петь' и употреблением формы настоящего времени в значении будущего, например *demain je chante* 'завтра я пою; завтра буду петь' [173, с. 25–49]. Сходная ситуация представлена в испанском языке: Рафаэль Ороско указывает, что будущая референция может выражаться морфологическим будущим, простым настоящим временем и аналитической конструкцией *ir a + инфинитив* 'собираться что-либо сделать' [160, с. 56]. Джесси Аарон также показывает, что синтетическое будущее в испанской разговорной речи может выполнять эпистемическую функцию, выражая вывод или предположение говорящего [100, с. 253–254].

Следовательно, при исследовании будущего времени в разноструктурных языках необходимо учитывать не только наличие или отсутствие специального показателя будущего, но и то, какими грамматическими средствами, в каких контекстуальных условиях и с какими модальными значениями формируется отнесённость к будущему. Такой подход позволяет рассматривать будущее время не как изолированную грамматическую категорию, а как комплексную область взаимодействия темпоральности, аспектуальности, модальности и дискурсивной организации высказывания.

1.1. Изучение категории будущего времени в русском языке

Вопрос выражения будущего времени занимает важное место в сравнительно–сопоставительных лингвистических исследованиях, поскольку способы обозначения будущих действий по–разному соотносятся с

грамматическими категориями времени и вида. В лингвистической традиции будущее время рассматривается как грамматическая категория, обозначающая действия, следующие за моментом речи [120, с. 43]. В русском языке данная функция реализуется как формами глаголов совершенного вида, так и аналитическими формами будущего времени несовершенного вида [58, с. 628–629; 43, с. 515; 65, с. 1–40]. Следовательно, при описании будущего времени в русском языке необходимо учитывать не только временную отнесенность действия, но и его видовую характеристику.

В современной лингвистике семантический анализ будущего времени опирается на два основных подхода. Первый подход связан с критерием «временной дистанции», который представлен в работах А. В. Исаченко и В. В. Виноградова [21, с. 444; 8, с. 466]. Согласно этому критерию, формы будущего времени несовершенного вида акцентируют внимание на временном промежутке между моментом речи и осуществлением действия. В формах совершенного вида данный промежуток, напротив, нейтрализуется, а само действие осмысляется как целостное событие. Такая интерпретация позволяет показать, что различие между формами будущего времени связано не только с хронологической перспективой, но и со способом представления действия говорящим.

Второй подход основывается на анализе видовых характеристик будущего времени. В исследованиях А. В. Бондарко и А. Тимберлейка формы будущего времени совершенного вида описываются как формы, выражающие результативные, единичные и целенаправленные действия, конкретные события с потенциальной возможностью повторения, а также действия, локализованные в определенном будущем временном отрезке [3, с. 89–94, 102–104; 170, с. 423]. Формы будущего времени несовершенного вида, напротив, связываются с привычными или повторяющимися действиями, с отсутствием указания на завершенность, а также с процессами, которые могут прерываться и затем возобновляться [3, с. 89–94, 102–104; 170, с. 423]. Таким образом, противопоставление совершенного и несовершенного вида в сфере будущего

времени проявляется не только в грамматической форме, но и в различиях семантической интерпретации будущего действия.

Семантическая оппозиция форм будущего времени в русском языке представляет собой сложную систему, в которой видовая форма глагола определяет временной фокус высказывания и способ представления последовательности взаимосвязанных событий. В русской грамматической системе категории вида и времени тесно связаны между собой и образуют важный компонент типологического описания языка. Поэтому анализ будущего времени в русском языке требует учета не только временной отнесенности действия, но и его модально–семантических характеристик.

Особое положение будущего времени проявляется в том, что оно, в отличие от прошедшего и настоящего времени, не связано с уже наблюдаемой или подтвержденной действительностью. Если прошедшее и настоящее время могут соотноситься с фактической реальностью, воспринимаемой или засвидетельствованной говорящим, то будущее время по своей природе связано с гипотетичностью и вероятностью. В этом контексте можно выделить два функциональных типа будущих высказываний: выражение намерения или волеизъявления говорящего и объективный прогноз, основанный на имеющихся фактических данных. Такое разграничение позволяет точнее описать не только грамматическое значение будущего времени, но и степень уверенности говорящего в реализации будущего действия [65, с. 1–40].

В рамках теории функциональной грамматики языковые единицы рассматриваются не изолированно, а как элементы более широкой функционально–семантической системы. Такой подход предполагает анализ грамматических форм во взаимодействии с лексическими, словообразовательными, синтаксическими и контекстуальными средствами, которые совместно участвуют в выражении определённого значения. Поэтому в центре внимания оказывается не только сама грамматическая форма, но и её функция в речи, а также её связь с другими средствами языка, объединёнными общей семантической задачей. Данная позиция позволяет рассматривать

грамматические категории как динамические образования, реализующиеся в конкретных речевых условиях [5, с. 21–22].

Высказывания, выражающие намерение, чаще всего исходят от первого лица и относятся к контролируемым действиям. Поэтому они характеризуются более высокой степенью вероятности осуществления. Например, в высказывании «С 2004 года мы попытаемся финансировать социальную сферу по–новому» проявляется четкое волеизъявление говорящего. В противоположность этому прогностические высказывания обычно связаны с процессами, которые не находятся под непосредственным контролем субъекта. Так, во фрагменте «Вскоре в городе, судя по всему, начнется…» реализация действия зависит от внешних условий, а не от прямого намерения говорящего.

Примечательно, что прогностические высказывания, построенные от первого лица, могут приобретать большую коммуникативную значимость. Данную ситуацию можно проиллюстрировать примером: «Мне кажется, скоро мы начнем праздновать Новый год и по календарю Гвинеи–Бисау». Здесь форма первого лица не только указывает на участие говорящего в предполагаемом действии, но и усиливает субъективную оценку вероятности будущего события.

В русской системе времени, как и в ряде других языков, настоящее время может использоваться для выражения будущего значения. В примерах «Соседи завтра уезжают на неделю» и «Поезд на Мюнхен отправляется со второго перрона в 22.30» настоящее время обозначает будущие действия, связанные с утвержденными планами, расписаниями или заранее установленными обстоятельствами [65, с. 1–40]. Кроме того, при выражении будущей референции формами настоящего времени важную роль играют временные наречия, например завтра, вскоре, скоро. Это свидетельствует о контекстуальной гибкости русской временной системы и о ее способности адаптировать грамматические формы к различным коммуникативным задачам.

Таким образом, синхронное описание будущего времени показывает, что данная категория функционирует как зона взаимодействия времени, вида и

модальности. После рассмотрения этих особенностей необходимо обратиться к историческому развитию средств выражения будущего времени в русском языке.

Эволюция темпорально–аспектуальной системы славянских языков, в частности сравнительное сопоставление средств выражения будущего времени в древневосточнославянском и современном русском языках, имеет важное значение для понимания процессов грамматикализации. Особый интерес представляет развитие перифрастических конструкций, в рамках которого конструкции типа «начну писать» в древневосточнославянском языке соотносятся с последующим становлением конструкции «буду писать» в современном русском языке.

Типологический подход позволяет рассматривать грамматические категории не как изолированные формы одного языка, а как сопоставимые функциональные модели, выявляемые на материале разноструктурных языков [121, с. 145–159]. Теоретическую основу такого анализа составляют типология времени и вида Эстена Даля, теория грамматикализации Джоан Байби и соавторов, типологический подход к славянским языкам Юрия Сергеевича Маслова, а также сравнительно–грамматические исследования славянских языков Александра Владимировича Исаченко [123, с. 309–328; 118, с. 24–42, 213].

В древневосточнославянском языке выражение будущего времени прототипически было связано с употреблением форм настоящего времени глаголов совершенного вида, которые могли выполнять футуральную [128, с. 145]. Для глаголов несовершенного вида важную роль играли аналитические конструкции типа «начну писать», служившие одним из основных средств выражения будущего значения [104, с. 9–45]. Это различие показывает, что уже на ранних этапах развития языка будущее значение формировалось во взаимодействии видовой семантики и способов временной референции.

В XIV–XVII веках происходит постепенная грамматикализация аналитических средств выражения будущего времени, в результате чего конструкция с «буду» закрепляется в системе современного русского языка. Вследствие этого формы настоящего времени глаголов совершенного вида, например «я напишу», устойчиво приобретают функцию маркирования будущего

времени. Такой процесс можно интерпретировать в рамках модели «auxiliary pathway», поскольку он демонстрирует превращение перифрастической конструкции в грамматическое средство выражения будущего значения [118, с. 112].

Таким образом, данные изменения отражают не только грамматикализацию перифрастических конструкций, но и кристаллизацию видовых оппозиций внутри временной системы. В более широком плане развитие форм будущего времени позволяет проследить, каким образом в славянских языках взаимодействуют категории времени, вида и модальности. Поэтому изучение эволюции будущего времени является важным аспектом анализа общей структуры русской глагольной системы.

Однако в современном языкознании не сложилось единого мнения относительно грамматического статуса непрошедших форм глаголов совершенного вида типа «напишу», а также аналитической конструкции будущего времени несовершенного вида типа «буду писать». Основная причина данной дискуссии заключается в тесном переплетении категорий вида и времени в русском языке. Поэтому формы будущего времени в русском языке не всегда могут быть однозначно описаны только с точки зрения временной отнесенности; для их анализа необходимо учитывать также видовую семантику и способ представления действия.

Александр Владимирович Исаченко указывает, что парадигмы спряжения непрошедших форм совершенного вида формально соотносятся с системой форм настоящего времени несовершенного вида, например «пишет» и «напишет» [24, с. 445]. Однако такая полифункциональность, при которой одна и та же формальная модель может быть связана с различными временными значениями, затрудняет однозначную темпоральную классификацию данных форм. Алан Тимберлейк обращает внимание на это расхождение между грамматической формой и семантической референцией: формально такие формы соотносятся с настоящим временем, тогда как семантически они направлены на будущее действие [170, с.

95]. В связи с этим при определении их грамматического статуса он предлагает учитывать прежде всего формальные критерии [170, с. 95].

Иной подход представлен в работах Ильи Борисовича Шатуновского, где подчеркивается концептуальная несовместимость настоящего времени с семантикой совершенного вида. С этой точки зрения формы типа «напишу» следует рассматривать как формы, выражающие будущее, в том числе ближайшее будущее значение [90, с. 195]. Близкая позиция прослеживается в исследованиях, где для уточнения данного противопоставления используются понятия аналитического будущего времени для глаголов несовершенного вида и синтетического будущего времени для глаголов совершенного вида [43, с. 521; 58, с. 625–627; 65, с. 1–40].

Компромиссный подход связан с использованием термина «настояще–будущее время». Александр Владимирович Бондарко и Виктор Владимирович Виноградов рассматривают соответствующие формы как особую зону пересечения настоящего и будущего значений [3, с. 61; 8, с. 466]. Виктор Владимирович Виноградов интерпретирует эти формы как отражение динамики действия, которое, соотносясь с настоящим моментом, одновременно направлено к завершенности в будущем [8, с. 466]. Такой подход позволяет сохранить связь формы с системой настоящего времени, но при этом учитывать ее футуральную семантику.

В современной литературе дискуссионным остается и статус аналитической формы будущего времени несовершенного вида типа «буду писать». Согласно типологическим данным, представленным Эстеном Далем и Вивекой Велупиллаи в WALS, грамматикализация конструкции со вспомогательным глаголом «быть» в русском языке не достигает такой степени, при которой временное противопоставление полностью выражалось бы флективным способом [124]. Это позволяет рассматривать русский язык как систему, занимающую промежуточное положение между синтетическими и аналитическими способами выражения будущего времени.

Таким образом, формы будущего времени в русском языке демонстрируют сложное взаимодействие грамматической формы, видового значения и временной референции. Синтетические формы типа «напишу» и аналитические конструкции типа «буду писать» не только различаются по способу образования, но и отражают разные этапы грамматикализации и разные способы представления будущего действия. Именно поэтому система русского будущего времени остается предметом дискуссии в исследованиях, посвященных грамматическому строю славянских языков.

В результате анализа представленных точек зрения в настоящей работе непрошедшие формы глаголов совершенного вида рассматриваются как формы будущего времени совершенного вида. Такое терминологическое решение основано, во–первых, на семантическом критерии, то есть на доминировании будущей референции, а во–вторых, на системном противопоставлении синтетического и аналитического способов выражения будущего времени в русском языке. В этом случае аналитическая форма типа «буду писать» определяется как форма будущего времени несовершенного вида, тогда как формы типа «напишу» рассматриваются как формы будущего времени совершенного вида. Такой подход позволяет сохранить терминологическую последовательность и обеспечить более четкое разграничение грамматических категорий в рамках видо-временных отношений.

После определения терминологической позиции необходимо перейти к семантической классификации будущего времени. Представляется, что в русском языке она основывается на противопоставлении двух функционально–семантических типов: «будущего намерения» и «будущего прогноза». Эта дихотомия имеет важное значение для понимания видо-временной системы русского языка, поскольку показывает, что формы будущего времени различаются не только по грамматическому оформлению, но и по степени контролируемости действия.

В категории «будущего намерения» на первый план выходит волеизъявление говорящего, связанное с выражением его желания, плана или намерения. Такая

семантика чаще всего реализуется в формах первого лица и относится к контролируемым действиям. В качестве характерного примера можно привести высказывание «На следующей неделе я напишу роман», где осуществление действия непосредственно зависит от намерения субъекта.

В свою очередь, категория «будущего прогноза» используется для обозначения предположений о будущем развитии событий. Она типична для неконтролируемых процессов и может сочетаться с различными личными формами. Например, в высказывании «Завтра температура опустится до нуля градусов» реализация действия определяется внешними факторами, а не волей субъекта. Следовательно, различие между намерением и прогнозом связано прежде всего с тем, контролирует ли субъект обозначаемое действие.

Несмотря на то что обе категории могут выражаться одними и теми же грамматическими средствами будущего времени, их семантическое различие выявляется благодаря контекстуальным маркерам, субъектной перспективе и характеру самого действия [65, с. 1–40]. Таким образом, противопоставление «будущего намерения» и «будущего прогноза» позволяет точнее описать внутреннюю семантическую структуру будущего времени в русском языке.

Основой уверенного владения русским языком и качественного перевода является правильное понимание функций будущего времени и их четкое разграничение. Это особенно важно в контексте языковых контактов русского, турецкого и татарского языков, поскольку при переводе между этими языками необходимо учитывать не только грамматическую форму, но и передаваемые ею смысловые оттенки. Следовательно, различие между «будущим намерения» и «будущим прогноза» должно рассматриваться как важный компонент обучения русскому языку как иностранному, а также подготовки переводчиков и исследователей.

В русском языке категория времени не ограничивается собственно темпоральным значением, а включает различные семантические и функциональные употребления [58, с. 627–628]. Это разнообразие особенно заметно в распределении функций между формами совершенного и

несовершенного вида. Поэтому при анализе будущего времени необходимо учитывать не только его грамматическое оформление, но и видовую семантику, контекст и модальные оттенки высказывания.

Особое значение имеют нефутуральные употребления форм будущего времени, поскольку они демонстрируют функциональную гибкость русской глагольной системы. В синтаксическом описании отмечается, что форма будущего времени, помимо основного временного значения, может иметь переносные употребления; кроме того, в конструкциях с субъективно–модальными средствами на первый план выходят значения предположения, допущения, неуверенности, предупреждения или угрозы [59, с. 102, 224, 226].

Футуральность в русском языке может передаваться не только собственно формами будущего времени, но и другими языковыми средствами: модальными конструкциями, инфинитивными формами, страдательными причастиями, а также причастными формами с будущей референцией [65, с. 1–40]. Кроме того, формы настоящего времени могут приобретать значение будущего, если они обозначают запланированные или темпорально близкие действия [88, с. 233–242]. Такие случаи подтверждают, что будущее значение в русском языке часто формируется не только грамматической формой, но и контекстом.

Важным является также разграничение близких по значению конструкций со вспомогательными элементами. В частности, различие между формами «стану» и «буду» связано с разными аспектами представления действия: в форме «стану» подчеркивается начинательная фаза, тогда как форма «буду» в большей степени связана с процессуальностью [67, с. 58–79]. С этой точки зрения система выражения будущего времени в русском языке представляет собой не единую формальную модель, а совокупность грамматических, видовых, модальных и контекстуальных средств.

Временные категории в русском языке, в частности прошедшее, настоящее и широкое настоящее, обладают различными семантическими свойствами. Прошедшее и настоящее время в своих типичных употреблениях могут быть соотнесены с уже произошедшими или наблюдаемыми событиями. Будущее время,

напротив, по своей природе связано с гипотетичностью, поскольку обозначает действия и состояния, которые еще не реализовались. В связи с этим истинностное значение будущего высказывания остается неопределенным до момента осуществления или неосуществления обозначенного действия.

Именно эта особенность будущего времени объясняет его тесную связь с модальностью. В современном русском языке формы будущего времени могут использоваться не только для обозначения последующего действия, но и для выражения намерения, предположения, сомнения, предупреждения или оценки говорящего. Так, в высказывании «Я напишу письмо» на первый план выходит намерение субъекта, тогда как в примере «Вряд ли он придет» выражается сомнение относительно реализации будущего действия. В предложении «Завтра будет дождь» будущее значение сочетается с прогнозом, основанным на предполагаемом развитии ситуации.

В этом отношении будущее время функционирует как особая зона взаимодействия темпоральности и модальности. Оно может передаваться не только собственно формами будущего времени, но и конструкциями, которые внешне связаны с временным значением, однако в конкретном контексте выражают более широкий спектр модально–семантических оттенков [65, с. 1–40]. В сопоставительной перспективе с турецким и татарским языками данная особенность особенно важна, поскольку при переводе необходимо учитывать не только грамматическую форму будущего времени, но и выражаемую ею степень уверенности, намеренности или предположительности.

Согласно исследованиям Юрия Сергеевича Маслова и Александра Владимировича Бондарко, противопоставление прошедшего, настоящего и будущего времени последовательно реализуется только в формах изъявительного наклонения [43, с. 215; 3, с. 89]. Это положение важно для анализа русского будущего времени, поскольку показывает, что временные значения в русском языке тесно связаны не только с грамматической категорией времени, но и с наклонением, видом и контекстом употребления.

Вопрос языковой специфики особенно значим при сопоставлении русского языка с другими языками. Анна Анатольевна Зализняк отмечает, что для определения специфичности того или иного слова или выражения необходимо учитывать не только наличие или отсутствие его прямого эквивалента в другом языке, но и то, сколькими различными способами оно может переводиться в разных контекстах. В качестве показательного примера рассматривается русская частица «же», которая обладает высокой степенью языковой специфичности и с трудом передается при переводе на английский и другие языки [22, с. 221–222]. Такой подход позволяет рассматривать перевод не как механическую замену одной формы другой, а как интерпретацию значения в конкретном контексте.

В этом же контексте Йохан ван дер Аувера и Владимир Александрович Плунгян указывают, что типичными маркерами возможности и вероятности в русском языке выступают глаголы «мочь» и «уметь», тогда как значение необходимости выражается конструкциями типа «нужно» и «требоваться» [175, с. 80–83]. Эти данные важны для анализа будущего времени, поскольку футуральность в русском языке нередко взаимодействует с модальными значениями возможности, необходимости, предположения или намерения.

При переводе форм будущего времени русского языка на турецкий язык данная языковая специфика проявляется особенно заметно. Например, аналитическая форма несовершенного вида «буду писать» не всегда может быть передана турецкой формой будущего времени «yazacağım» ('буду писать', 'напишу'). В зависимости от контекста она может переводиться как «yazıyor olacağım» ('буду писать', 'буду находиться в процессе письма'), если подчеркивается процессуальность действия, или как «yazmayı sürdüreceğim» ('буду продолжать писать'), если актуализируется значение продолжения действия. Таким образом, одна русская грамматическая форма может требовать разных переводческих решений в зависимости от ее семантической функции.

Особое место в системе выражения будущей референции занимают причастия и деепричастия. В грамматической системе русского языка причастия представлены формами настоящего и прошедшего времени, например

«читающий» и «читавший», однако специализированной формы будущего времени они не имеют. Отнесенность к будущему в таких случаях выражается опосредованно, например при помощи перифрастической конструкции «тот, кто будет читать», а также других контекстуальных средств. Аналогичное ограничение характерно и для деепричастий: поскольку они выражают временную последовательность, как в примере «встав, ушел», или одновременность, как в примере «читая, заснул», они не передают будущую перспективу непосредственно [65, с. 1–40].

Данный вывод позволяет перейти к рассмотрению будущей референции в системе наклонений. Повелительное наклонение в русском языке по своей семантической природе ориентировано на будущее, поскольку побуждение, приказ, просьба или совет предполагают реализацию действия после момента речи. В типологических исследованиях императивные конструкции рассматриваются как особая область грамматики, в которой грамматическая форма тесно связана с коммуникативной установкой говорящего, адресацией и побудительной семантикой [76, с. 5–12]. Однако, в отличие от некоторых языков, в русском императиве не сформировано грамматикализованное противопоставление ближайшего и отдаленного будущего. Следовательно, футуральность в императивных конструкциях выражается не специальными временными формами, а самой коммуникативной направленностью высказывания [65, с. 1–40].

Что касается сослагательного наклонения, то даже при наличии будущей временной отнесенности, как в примере «если бы он пришел завтра», оно не передает временные различия столь же четко, как формы изъявительного наклонения. Одна и та же конструкция может соотноситься с прошлым, настоящим или будущим в зависимости от контекста. Исключением являются некоторые модальные выражения, например «надо бы», в которых может возникать определенная временная оппозиция: «надо было бы» соотносится с прошлым, тогда как «надо бы» может относиться к настоящему или будущему [65, с. 1–40]. Это показывает, что в сфере сослагательного наклонения временное значение часто оказывается подчиненным модальной семантике.

Следовательно, будущая референция в русской глагольной системе распределена неравномерно и не всегда выражается прямыми временными показателями. Во многих случаях она реализуется опосредованно: через контекст, коммуникативную ситуацию, модальные конструкции или имплицитный смысл высказывания. Данное положение свидетельствует об асимметричном и дисперсном распределении будущей референции в глагольной парадигме русского языка.

1.2. Изучение категории будущего времени в турецком языке

С морфологической точки зрения будущее время представляет собой временную категорию, обозначающую события, которые еще не произошли, но ожидаются после момента речи. В грамматическом описании эта категория важна для характеристики действий, состояний и событий, относимых к будущему плану. При этом форма будущего времени не только указывает на временную перспективу события, но и может выражать намерение субъекта, ожидание, план или предположение относительно реализации действия.

Например, предложение «Завтра в этой деревне будет большое празднование» обозначает событие, которое должно произойти после момента речи. Однако его значение не ограничивается простой временной отнесенностью. В данном высказывании также присутствует ожидание будущего события, то есть говорящий представляет ситуацию как вероятную или заранее предполагаемую. Следовательно, будущее время в турецком языке, как и в русском, может сочетать темпоральное значение с модальными оттенками.

В исследовании «Понятие времени и его функционирование в турецком языке» Кериме Устунова подчеркивает необходимость двух основных факторов для корректного выражения действия. Первым фактором является субъект действия, вторым фактором является время действия. Согласно этому подходу, отсутствие четкого указания на субъект и время в предложении затрудняет понимание действия и может привести к смысловой неполноте высказывания [174, с. 188].

В этом контексте будущее время указывает не только на последующую реализацию действия, но и на его интерпретацию как ожидаемого, планируемого или потенциально осуществимого.

Кроме того, формы будущего времени могут включать различные модальные оттенки, такие как вероятность, уверенность, желание, просьба, безнадежность и предположение. Такая многофункциональность повышает значимость будущего времени в языковой коммуникации и показывает, что его анализ не может ограничиваться только морфологическим уровнем. Для дальнейшего анализа необходимо разграничить собственно хронологическое и грамматическое время. Реальное время обозначает хронологическое время, в котором события происходят во внеязыковой действительности. Глагольное время, в свою очередь, представляет собой грамматический способ выражения временной отнесенности действия в языке. Такое разграничение важно, поскольку реальное время и глагольное время не всегда полностью совпадают. Реальное время отражает объективную последовательность событий в действительности, тогда как глагольное время показывает, с помощью каких грамматических средств эти события представлены в высказывании. Например, в предложении «Завтра я пойду на встречу» форма 'пойду' выражает будущее значение, хотя само действие еще не произошло. В данном случае грамматическое время указывает на будущую отнесенность действия, а момент речи остается настоящим. Следовательно, временное значение формируется не только грамматической формой, но и соотношением между моментом речи, моментом события и контекстом высказывания [111, с. 13].

В исследовании отмечается, что реальное время связано с хронологическим, физическим временем, существующим вне грамматических категорий. Временная форма, напротив, выражает грамматические показатели времени, в частности прошедшее, настоящее и будущее время, а также может быть связана с модальными значениями. Благодаря гибкой структуре языка один и тот же временной отрезок может передаваться различными грамматическими средствами. Поэтому между реальным временем и глагольным временем могут возникать несоответствия [111, с. 13; 168, с. 420]. В турецком языке категория времени

занимает центральное место в грамматической организации высказывания и выражается прежде всего глагольными формами. При этом временная система не сводится к простой триаде настоящего, прошедшего и будущего времени, поскольку внутри прошедшего времени и в зоне настоящего значения представлены разные формы, связанные с достоверностью, косвенным свидетельством, актуальностью и повторяемостью действия.

В турецком языке временные категории выражаются с помощью временных суффиксов, указывающих на глагольное время. Эти формы уточняют значение высказывания и показывают, к какому временному плану относится действие. К основным формам относятся очевидное прошедшее время с показателем «DI» 'ди', неочевидное прошедшее время с показателем «mIş» 'миш', настоящее длительное время с показателем «yor» 'йор', настояще–будущее, или аористическое, время с показателем «r» 'р', а также будущее время с показателем «AcAk» ('аджак' / 'эджек').

Ферьял Яваш рассматривает настояще–будущее время не как обычный временной показатель, а как форму, относящуюся преимущественно к сфере аспектуальности и модальности, а не собственно времени. По её мнению, две основные функции аориста заключаются в маркировании волитивности и в характеристике типичного, нормального или внутренне присущего свойства субъекта [178, с. 41]. Это наблюдение показывает, что формы типа «giderim» не всегда выражают простое будущее время: во многих случаях они передают значение желания, готовности, привычного действия или общего свойства. Настояще–будущее время в турецком языке выражает регулярные, повторяющиеся и обобщённые действия, однако в зависимости от контекста может приобретать также потенциальное или футуральное значение. Так, в предложении «Her gün okula giderim» ‘Каждый день я хожу в школу’ форма «giderim» (‘хожу’) обозначает привычное, регулярно повторяющееся действие. Вместе с тем данная модель способна передавать и значение будущего действия. В описании П. И. Кузнецова форма на «–(y) AcAk» определяется как будущее категорическое время, включая её отрицательные и вопросительные формы, а также книжно–официальное употребление с факультативным показателем «–DIr» [31, с. 210–211]. Форма на «–

Ir», напротив, характеризуется двойным функциональным потенциалом: она выражает как привычно–обобщённые значения, так и будущие действия без обязательной связи с конкретными условиями момента речи [31, с. 233–236]. Настоящее время, соответствующее турецкому «Şimdiki zaman» (‘настоящее время’), используется для обозначения действия, происходящего в момент речи или продолжающегося в данный период. Так, в предложении «Şu anda yazıyorum» 'Сейчас я пишу' форма «yazıyorum» 'я пишу' показывает актуальность действия в момент речи. В отличие от настояще–будущего времени, которое часто связано с регулярностью или обобщенностью, настоящее время непосредственно соотносится с текущим моментом или актуальным процессом. Прошедшее время в турецком языке представлено двумя основными формами. Форма с показателем «DI» 'ди', то есть очевидное прошедшее время, выражает действие, которое говорящий воспринимает как достоверное или непосредственно засвидетельствованное. Например, в предложении «Kitabı okudum.» 'Я прочитал книгу' говорящий сообщает о действии как о достоверном факте. Форма с показателем «mIş» 'миш', то есть неочевидное прошедшее время, может указывать на косвенно полученную информацию, вывод или отсутствие непосредственного свидетельства. Например, в предложении «Kitabı okumuş.» 'Оказывается, он прочитал книгу' говорящий не обязательно является непосредственным свидетелем действия, а передает его как сообщенный или косвенно установленный факт.

Будущее время, соответствующее турецкому «Gelecek zaman», обозначает действие, относимое к периоду после момента речи. Искендер отмечает, что, несмотря на традиционное понимание формы «–(y) AcAk» в турецком языке как показателя будущего времени, её распределение и интерпретационные особенности не могут быть объяснены только в рамках категории времени. Для её описания необходимо учитывать также аспектуальные, модальные и полифункциональные характеристики данной формы [144, с. 149–150]. Например, в предложении «Yarın derse gireceğim.» 'Завтра я пойду на занятие' форма «gireceğim» («я пойду», «я войду») выражает ожидаемое будущее действие. При этом будущее время в турецком языке может указывать не только на календарную

будущность, но и на намерение, план или предположение говорящего относительно реализации действия. В анализе Ферьял Яваш форма «–(y) AcAk» рассматривается как более нейтральный показатель будущего времени по сравнению с аористом, тогда как аорист может выражать волитивность говорящего, его намерение, готовность к действию, а также модальную установку, связанную с предложением или просьбой [178, с. 47–48]. Поэтому при анализе футуральной референции в турецком языке форму «–AcAk» следует рассматривать как центральное средство морфологического выражения будущего времени, а форму «–Ar» — как показатель, находящийся на границе контекстуально обусловленной модально–футуральной зоны. А. Н. Кононов указывает, что настоящее–будущее время на «–Ar» в турецком языке выражает действие, совершающееся обычно, постоянно или в силу естественного свойства субъекта; при этом такое действие благодаря своему обычному или «естественному» характеру может быть отнесено и к будущему. Для анализа футуральной референции это важно, поскольку форма «–Ar» не является прямым эквивалентом категорического будущего времени, а получает будущее значение при поддержке контекста и временных указателей [29, с. 268].

Исследование Т. Акала важно для описания турецкой футуральности, поскольку показывает, что будущая референция в турецком языке не ограничивается формой будущего времени на «–(y) AcAk». Аорист и форма на «–(I) yor» также могут получать футуративную интерпретацию, то есть обозначать будущее действие без специального будущего маркера. При этом прогрессивные футуративы в турецком языке, по наблюдению автора, особенно тесно связаны с планом, расписанием и заранее намеченной ситуацией, что отличает турецкую модель от английской [101, с. 110–123].

Следовательно, временные показатели в турецком языке позволяют соотнести действие с временной осью и определить его отношение к моменту речи. Вместе с тем они не ограничиваются только выражением хронологического времени, поскольку в зависимости от контекста могут передавать модальные и аспектуальные оттенки. Поэтому при анализе турецкой системы времени

необходимо учитывать не только морфологическую форму глагола, но и контекст, коммуникативную ситуацию и семантическую функцию высказывания.

После описания собственно временных форм необходимо рассмотреть наклонение как фактор, влияющий на временную интерпретацию действия. Изъявительное и сослагательное наклонения играют важную роль в выражении временной отнесенности действия. Однако временное значение в языке определяется не только формой глагола. Для его уточнения важны также контекст, временные наречия, реальное время и грамматическая временная форма. Особенно наглядно различие между реальным временем и грамматической временной формой проявляется в художественных текстах.

В литературных произведениях временная организация может изменяться в зависимости от авторского замысла и способа представления событий. Например, в романе Орхана Памука «Kar» ('Снег') сюжет разворачивается в 1990–е годы, тогда как сам роман был написан в 2000–е годы. В данном случае время создания произведения и время изображаемых событий не совпадают. Следовательно, при анализе художественного текста необходимо различать «реальное время», «сюжетное время» и грамматические формы времени, используемые в повествовании. В этом контексте значение будущего времени также не всегда совпадает с его системным употреблением в изъявительном наклонении. В художественном или контекстуально осложненном высказывании форма будущего времени может выражать не только действие после момента речи, но и ожидание, намерение, предположение или авторскую перспективу. Поэтому для описания будущего времени важны не только временные категории, но и наклонение, временные наречия, контекст, реальное время и грамматическая форма.

Помимо личных глагольных форм и наклонений, в выражении временных значений участвуют также неличные формы глагола, прежде всего причастные формы. Эти формы образуются от глагольной основы и могут выполнять в предложении функцию определения. Благодаря этому они передают не только признак предмета, но и информацию о действии, его временной отнесенности и способе протекания.

Причастные формы в турецком языке могут содержать указание на время и вид действия. Например, формы с показателями «dığı» ('дыгы'), «diği» ('диги'), «acağı» ('аджагы'), «eceği» ('эджеги') могут участвовать в выражении прошедшей, настоящей или будущей отнесенности в зависимости от контекста. Такие формы не только связывают действие с определенным временным планом, но и помогают уточнить, как это действие воспринимается внутри предложения. Таким образом, категория времени в турецком языке представляет собой многомерную систему, в которой морфологические формы, наклонения, временные наречия, контекст и неличные формы глагола взаимодействуют между собой.

Причастные и другие неличные формы глагола играют важную роль в выражении временных и аспектуальных значений, поскольку они позволяют передавать дополнительные смысловые оттенки действия [174, с. 170–180].

Лингвистическое выражение времени рассматривается в двух основных аспектах: как реальное время и как грамматическая временная форма. Реальное время обозначает время, в котором события происходят во внеязыковой, физической действительности, тогда как грамматическая временная форма показывает, каким образом эти события выражаются средствами языка. Глагольные формы связывают эти два уровня и тем самым создают более сложную систему временной организации высказывания. Таким образом, связь между временем и модальностью в турецком языке позволяет рассматривать не только грамматическую структуру действия, но и его семантическую интерпретацию [102, с. 145].

Турецкий язык сохранил лишь некоторые элементы категорий возможности, способности и бенефактивности, то есть значения действия, совершаемого в пользу другого лица; в древнетюркском языке эти элементы входили в более развитую модальную систему. Другие элементы этой системы были утрачены или подверглись семантическому преобразованию. В результате современный турецкий язык характеризуется морфологически более простой, но семантически более абстрактной модальной структурой. Это показывает, что развитие

модальности связано не только с сохранением или утратой отдельных форм, но и с изменением способов выражения отношения говорящего к действию.

Переход от времени к модальности принципиален для анализа турецкой футуральности, поскольку будущая референция часто включает оценку вероятности, намерения или необходимости. Поэтому понятие модальности занимает важное место в описании грамматической и семантической структуры языка. Модальность выражает отношение говорящего к сообщаемому действию, его оценку, степень уверенности, необходимость, возможность или желательность. Хейко Наррог обращает внимание на трудности точного лингвистического определения модальности и приводит высказывание японского исследователя Кудо, согласно которому модальность представляет собой «свалку грамматических категорий» [158, с. 152–166]. Эта характеристика подчеркивает сложность модальности как категории, поскольку через нее нередко объясняются различные грамматические и семантические явления.

Зейнеп Эрк Эмексиз определяет модальность как кодирование значения с точки зрения истинности, вероятности или необходимости. В этом понимании модальность является семантической категорией, которая охватывает не только сказуемое, но и все предложение, отражая точку зрения говорящего [131, с. 57]. Следовательно, модальность связана не только с формой глагола, но и с общей смысловой организацией высказывания. Она показывает, как говорящий оценивает действие, считает ли он его возможным, необходимым, желательным или вероятным.

В основе модальности лежат намерение, оценка и коммуникативная позиция говорящего. Несрин Гюнай, рассматривая деонтическую модальность, указывает, что она связана со значениями необходимости, разрешения, приказа и просьбы [141, с. 532]. Например, предложение «Bu formu doldurmalısın» 'Ты должен заполнить эту форму' выражает необходимость выполнения действия и показывает, что говорящий задает определенное обязательство по отношению к адресату. В таком случае модальность не только характеризует действие, но и отражает отношения между говорящим, адресатом и ситуацией.

Джанер Керимоглу отмечает, что динамическая модальность связана со способностью субъекта совершить действие, а также имеет тесную связь с деонтической модальностью [152, с. 118].

В рамках динамической модальности акцент делается на возможности выполнения действия самим субъектом. Такая возможность может быть связана с физической способностью, внутренним потенциалом или условиями, позволяющими действию реализоваться. Поэтому динамическая модальность также может косвенно указывать на временную перспективу действия, поскольку потенциальное действие часто соотносится с будущей реализацией.

Таким образом, модальность в турецком языке тесно связана с категорией времени, поскольку она помогает уточнить не только временную отнесенность действия, но и отношение говорящего к его реализации. В этом смысле временные формы и модальные значения образуют единую систему, в которой действие рассматривается с точки зрения времени, возможности, необходимости, намерения и вероятности.

В турецком языкознании наклонения обычно рассматриваются как грамматические формы, выражающие способ представления действия и отношение говорящего к нему. В этом отношении важным является разграничение форм изъявительного наклонения и форм желательного, или проектируемого, наклонения. Формы изъявительного наклонения, как правило, непосредственно связаны с временной отнесенностью действия, тогда как формы желательного наклонения чаще выражают условие, желание, необходимость, приказ, просьбу или вероятность.

К формам изъявительного наклонения в турецком языке относятся очевидное прошедшее время с показателем «di» ('ди'), неочевидное прошедшее время с показателем «miş» 'миш', настояще–будущее время с показателем «r» ('р'), настоящее длительное время с показателем «yor» 'йор' и будущее время с показателем «ecek» ('эджек') или «acak» ('аджак'). Эти формы указывают на то, в каком временном плане представлено действие, и поэтому обычно рассматриваются как формы, несущие временную информацию.

Формы желательного наклонения, напротив, не всегда прямо указывают на время действия. К ним относятся условная форма с показателем «sa» ('ca'), форма необходимости с показателем «meli» ('мели') или «malı» ('малы'), желательная форма с показателем «e» или «a» а также повелительное наклонение. Эти формы прежде всего выражают не хронологическую отнесенность действия, а его желательность, необходимость, условность, побудительность или потенциальность. Поэтому их связь со временем чаще всего является косвенной и уточняется контекстом.

Зейнеп Коркмаз указывает, что формы желательного наклонения сосредоточены не столько на выражении времени, сколько на возможности, желании или условии выполнения действия [154, с. 103]. Например, в предложении «Gelebilirsem gelirim» 'Если смогу, приду' условная форма с показателем «sa» 'ca' указывает не на точное время действия, а на условие его возможной реализации.

Следовательно, временное значение в подобных конструкциях формируется не только грамматической формой, но и контекстом высказывания.

Зейнеп Коркмаз также определяет наклонение как грамматическую форму, показывающую, каким образом действие, выраженное глагольной основой, отражается с точки зрения говорящего, слушателя или третьих лиц [154, с. 103]. В этом подходе наклонение рассматривается не только как формальная грамматическая категория, но и как средство выражения коммуникативной позиции говорящего. Поэтому разграничение изъявительных и желательных форм важно для понимания того, как в турецком языке взаимодействуют время, модальность и контекст.

В исследованиях Мухаррема Эргина, Мустафы Озкана, Хайдара Эдискуна и Догана Аксана также подчеркивается различие между формами, несущими временную информацию, и формами, выражающими модальные значения. Согласно этой точке зрения, формы изъявительного наклонения прямо связаны с выражением времени, тогда как формы желательного наклонения не выражают время непосредственно [135, с. 289]. Однако это не означает, что желательные формы полностью лишены временной интерпретации. Их временная отнесенность

может возникать через контекст, лексические показатели и коммуникативную ситуацию.

Среди исследователей турецкого языка существуют различные подходы к соотношению времени и наклонения. Кериме Устунова отмечает, что одни исследователи рассматривают время и наклонение как разные грамматические категории, тогда как другие считают, что эти категории пересекаются. В этом контексте обычно признается, что формы изъявительного наклонения более четко передают временное значение, в то время как формы желательного наклонения вызывают дискуссии, поскольку они не указывают на время напрямую [174, с. 80–100].

Эти дискуссии показывают, что временные суффиксы в турецком языке обладают многослойной семантической структурой. Понятие времени связано не только с грамматическими показателями, но и с тем, как эти показатели интерпретируются в конкретном высказывании. Особенно важным является вопрос о том, могут ли условная форма, форма необходимости и желательная форма передавать значение будущего времени. Такие формы не выражают будущее время как самостоятельную временную категорию, однако в определенных контекстах могут указывать на действие, ожидаемое или предполагаемое после момента речи.

Таким образом, проблема соотношения времени и наклонения в турецком языке остается одной из важных тем грамматического анализа. Формы изъявительного наклонения преимущественно выполняют временную функцию, тогда как формы желательного наклонения выражают модальные значения и лишь косвенно соотносятся с временной перспективой. Это позволяет рассматривать турецкую систему времени и наклонения как функционально связанную область, в которой грамматическая форма, контекст и семантика действия взаимодействуют между собой.

Тахсин Бангуоглу в труде «Грамматика турецкого языка» указывает, что формы желательного наклонения могут соотноситься с будущей временной перспективой, тогда как повелительное наклонение в определенных контекстах

может быть связано с моментом речи [108, с. 440–456]. Это различие особенно важно для понимания смысловых слоев турецких глагольных форм, поскольку в таких случаях временное значение определяется не только суффиксом, но и контекстом, коммуникативной ситуацией и модальной направленностью высказывания. Т. Бангуоглу рассматривает временные и модальные формы турецкого глагола в связи с системой глагольного спряжения. Формы типа «uyuyorum» (‘я сплю / я сейчас сплю’) и «geleceksin» (‘ты придёшь’) выражают соответственно значение настоящего длительного и будущего времени: в первой форме значение настоящего времени передается показателем «–yor», во второй — показателем будущего времени «–ecek» / «–acak».

В отличие от них, формы типа «uyusam» (‘если бы я поспал / поспать бы мне’) и «gelmelisin» (‘ты должен прийти’) не всегда имеют самостоятельную и однозначную временную отнесенность, поскольку их интерпретация зависит от модального значения формы и от контекста высказывания. Поэтому временные наречия, например «bugün» (‘сегодня’) и «yarın» (‘завтра’), уточняют временную перспективу таких форм [108, с. 440–456].

Связь наклонений со временем является одной из дискуссионных тем в тюркологической литературе. К. Эраслан, анализируя структуру и функции отглагольных показателей «–sar» / «–ser», отмечает, что вопрос о наличии временного значения у условного наклонения долгое время обсуждался среди тюркологов. Одни исследователи считают, что условное наклонение может содержать временной компонент, тогда как другие отрицают наличие у него самостоятельного временного значения [132, с. 97]. Следовательно, проблема условного наклонения связана не только с его формальной структурой, но и с тем, как в конкретном контексте интерпретируется значение условия, возможности и будущей реализации действия.

Взаимосвязь между условным наклонением и временем занимает важное место в описании грамматической структуры турецкого языка. Бергамалы Кадри в труде «Мюйессирет уль Улюм» утверждает, что суффикс условного наклонения в турецком языке может выражать значение будущего времени [112, с. 10, 45]. Эта

точка зрения соотносится с подходами, согласно которым условное наклонение выражает не только условие, но и потенциальную возможность реализации действия после момента речи.

Таким образом, условная форма в турецком языке может рассматриваться как структура, находящаяся на пересечении условия, модальности и будущей временной перспективы. Среди лингвистов, предлагающих различные подходы к анализу соотношения времени и наклонения в турецком языке, важное место занимают Доган Аксан, Хайдар Эдискун и Мухаррем Эргин. Доган Аксан рассматривает, каким образом грамматические структуры турецкого языка участвуют в выражении времени и наклонения, и подчеркивает, что наклонения являются важными функциональными элементами, расширяющими смысловую структуру высказывания [106, с. 245].

Хайдар Эдискун, в свою очередь, подробно описывает способы выражения времени в турецком языке с помощью грамматических средств и рассматривает правила употребления наклонений [129, с. 174]. Работы этих исследователей имеют значение для понимания теоретических основ связи между временем и наклонением в турецком языке. Мухаррем Эргин в труде «Турецкая грамматика» также подробно рассматривает функции временных суффиксов и особенности их употребления. Особое внимание он уделяет роли наклонений в функционировании турецкой глагольной системы [135, с. 289]. Согласно данному подходу, временные суффиксы в турецком языке формируют не только временную отнесенность действия, но и дополнительные смысловые оттенки, связанные с отношением говорящего к сообщаемому. В частности, формы прошедшего времени играют важную роль в грамматической системе языка, поскольку они могут передавать не только факт совершения действия, но и степень достоверности, свидетельствования или косвенности информации.

Таким образом, категории времени и наклонения в турецком языке оказывают многослойное влияние на семантическую организацию высказывания. Исследователи, такие как Тахсин Бангуоглу и Кемаль Эраслан, подчеркивают значимость точного описания временных суффиксов и наклонений, поскольку их

употребление связано не только с выражением времени, но и с интерпретацией действия в конкретном контексте. Временные наречия, употребляемые вместе с формами наклонения, уточняют значение предложения и делают его временную перспективу более определенной. Синхронное описание турецкой системы времени и наклонения требует обращения к древнетюркскому материалу, поскольку часть современных значений имеет исторические предпосылки. Система времени и наклонения древнетюркского языка представляет собой многоуровневую структуру, включающую не только морфологические показатели, но и аналитические глагольные конструкции, а также таксисные формы, основанные на вспомогательных элементах. В этой системе представлены формы, которые уже не имеют прямого морфологического соответствия в турецком языке, однако их семантические следы могут наблюдаться в отдельных конструкциях современного языка.

В древнетюркском языке, особенно в буддийских уйгурских текстах, форма с показателем «yOk» ('йок') рассматривается как архаическая категория наглядного прошедшего. Ее значение связано с тем, что говорящий представляет событие живо и непосредственно, как будто оно только что произошло. Такая форма употребляется в контекстах, где важны прямое свидетельство, актуальность результата и высокая эпистемическая значимость высказывания. Например, в предложении «Башындаки кара сачымыз ушы бөлөки кыргыладыок ол» последствия прошлого события соотносятся с настоящим состоянием. В современном турецком языке данная форма не имеет прямого морфологического или функционального соответствия [134, с. 279–284]. В отличие от этого, категория ближайшего будущего, выражаемая показателем «gAlIr» ('галыр'), не относится к орхонскому периоду и получает развитие позднее, в буддийских уйгурских текстах. Примеры типа «я куруп ок атгалыр» передают действие, которое должно произойти в ближайшее время, то есть находится на границе реализации. В турецком языке эта система не представлена отдельным морфемным соответствием. Ее смысловой эквивалент выражается синтаксическими и лексико–грамматическими средствами, например конструкциями «birazdan geleceğim»

'скоро приду' или «gelmek üzere» 'вот–вот прийти' [134, с. 560]. В турецком языке послелог «üzere» образует устойчивые сочетания с именными и глагольными элементами и может выражать значение близости действия к реализации, например в конструкциях типа «gelmek üzere» (‘быть на грани осуществления действия’, ‘собираться сделать что–либо’) [172, s. 24–33].

Таксисная система древнетюркского языка, то есть система относительной временной отнесенности, не была напрямую перенесена в турецкий язык. Формы, образуемые при помощи «ärti» 'эрти' и «ärdi» 'эрди', соотносили действие не столько с моментом речи, сколько с другим действием или с иной временной точкой внутри высказывания. Так, форма с показателем «dAşı» ('дашы') в сочетании с «ärti» ('эрти') могла передавать значение будущего действия, рассматриваемого из перспективы прошлого, тогда как форма с показателем «gAy» ('гай') в сочетании с «ärdi» ('эрди') могла выражать как ожидание действия, так и его нереализованность. В современном турецком языке подобные значения передаются преимущественно аналитическими и синтаксическими средствами, например «gelecekti» 'должен был прийти', «olacaktı» 'должно было случиться', «yapıyor olacaktım» 'я бы делал' [134, с. 279–284].

Другой архаичной конструкцией, представляющей интерес для анализа времени и наклонения, является сочетание показателя «mIš» ('миш') со вспомогательной формой «ärgäy» ('эргэй'). Эта конструкция могла выполнять функцию будущего завершенного времени, то есть указывать на действие, которое будет завершено к определенному моменту в будущем. Например, в форме «törökä täginmiş ärgäylär» выражается значение «они достигнут и будут находиться в состоянии достигнувших». В современном турецком языке подобная функция передается уже не исторической морфологической формой, а аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом, например «Yapmış olacak» 'он сделает и будет находиться в состоянии сделавшего' [134, с. 560].

А. Б. Эрджиласун в грамматическом описании глагольной системы «Кутадгу билиг» выделяет три основные формы выражения будущего времени: «–ġa» / «–ge», «–ġay» / «–gey» и «–ġu» / «–gü» [133, с. 126–135]. Эти данные важны для

настоящего исследования, поскольку показывают, что уже в караханидском тюркском материале будущая референция могла выражаться несколькими морфологическими средствами, а не одной универсальной формой.

Кроме основных показателей будущего времени, А. Б. Эрджиласун отдельно рассматривает форму ближайшего будущего «–ġalır» / «–gelir» в языке «Кутадгу билиг» [133, с. 126–135]. Это наблюдение может быть использовано при описании дистантности, поскольку оно демонстрирует наличие специального морфологического средства, связанного с ближайшей будущей перспективой.

Многофункциональный аорист древнетюркского языка в повествовательном контексте мог выражать как вневременное значение, так и уверенность в отношении будущего события. В примере «maytri burxan... yarlıkayur» 'Будда Майтрейя... явит милость' аорист передает событие, которое мыслится как определенно осуществимое в будущем. В турецком языке данная функция сохраняется лишь частично. Ее можно наблюдать, например, в высказываниях, связанных с предсказаниями, пословицами, обобщениями или универсальными истинами. Так, предложение «Yarın hava açar» 'Завтра погода прояснится' может выражать не только предположение, но и уверенность говорящего в будущем развитии ситуации.

Таким образом, турецкий язык сохранил лишь ограниченную часть древнетюркской системы времени и наклонения. Одним из наиболее заметных сохранившихся элементов является историческое продолжение конструкции возможности «U bil» 'у бил', представленное в современном турецком языке формой «(y) Abil» 'йабил'. Напротив, такие категории, как наглядное прошедшее с показателем «yOk» 'йок', ближайшее будущее с показателем «gAlIr» 'галыр', таксисные ряды с формами «ärti» 'эрти' и «ärgäy» 'эргэй', а также будущее завершенное значение, выражавшееся сочетанием «mIš» 'миш' и «ärgäy» 'эргэй', в современном турецком языке не имеют прямого морфологического соответствия. Их функции в значительной степени перешли к лексическим, аналитическим и синтаксическим средствам [134, с. 279–284].

Тем не менее семантические следы этих исторических форм могут наблюдаться в современных конструкциях, выражающих результативность, ближайшую реализацию или нереализованное ожидание. Например, «Gelmiş olacak» («он, вероятно, уже пришел» / «он будет находиться в состоянии пришедшего»), «Gelmek üzere» 'вот–вот придет' и «Gelecekti ama olmadı» 'должен был прийти, но не пришел' можно рассматривать как прагматические отголоски более ранней системы. Эти конструкции показывают, что исторические формы могли исчезнуть как самостоятельные морфологические показатели, однако их семантические функции частично перераспределились между современными аналитическими и контекстуальными средствами [134, с. 279–284].

Подводя итог, следует отметить, что современная временная система турецкого языка Турции включает относительно ограниченное число основных форм. Единственным специальным морфологическим средством выражения календарного будущего является форма будущего времени с показателем «AcAk» ('аджак' / 'эджек'). Вместе с тем значение будущего времени может передаваться не только данной формой, но и формами настоящего времени, а также настояще–будущего, или аористического, времени. Параметр временной дистанции, то есть различие между ближайшим, средним и отдаленным будущим, не ограничивается только временными показателями. Он может уточняться с помощью форм наклонения, особенно условной формы с показателем «sA» ('са'), формы необходимости с показателем «mAlI» ('малы' / 'мели'), а также посредством модальных значений, таких как намерение, вероятность, предположение или ожидание. Важную роль играет и дискурсивный контекст, поскольку именно он позволяет определить, идет ли речь о запланированном, предполагаемом, вероятном или непосредственно ожидаемом действии. Некоторые архаичные формы, существовавшие в древнетюркском языке, не получили прямого продолжения в современном турецком языке.

В современном турецком языке эти значения, как правило, выражаются не отдельными древними морфологическими показателями, а лексическими, аналитическими и синтаксическими средствами. Поэтому правильнее говорить не

о полном исчезновении соответствующих значений, а о перераспределении их функций между другими средствами языка. Так, значение ближайшего будущего, близкое по смыслу к турецкому выражению «eli kulağında» 'вот–вот произойдет', может передаваться с помощью конструкций «gelmek üzere» 'вот–вот прийти' или «birazdan gelecek» 'скоро придет'. Значение будущей завершенности или результативности может выражаться аналитическими конструкциями типа «mIş olacak» 'миш оладжак', где показатель «mIş» 'миш' связан с результативностью или предшествованием, а форма «olacak» указывает на будущую перспективу. Например, конструкция «Gelmiş olacak» («он, вероятно, уже придет» / «он будет находиться в состоянии пришедшего») может выражать предположение о завершенности действия к определенному моменту в будущем.

Кроме того, положение будущего события на временной линии конкретизируется с помощью временных наречий и календарных выражений. К таким средствам относятся «yarın» 'завтра', «birazdan» ('скоро', «через некоторое время»), «yakında» («в ближайшее время», 'скоро') и «gelecek hafta» 'на следующей неделе'. Эти элементы позволяют уточнить степень близости или отдаленности будущего действия и тем самым компенсируют отсутствие специальных морфологических форм для разных типов будущего времени.

Несовпадение временных систем русского и турецкого языков приводит к тому, что при переводе с русского языка на турецкий одна и та же русская конструкция будущего времени нередко требует выбора между несколькими турецкими временными формами. Е. А. Оганова подчёркивает, что формы «–yor», «–Ar» и «–AcAk» в турецкой временной парадигме несут различную функциональную нагрузку [51, с. 190–191]. Это наблюдение важно для настоящего исследования, поскольку показывает, что будущая референция в турецком языке зависит не только от морфологического показателя будущего времени «–AcAk», но и от контекстуальных значений форм настоящего и широкого времени.

Таким образом, будущее время в турецком языке выражается не только специальной формой с показателем «AcAk» ('аджак' / 'эджек'), но и более широким комплексом грамматических, лексических, модальных и контекстуальных средств.

Это показывает, что категория будущего времени в турецком языке имеет не только морфологическую, но и функциональную и семантическую природу.

1.3. Изучение категории будущего времени в татарском языке

Грамматический строй татарского языка исторически формировался под влиянием нескольких взаимосвязанных факторов: древнетюркского языкового наследия, языковой традиции Золотой Орды и кыпчакского ареала, а также методологического воздействия арабской филологической школы. Основной словарный фонд, фонетические особенности и грамматическая система татарского языка демонстрируют преемственность, восходящую к древнетюркской эпохе [63, с. 45]. Поэтому исследование категории будущего времени в татарском языке необходимо начинать с более широкого исторического контекста, в котором формировалась тюркская глагольная система.

Древнейшую структурную основу временных и наклоненческих категорий современного татарского языка составляет глагольная система, отраженная в орхонских и енисейских письменных памятниках. К X–XI векам под влиянием карлукско–уйгурского литературного языка формируется новая письменная традиция, которая в условиях распространения ислама обогащается элементами арабского и персидского языков. С этого периода морфология тюркского глагола начинает описываться с использованием понятийного аппарата, заимствованного из арабской грамматической традиции [20, с. 139]. Это обстоятельство важно, поскольку описание времени и наклонения в татарском языке долгое время развивалось не только на основе собственно тюркских категорий, но и под влиянием внешней филологической модели.

Согласно данным большинства исследований, язык поволжских тюрков восходит к языковой традиции государства Золотой Орды, а также к литературному языку, использовавшемуся в мамлюкском Египте в XIII–XIV веках. Эта языковая традиция, обладающая рядом морфологических особенностей, отличающих ее от карлукско–уйгурской линии развития, имеет кыпчакскую основу [85, с. 419–420]. В связи с этим татарский литературный язык можно рассматривать как результат

взаимодействия древнетюркского наследия, кыпчакской основы и последующих книжных традиций.

Глагольная система татарского литературного языка имеет переходный характер: в ней сочетаются собственно тюркские грамматические элементы и категории, закрепившиеся под влиянием арабского языкознания. В частности, арабская грамматическая традиция, применявшаяся для описания переходности и непереходности, залога, служебных слов с модальными функциями и недостаточных глаголов, долгое время воздействовала на татарскую филологию. Это объясняется тем, что арабская модель описания грамматики использовалась как научный инструмент при систематизации тюркского языкового материала.

Взаимодействие тюркской и арабской филологических традиций особенно усилилось в IX–XI веках. Такие труды, как «Диван лугат ат–тюрк» Махмуда аль–Кашгари и «Китаб джавахир ан–нахв фи лугат ат–тюрк» 'Книга жемчужин синтаксиса в тюркской речи', сыграли важную роль в формировании научного описания тюркских грамматических структур, включая категории глагола, времени и наклонения [1, с. 38]. Следовательно, изучение будущего времени в татарском языке требует учета как внутреннего развития тюркской грамматики, так и внешней грамматической традиции.

В XV и XVI веках, в период расцвета Казанского ханства, в результате взаимодействия булгарских и кыпчакских диалектов сформировался общенародный татарский разговорный язык. Глагольная система нового татарского языка опиралась как на динамические элементы живой народной речи, так и на устойчивые нормы древней письменной традиции [85, с. 421]. Этот этап имеет особое значение для изучения будущего времени, поскольку именно в данный период усиливается связь между разговорными формами и книжной грамматической системой.

В XIX веке, с формированием основ современного татарского литературного языка, появляются первые систематические исследования в области глагольной морфологии. Труды Абдулгалляма Фейзханова «Татар теленә кыскача гыйльм сарыф» и Каюма Насыри «Әнмүзәҗ» являются важными работами,

обозначившими новый этап в изучении татарской грамматики с точки зрения категорий времени и наклонения [47, с. 47–50]. В этих исследованиях татарский глагол начинает рассматриваться не только как элемент традиционного описания, но и как самостоятельный объект грамматического анализа.

В XX веке татарская грамматическая наука получила новое развитие благодаря трудам Мирфатыха Закиевича Закиева в области синтаксиса и морфологии. В рамках академической грамматической традиции глагольные категории стали интерпретироваться с позиций современных лингвистических теорий [73, с. 129–133]. В отличие от более ранних классификаций времени, категория будущего времени стала рассматриваться не только с точки зрения формальных аффиксов, но и с учетом семантической градуальности, функциональной модальности и прагматических значений в дискурсе. Такой подход позволяет описывать будущее время как сложную функционально–семантическую категорию.

Важное место в изучении татарской грамматики занимает трехтомная академическая грамматика татарского языка, подготовленная под редакцией М. З. Закиева при участии ведущих татарских грамматистов, в том числе Ф. А. Ганиева и Д. Г. Тумашевой. В этом труде подробно раскрываются исторические корни татарской глагольной системы, влияние кыпчакской традиции и функциональное разнообразие форм будущего времени в современном татарском языке, особенно аналитических и синтетических конструкций [73, с. 129–133].

Ф. Ш. Нуриева, характеризуя научное наследие Д. М. Насилова, подчеркивает его вклад в изучение глагольных категорий тюркских языков: категория времени рассматривалась им не только в морфологическом плане, но и с точки зрения функционирования глагольных форм в текстах определенной исторической эпохи [50, с. 179–180]. Для настоящего исследования особенно значимо указание на то, что на материале тюркских языков Д. М. Насилов развивал концепцию семантического поля аспектуальности и разграничивал собственно видовые значения и значения способов глагольного действия [50, с. 180]. Исторические исследования показывают, что категория будущего времени в

татарском языке не может быть объяснена только через морфологические показатели. Ее описание требует комплексного подхода, учитывающего историческое развитие тюркских языков, влияние арабской грамматической традиции нахв ‘грамматическое учение, синтаксис’, а также методы современного лингвистического анализа. Материал И. Мегизера показывает, что в ранних грамматических описаниях тюркских языков граница между настоящим и будущим временем не всегда проводится последовательно: форма, отнесённая к настоящему времени, в ряде примеров получает футуральное значение [68, с. 186]. Кроме того, в грамматике Мегизера выделяются две формы будущего времени — «Futurum» ‘будущее время’ и «Futurum 2» ‘второе будущее’, что подтверждает раннюю фиксацию нескольких способов футуральной репрезентации [68, с. 187].

После описания историко–филологической основы необходимо перейти к собственно морфологическим показателям будущей референции. Форма будущего времени в древнетюркском языке характеризуется смысловыми оттенками, которые не могут быть объяснены исключительно морфологически. Разные точки отсчета, присущие тюркской глагольной системе, стали важной исторической основой для формирования категории будущего времени как в современном турецком языке, так и в татарском языке. В орхонский период, рассматриваемый как один из исходных этапов для общетюркской письменной традиции, значение будущего часто передавалось с помощью показателя «dAšI» ('дашы'). Формы с показателем «dAsI» ('дасы') рассматриваются как окказиональные образования, восходящие к причастиям с будущим значением. Этот показатель представлен в положительных формах, например «tedäši» 'он скажет' и «kälteši» 'он придет', а также в отрицательных формах, например «ölmäši» 'он не умрет' и «yetmäši» 'он не достигнет'. Однако в систему спряжения включалась прежде всего положительная форма, тогда как отрицательный эквивалент 'mAšI' функционировал как отдельная категория противопоставления.

Современная татарская форма будущего времени 'açaq' и 'äçäk' может рассматриваться как модель причастного происхождения, связанная с историческими причастными конструкциями. Татарские формы типа «bar–açaq–

mın» 'я пойду' и «kil–äçäk–señ» 'ты придешь' продолжают механизм «причастие плюс личный аффикс», восходящий к древнетюркской системе. Это является одной из характерных особенностей тюркских языков как агглютинативных языков, поскольку временное значение в них формируется путем последовательного присоединения грамматических показателей к глагольной основе.

Аффикс «gAy» ('гай'), появившийся в уйгурский период и со временем получивший более широкое распространение, считается одним из ранних примеров самостоятельного выражения будущего времени в древнетюркском языке. Его употребление преимущественно в позиции сказуемого, отсутствие функции субстантивации и возможность сочетания с личными аффиксами свидетельствуют о том, что данная форма уже функционировала как устойчивый показатель будущего времени. По происхождению аффикс «gAy» ('гай'), вероятно, связан с формой именного словообразовательного аффикса «gA» ('га'), тогда как конечный элемент «y» может рассматриваться как реликт архаического указательного местоимения. Данная конструкция имеет значение для понимания исторических основ формы будущего времени с показателем «AcAK» ('аджак' / 'эджек') в турецком языке. Это объясняется тем, что будущее значение в турецком языке также строится по модели «отглагольная основа плюс личный аффикс», например «bar–açaq–mın» ('барачакмын').

Еще одним историческим показателем будущего времени является 'gAlIr', встречающийся в древнеуйгурских и более поздних текстах. Эта форма, как правило, передает значение ближайшего будущего или действия, реализация которого ожидается в скором времени. В русском языке подобное значение может быть передано выражением «вот–вот произойдет». Данный показатель важен и для сопоставления с современными татарскими конструкциями, обозначающими ближайшее будущее, например «barıp toraçaq» 'будет продолжать идти / вот–вот пойдет' и «yazıp çıgaçaq» 'напишет и завершит действие'. В обоих случаях речь идет о действиях, которые еще не реализовались, но представляются как ожидаемые в ближайшей временной перспективе.

Конструкция с показателем 'sXk' в сочетании с посессивными показателями, редко встречающаяся в орхонских текстах, передает значение вынужденного, необходимого или почти неизбежного будущего. Она обозначает событие, реализация которого мыслится как обязательная или трудноотвратимая. По своей семантике эта конструкция близка к современным формам, выражающим неизбежность, например «öl–ecek–sin» 'ты умрешь', а также к татарским конструкциям будущего времени типа 'asɪ' и 'äse' в сочетании с личным аффиксом, например «bar–asɪñ» 'ты пойдешь' и «kil–äseñ» 'ты придешь'. Такие формы могут выражать не только будущую отнесенность, но и модальные значения необходимости, обязательства или намерения.

Кроме того, в древнетюркском языке некоторые модальные формы, в частности оптативная и волюнтативная парадигмы, не выражали будущего времени напрямую, однако были связаны с семантикой желания, воли, намерения или пожелания, направленных в будущее. К таким формам относятся показатели 'zUn' и '(A)yIn'. Современные турецкие формы типа «göreyim» 'увижу / пусть я увижу' и «barayım» 'пойду / пусть я пойду', а также татарская форма «barɪyım» 'пойду / пусть я пойду' продолжают данную историческую линию употребления показателя '(A)yIn'. Следовательно, связь между модальностью и будущей временной перспективой в тюркских языках формировалась не только через собственно временные аффиксы, но и через формы желания, намерения и волеизъявления.

Древнетюркский язык обладал не только развитой морфологической системой выражения будущего времени, но и аналитическими глагольными конструкциями, которые играли важную роль в формировании временных, видовых и модальных значений. Аналитическая глагольная конструкция в древнетюркском языке обычно строилась по модели, в которой за полнозначным основным глаголом следовал один или несколько вспомогательных глаголов. Такие конструкции участвовали в выражении времени, вида, таксиса, намерения, возможности, эпистемической оценки и направленности действия.

В данной системе основной глагол занимал начальную позицию, а последующие вспомогательные глаголы, такие как «är» ('эр'), «bol» ('бол'), «bar» ('бар'), «kal» ('кал'), «tur» ('тур'), «yorı» ('йоры'), «alk» ('алк'), «tükät» ('түкәт') и «id» ('ид'), выполняли частично грамматикализованные функции. С их помощью передавались значения продолжительности, повторяемости, завершенности, мгновенного перехода, постепенного развития действия, приближения к реализации и других аспектуально–модальных оттенков. Морфологическую основу таких аналитических конструкций составляли показатели «A» ('а'), «(X)p» ('ып' / 'ип') и «gAlI» ('гали').

В конструкциях с вспомогательными глаголами разные сочетания основного глагола и вспомогательного элемента приобретали специализированные значения. Так, конструкция с «U» ('у') и «tur» ('тур') выражала длительность, сочетание «U» ('у') и «bar» ('бар') передавало постепенное развитие или нарастание действия, а сочетание «gAlI» ('гали') и «tur» ('тур') обозначало приближающееся действие, то есть имминенс. Конструкция с «(X)p» ('ып' / 'ип') и «tükät» 'түкәт' указывала на завершенность, сочетание «U» ('у') и «är» ('эр') выражало продолжительность, а сочетание «(X)p» ('ып' / 'ип') и «är» 'эр' могло обозначать посттерминальное состояние. В свою очередь, конструкция с «gAlI» ('гали') и «kal» ('кал') передавала значение действия, которое едва не произошло.

Категория воли и намерения выражалась при помощи глаголов «ugra» ('угра') и «kör» ('кёр'), тогда как отрицание возможности уже на раннем этапе могло передаваться грамматикализованным глаголом «u» ('у'). Присоединение местоимения подлежащего, например «män» ('мэн'), к концу глагольной цепи показывает, что аналитическая конструкция в древнетюркском языке представляла собой не случайное сочетание элементов, а синтаксически целостную модель [134, с. 244–258].

Итак, будущее время в древнетюркском языке формировалось в рамках многослойной системы, где морфологические показатели сочетались с аналитическими глагольными конструкциями. К числу важных исторических форм относятся «dAšI» ('дашы'), «gAy» ('гай'), «gAlIr» ('галыр'), а также «sXk» ('сык') в

сочетании с посессивными показателями. Это разнообразие показывает, что категория будущего времени в тюркских языках развивалась не по одной линии, а через взаимодействие причастных, предикативных, личных и модальных элементов.

С точки зрения татарского языка особенно важно, что значение будущего времени могло формироваться через предикативизацию отглагольной именной формы и ее соединение с личными аффиксами. Такой механизм позволяет объяснить историческую связь между древнетюркскими формами будущей направленности и современными татарскими средствами выражения будущего времени. Следовательно, влияние древнетюркской системы на татарскую грамматику проявляется не только в отдельных аффиксах, но и в самом принципе соединения глагольной основы, временного показателя и личного элемента.

Исторический материал показывает, что будущая перспектива в татарском языке тесно связана с модальными значениями. Харисова и Гайнуллина рассматривают модальность в татарском языке как функционально–семантическую категорию, включающую объективные и субъективные значения, а также связь модальности с предикативностью. Для анализа будущего времени это важно, поскольку татарские футуральные формы следует оценивать не только как временные показатели, но и как средства выражения уверенности, предположительности и отношения говорящего к будущему действию [80, с. 75–79]. Казанско–татарский язык относится к современным тюркским языкам, в которых в значительной степени сохраняются аналитические модальные конструкции, восходящие к древнетюркской системе. С этой точки зрения структура модальности представляет собой один из важных аспектов изучения будущего времени. Категория возможности в татарском языке демонстрирует функциональную близость к древнетюркским моделям, что особенно важно для историко–морфологического анализа. Поэтому татарский язык можно рассматривать как одну из систем, в которых связь между модальностью и будущей временной перспективой сохраняет заметную историческую преемственность.

В древнетюркском языке категория возможности первоначально выражалась конструкциями с «u» ('у'), затем с «U bil» ('у бил'), а в отдельных случаях с «U bol» ('у бол') и «gAlI bol» ('гали бол'). В татарском языке прямые формальные соответствия этим древним конструкциям отсутствуют, однако их функциональная направленность в значительной степени сохраняется. Модальность возможности в татарском языке образуется с помощью вспомогательных глаголов «A al» ('а ал') и «A bel» ('а бел'), например «күрә алам» 'могу видеть' и «яза алмыйм» 'не могу писать'. Это показывает, что в татарском языке древняя модель выражения возможности не столько сохраняется в прежнем морфологическом виде, сколько продолжает функционировать на уровне аналитической глагольной конструкции [134, с. 258–262].

Язык сибирских татар, относящийся к кыпчакской группе тюркской языковой семьи, также демонстрирует значительную преемственность с древнетюркскими письменными источниками, в частности с орхонско–енисейской и уйгурской традициями. Эта преемственность проявляется как в морфологическом, так и в фонологическом плане. В данном контексте сопоставление казанско–татарского и сибирско–татарского материала позволяет более полно выявить исторические механизмы сохранения аналитических глагольных конструкций.

Татарский язык часто передает связь между модальностью и будущим временем с помощью аналитических конструкций. Категория возможности, выражаемая конструкциями типа «A al» ('а ал') и «A bel» ('а бел'), а также категория версии, представленная формами «(X)p bir» ('ып бир' / 'ип бир') и «(X)p al» ('ып ал' / 'ип ал'), могут рассматриваться как продолжение древнетюркских аналитических моделей. В этом отношении татарский язык является одним из показательных примеров исторической морфологической преемственности среди современных тюркских языков [134, с. 258–262].

Следовательно, татарский язык сохранил ряд структурных принципов древнетюркских аналитических глагольных конструкций и категорий времени и наклонения, основанных на вспомогательных глаголах. При этом архаичные

формы древнетюркского языка не всегда сохраняются в татарском в неизменном морфологическом виде, но продолжают существовать функционально. Это особенно важно для изучения будущего времени, поскольку будущая перспектива в татарском языке нередко выражается через сочетание временных, модальных и аналитических средств.

Форма с показателем 'gAlIr', развившаяся в древнеуйгурском языке как средство выражения ближайшего будущего, в татарском языке не имеет прямого формального соответствия. Однако значение ближайшего будущего в татарском языке может передаваться аналитическими конструкциями, отличающимися от собственно синтетических форм будущего времени. К таким конструкциям относятся, например, «barıp toraçaq» 'будет продолжать идти' и «yazıp çıgaçaq» 'напишет и выйдет', в которых сочетаются деепричастная форма и показатель будущего времени ('açaq'). Эти формы обозначают действия, которые ещё не реализовались, но представляются как ожидаемые или приближающиеся к осуществлению. Следовательно, современные татарские аналитические конструкции можно рассматривать как функциональные соответствия древнетюркским моделям, передававшим процессуальность и приближение действия к реализации.

В татарском языке важную роль играют также конструкции таксиса, то есть временной соотнесенности одного действия с другим. Древнетюркские ряды с формами «ärti» ('эрти') и «ärgäy» ('эргэй') не сохранились в татарском языке в неизменном виде. Тем не менее их функциональная логика частично продолжается в конструкциях типа «ası» ('асы') и «äse» ('әсе') в сочетании с личными аффиксами. Например, форма «barasıñ» 'ты пойдешь' состоит из основы «bar» 'идти', показателя причастия будущего времени «ası» и личного аффикса второго лица единственного числа «ñ». Такая конструкция может передавать как значение необходимости, например «ты должен пойти», так и значение определенного будущего, например «ты пойдешь». Поэтому данное употребление можно рассматривать как прагматическое продолжение старой системы таксиса, хотя в современном татарском языке оно реализуется уже в иной морфологической форме.

Историческая конструкция «mIš» ('миш') плюс «ärgäy» ('эргэй'), передававшая значение будущей завершенности, в татарском языке выражается другими средствами. Повторное обращение к этой модели важно, поскольку она показывает переход от древнетюркского аналитического способа выражения завершенности к современным татарским конструкциям результативного будущего [134, с. 262–285]. Современными функциональными соответствиями этой модели могут быть аналитические конструкции с деепричастными формами, например «yazıp betkäç bulaçaq» 'будет после того, как закончит писать' и «eşläp beteräçäk» 'полностью завершит работу'. Они передают значение действия, которое будет завершено к определенному моменту. Подобные конструкции в современном татарском языке можно соотнести с группой составных глагольных структур, выражающих завершенность и доведение действия до предела; в частности, конструкции с компонентами «bet–» 'заканчивать' и «beter–» 'завершать до конца' рассматриваются как средства выражения значения окончания и завершения действия [142, с. 125–140].

В современном татарском языке значение будущей завершенности может передаваться с помощью нескольких аналитических моделей. Одна из распространенных моделей образуется путем соединения исторического причастия прошедшего времени с показателями «ğan» ('ган') и «gän» ('гән') со вспомогательным глаголом «bul» 'быть' или «tor» 'стоять', 'находиться', после чего добавляется показатель будущего времени и личное окончание. Такая конструкция указывает на то, что действие или состояние будет завершено либо актуализировано к определенному моменту в будущем. Например, в форме «Kilgän bulaçak» 'будет находиться в состоянии пришедшего' вспомогательный глагол «bul» 'быть' связывает результат действия с будущей временной перспективой. В конструкции типа «uqığan toraçak» 'будет находиться в состоянии прочитавшего' вспомогательный глагол «tor» 'стоять', 'находиться' подчеркивает длительность состояния, возникшего после завершения действия [113, с. 292–294].

Другая модель строится с помощью деепричастного показателя «р» ('п') или «ıр» ('ып') и глаголов завершения, таких как «beter» ('бетер', 'закончить') или

«tämamlä» ('təмамлə', 'завершить'). При этом сказуемое получает форму будущего времени. Например, выражение «Kitapnı uqıp beterermen» 'Я дочитаю книгу до конца' передает не только завершенность действия в будущем, но и модальные оттенки контроля, намерения и уверенности говорящего. Следовательно, данная конструкция совмещает временное значение будущего с аспектуальным значением завершенности и прагматическим значением решимости [169, с. 415–417; 19, с. 180–185]. А. Д. Каксин рассматривает эвиденциальность в тюркских языках как особую функционально–семантическую систему, в которой значения достоверности, неочевидности и неожиданного обнаружения распределяются по разным языковым уровням [26, с. 23–28]. Для анализа татарского будущего времени это важно, поскольку футуральные формы могут выражать не только временную отнесённость действия, но и степень уверенности говорящего, предположительность или дистанцированность от сообщаемой информации [26, с. 23–28].

Наряду с аналитическими глагольными цепочками значение будущей результативности в татарском языке может уточняться простыми формами будущего времени в сочетании с обстоятельствами времени и указателями временной границы. В таких случаях завершенность действия не получает самостоятельного морфологического показателя, а определяется взаимодействием формы будущего времени, контекста и временного ориентира. Поэтому предложения типа «Saat biştä min öydä bulaçakmın» 'В пять часов я буду дома' передают не только будущую отнесенность, но и достижение определенного состояния к заданной временной точке [70, с. 116–119, 125–129]. Таким образом, значение будущей завершенности в татарском языке формируется не одним специальным морфологическим показателем, а совокупностью аналитических, аспектуальных и контекстуальных средств. Это показывает, что категория будущего времени в татарском языке тесно связана с результативностью, временной границей и модальной установкой говорящего.

Эта ситуация показывает, что в татарском языке усилилась роль аналитических конструкций, благодаря которым сохраняются значения

исторических грамматических категорий. Поэтому речь идет не о полном переходе от синтетического строя к аналитическому, а о перераспределении функций между морфологическими и аналитическими средствами [146, с. 48–50]. Такой подход позволяет точнее описать современное состояние татарского глагола, поскольку многие исторические значения продолжают выражаться не прежними формами, а новыми структурными средствами.

В этом отношении татарский язык, сохранивший ряд аналитических глагольных моделей древнетюркского происхождения, представляет собой важный материал для изучения исторической преемственности в тюркских языках. Он является не только современным представителем кыпчакской группы, но и языком, в котором заметно сохраняются функциональные следы древнетюркской системы. Это особенно проявляется в категориях возможности, версии, структуры действия, намерения, будущей временной перспективы, а также в развитии системы наклонения и времени [134, с. 262–285].

От исторической системы древнетюркских форм следует перейти к тому, как будущее время описывалось в татарской грамматической традиции. Трактовка глагола и, в особенности, категории будущего времени в татарских грамматиках конца XIX — начала XX века отражает своеобразную структуру, сформировавшуюся на пересечении арабской грамматической традиции, то есть «нахв» 'синтаксис', и тюркской морфологической системы. В грамматиках этого периода глагол, по аналогии с арабской филологией, часто объясняется через понятие «масдар» 'отглагольное имя'. Масдар рассматривается как основа спрягаемого глагола и источник временных и наклоненческих форм. Такой подход позволяет представить смысловые и формальные производные глагола как элементы, восходящие к единому грамматическому центру.

В рамках данной системы глагольные формы обычно соотносятся с тремя основными временными планами: прошедшим временем, называемым «мазый» 'прошедшее время', настоящим временем, называемым «хәл» 'настоящее время', и будущим временем, называемым «мозариг» 'будущее время'. Однако в грамматиках эти три временные категории раскрываются через более широкую

систему подкатегорий. Например, определенное прошедшее время образуется с помощью показателей «dı» ('ды'), «de» ('де'), «tı» ('ты') и «te» ('те'). Результативное прошедшее время строится с помощью показателей «ğan» ('ган'), «gän» ('гән'), «qan» ('кан') и «kän» ('кән') и выражает не только результат действия, но и степень осведомленности говорящего о нем.

Формы настоящего времени образуются с помощью показателей «a» ('а'), «ä» ('ә'), «ıy» ('ый') и «i» ('и'). Основными формами неопределенного будущего времени являются показатели «r» ('р'), «ar» ('ар'), «är» ('әр'), «ır» ('ыр') и «er» ('ер'). Эти формы могут употребляться как в значении общего настоящего, так и в значении будущего времени, например «yazar» 'он напишет', «beler» 'он узнает' и «eşlär» 'он сделает'. В таком употреблении будущее значение определяется не только морфологическим показателем, но и контекстом высказывания.

Во многих грамматиках, следующих классической традиции «нахв» 'синтаксис', дополнительно выделяются более конкретизированные формы будущего времени. К ним относятся определенное будущее время с показателями «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк'), например «yazaçaq» 'он напишет' и «beläçäk» 'он узнает'; обязательное или неизбежное будущее с показателями «asın» ('асы') и «äse» ('әсе'), например «yazasın» 'ему предстоит написать' и «beläse» 'ему предстоит узнать'; а также историческая желательно–будущая форма с показателями «gay» ('гай'), «gäy» ('гәй'), «qay» ('кай') и «käy» ('кәй'), например «yazgay» 'пусть он напишет / возможно, он напишет' и «belgäy» 'пусть он узнает / возможно, он узнает' [94, с. 95].

В результате, трехчастная система будущего времени, включающая определенное будущее, обязательное или неизбежное будущее и желательно–будущие формы, отражает историческую связь между будущей временной перспективой, необходимостью и намерением в татарском языке. Это показывает, что категория будущего времени в татарской грамматической традиции описывается не только как временная категория, но и как область взаимодействия времени, модальности и речевой установки говорящего.

Аналитические формы глагола играют важную роль в понимании категорий времени и наклонения в татарском языке. Помимо синтетических форм, в грамматиках XIX и XX веков выделяются несколько групп аналитических глаголов, которые участвуют в выражении аспектуальных, модальных и временных значений. К ним относятся глаголы быстрого действия, глаголы возможности и временные аналитические формы. Такое распределение показывает, что татарская глагольная система не ограничивается только аффиксальными средствами, а активно использует вспомогательные глаголы. Г. Ф. Лутфуллина показывает, что вспомогательные глаголы движения в разноструктурных языках участвуют в формировании аналитических конструкций, семантическое поле которых включает не только темпоральные, но и аспектуальные и модальные значения [35, с. 44–55]. Для настоящего исследования это важно, поскольку в татарском языке выражение будущей референции также может опираться не только на собственно временную форму, но и на аналитическую конструкцию и степень десемантизации вспомогательного компонента.

Глаголы быстрого действия образуются при помощи деепричастных показателей «ıp» ('ып'), «ep» ('еп'), «ap» ('ап') и «äp» ('әп'), после которых следует вспомогательный глагол «birmäk» 'бирмәк'. Например, форма «yazıp birdem» ('язып бирдем', 'я быстро написал' / 'я написал и передал') указывает на действие, выполненное быстро, целенаправленно или в пользу другого лица. В подобных конструкциях вспомогательный глагол уточняет не столько само время действия, сколько его способ, направленность и прагматический оттенок.

Глаголы возможности строятся по модели, в которой к основе глагола присоединяется показатель «a» или «ä» (' э'), а затем используется вспомогательный глагол «almaq» 'алмак'. Например, форма «yaza aldım» ('яза алдым', 'я смог написать') выражает возможность или способность субъекта выполнить действие. Такая конструкция важна для анализа будущего времени, поскольку возможность часто соотносится с потенциальной реализацией действия в будущем.

К временным аналитическим формам относятся конструкции, в которых основной глагол употребляется в форме результативного прошедшего или будущего времени и сочетается со вспомогательным глаголом «bulmaq» 'булмак'. Например, форма «yazğan buldım» ('язган булдым', 'я оказался написавшим') передает результативное значение, тогда как «yazası buldım» ('язасы булдым', 'я решил написать' / 'мне предстояло написать') может выражать намерение, необходимость или будущую направленность действия. В таких случаях аналитическая конструкция соединяет временное значение с модальными и аспектуальными оттенками.

Кроме того, повествовательные глагольные формы, обозначаемые термином «хикәя фигыле», образуются сочетанием основного глагола в различных временных формах со вспомогательным глаголом «иде». Например, форма «yazğan idem» ('язган идем', 'я написал', с оттенком давнопрошедшего значения) соотносит действие с прошлым результатом; форма «yaza idem» ('яза идем', 'я писал') выражает длительное или повторяющееся действие в прошлом; форма «yazar idem» ('язар идем', 'я обычно писал' / 'я написал бы') может передавать привычное действие в прошлом или условно–модальное значение; форма «yazası idem» ('язасы идем', 'мне нужно было написать') указывает на необходимость или предполагаемое действие, соотнесенное с прошлой временной точкой. Эти примеры показывают, что категория времени в татарском языке обладает не только морфологическими показателями, но и многоуровневой семантической системой, построенной на вспомогательных глаголах [134, с. 244–280].

Работы Каюма Насыри сыграли важную роль в систематизации данной грамматической модели. Каюм Насыри рассматривает глагол не только через спрягаемые формы, но и через причастные и другие неличные формы как самостоятельные грамматические элементы. Четыре основные формы деепричастий, а именно «ala» ('ала'), «alıp» ('алып'), «alğaç» ('алгач') и «alğança» ('алганча'), указывают на временные отношения между действиями. Такой подход позволяет рассматривать деепричастные формы как средство выражения

последовательности, предшествования, одновременности или предельности действия.

Каюм Насыри также описывает формы повелительного наклонения, например «al» ('ал', 'возьми'), «alıym» ('алыйм', 'пусть я возьму') и «alsın» ('алсын', 'пусть он возьмет'), а также формы условного наклонения в настоящем и прошедшем временном плане, например «yazsam» ('язсам', 'если я напишу') и «yazğan bulsam» ('язган булсам', 'если я написал бы' / 'если бы я оказался написавшим'). Желательное значение передается аналитическими конструкциями типа «yazar idem» ('язар идем', 'я написал бы'). Такой подход оказал влияние на последующее описание татарской глагольной системы, поскольку он позволил рассматривать время и наклонение не как изолированные категории, а как взаимосвязанные элементы единой аналитико–морфологической системы.

В татарских грамматиках подробно рассматриваются и причастные формы, связанные с будущей временной перспективой. Причастия будущего времени образуются с помощью показателей «ar» ('ар'), «är» ('әр'), «açaq» ('ачак'), «äçäk» ('әчәк'), «asın» ('асын'), «äse» ('әсе'), «maqçı» ('макчы') и «mäkçe» ('мәкче'). К таким формам относятся, например, «yazar» ('язар'), «yazaçaq» ('язачак'), «yazası» ('язасы') и «yazmaqçı» ('язмакчы'). Эти формы показывают, что морфология будущего времени в татарском языке сохраняет историческую преемственность и одновременно развивает собственные функциональные оттенки.

Деепричастные формы, связанные с будущей временной перспективой, образуются с помощью показателей «ğançı» ('ганчы') и «gänçe» ('гәнче'). Например, форма «yazğançı» ('язганчы', 'до того как написать') указывает на временную границу, предшествующую выполнению действия. В таких конструкциях будущее значение выражается не только через временную отнесенность, но и через отношение одного действия к другому. Поэтому деепричастные формы важны для описания причинных, целевых и предельных отношений в системе татарского глагола.

В грамматиках данного периода также обсуждаются типы действия, то есть способы протекания глагольного процесса. Каюм Насыри и Ахмадхади Максуди

выделяют два основных типа процесса: повторяющееся действие и незавершенное действие. Каюм Насыри также затрагивает категорию потенциального действия, выражаемую показателями «sımaq» ('сымак'), «semäk» ('семәк'), «sırmaq» ('сырмак') и «sermäk» ('сермәк'). Эти категории можно рассматривать как ранние попытки описания аспектуальных значений в тюркских языках.

Трактовка глагола и, в частности, категории будущего времени в татарских грамматиках XIX и XX веков раскрывает систему, в которой соединяются концептуальный аппарат арабской грамматической традиции и структурные особенности тюркской морфологии. Татарский язык, в отличие от арабского, обладает более разветвленной системой временных и наклоненческих форм. Поэтому грамматики данного периода можно рассматривать как переходный этап, заложивший основы современного описания татарской глагольной системы.

Неопределенные, определенные и обязательные формы будущего времени, разнообразие аналитических конструкций будущего, а также развитость систем условия и необходимости показывают, что будущее время в татарском языке функционирует не только как грамматическое время. Оно также связано с модальными, прагматическими и дискурсивными значениями [61, с. 80–145]. Такой подход позволяет рассматривать будущее время как сложную функционально–семантическую категорию, в которой временная перспектива соединяется с намерением, обязательством, вероятностью и речевой установкой говорящего.

Для сопоставительного анализа особенно важны причастные конструкции, поскольку именно они связывают морфологию будущего времени с именной синтаксической позицией. Причастные конструкции, выражающие будущее время в татарском и турецком языках, имеют общую древнетюркскую морфологическую основу, однако в историческом развитии они сформировали разные типологические линии. В татарском языке формы с показателями «ır» 'ыр', «er» 'ер' и «r» 'р' выражают направленное будущее, то есть действие, ожидаемое в перспективе, например «barır yul» ('барыр юл', 'дорога, по которой предстоит идти') и «kürer keşe» ('күрер кеше', 'человек, которого предстоит увидеть') [74, с. 118–119].

Формы с показателями «açaq» 'ачак' и «äçäk» 'әчәк' обозначают более определенное будущее, то есть действие, которое представляется как предстоящее или ожидаемое с высокой степенью определенности, например «yazaçaq xat» ('язачак хат', 'письмо, которое будет написано') [74, с. 118–119]. Формы с показателями «asɪ» ('асы') и «äse» ('әсе') передают значение необходимого, предстоящего или долженствующего совершиться действия, например «beteräse eşlär» ('бетерәсе эшләр', 'дела, которые необходимо завершить') [74, с. 130–134].

Распределение этих форм показывает, что татарские причастия будущего времени выражают не только временную отнесенность, но и эпистемические и деонтические модальные значения. Эпистемический компонент связан с ожиданием, предположением и степенью вероятности действия, тогда как деонтический компонент выражает необходимость, обязанность или долженствование. Следовательно, будущее время в татарском языке представляет собой не единообразную категорию, а градуированную систему, в которой выбор формы зависит от семантической зоны высказывания [74, с. 140–145].

В турецком языке причастные формы с будущей отнесенностью представлены более ограниченным набором показателей. Форма с показателями «(y)an» ('ян') и «en» ('ен') обычно соотносится с настоящим или обычным действием; форма с показателями «r» ('р'), «ar» ('ар') и «er» ('ер') выражает настояще–будущую или обобщенную отнесенность; форма с показателями «(y)acak» ('йаджак') и «ecek» ('эджек') передает значение определенного будущего [18, с. 140–150]. Высокая частотность и широта функций показателей «acak» ('аджак') и «ecek» ('эджек') в огузском ареале показывают, что в турецком языке будущее значение в значительной степени сконцентрировалось вокруг одной морфологической модели.

В обоих языках причастия связывают действие с существительным и выполняют определительную функцию. Однако важным различием между татарским и турецким языками является позиция притяжательного аффикса. В татарском языке причастная форма, как правило, не принимает притяжательный показатель; принадлежность выражается на существительном: «uqɪğan xatɪm»

('укыган хатым', 'прочитанное мной письмо'), «yazğan şiğırım» ('язган шигырем', 'написанное мной стихотворение'), «kilgän qunaqlarım» ('килгән кунакларым', 'пришедшие ко мне гости'). В этих конструкциях глагольный элемент остается неизменным, а притяжательное значение маркируется именной частью [60, с. 425].

В турецком языке, напротив, причастные формы могут непосредственно принимать притяжательные показатели, например «aldığım kitap» 'книга, которую я купил' и «yaptığınız ev» 'дом, который вы построили'. Это показывает, что в турецком языке причастие может одновременно выражать временную отнесенность и информацию о субъекте действия. Например, элемент «bitirecekleri» в турецкой фразе «bitirecekleri gönderecekler» является субстантивированным причастием и указывает на субъектную соотнесенность. В татарском языке причастия обычно не переходят в функцию самостоятельного подлежащего в такой же степени и употребляются вместе с существительным, например «tämamlayaçaq keşelärne» ('тәмамлаячак кешеләрне', 'людей, которые завершат') [60, с. 427].

Другим средством, расширяющим семантическое поле будущего времени в татарском языке, являются аналитические конструкции. К таким формам относятся конструкция с показателями «ğan» ('ган') и «bulır» ('булыр'), например «uqığan bulır» ('укыган булыр', 'вероятно, уже прочитал' / 'будет находиться в состоянии прочитавшего'); конструкция с показателем «ır» ('ыр') и вспомогательной формой «ide» ('иде'), например «barır ide» ('барыр иде', 'пошел бы' / 'вероятно, пошел бы'); конструкция с показателем «ası» ('асы') и формой «bulır» ('булыр'), например «yazası bulır» ('язасы булыр', 'надо будет написать' / 'предстоит написать'); а также конструкция с показателем «açaq» ('ачак') и формой «ide» ('иде'), например «kiläçäk ide» ('киләчәк иде', 'должен был прийти' / 'вероятно, пришел бы'). Эти формы позволяют выражать результативность, предположение, намерение, необходимость и будущее в прошедшей перспективе.

Причастия в татарском и турецком языках выполняют сходную определительную функцию, поскольку связывают действие с именем и уточняют его временную, объектную или обстоятельственную характеристику. Однако в

татарском языке формальное разнообразие причастных средств выражено шире. Примеры «kiläse yıl» ('киләсе ел', 'будущий год'), «barır yullar» ('барыр юллар', 'дороги, по которым предстоит идти') и «yal itäçäk urın» ('ял итәчәк урын', 'место, где можно будет отдохнуть') показывают, что причастия будущего времени в татарском языке обладают многослойной семантикой. В турецком языке значительная часть подобных функций сосредоточена вокруг формы с показателями «(y)acak» ('йаджак') и «ecek» ('эджек').

В историческом отношении татарский язык продуктивно сохраняет причастную форму с показателями «ğan» ('ган') и «gän» ('гән'), характерную для языков кыпчакской группы. В турецком языке ее функциональным соответствием является форма с показателями «mış» ('мыш') и «miş» ('миш'), однако ее употребление в причастной функции более ограничено. При этом следы данной формы сохраняются в отдельных субстантивированных словах, например «tormış» ('тормыш', 'жизнь') и «yazmış» ('язмыш', 'судьба') [99, с. 121; 60, с. 429]. Это показывает, что развитие причастных форм в кыпчакской и огузской ветвях тюркских языков пошло разными путями.

Закиева, сопоставляя систему причастий в татарском и турецком языках, показывает, что причастные формы в обоих языках совмещают определительную функцию с выражением временной отнесенности, однако набор и распределение соответствующих показателей не совпадают. Для настоящего исследования особенно важно, что татарские формы типа «–асы/–әсе, –ачак/–әчәк, –ыр/–ер/–р» могут участвовать в выражении будущей перспективы, тогда как в турецком языке значительная часть футуральной семантики концентрируется вокруг формы «–(y)acak» / «–ecek» (‘ачак/–әчәк’) [21, с. 60–76].

В турецком языке прямые структурные соответствия многим татарским аналитическим формам представлены менее последовательно. Их значения чаще передаются с помощью модальных слов, аналитических конструкций или контекста, например «herhalde gelmiştir» 'вероятно, он пришел', «gelmiş olacak» ('он, вероятно, уже пришел' / 'будет находиться в состоянии пришедшего') и «yapacak gibi» 'как будто собирается сделать'. Следовательно, сопоставление татарского и

турецкого языков показывает, что татарский язык сохраняет более разветвленную систему причастных и аналитических средств выражения будущего времени, тогда как турецкий язык чаще концентрирует будущее значение вокруг формы с показателями «acak» ('аджак') и «ecek» ('эджек') и контекстуально–модальных средств.

Тем самым, система будущего времени в татарском языке демонстрирует более детализированное распределение морфологических, семантических и синтаксических средств по сравнению с турецким языком. В татарском языке будущая временная перспектива выражается через синтетические формы направленного, определенного и обязательного будущего, а также через аналитические конструкции, передающие намерение, ожидание, результат, план и модальные значения. В турецком языке значительная часть этих функций представлена более компактной моделью, связанной прежде всего с формой «acak» ('аджак') или «ecek» ('эджек').

1.4. Дистантность в будущем временном плане

Вопрос о дистантности в будущем временном плане является существенным для настоящего исследования, поскольку будущее событие может быть представлено не только как последующее по отношению к моменту речи, но и как ближайшее, среднесрочное или отдаленное. Традиционные грамматические подходы обычно определяли будущее время через темпоральную ось, исходя из того, что обозначаемое действие следует за моментом речи [111, с. 13; 117, с. 1–15]. Однако функциональные и когнитивные исследования, развивавшиеся со второй половины XX века, показали, что такого понимания недостаточно. Будущее время связано не только с хронологической последующестью, но и с модальными значениями — намерением, ожиданием, вероятностью, необходимостью и оценкой говорящего [158, с. 165–192; 176, с. 79–124; 168, с. 419–436]. Поэтому при описании будущего временного плана необходимо учитывать не только факт отнесенности действия к будущему, но и степень его временной удаленности, то есть дистантность.

Под дистантностью в будущем временном плане в данной работе понимается способ представления будущего события как ближайшего, относительно отдаленного или неопределенно удаленного от момента речи. Эта характеристика не всегда выражается специальной грамматической формой. Она может уточняться временными наречиями, модальными словами, аспектуальными значениями, контекстом и коммуникативной установкой говорящего [117, с. 1–15; 123, с. 309–328; 168, с. 419–436]. Следовательно, дистантность целесообразно рассматривать как функциональную категорию, находящуюся на пересечении времени, модальности и дискурсивной интерпретации [158, с. 165–192; 176, с. 79–124].

Для последующего корпусного анализа в работе используется трехзонная операциональная модель будущей дистантности, представленная в таблице 1.1.

Таблица 1.1 — Операциональные критерии разграничения зон будущей дистантности

Зона будущей дистантности	Временной интервал	Русские маркеры	Турецкие маркеры	Татарские маркеры
Ближайшее будущее	От момента речи до ближайших суток	«сегодня»; «сейчас»; «скоро»; «через минуту»; «через час»; «сегодня вечером»; «завтра»	«bugün» 'сегодня'; «şimdi» 'сейчас'; «yakında» 'скоро'; «birazdan» 'через некоторое время'; «az sonra» 'через короткое время'; «bu akşam» 'сегодня вечером'; «yarın» 'завтра'	«бүген» 'сегодня'; «хәзер» 'сейчас'; «тиздән» 'скоро'; «бераздан» 'через некоторое время'; «бүген кич» 'сегодня вечером'; «иртәгә» 'завтра'
Среднеудалённое будущее	После ближайших суток и до одного года	«послезавтра»; «через несколько дней»; «через неделю»; «на следующей неделе»; «в следующем месяце»; «в этом году»	«yarından sonra» 'послезавтра'; «birkaç gün sonra» 'через несколько дней'; «gelecek hafta» 'на следующей неделе'; «haftaya» 'на следующей неделе'; «gelecek ay» 'в следующем	«иртәгәдән соң» 'послезавтра'; «берничә көннән» 'через несколько дней'; «киләсе атнада» 'на следующей неделе'; «киләсе айда» 'в следующем месяце'; «быел» 'в этом году'

			месяце'; «bu yıl» 'в этом году'	
Отдаленное будущее	После одного года или в неопределенной дальней перспективе	«через год»; «через несколько лет»; «в будущем»; «в дальнейшем»; «когда–нибудь»; «в далеком будущем»	«bir yıl sonra» 'через год'; «birkaç yıl sonra» 'через несколько лет'; «ileride» 'в будущем'; «gelecekte» 'в будущем'; «gelecek yıllarda» 'в будущие годы'; «bir gün» 'когда–нибудь'	«бер елдан соң» 'через год'; «берничә елдан соң» 'через несколько лет'; «киләчәктә» 'в будущем'; «алга таба» 'в дальнейшем'; «кайчан да булса» 'когда–нибудь'

Примечание. Основной интерпретационный признак не включается в таблицу отдельной графой, поскольку он раскрывается в последующем анализе. В рамках данной операциональной модели ближайшее будущее соотносится с непосредственной предстоящностью и высокой ожидаемостью действия; среднесрочное будущее — с планированием, прогнозом, намерением или институционально заданной перспективой; отдаленное будущее — с долгосрочной перспективой, потенциальностью и обобщенным представлением будущего. Границы между зонами не являются абсолютно жесткими и уточняются с учетом микроконтекста, грамматической формы, модального окружения и конкретного темпорального маркера.

Данная модель носит операциональный характер: она используется не как универсальная грамматическая классификация, а как рабочий критерий распределения корпусных примеров по зонам ближайшей, среднесрочной и отдаленной будущей перспективы.

После определения рабочих зон будущей дистантности необходимо уточнить грамматический статус будущего времени как категории. Вопрос о грамматическом статусе будущего времени остается дискуссионным в современном языкознании. Традиционная парадигма склонна рассматривать будущее время как самостоятельную темпоральную категорию наряду с прошедшим и настоящим временем. Тем не менее функциональные и типологические исследования показывают, что такой подход не является

универсальным: во многих языках будущность формируется не только темпоральными средствами, но и через модальные, аспектуальные и семантические ориентации.

Бернард Комри, указывая на проблематичность квалификации будущего как чистой категории времени, подчеркивает, что референция к будущему времени во многих языках функционирует как ориентация события вперед от момента речи [120, с. 48–52]. В этом подходе будущее определяется не только вопросом о том, когда осуществится событие, но и тем, как оно концептуально направлено относительно момента речи. Поэтому в данном контексте особое значение приобретает понятие проспективности: проспективные конструкции могут выражать не столько само будущее событие, сколько состояние, ориентированное на его последующую реализацию.

Джоан Л. Байби и Эстен Даль рассматривают развитие темпоральных и модальных систем в типологической перспективе и показывают, что временные категории не являются универсальными и заранее заданными структурами. Напротив, многие из них формируются в процессе грамматикализации из модальных и аспектуальных значений [117, с. 58–61]. В этом контексте будущее время тесно связано с такими семантическими областями, как намерение, необходимость и вероятность.

Данный тезис конкретизируется в работе Джоан Л. Байби, Ривера Д. Перкинса и Уильяма Пальюки, где показано, что значение будущего времени во многих языках развивается из интенционального будущего и эпистемической футуральности. Первоначально такие формы могли выражать цель, намерение, ожидание или предположение говорящего, а затем переосмысливались как показатели будущей референции [118, с. 240–245]. Это позволяет рассматривать будущее время как область, тесно связанную с ирреалисной модальностью.

Оппозиция реалисной и ирреалисной модальности является важным инструментом для объяснения природы будущего времени. Фрэнк Р. Палмер соотносит реалисную модальность с актуализированными или актуализирующимися событиями, тогда как ирреалисная модальность связана с

неактуализированными, гипотетическими, желательными или интенциональными ситуациями [162, с. 4–8]. Поскольку будущее время обозначает события, которые еще не реализованы, оно часто оказывается близким к сфере ирреалиса. Именно поэтому формы будущего времени нередко пересекаются с условностью, желательностью, императивностью, предположением и обещанием.

Сюзанна Флейшман рассматривает эту связь в диахронической перспективе и показывает, что формы будущего времени часто восходят к модальным источникам. В процессе развития они проходят семантический сдвиг в сторону ирреалиса и затем приобретают более общее футуральное значение [136, с. 86–89; 95–97]. В таком понимании будущее время является не полностью автономной темпоральной категорией, а результатом расширения модальной сферы.

Жан–Кристоф Верстрате также подчеркивает связь будущего времени с модальностью. Он показывает, что взаимодействие эпистемической и деонтической модальных сфер играет важную роль в формировании футуральных интерпретаций [176, с. 1401–1418]. Следовательно, будущее время может рассматриваться как промежуточная семантическая зона, в которой временная перспектива соединяется со степенью информированности говорящего, его оценкой и отношением к вероятности события.

С другой стороны, в концепции Сюзанны Флейшман будущее время не ограничивается обозначением хронологической последующести. Оно строится через интенциональность, ожидание, предположение и вероятностную оценку говорящего [136, с. 18–19]. Согласно этому подходу, футуральность выражает не только локализацию события после момента речи, но и ментальную позицию говорящего по отношению к еще не реализованному действию. Это объясняет, почему будущее время часто употребляется в речевых актах предсказания, обещания, планирования и выражения ожидания.

Проспективность является одним из центральных понятий в данном подходе. Будущее время понимается не как календарная точка, а как направленность события вперед от актуального момента. Такая структура акцентирует не только факт будущей реализации, но и способ представления события говорящим.

Поэтому футуральность целесообразно описывать как область, где пересекаются время, модальность и наклонение [136, с. 95–97].

Данный теоретический подход важен для сравнительного анализа русского, турецкого и татарского языков. Он показывает, что будущее время нельзя рассматривать только как грамматическую форму, указывающую на последующее действие. В каждом языке будущая референция может выражаться различными средствами, включая синтетические и аналитические формы, модальные конструкции, временные наречия, контекст и прагматическую установку говорящего. Именно поэтому дистантность будущего временного плана требует отдельного анализа.

Эта теоретическая рамка подтверждается и материалом отдельных языков. Е. В. Боднарук показывает, что в англоязычном художественном дискурсе значение будущего времени актуализируется не только формами собственно будущего времени, но и предикативными, грамматическими и лексико–грамматическими средствами. Особенно показательным является то, что среди форм изъявительного наклонения частотными оказываются не только «Future Indefinite» ('простое будущее время'), но и «Present Indefinite» ('простое настоящее время'); это подтверждает зависимость будущей референции от взаимодействия грамматической формы и контекста [2, с. 17–30].

Для сопоставительного анализа важно учитывать, что в русском, турецком и татарском языках будущая референция распределяется между разными грамматическими и контекстуальными средствами. В системе личных глагольных форм русского языка будущее время выражается двумя основными способами. Для глаголов несовершенного вида используется аналитическая форма со вспомогательным глаголом «буду» и инфинитивом, например «буду писать». Для глаголов совершенного вида характерна синтетическая форма будущего времени, например «напишу». Эти формы различаются не только по способу образования, но и по семантическому представлению действия: аналитическая форма чаще соотносится с процессуальностью, тогда как синтетическая форма совершенного вида подчеркивает результативность или целостность будущего действия.

Ахмет Дилачар, анализируя будущее время на материале французского языка, выделяет несколько подтипов его употребления и показывает, что формы будущего времени могут служить для выражения предсказания, ожидания и различных грамматических значений, связанных с временной перспективой [127, с. 111–112]. Его подход важен тем, что позволяет рассматривать будущее время не как единое значение, а как систему функциональных вариантов, зависящих от грамматической структуры и коммуникативной задачи.

Т. А. Сухомлина анализирует функционально–семантическое поле будущего времени в английском языке как многоуровневую систему. В качестве ядра рассматривается конструкция «shall/will + инфинитив»; в зоне ближайшего будущего выделяются эксплицитные конструкции типа «to be about to» ('собираться, быть готовым к действию') и «to be likely to» ('быть вероятным'); дальнюю периферию образуют модальные глаголы, слова желания, плана и неизбежности. Автор подчеркивает, что эти средства имеют выраженную модальную окраску и связывают будущее время с предположением, необходимостью и интенциональностью [69, с. 150–152].

Межъязыковые исследования показывают, что выражение будущего времени часто связано с глаголами движения, маркерами необходимости, желания и способности, а также с временными наречиями. Наряду с такими первичными средствами будущей референции существуют вторичные употребления форм, основная функция которых связана с настоящим временем или аспектуальными значениями завершенности и незавершенности. Такие формы можно рассматривать как аспектуально мотивированные способы выражения будущего.

Таким образом, дистантность в будущем временном плане является не только вопросом хронологической удаленности события от момента речи. Она формируется через взаимодействие временной формы, модальности, аспектуальности, лексических маркеров и дискурсивного контекста. В сравнительном исследовании русского, турецкого и татарского языков этот параметр особенно важен, поскольку каждый из этих языков по–разному

распределяет значения ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего между грамматическими, аналитическими и контекстуальными средствами.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Проведённый анализ показал, что будущее время в русском, турецком и татарском языках представляет собой сложную функционально-семантическую область, в которой взаимодействуют темпоральность, модальность, аспектуальность, прагматика и контекст. При этом футуральность является более широким понятием, чем грамматическая категория будущего времени, поскольку реализуется посредством морфологических, аналитических, лексических, модальных и контекстуальных средств.

2. Установлено, что будущее время во всех рассматриваемых языках тесно связано с модальной сферой и может выражать не только временную последующесть, но и намерение, прогноз, предположение, необходимость, обязанность и волеизъявление говорящего. Степень будущей дистантности определяется не только грамматической формой, но и системой временных конкретизаторов, аспектуальных характеристик, модальных значений и контекстуальных условий.

3. Теоретический анализ подтвердил целесообразность описания будущего временного плана через категории будущей референции и будущей дистантности. Это позволяет разграничивать ближайшую, среднесрочную и отдалённую перспективу как результат взаимодействия грамматических, лексических и контекстуальных средств.

4. Для русского языка принципиальное значение имеет взаимодействие категорий времени и вида. Формы совершенного и несовершенного вида различаются не только способом образования будущего времени, но и особенностями представления будущего действия, включая разграничение будущего намерения и будущего прогноза.

5. В турецком языке основным средством выражения будущего времени является форма -(y)AcAk, однако будущая референция формируется также при участии форм настоящего времени, аориста, модальных конструкций и контекстуальных средств. Турецкая система характеризуется тесным взаимодействием темпоральных и модальных значений.

6. В татарском языке будущая референция имеет разветвлённый характер и выражается синтетическими, аналитическими, причастными, деепричастными и модальными средствами. Особую роль играют формы -ачак/-әчәк и -ыр/-ер, различающиеся степенью определённости, ожидаемости, вероятности и модальной оценки будущего действия.

7. Сопоставительный анализ показал, что русский, турецкий и татарский языки различаются по организации средств выражения будущего времени: русский язык опирается преимущественно на видо-временную систему, турецкий — на специализированные морфологические показатели и модально-временные формы, а татарский — на распределение футуральной семантики между морфологическими, аналитическими, модальными и контекстуальными средствами.

ГЛАВА 2 СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДИСТАНТНОСТИ В БУДУЩЕМ ВРЕМЕННОМ ПЛАНЕ

В рамках анализа будущего временного плана особое значение имеет не только сама отнесённость события к периоду после момента речи, но и степень его временной удалённости. В отличие от общего значения будущего времени, связанного с последующей реализацией ситуации [120, с. 43], дистантность предполагает более конкретное членение будущей перспективы. Иными словами, важно установить не только то, что событие относится к будущему, но и то, мыслится ли оно как ближайшее, среднесрочное или отдалённое.

Такой подход опирается на представление о темпоральности как о многоуровневой категории. В функциональной грамматике подчёркивается, что грамматические формы реализуют своё значение во взаимодействии с лексическими, синтаксическими и контекстуальными средствами [5, с. 21–22]. В. Кляйн также рассматривает временную организацию высказывания как результат соотношения глагольного времени, обстоятельственных показателей и дискурсивного контекста [153, с. 1–2]. Поэтому при описании будущей дистантности недостаточно ограничиваться только формой предиката: необходимо учитывать весь микроконтекст, в котором формируется временная интерпретация.

В связи с этим особое значение приобретают неглагольные показатели. Темпоральные наречия, календарные обозначения, количественно–временные конструкции и именные словосочетания позволяют конкретизировать временную перспективу: «сегодня вечером», «завтра», «через несколько дней», «на следующей неделе», «через месяц», «в будущем году» и т. п. Именно такие элементы делают возможным разграничение ближайшей, средней и дальней дистантности. Исследования Г. Ф. Лутфуллиной и соавторов показывают, что неглагольные компоненты не являются второстепенными уточнителями, а участвуют в построении целостной временной структуры высказывания [39, с. 187–190].

При этом соотношение глагольных и неглагольных средств в русском, турецком и татарском языках неодинаково. В русском языке выражение будущего тесно связано с видовой оппозицией, поскольку формы совершенного и несовершенного вида по–разному представляют характер будущего действия. В турецком языке грамматическое оформление будущности более концентрировано вокруг специальных морфологических показателей, но конкретная временная удалённость также часто зависит от обстоятельственных слов. В татарском языке, где отсутствует видовая категория славянского типа, особенно заметна роль сочетания временной формы, аналитической конструкции и лексического окружения [110, с. 158, 160; 125, с. 1208].

В настоящей главе дистантность будущего временного плана рассматривается через три зоны. Ближайшая дистантность охватывает ситуации, которые соотносятся с непосредственной перспективой после момента речи. Средняя дистантность связана с событиями, отнесёнными к более отдалённому, но всё ещё обозримому периоду. Дальняя дистантность обозначает будущие ситуации, удалённые от момента речи на значительный временной интервал. Такое деление не является чисто календарным: в каждом конкретном случае оно уточняется с учётом языковых средств, контекста и коммуникативной установки говорящего.

Таким образом, анализ дистантности позволяет рассматривать будущее время не как однородную темпоральную область, а как систему градуированных временных перспектив. Во второй главе основное внимание направлено на выявление того, как глагольные и неглагольные средства взаимодействуют при выражении ближайшей, средней и дальней дистантности в русском, турецком и татарском языках. Сначала рассматривается потенциал глагольных форм, затем анализируются неглагольные показатели, конкретизирующие временную перспективу. Такой порядок позволяет показать, что дистантность будущего формируется не одним изолированным средством, а совокупностью грамматических, лексических и контекстуальных факторов.

2.1. Глагольные средства выражения будущего времени. Их потенциал в выражении дистантности

В рамках сопоставительного анализа будущее время в русском, турецком и татарском языках целесообразно рассматривать не только как грамматическое средство обозначения действия, последующего по отношению к моменту речи, но и как один из механизмов выражения временной дистантности. Глагольные формы в этом отношении обладают двойным функциональным потенциалом: с одной стороны, они соотносят ситуацию с будущим временным планом, с другой — участвуют в формировании представления о степени её близости, отдалённости, вероятности, предопределённости или ожидаемости. Поэтому анализ глагольных средств будущего времени требует учёта не только формально-грамматического показателя, но и вида, аспектуальности, модальности, временных локализаторов и коммуникативного контекста.

В русском языке выражение будущего времени непосредственно связано с категорией вида. Глаголы совершенного вида образуют простые формы будущего времени, например «напишу», «сделаю», «приду». Такие формы представляют действие как целостное, результативное и потенциально завершённое. Глаголы несовершенного вида, напротив, реализуют значение будущего времени при помощи аналитической конструкции с вспомогательным глаголом «быть»: «буду писать», «буду работать». В этом случае действие осмысляется как процесс, длительность или повторяемость. Следовательно, различие между данными формами имеет не только формально-грамматический, но и семантический характер, поскольку совершенный вид акцентирует достижение результата, а несовершенный вид — протяжённость, незавершённость или повторяемость действия [3, с. 89–94, 102–104; 170, с. 423].

С точки зрения временной дистантности простое будущее совершенного вида часто используется в контекстах ближайшего или определённого будущего: «Сейчас объясню», «Завтра отправлю письмо». Аналитическое будущее несовершенного вида чаще соотносится с процессами, которые могут разворачиваться в средней или дальней перспективе: «будем анализировать

данные», «будет сохранять актуальность». Однако степень временной удалённости не закрепляется за самой глагольной формой автоматически. Она определяется взаимодействием формы будущего времени с обстоятельствами времени, лексическим окружением, типом ситуации и коммуникативной установкой говорящего.

Наряду с собственно формами будущего времени, в русском языке существенную роль играют формы настоящего времени, способные получать футуральную интерпретацию. В предложениях типа «Завтра поезд отправляется в восемь» или «На следующей неделе комиссия рассматривает вопрос» действие формально выражено настоящим временем, однако семантически относится к будущему. Подобные употребления обычно связаны с планом, расписанием, официально установленным порядком или заранее известной последовательностью событий, поэтому они передают высокую степень предопределённости будущей ситуации [117, с. 55–58].

В турецком языке центральным грамматическим средством выражения будущего времени является форма с показателем «-(y)AcAk» 'аджак/эджек'. Формы «gelecek» 'придёт', «yazacağım» 'напишу; буду писать', «yapacaklar» 'сделают' обозначают действие, расположенное после момента речи [145, с. 138–164; 79, с. 315–316]. В отличие от русского языка, данная форма не выражает противопоставления совершенного и несовершенного вида, поэтому значения завершённости, длительности, повторяемости или процессуальности определяются не самим показателем будущего времени, а контекстом, лексическим значением глагола и дополнительными средствами высказывания [139, с. 218–219, 326–333].

Форма «-(y)AcAk» 'аджак/эджек' может использоваться для обозначения разных зон будущей дистантности. При сочетании с маркерами ближайшего времени она указывает на близкое будущее: «birazdan gelecek» 'скоро придёт'. С календарными указателями данная форма выражает среднесрочную перспективу: «yarın gidecek» 'завтра поедет'. При наличии обстоятельств типа «gelecek yıl» 'в следующем году' или «ileride» 'в будущем' та же форма соотносится с отдалённой перспективой: «gelecek yıl tamamlanacak» 'будет завершено в следующем году'.

Следовательно, турецкий показатель будущего времени задаёт общий футуральный план, но не маркирует степень временной удалённости самостоятельно.

В турецкой лингвистической традиции форма будущего времени «-(y)AcAk» 'аджак/эджек' также рассматривается через соотношение момента речи, времени события и референциального времени. С. Акшехирли отмечает, что в событиях, следующих за моментом речи, время события и референциальное время обычно совпадают, тогда как в более сложных конструкциях может возникать дополнительная референциальная точка, относящаяся к будущему [103, с. 15–67]. Это подтверждает, что значение будущего времени в турецком языке формируется не только морфологическим показателем, но и реляционной организацией временного плана высказывания.

Кроме финитных форм, показатель «-(y)AcAk» 'аджак/эджек' участвует в построении субстантивированных причастных структур. Ю. В. Щека рассматривает формы на «-DIğI/-(y)AcAğI» 'дыгы/аджагы' как результат субстантивации причастных форм «-DIK/-(y)AcAK» 'дык/аджак' при присоединении аффиксов принадлежности [92, с. 394–395]. Для настоящего исследования это важно постольку, поскольку футуральная семантика в турецком языке может реализовываться не только в личных формах глагола, но и в именных, причастных и придаточных конструкциях.

В турецком языке форма «-(A/I)r» 'ар/эр/ыр/ир/ур/юр' также может участвовать в выражении будущей референции, особенно в контекстах потенциальности, готовности или вероятностного прогноза. Поэтому при сопоставлении форм «-(A/I)r» 'ар/эр/ыр/ир/ур/юр' и «-(y)AcAk» 'аджак/эджек' необходимо учитывать не только временную отнесённость действия, но и модальные оттенки решимости, возможности, ожидания и коммуникативной установки говорящего [51, с. 188–194].

Будущая референция в турецком языке может передаваться также формами настоящего времени и прогрессива. Например, высказывание «Yarın Ankara’ya gidiyorum» 'завтра еду в Анкару' формально относится к настоящему длительному

времени, однако в контексте обозначает заранее запланированное будущее действие. Подобные формы обычно выражают не просто будущность, а организованность, определённость и подготовленность события [139, с. 330–333]. При сопоставлении русского и турецкого языков важно учитывать отсутствие в турецком языке видовой пары славянского типа: аспектуальные значения здесь выражаются не самостоятельной категорией вида, а временными формами, лексическими средствами, модифицирующими глаголами и синтаксическим контекстом [79, с. 315–316]. Кроме того, русские приставочные глаголы движения не имеют полных структурных соответствий в турецком языке и нередко передаются разнокорневыми глаголами или описательными конструкциями [79, с. 313–314].

В татарском языке система будущего времени характеризуется более выраженной грамматической дифференциацией. Здесь различаются формы определённого и неопределённого будущего, а также аналитические конструкции с модальными оттенками. Форма «-ачак/-әчәк» 'ачак/әчәк' в словах «киләчәк» 'придёт', «язачак» 'напишет; будет писать' выражает определённое будущее и обычно связана с уверенностью говорящего в осуществлении действия. Формы «-ыр/-ер», «-ар/-әр» 'ыр/ер; ар/әр', например «килер» 'возможно, придёт', передают неопределённое будущее, в котором значение будущности соединяется с предположительностью и вероятностью [40, с. 5337–5339].

Для выражения дистантности это противопоставление имеет принципиальное значение. Определённое будущее может обозначать как среднюю, так и дальнюю перспективу, если событие представляется говорящему ожидаемым или достаточно вероятным. Например, «иртәгә киләчәк» 'завтра придёт' относится к ближайшей или среднесрочной перспективе в зависимости от точки отсчёта и контекста, тогда как «киләсе елда башланачак» 'начнётся в следующем году' указывает на более отдалённое будущее. Неопределённое будущее, напротив, чаще связано с гипотетическим или менее гарантированным развитием ситуации. Следовательно, татарский язык грамматически выражает не только будущую

временную локализацию, но и степень уверенности говорящего в реализации действия.

В сопоставительном плане глагольные средства будущего времени в русском, турецком и татарском языках обнаруживают различный потенциал в выражении дистантности. В русском языке определяющим фактором выступает видовое противопоставление, в турецком — взаимодействие формы «-(y)AcAk» 'аджак/эджек' с контекстуальными уточнителями, а в татарском — соотношение определённого и неопределённого будущего. Во всех трёх языках ближайшая, средняя и отдалённая перспективы формируются не изолированной глагольной формой, а её взаимодействием с временными обстоятельствами, модальностью, лексическим окружением и коммуникативной установкой говорящего.

2.1.1. Оппозиция временных форм будущего в русском языке

В русской грамматической системе выражение будущей референции прежде всего связано с категорией вида, поэтому описание будущего времени целесообразно начинать не с общей временной схемы «после момента речи», а с противопоставления совершенного и несовершенного вида. В аспектологической традиции вид рассматривается как центральная категория глагола: он задаёт способ представления ситуации во времени — как целостного результата, процесса, повторяющегося действия или состояния, ожидаемого в перспективе. Поэтому формы будущего в русском языке одновременно передают темпоральную отнесённость, видовую характеристику и коммуникативную установку говорящего. В русской грамматической системе выражение будущей референции непосредственно связано с категорией вида. В аспектологической традиции вид рассматривается как одна из центральных категорий глагола, поскольку он характеризует не только формальное противопоставление совершенного и несовершенного вида, но и способ представления ситуации во времени: как завершённого события, длительного процесса, повторяющегося действия или результата, ожидаемого в перспективе. По этой причине анализ будущего времени в русском языке не может ограничиваться только временной локализацией

действия после момента речи: необходимо учитывать видовую семантику, модальность и коммуникативную установку говорящего [23, с. 88–109].

Категория будущего времени в русском языке тесно связана с видовой оппозицией, поскольку именно аспектуальные характеристики глагола участвуют в разграничении собственно футурального значения и модально–предиктивных оттенков [42, с. 117–119]. Категория вида реализуется на морфологическом и семантическом уровнях. Морфологически она опирается на приставки, суффиксы, словообразовательные модели и видовые пары; семантически же выбор вида зависит от того, каким образом говорящий концептуализирует действие. Русская видовая система соединяет словоизменительные и деривационные свойства, что особенно важно при анализе будущего времени, поскольку одна и та же временная перспектива может быть выражена как результативное событие или как процесс. Категория вида реализуется как на морфологическом, так и на семантическом уровне. С одной стороны, она выражается при помощи приставок, суффиксов, словообразовательных моделей и видовых пар; с другой стороны, выбор вида зависит от того, каким образом говорящий концептуализирует действие. В этом отношении русская видовая система соединяет словоизменительные и деривационные свойства, что подчёркивается в исследованиях Е. В. Падучевой. Следовательно, видовая характеристика глагола влияет не только на форму времени, но и на интерпретацию будущей перспективы [54, с. 78]. В русском языке будущее время представлено двумя основными глагольными средствами. Глаголы совершенного вида образуют синтетическую форму будущего времени: «сделает», «напишет», «прочитает». Глаголы несовершенного вида, напротив, выражают будущее аналитически — при помощи формы будущего времени вспомогательного глагола «быть» и инфинитива: «будет делать», «будет писать», «будет читать». Формы несовершенного вида без вспомогательного компонента относятся к настоящему времени: «делает», «пишет», «читает». Тем самым русская система будущего времени строится не только на темпоральной, но и на видовой оппозиции [170, с. 423]. **Совершенный вид и будущее простое.** Сначала следует

рассматривать формы совершенного вида, поскольку именно они образуют синтетическое будущее, или будущее простое. Формы типа «сделаю», «напишу», «прочитаю», «увижу», «решу», «приду» имеют личные окончания, формально сближающие их с настоящим временем, однако в современном русском языке они не обозначают действие, реально протекающее в момент речи. Их основная функция — представить событие как предельное, целостное и ожидаемое после момента речи. В этом заключается принципиальная особенность русской системы: у глаголов совершенного вида нет настоящего времени в собственном смысле, а формы непрошедшего ряда получают футуральное значение.

Семантическое основание этой особенности связано с несовместимостью значения завершённости с актуальным протеканием действия. Если действие мыслится как уже достигшее предела, оно не может одновременно представляться как разворачивающееся «сейчас». Поэтому форма «напишу» означает не настоящее письмо, а будущее достижение результата — появление написанного текста; форма «прочитаю» обозначает не процесс чтения, а завершение чтения; форма «отвечу» указывает на будущий речевой акт как на целостное событие. Семантическое основание этой оппозиции связано с тем, что совершенный вид представляет действие как целостное и предельное. Действие, наблюдаемое в момент речи как разворачивающееся, обычно не может одновременно мыслиться как уже завершённое. Поэтому формы совершенного вида, совпадающие по личным окончаниям с формами настоящего времени, в современном русском языке получают футуральную интерпретацию: «напишу» означает не настоящее действие, а действие, которое будет осуществлено после момента речи. В типологическом плане такие формы показывают, что будущее значение находится на пересечении времени, вида и модальности [170, с. 423 ; 145, с. 138–164].

В терминах русской грамматической традиции такие формы относятся к будущему простому: они однословны, синтетичны и не требуют вспомогательного глагола. Важно, однако, что простота формы не означает простоты значения. Форма «сделаю» может выражать обещание, намерение, прогноз, готовность к

действию, реакцию на приказ или уверенность в достижении результата. Например, «Завтра отправлю письмо» указывает на планируемое завершённое действие; «Сейчас проверю» передаёт ближайшее будущее; «Когда–нибудь пойму эту мысль» переносит результат в неопределённую дальнюю перспективу [145, с. 138–164].

Будущее простое тесно связано с категорией предельности. В парах «писать — написать», «читать — прочитать», «строить — построить» совершенный вид маркирует достижение внутреннего предела, а будущее время указывает на то, что этот предел будет достигнут позднее. Поэтому форма «построят» отличается от «будут строить» не только грамматически, но и семантически: первая фокусирует результат будущего действия, вторая — его длительность или процессуальное развёртывание. Данная оппозиция лежит в основе различения результативной и процессуальной футуральности [145, с. 138–164].

Особенно заметна результативная природа совершенного вида в контекстах ближайшего будущего. Конструкции «сейчас скажу», «сейчас открою», «сейчас покажу», «скоро узнаем» показывают, что минимальная временная дистанция между моментом речи и будущим событием не отменяет будущего значения. Говорящий как бы помещает действие в ближайшую перспективу, но представляет его не как начавшийся процесс, а как предстоящий завершённый акт. В этом отношении будущее простое активно обслуживает зону непосредственной дистантности [145, с. 138–164].

При отрицании формы совершенного вида могут осложнять прямое противопоставление настоящего и будущего. Высказывания «не скажу», «не дам», «не пущу», «не подпишу» формально выражают будущее действие или недействие, однако в некоторых ситуациях функционируют как перформативы: отказ или запрет совершается самим актом произнесения. Тем не менее даже в таких случаях сохраняется результативная установка совершенного вида: говорящий фиксирует не процесс отказа, а итоговое недопущение действия. При этом русская система допускает контексты, осложняющие прямое противопоставление настоящего и

будущего времени. Особенно показательны формы первого лица единственного числа с отрицанием: «не скажу», «не дам», «не пущу». Формально они относятся к совершенному виду и могут иметь будущее значение, однако в определённых речевых ситуациях функционируют как перформативные высказывания. В таких случаях отказ или запрет осуществляется самим актом произнесения, а не откладывается в будущее. Это подтверждает, что грамматическая форма не всегда сама по себе определяет временную интерпретацию высказывания [24, с. 12].

Формальный подход к русскому глаголу обращает внимание на то, что формы типа «делает» и «сделает» имеют близкие личные окончания и входят в зону непрошедшего. Однако функционально они распределены по–разному: «делает» обычно обозначает актуальное, повторяющееся или обобщённое действие, тогда как «сделает» обозначает событие, отнесённое к будущему плану. Поэтому при описании будущей референции важно учитывать не только формальную парадигму, но и видовую семантику формы. Статус русских будущих форм в научной литературе оценивается неодинаково. Формальный подход обращает внимание на сходство личных окончаний и сближает формы «делает» и «сделает» в пределах зоны презенса. Семантический подход, напротив, исходит из того, что форма «сделает» в реальном употреблении выражает будущее действие и должна рассматриваться как форма будущего времени совершенного вида. Это расхождение показывает, что при описании русской временной системы необходимо учитывать как морфологическую структуру формы, так и её функционально–семантическое значение. А. В. Исаченко предлагает более широкую классификацию русских временных форм, в которой синтетические формы настоящего времени несовершенного вида и будущего времени совершенного вида объединяются в зоне «непрошедшего». Такая трактовка подчёркивает формальную близость данных форм, но не отменяет их семантического различия. В функциональном отношении «делает» обычно обозначает настоящее или обобщённое действие, тогда как «сделает» выражает

действие, отнесённое к будущему плану [52, с. 171–175 ; 66, с. 83–85] [86, с. 92] [48, с. 76].

Синтетическое будущее совершенного вида также связано с прагматикой уверенности. Форма «он придёт» обычно звучит как более определённый прогноз, чем «он будет приходить», потому что событие представляется единичным и завершённым. В высказываниях типа «экзамен начнётся в девять», «комиссия примет решение», «проект завершится к маю» говорящий ориентируется на ожидаемый факт наступления события. Здесь будущее простое не столько описывает процесс, сколько фиксирует предстоящую точку изменения ситуации [86, с. 92].

В рамках семантического подхода формы «сделает» и «будет делать» нельзя считать полностью симметричными членами простой временной парадигмы. Они различаются способом образования, видом и типом представления действия. Форма «сделает» обычно обозначает единичное, результативное и предельное событие, тогда как «будет делать» выражает процессуальность, длительность, повторяемость или незавершённость будущей ситуации. В рамках семантического подхода особенно важен вопрос о соотношении форм «сделает» и «будет делать». Е. В. Падучева подчёркивает, что данные формы нельзя считать полностью симметричными членами одной простой парадигмы, поскольку они различаются не только способом образования, но и типом представления действия. Форма «сделает» обычно обозначает единичное, результативное и предельное событие, тогда как «будет делать» выражает процессуальность, длительность, повторяемость или незавершённость. С. Храковский также указывает, что различие между синтетическим и аналитическим будущим имеет не только морфологический, но и семантико–прагматический характер. Синтетическая форма чаще соотносится с ожидаемым результатом, обещанием, намерением или прогнозом. Аналитическая форма, напротив, позволяет представить будущее действие как процесс, который будет разворачиваться в определённом временном интервале. Поэтому при анализе дистантности важна не только грамматическая

форма, но и способ концептуализации будущего события [54, с. 45–48] [86, с. 102–105].

Для анализа будущей дистантности это различие принципиально. Совершенный вид может обслуживать и ближайшее, и среднее, и дальнее будущее, но во всех этих зонах он задаёт ожидание результата. В предложении «Через минуту отвечу» результат почти соприкасается с моментом речи; в предложении «В следующем году защитит диссертацию» действие переносится в среднюю перспективу; в предложении «Когда–нибудь человечество решит эту проблему» результат помещается в неопределённо далёкое будущее. Во всех случаях форма остаётся результативной [86, с. 102–105].

Корпусные данные также подтверждают высокую активность совершенного вида в будущем плане. По наблюдениям, формы настоящего времени несовершенного вида составляют значительную часть презентных употреблений, тогда как среди форм будущего времени особенно часто представлены формы совершенного вида. Это объясняется тем, что будущее событие в речи часто мыслится как отдельный ожидаемый факт: «получим», «выберем», «завершим», «узнаем», «увидим». Корпусные данные подтверждают функциональную асимметрию русской системы времени и вида. Согласно исследованию Митрофановой, формы настоящего времени несовершенного вида составляют 82 % всех случаев употребления настоящего времени, тогда как формы будущего времени совершенного вида — 89 % всех случаев употребления будущего времени. Это означает, что в будущем плане русский язык чаще использует совершенный вид, поскольку будущее событие нередко концептуализируется как единичное, предельное и ориентированное на результат [163, с. 1013–1015].

Функциональная асимметрия между видами обусловлена не только грамматикой, но и лексической семантикой глагола. Совершенный вид естественно представляет действие как конкретное, ограниченное и результативное: «завтра напишу», «после лекции позвоню», «скоро узнаем». Несовершенный вид, напротив, акцентирует длительность или повторяемость: «будем обсуждать»,

«будет развиваться», «будет сохраняться». Поэтому при одинаковой временной отнесённости формы создают разные модели будущей ситуации. Причины функциональной асимметрии связаны с тем, что совершенный вид естественно представляет действие как конкретное, ограниченное и результативное. Поэтому форма «сделает» легко используется в контекстах ближайшего и определённого будущего: «сейчас скажу», «завтра напишу», «скоро узнаем». Несовершенный вид, напротив, акцентирует длительность, повторяемость или процессуальное развитие: «будем обсуждать», «будет развиваться», «будет сохраняться». В таких случаях будущее чаще воспринимается как средняя или дальняя перспектива, хотя окончательная дистанция определяется контекстом [25, с. 110, 130].

Лексико–семантический тип глагола влияет на выбор формы будущего. В предельных парах «читать — прочитать», «петь — спеть», «строить — построить» совершенный вид выражает достижение естественного предела; в перфектных парах «видеть — увидеть», «понимать — понять», «знать — узнать» он обозначает наступление нового состояния восприятия или знания; в парах с отношением однократности и многократности будущая форма может выделять единичный акт из серии действий. Распределение видовых форм зависит также от лексико–семантического типа глагола. Н. М. Стойнова выделяет разные группы видовых пар: предельные пары «читать» — «прочитать», «петь» — «спеть», перфектные пары «видеть» — «увидеть», а также пары с отношением однократности и многократности. Данные различия важны для будущего времени, поскольку не все видовые пары одинаково свободно образуют и употребляют аналитическое будущее несовершенного вида [24, с. 444–450].

В перфектных парах будущее простое особенно естественно, поскольку ожидаемое событие понимается как переход к новому состоянию. Формы «увижу», «пойму», «узнаю», «замечу» обозначают не длительный процесс восприятия, а момент достижения результата. Несовершенный вид в этих случаях возможен, но требует контекста длительности или повторяемости: «буду видеть его каждый день», «буду понимать всё лучше», «буду узнавать новые факты». Так проявляется

зависимость будущего времени от видовой семантики. Особенно показательны перфектные пары, в которых совершенный вид выражает достижение нового состояния восприятия или знания. В будущем времени такие значения чаще требуют результативной интерпретации, поэтому форма совершенного вида оказывается более естественной: «увижу», «пойму», «узнаю». Несовершенный вид в этих случаях возможен, но обычно требует контекста длительности, повторяемости или специально заданной процессуальности. Это подтверждает зависимость будущей референции от видовой семантики глагола. В целом распределение форм по типам видовых пар показывает, что будущее время в русском языке тяготеет к результативной интерпретации действия. Е. В. Падучева описывает это соотношение как своеобразную «зеркальную симметрию» между прошедшим и будущим временными планами. В прошедшем времени несовершенный вид свободнее выражает общефактуальное или процессуальное значение, тогда как в будущем плане чаще активизируется совершенный вид, ориентированный на достижение результата [54, с. 45–48].

Несовершенный вид и будущее сложное. После описания будущего простого следует рассматривать формы несовершенного вида, которые образуют аналитическое будущее, или будущее сложное. Эта форма строится при помощи личной формы вспомогательного глагола «быть» в будущем времени и инфинитива основного глагола: «буду писать», «будешь читать», «будет работать», «будем обсуждать», «будут строить». В отличие от совершенного вида, несовершенный вид не может образовать синтетическое будущее, поскольку его формы без вспомогательного компонента относятся к настоящему времени: «пишу», «читаю», «работает». Будущее сложное представляет действие как процесс, длительность, повторяемость, состояние или незавершённое развитие. Если «напишу статью» фокусирует результат, то «буду писать статью» подчёркивает процесс письма в будущем интервале; если «прочитаю книгу» означает достижение конца чтения, то «буду читать книгу» указывает на занятие чтением. Поэтому аналитическая форма особенно важна для выражения средней и дальней перспективы, где действие мыслится не как точка результата, а как протяжённая ситуация [54, с. 45–48].

Историческое развитие аналитического будущего показывает связь времени, вида и модальности. В древнерусский период будущая референция могла выражаться сочетаниями инфинитива с вспомогательными глаголами фазового и модального типа. Позднее модель «будет + инфинитив» закрепилась как нейтральное средство выражения будущего времени несовершенного вида. Это развитие важно потому, что современная аналитическая форма восходит к конструкциям, где темпоральное значение постепенно отделялось от модально–фазовых оттенков [52, с. 171–175 ; 66, с. 83–85]. В древнерусский период будущее значение могло выражаться сочетаниями инфинитива с вспомогательными глаголами фазового и модального типа. В дальнейшем форма «будет + инфинитив» постепенно закрепилась как наиболее нейтральное средство выражения будущего времени несовершенного вида. Такое развитие показывает, что современное аналитическое будущее восходит к конструкциям, в которых темпоральное значение было тесно связано с модальными и фазовыми оттенками [54, с. 45–48].

В традиционных грамматических описаниях аналитическая форма «будет делать» включается в систему будущего времени как будущее сложное. В «Русской грамматике» противопоставляются «будущее простое» и «будущее сложное», что отражает различие между синтетическими формами совершенного вида и аналитическими формами несовершенного вида. Такая терминология удобна для описания: она показывает, что русская система будущего времени является видо-временной, а не только темпоральной. В традиционных грамматических описаниях аналитическая форма «будет делать» включается в систему будущего времени. В «Русской грамматике» под редакцией Н. Ю. Шведовой различаются «будущее простое» и «будущее сложное», что отражает противопоставление синтетических форм совершенного вида и аналитических форм несовершенного вида. Однако вспомогательный глагол «быть» в форме «буду» отличается от старых модальных вспомогательных глаголов большей семантической нейтральностью. Именно поэтому он закрепился как основной показатель аналитического будущего несовершенного вида. Вспомогательный глагол «быть» в форме «буду» в

аналитическом будущем обладает высокой степенью грамматикализации. В сочетаниях «буду писать», «будет говорить», «будем ждать» он не обозначает самостоятельное существование, а служит показателем будущей временной отнесённости. Основной инфинитив несёт лексическое значение действия и видовую характеристику. Поэтому вся конструкция функционирует как единая грамматическая форма, хотя формально состоит из двух слов [4, с. 89] [58, с. 583–585].

Семантико–прагматическое различие между синтетическим и аналитическим будущим подчёркивается в работах по аспектологии: синтетическая форма чаще соотносится с ожидаемым результатом, обещанием или прогнозом, а аналитическая форма позволяет представить будущее действие как процесс, который будет разворачиваться в определённом временном интервале. Например, «Он решит задачу» сообщает о будущем результате, а «Он будет решать задачу» описывает будущую деятельность, не гарантируя завершения [86, с. 102–105].

Будущее сложное особенно продуктивно в контекстах длительности. Обстоятельства «весь вечер», «несколько месяцев», «долго», «постепенно», «с 2026 по 2030 год» естественно сочетаются с несовершенным видом: «будет работать весь вечер», «будут обсуждать проект несколько месяцев», «система будет постепенно развиваться». В таких случаях грамматическая форма не только относит действие к будущему, но и задаёт внутреннюю протяжённость ситуации [86, с. 102–105].

Повторяемость также является типичной сферой аналитического будущего. Предложения «буду звонить каждую неделю», «студенты будут выполнять задания регулярно», «комиссия будет рассматривать заявления по мере поступления» показывают, что будущее действие может быть представлено как серия повторяющихся актов. Совершенный вид в подобных контекстах возможен только при изменении смысла: «позвоню каждую неделю» звучит как набор отдельных

обещанных результатов, а «буду звонить» — как режим повторения [86, с. 102–105].

Несовершенный вид в будущем может выражать и общефактуальное значение, когда важен сам факт осуществления действия, а не его предел. Вопрос «Вы будете читать этот доклад?» может означать не «прочитаете ли вы его до конца», а «планируется ли сам акт чтения/выступления». Аналогично «будете смотреть фильм?» часто спрашивает о включении действия в будущий план, а не о достижении результата просмотра. Такие случаи показывают, что будущее сложное связано с коммуникативной установкой говорящего. Аналитическое будущее имеет устойчивую морфосинтаксическую структуру, однако его границы с модальными моделями остаются важными для интерпретации. Конструкция «будет делать» выражает процессуальное будущее, тогда как «будет должен сделать», «будет нужно сделать», «будет возможно сделать» добавляют значение необходимости, возможности или обязательности. Дистантность будущего в таких моделях формируется не только временной формой, но и степенью модального осложнения высказывания. Аналитическая конструкция «будет делать» отличается высокой морфосинтаксической устойчивостью, однако её границы с модальными моделями типа «будет должен сделать» или «будет возможно сделать» остаются значимыми для интерпретации. В первой конструкции главным является процессуальное будущее значение, во второй — модальная оценка будущего действия [182, с. 200–218].

Статус аналитических форм в морфологической системе оценивается неодинаково. Структуралистская позиция подчёркивает необходимость различать собственно морфологическую форму и синтаксическую конструкцию; поэтому составные образования могут рассматриваться как периферийные по отношению к синтетической парадигме. Однако функционально «буду делать» является устойчивым средством выражения будущей референции и не может быть исключено из описания русской временной системы. Структуралистская позиция **Р. О. Я**кобсона также важна для понимания статуса аналитических форм. Он

осторожно относил составные образования к периферии собственно морфологической системы глагола. В современном описании это позволяет разграничивать морфологическую форму и синтаксическую конструкцию, не исключая при этом их участия в выражении будущей референции. Следовательно, аналитическое будущее следует рассматривать как устойчивое грамматическое средство, функционально включённое в систему времени. А. В. Исаченко предлагает рассматривать синтетические формы настоящего времени несовершенного вида и будущего времени совершенного вида в зоне «непрошедшего». Для аналитического будущего это важно тем, что оно ясно отделяет несовершенный вид от настоящего времени: «делаю» относится к настоящему или обобщённому плану, а «буду делать» переносит процесс в будущую перспективу. Тем самым вспомогательный компонент снимает двусмысленность между настоящей и будущей локализацией [98, с. 213] [48, с. 76].

Корпусные наблюдения показывают, что в будущем времени формы несовершенного вида во многих видовых парах употребляются реже, чем в прошедшем. Например, в парах типа «терять — потерять» или «видеть — увидеть» доля несовершенного вида в будущем плане может резко снижаться, потому что говорящий чаще ожидает конкретный результат — «потеряет», «увидит», «узнает». Это не отменяет будущего сложного, но показывает его функциональную специализацию. Так, в паре «терять» — «потерять» доля несовершенного вида снижается с 17 % в прошедшем времени до 2 % в будущем; в паре «видеть» — «увидеть» — с 63 % до 1 %. Эти данные свидетельствуют о том, что общефактуальное и процессуальное значение несовершенного вида ограничено в будущем плане сильнее, чем в прошедшем [65, с. 1–40].

Следовательно, будущее сложное не является простой заменой будущего простого. Оно нужно тогда, когда говорящий не хочет или не может представить действие как завершённый результат. В предложении «Мы будем обсуждать этот вопрос» важен сам процесс обсуждения; в предложении «Мы обсудим этот вопрос» важен результат — вопрос будет рассмотрен. Такая разница особенно существенна

при анализе научного, административного и публицистического дискурса, где выбор вида задаёт степень определённости будущего [65, с. 1–40].

Футуральное настоящее и контекстуальные глагольные средства. Помимо собственно будущих форм, в русском языке существуют глагольные формы настоящего времени, которые в определённых условиях получают футуральную интерпретацию. Речь идёт о так называемом футуральном настоящем: «Завтра поезд отправляется в восемь», «На следующей неделе комиссия рассматривает вопрос», «В понедельник мы начинаем новый курс». Эти формы остаются формами настоящего времени несовершенного вида, но контекст расписания, плана или заранее установленного порядка переносит событие в будущее. Прагматический аспект особенно заметен при употреблении настоящего времени с футуральной семантикой. В русском языке формы настоящего времени могут обозначать будущее действие, если оно связано с расписанием, планом или заранее установленным порядком: «Завтра поезд отправляется в восемь», «На следующей неделе комиссия рассматривает вопрос». Подобные формы не являются собственно формами будущего времени, однако они выражают высокую степень предопределённости события. В более широком плане это соотносится с наблюдениями Б. Комри о способности настоящего времени создавать эффект непосредственности и актуальности ситуации [120, с. 44].

Футуральное настоящее отличается от будущего простого и будущего сложного тем, что оно выражает не столько прогноз, сколько предопределённость. Когда говорящий говорит «самолёт вылетает завтра утром», событие представляется как часть расписания; когда он говорит «самолёт вылетит завтра утром», акцент смещается на факт будущего наступления события. Таким образом, выбор между настоящим с футуральным значением и формой будущего времени зависит от степени институциональной заданности ситуации [120, с. 44].

Формы настоящего времени с будущей референцией особенно характерны для контекстов движения, начала, завершения мероприятий, расписания и официальных планов: «заседание начинается в десять», «выставка открывается

завтра», «делегация прибывает вечером». Они могут сочетаться с обстоятельствами будущего времени и при этом не превращаются в морфологическое будущее. Это важно для описания дистантности: будущее значение здесь задаётся не только глагольной формой, но и временным обстоятельством, жанром и коммуникативной ситуацией [120, с. 44].

Футуральное настоящее показывает, что дистантность не закреплена жёстко за одной грамматической формой. Одна и та же форма может обозначать разные временные зоны в зависимости от обстоятельств времени: «сейчас приду», «завтра приду», «когда–нибудь приду к этому выводу»; аналогично «завтра уезжаю» и «через год уезжаю» различаются не формой глагола, а контекстом. Поэтому глагольная форма задаёт способ представления будущего действия, а конкретная временная удалённость определяется взаимодействием вида, лексики, обстоятельств и коммуникативной ситуации [120, с. 44].

С контекстуальной футуральностью связаны также инфинитивные, императивные и модально–предикативные конструкции. В высказываниях «мне завтра ехать», «ему скоро отвечать», «нам ещё работать» инфинитив может указывать на предстоящее действие, особенно если присутствует обстоятельство будущего времени. В конструкциях «надо будет сделать», «можно будет обсудить», «нужно будет проверить» будущее значение соединяется с модальностью необходимости или возможности. Такие формы расширяют систему глагольных средств будущей референции. Форма «будет» может входить не только в аналитическое будущее с инфинитивом, но и в сочетания с модальными словами и предикативами: «будет должен», «будет нужно», «будет можно», «будет необходимо». Эти модели выражают не процесс будущего действия, а оценку будущей ситуации с точки зрения обязательности, возможности или допустимости. Для анализа будущей дистантности они важны потому, что отдалённое событие часто описывается не как факт, а как предполагаемая необходимость или вероятность [64, с. 344–345].

Форма «будет» может входить не только в конструкцию с инфинитивом, но и в сочетания с модальными словами и предикативами: «будет должен», «будет нужно», «будет можно». Такие модели соединяют футуральное значение с семантикой необходимости, возможности или обязательности. Для анализа дистантности это особенно важно, поскольку по мере удаления события от момента речи возрастает роль модальной оценки: действие может представляться не только будущим, но и вероятным, необходимым, желательным или обязательным. Модально–предикативные конструкции позволяют различать несколько планов будущего. В «он будет работать» основное значение процессуально–временное; в «он будет должен работать» появляется обязанность; в «ему нужно будет работать» субъект действия представлен через необходимость; в «ему можно будет работать» подчёркивается разрешение или возможность. Во всех случаях будущее значение сохраняется, но способ его выражения меняется: от чисто грамматического будущего к модально осложнённой футуральности [58, с. 583–585].

Исторический материал подтверждает, что аналитическое будущее русского языка развивалось из более широкого круга конструкций, в которых временное значение было связано с модальностью, фазовостью и намерением. Поэтому современное противопоставление «сделает» — «будет делать» следует рассматривать не изолированно, а в системе средств, выражающих будущую перспективу: синтетических, аналитических, контекстуальных и модальных [52, с. 171–175 ; 66, с. 83–85].

Таким образом, русская оппозиция будущего простого и будущего сложного является не формальным различием между двумя способами образования будущего времени, а выражением глубокой связи времени, вида, модальности и прагматики. Синтетическая форма будущего времени совершенного вида представляет действие как целостное, предельное и результативное, поэтому часто используется в контекстах ближайшего или определённого будущего. Аналитическая форма будущего времени несовершенного вида выражает

длительность, процессуальность или повторяемость и поэтому продуктивна при описании средней и дальней перспективы.

Исторический материал подтверждает, что аналитическое будущее несовершенного вида развивалось из конструкций с модальными и фазовыми вспомогательными глаголами. Постепенное закрепление модели «будет + инфинитив» как нейтральной формы будущего времени показывает, что русская система будущего формировалась на пересечении темпоральных, аспектуальных и модальных значений. Следовательно, оппозиция синтетического и аналитического будущего в русском языке является не просто формальным различием между двумя способами образования будущего времени. Она отражает более глубокое взаимодействие времени, вида, модальности и прагматики. Именно это взаимодействие определяет потенциал русских глагольных форм в выражении ближней, средней и дальней дистантности будущего действия.

2.1.2. Оппозиция временных форм будущего в турецком языке

В турецком языке будущая референция выражается не только специальной формой будущего времени, но и рядом других глагольных форм, которые получают футуральную интерпретацию в определённом контексте. К числу таких средств относятся аорист, форма настоящего длительного времени на «–yor» 'йор', собственная форма будущего времени на «–(y)AcAk» '(й)аджак', условные формы и аналитические конструкции с вспомогательным глаголом «olmak» ('быть', 'становиться'). Для анализа дистантности это принципиально важно: степень удалённости будущего действия определяется не только морфологическим показателем, но и временным обстоятельством, модальностью и коммуникативной ситуацией.

При такой постановке вопроса оппозиция временных форм понимается не как простое перечисление грамматических показателей, а как система функциональных различий между формами. Специализированная форма будущего времени обозначает постериорность наиболее прямо; форма настоящего

длительного времени переносится в будущий план через значение актуальной подготовленности; аористическая форма соединяет футуральную интерпретацию с потенциальностью, готовностью, привычностью или предположением.

В настоящем разделе материал расположен по степени центральности форм: сначала рассматривается форма «–(y)AcAk» '(й)аджак', затем форма настоящего длительного времени «–yor» 'йор', после неё — аористические формы «–Ar/–Ir» 'ар/ыр'. В последней части анализируются условные, пересказывательные и аналитические конструкции с «olmak» ('быть', 'становиться'), поскольку они расширяют собственно временную систему и показывают связь будущего значения с модальностью и относительной временной перспективой.

Форма будущего времени на «–(y)AcAk» '(й)аджак'. Форма «–(y)AcAk» '(й)аджак' является наиболее прозрачным показателем будущего времени, но её семантический объём шире нейтрального указания на последующее действие. В зависимости от контекста она может выражать план, намерение, долженствование, предупреждение, косвенно переданное сообщение или нереализованное условие. Поэтому при её описании важно различать морфологическую форму и фактическую функцию высказывания.

Собственная форма будущего времени на «–(y)AcAk» '(й)аджак' выражает действие, следующее за моментом речи. Однако она не ограничивается нейтральным обозначением постериорности. В определённых контекстах эта форма может передавать приказ, обязательство, намерение, предупреждение или условное значение. Тахсин Бангуоглу показывает, что форма будущего времени используется для выражения категорического предписания: «Yarın işe buradan başlayacaksın» ('Завтра начнёшь работу отсюда.') В предложении «Parayı hemen ödeyecek, yoksa…» ('Он немедленно заплатит, иначе…') будущая форма также приобретает оттенок давления на адресата [109, с. 465–467].

Сопоставление с русским языком показывает, что форма «–(y)AcAk» '(й)аджак' не имеет одного постоянного переводческого соответствия. В одних случаях она передаётся русской формой будущего совершенного вида, например «сделает», «придёт», «напишет». В других случаях требуется аналитическое

будущее несовершенного вида: «будет писать», «будет работать». Это связано с тем, что турецкая форма не противопоставляет завершённость и незавершённость так, как это делает русская видовая система.

Форма будущего времени может выражать несостоявшуюся необходимость или действие, которое должно было быть выполнено в прошлом. Например, в высказывании «İşin sonunu düşünecektin» ('Ты должен был подумать о конце дела') форма «düşünecektin» обозначает не собственно будущее, а упрёк за невыполненное действие. Сходное значение представлено в предложении «Daha soğukkanlı olacaktınız» ('Вы должны были быть более спокойными') В таких случаях будущая форма сближается с конструкциями необходимости: «Bu işi düşünmeliydin / düşünecektin» ('Ты должен был подумать об этом деле') [109, с. 465–467].

Кроме того, будущее время участвует в выражении нереального условия. В предложении «Bana söylese cevabını alacaktı» ('Если бы он сказал мне, он бы получил ответ') форма «alacaktı» (‘бы получил’) указывает на нереализованное последствие условной ситуации. Аналогичное значение имеет пример «Vaktinde dönmeseydik ıslanacaktık» ('Если бы мы не вернулись вовремя, мы бы промокли') [109, с. 465–467]. Для настоящего исследования важно, что такие формы уже не выражают простую постериорность, а переходят в область модальной и условной интерпретации.

Данное употребление сопоставимо с аористическими формами прошедшего плана, например «alırdı» ('он бы взял'), «olurdun» ('ты бы стал'), «ıslanırdık» ('мы бы промокли'). Однако формы типа «alacaktı» (‘бы получил’) сильнее подчёркивают направленность действия к предполагаемому результату, тогда как аористические формы прошедшего плана чаще передают более обобщённую или потенциальную ситуацию. Поэтому при анализе турецкого материала необходимо учитывать не только временную форму, но и модальный тип контекста.

Следовательно, собственная форма будущего времени в турецком языке задаёт грамматическую рамку постериорности, а дальнейшая семантическая детализация осуществляется за счёт контекста. В этом отношении она является удобной точкой отсчёта для анализа всех остальных форм, поскольку именно по

отношению к ней определяется периферийность или конкурирующая функция форм «–yor» 'йор' ('показатель настоящего времени'), «–Ar/–Ir» 'ар/ыр' ('аористический показатель') и аналитических конструкций

Отдельную группу образуют пересказывательные формы будущего времени с показателем «–miş» 'миш' ('показатель эвиденциальности и пересказывательности'). Они могут передавать будущее действие как информацию, полученную косвенно, или как предполагаемое намерение. Например, высказывание «Mayısta nişanlanacaklarmış» ('Говорят, они обручатся в мае') обозначает будущее событие, о котором говорящий сообщает не как о непосредственном знании, а как о переданной информации. В предложении «Arabayı değiştirecekmişsin» ('Говорят, ты собираешься поменять машину') форма «değiştirecekmişsin» соединяет значение будущего намерения с пересказывательностью [109, с. 465–467].

Условная форма будущего времени используется в конструкциях, где будущее действие зависит от выполнения определённого условия. Например, в высказывании «Alacaksan al beni, bu kadar korku olmaz» ('Если собираешься взять, возьми меня, такого страха не будет') форма «alacaksan» ('Если собираешься взять) выражает действие, возможность которого зависит от намерения адресата. В предложении «Gideceksek yer ayırtalım» ('Если мы собираемся ехать, давайте забронируем место') будущая форма указывает на планируемое действие, реализация которого ещё не определена окончательно. В примере «Peşin para vereceklerse görüşürüz» ('Если они дадут аванс, мы встретимся') форма будущего времени задаёт зависимость одного будущего действия от другого [109, с. 465–467].

А. Дилачар подчёркивает, что временные формы не следует рассматривать как механические грамматические ярлыки: их значение раскрывается в связи с глагольной формой, контекстом и функцией в высказывании [127, с. 84–112]. Такой подход особенно продуктивен при описании турецкого языка, где одна и та же форма может участвовать в выражении времени, модальности, условия, намерения или косвенной оценки.

В турецкой лингвистической традиции форма «–EcEk» 'эджек' может рассматриваться через соотношение момента речи, времени события и референциального времени. Это важно для объяснения случаев, где будущее действие интерпретируется относительно дополнительной точки отсчёта, а не только относительно момента речи [103, с. 15–67].

Кроме личных форм будущего времени, показатель «–(y)AcAK» '(й)аджак' участвует в построении субстантивированных причастных структур. Формы на «–DIğI/–(y)AcAğI» 'дыы/(й)аджаы' описываются как результат субстантивации форм «–DIK/–(y)AcAK» 'дык/(й)аджак' при присоединении аффиксов принадлежности, что расширяет сферу реализации футуральной семантики [92, с. 394–395].

Форма настоящего длительного времени на «–yor» 'йор'. Форма «–yor» 'йор' отличается от «–(y)AcAk» '(й)аджак' тем, что её исходное значение связано с настоящим процессом. Футуральная интерпретация появляется не как основная грамматическая функция, а как контекстуальное расширение, обычно поддержанное временным указателем или ситуацией предварительного планирования.

Форма настоящего длительного времени на «–yor» 'йор'. в основном значении обозначает действие, происходящее в момент речи. Например, формы «yapıyorum» ('я работаю'), «fırtına kopuyor» ('штормит') и «Şimdi yazıyorum» ('Сейчас я пишу') представляют ситуацию как актуальную и наблюдаемую [156, с. 123]. Эргин связывает настоящее время с большей конкретностью и наблюдаемостью действия, поскольку оно соотносится с ситуацией, воспринимаемой как актуальная или непосредственно подтверждаемая [135, с. 289].

Именно поэтому форма «–yor» 'йор' особенно характерна для высказываний, где будущее действие представлено как уже решённое. Говорящий не просто сообщает, что событие произойдёт, а показывает, что оно включено в актуальный план. В этом смысле прогрессивная форма сохраняет связь с настоящим: будущность выводится из настоящей подготовленности действия. При наличии указателей будущего времени форма на «–yor» 'йор' может обозначать ближайшее

или заранее запланированное будущее. Так, в высказывании «Yarın Ankara’ya gidiyorum» ('Завтра я еду в Анкару') форма «gidiyorum» грамматически относится к настоящему длительному времени, но семантически выражает будущий план. Сходное значение наблюдается в примерах «Anlaşıldı, yarın gidiyorum» ('Хорошо, завтра уезжаю') и «Ay sonu maaşlar yatıyor» ('В конце месяца выплачиваются зарплаты') [109, с. 464–465]. Такая форма обычно указывает на действие, которое уже решено, подготовлено или включено в план, поэтому она особенно характерна для описания запланированного будущего.

В переводе на русский язык такие формы часто передаются настоящим временем с будущим значением: «завтра еду», «в конце месяца выплачиваются», «завтра уезжаю». Однако при необходимости подчеркнуть именно будущую отнесённость возможны и формы будущего времени: «поеду», «будут выплачены», «уеду». Выбор перевода зависит от того, что важнее в контексте — план, факт будущего действия или его организационная определённость.

Настоящее длительное время может обозначать и несостоявшееся ближайшее будущее в прошлом. В предложении «Tam itiraf ediyordum, kapı çaldı» ('Я как раз собирался признаться, но зазвонил дверной звонок') форма «itiraf ediyordum» передаёт действие, близкое к реализации, но не осуществившееся. В высказывании «Neredeyse geç kalıyorduk» ('Мы чуть не опоздали') форма на «–yor» 'йор' в прошедшем плане также выражает приближение к событию, которое фактически не наступило или было предотвращено [109, с. 464–465]. В этом значении она сближается с формами типа «gidecektim» ('я собирался выйти') и «kurtulacaktık» ('мы чуть не спаслись'), поскольку все эти конструкции соотносят потенциальное действие с прошедшей точкой отсчёта.

Аористические формы на «–Ar/–Ir» 'ар/ыр'. Аористическая форма занимает наиболее сложное место в системе, поскольку она не является собственно будущим временем. Её базовые значения связаны с повторяемостью, обычностью, типичностью или потенциальностью действия. Тем не менее именно эти значения создают условия для футуральной интерпретации в тех случаях, когда говорящий представляет будущее событие как ожидаемое, вероятное или типичное.

Мухаррем Эргин отмечает, что аорист может выражать будущее значение в вероятностном плане, тогда как форма настоящего времени чаще соотносится с более близким и конкретным временным отрезком [135, с. 302]. Аористическая форма на «–Ar/–Ir» 'ар/ыр' обычно передаёт регулярное, повторяющееся или обобщённое действие. Например, в высказывании «Her gün okula giderim» ('Я каждый день хожу в школу') форма «giderim» ('хожу') обозначает привычное действие [139, с. 84]. Однако при наличии будущего маркера та же форма может получать футуральное значение: «Yarın gelir» ('Завтра, вероятно, придёт') В таком случае будущее значение возникает не из одной формы, а из взаимодействия аориста, ситуации и временного контекста [135, с. 302].

В сопоставлении с русским языком аорист не имеет прямого соответствия с одной конкретной формой будущего времени. В зависимости от контекста он может передаваться формой совершенного вида, например «придёт», или конструкциями с модальным оттенком: «может прийти», «вероятно, придёт». Поэтому аорист следует рассматривать как периферийное средство выражения будущей референции, связанное с вероятностью, обобщённостью и типичным развитием ситуации. В отличие от формы «–(y)AcAk» '(й)аджак', аорист часто ослабляет категоричность высказывания. Он позволяет говорить о будущем не как о полностью определённом факте, а как о вероятном или естественно ожидаемом развитии ситуации. Поэтому при переводе на русский язык нередко требуются модальные элементы: «вероятно», «может», «должен», «скорее всего».

Тахсин Бангуоглу также показывает, что аорист может получать футуральную интерпретацию при наличии временных указателей или модального контекста. В высказывании «İşleri yarın yaparım» ('Завтра я сделаю дела') форма «yaparım» выражает не привычное действие, а действие, отнесённое к будущему плану. В предложении «Peki, söylerim» ('Хорошо, скажу') аорист передаёт ближайшее намерение или готовность выполнить действие [109, с. 462–463]. В подобных случаях аористическая форма важна для описания описания запланированного будущего, хотя сама по себе она не кодирует степень временной удалённости.

Аористическая форма может участвовать и в выражении необходимости или побуждения. Например, в предложении «Pazardan alınacakları alırsın» ('Ты купишь то, что нужно купить на рынке') форма «alırsın» обозначает не только будущее действие, но и мягкое предписание. Кроме того, аорист используется в условных конструкциях: «Sabaha gelirsen kahvaltı yaparız» ('Если придёшь утром, позавтракаем') и «Cayarsak gücenmeyesiniz» ('Если мы отступим, не обижайтесь') [109, с. 462–463]. Следовательно, будущее значение аориста формируется через сочетание временного ориентира, условия и модальной установки говорящего. Аорист также важен для описания речевых актов обещания, согласия и мягкого предписания. В таких случаях он не просто локализует действие в будущем, а выражает готовность говорящего или адресата выполнить действие. Это отличает его от нейтральной формы будущего времени и объясняет его активность в диалогических контекстах.

Исследование М. Каныка подтверждает, что турецкий аорист не ограничивается значением настоящего или обобщенного времени, а функционирует на пересечении времени, вида и модальности. В корпусном материале автора наиболее частотные функции аориста — предположение и обязательство — составляют 56 % его употреблений и связаны с неопределенной будущей перспективой [149, с. 103, 108–109]. Это важно для настоящей работы, поскольку показывает, что будущая референция в турецком языке может выражаться не только формой на «–(y)AcAk» '(й)аджак', но и аористом, а также прогрессивной формой в соответствующем микроконтексте [149, с. 109–113].

Условные, пересказывательные и аналитические конструкции. Аналитические формы с «olmak» ('быть', 'становиться') образуют отдельный слой средств будущей референции. Их функция состоит не только в обозначении будущего действия, но и в уточнении его внутренней временной структуры. Они позволяют показать, будет ли действие завершено к определённому моменту, будет ли оно продолжаться или находиться в фазе приближения к реализации.

В сопоставительном плане аналитические конструкции будущей ориентации позволяют точнее показать различие между собственно временным значением,

аспектуальной характеристикой и модальной направленностью действия. В тюркологических описаниях подобные формы могут рассматриваться в связи с конструкциями, обозначающими близость реализации действия, целевую направленность или сложную временную организацию высказывания. Так, конструкции со значением приближения к реализации соотносятся с русскими средствами типа «вот–вот», «собираться», «быть на грани совершения действия» [30, с. 456; 107, с. 342–346]. В турецкой грамматической традиции для подобных сложных временных образований используется понятие «bileşik zamanlı eylemler» ('глаголы сложного времени'), что важно учитывать при сопоставлении татарских аналитических средств с другими тюркскими языками [138, с. 352].

Для описания будущей референции значимы также относительные временные конструкции. Жаклин Корнфильт рассматривает относительные времена как формы, значение которых определяется не только моментом речи, но и другой временной точкой отсчёта [155, с. 34]. В турецком языке к таким конструкциям относятся формы «–miş olacak» 'миш оладжак' ('будет сделано', 'окажется сделанным') и «–İyor olacak» 'ийор оладжак' ('будет делать') «–mEktE olacak» 'мэктэ оладжак' (будет + несовершенный вид глагола) которые позволяют представить действие как предшествующее, одновременное или продолжающееся по отношению к некоторому будущему ориентиру.

Сема Аслан относит конструкции «–miş olacak» 'миш оладжак' ('будет сделано', 'окажется сделанным') и «–İyor olacak» 'ийор оладжак' ('будет делать') к средствам выражения будущей референции в турецком языке. Эти формы обозначают не просто действие после момента речи, а действие, соотнесённое с определённой будущей точкой отсчёта [105, с.12–14]. В грамматическом описании турецкого языка конструкции такого типа также рассматриваются как формы, уточняющие отношение действия к будущему ориентиру и позволяющие передать результативность или процессуальность относительно будущей точки [139, с. 317]. Сопоставительно это особенно важно, поскольку в русском языке подобные значения часто выражаются сочетанием будущего времени, вида, обстоятельств времени и лексических средств. В турецком языке значительная часть этой

семантики может быть оформлена аналитически, через сочетание неличной формы и вспомогательного глагола.

Особое место занимает конструкция «–miş olacak» 'миш оладжак'. Тахсин Бангуоглу определяет её как форму «будущего до момента», то есть как значение предшествования по отношению к определённому будущему ориентиру [109, с. 485]. Иными словами, данная конструкция выражает действие, которое будет завершено к некоторому моменту в будущем. В высказывании «Yarın makaleyi bitirmiş olacak» ('Завтра он уже закончит статью.') действие представлено как результат, достигнутый к будущей точке. Сходное значение возможно и в форме с аористом: «Yarın makaleyi bitirmiş olursun» ('Завтра ты окажешься закончившим статью.') Однако форма «bitirmiş olacak» сильнее подчёркивает будущую отнесённость и завершённость действия [109, с. 483–485].

Бангуоглу также указывает, что подобные формы могут получать не только темпоральное, но и модальное значение. Если конструкция типа «mış olacak» употребляется в контексте необходимости или распоряжения, на первый план выходит не столько указание на будущее время, сколько значение действия, которое должно быть выполнено к определённому моменту [109, с. 483–485]. Следовательно, форма «–miş olacak» 'миш оладжак' может выражать как будущую результативность, так и обязательность выполнения действия. Конструкция «–İyor olacak» 'ийор оладжак' в лингвистической литературе описывается как форма будущего длительного, или прогрессивного, значения. Один из терминологических вариантов связывает её с выражением будущей длительности [16, с. 33]. В другой традиции данная конструкция определяется через значение непрерывности в будущем времени, поскольку действие мыслится как продолжающееся относительно будущего ориентира [130, с. 54].

В. Г. Гузев также рассматривает подобные формы как средства переноса процессуального значения в будущий план. Несмотря на терминологические различия, все эти определения указывают на одну общую особенность: действие представлено как продолжающееся в некоторый будущий момент [17, с. 211].

Зейнеп Коркмаз рассматривает подобные конструкции как средство выражения длительности действия в будущем. В качестве иллюстрации она приводит контекст, соответствующий русскому предложению «Ваш друг завтра в это время будет путешествовать на пароходе по голубым водам Средиземного моря» [154, с. 704–705]. Сходное объяснение даёт Жаклин Корнфильт: в примере «Yarın saat beşte mektup yazıyor olacağım» ('Завтра в пять часов я буду писать письмо.') конструкция «yazıyor olacağım» обозначает действие, которое будет находиться в процессе реализации в указанную будущую точку [155, с. 342].

Ахмет Бенцер, анализируя высказывание «Sen tatildeyken biz hâlâ çalışıyor olacağız» ('Когда ты будешь на отдыхе, мы всё ещё будем работать.'), подчёркивает, что компонент «İyor» передаёт процессуальность, тогда как показатель «–(y)AcAk» '(й)аджак' соотносит действие с будущим планом [110, с. 167–168]. Это наблюдение особенно важно для сопоставления с русским языком: турецкая конструкция «çalışıyor olacağız» функционально близка русской аналитической форме «будем работать», но выражает её через сочетание прогрессивного показателя и будущей формы вспомогательного глагола.

Сема Аслан указывает, что в конструкциях типа «–İyor olacak» 'ийор оладжак' действие может быть представлено как ограниченное определёнными временными рамками в будущем [105, с. 24]. В аспекте дистантности это означает, что форма «–İyor olacak» 'ийор оладжак' обычно связана со среднесрочной или дальней перспективой, особенно если в контексте присутствуют указатели типа «завтра в это время», «через неделю», «к тому моменту». В отличие от неё, конструкция «–miş olacak» 'миш оладжак' представляет действие как уже завершённое к будущей точке.

Бангуоглу рассматривает и другие сложные конструкции с вспомогательным глаголом «olmak» ('быть', 'становиться'), которые могут участвовать в выражении будущей референции и модальных значений. Так, формы типа «ır olmak» связываются с началом или становлением определённого состояния. В примерах «Bugünleri arar olacaksınız» ('Вы будете вспоминать эти дни.') и «Yüzümüze bakmaz olacak» ('Он перестанет смотреть нам в лицо.') действие или состояние соотносится

с будущей перспективой и мыслится как результат постепенного изменения [109, с. 485].

В разделе о сложных глагольных структурах Бангуоглу выделяет также конструкции, связанные с намерением. Они могут образовываться с помощью форм типа «ecek» 'эджек' и «ici» 'иджи': «Gidici olduk» ('Мы стали уходить.'), «Söyleyecek olursun» ('Ты скажешь / если скажешь.') [109, с. 485]. Для настоящего исследования эти формы имеют вспомогательное значение: они показывают, что будущая референция может соединяться с намерением, состоянием или условностью.

Конструкция «–mEktE olacak» 'мэктэ оладжак' выражает действие, которое, как предполагается, будет находиться в процессе реализации в будущем. По своей семантике она близка к форме «–İyor olacak» 'ийор оладжак', однако является менее частотной и употребляется в более ограниченных контекстах. В отличие от нейтральной прогрессивной конструкции «–İyor olacak» 'ийор оладжак', форма «–mEktE olacak» 'мэктэ оладжак' чаще воспринимается как книжная или специально маркированная. Она может использоваться для обозначения ожидаемого процесса в будущем, особенно если в высказывании присутствуют временные обстоятельства, уточняющие будущий ориентир [171, с. 136].

Иной характер имеет конструкция «–mEk üzere olacak» 'мек узере оладжак'. Владимир Григорьевич Гузев рассматривает её в связи с формами ближайшего будущего [17, с. 212]. Данная конструкция обозначает действие, которое находится на грани осуществления и должно произойти вскоре после обозначенного момента. Поэтому она особенно значима для выражения обозначения непосредственного перехода к будущему действию: будущее событие здесь мыслится как практически подготовленное или непосредственно приближающееся.

Таким образом, турецкая система будущей референции имеет функционально сложный характер. Аорист способен передавать вероятностное, обобщённое или условно зависимое будущее; форма на «–yor» 'йор' часто выражает ближайшее и запланированное действие; форма на «–(y)AcAk» '(й)аджак' маркирует собственно будущее время, но может получать модальные оттенки

приказа, необходимости, намерения, нереального условия и пересказывательности. Аналитические конструкции с «olmak» позволяют дополнительно различать завершённость к будущей точке, процессуальность в будущем интервале и непосредственную близость наступления действия.

Следовательно, оппозиция временных форм будущего в турецком языке не сводится к противопоставлению одной формы будущего времени другим временным формам. Конкретная зона будущей референции определяется взаимодействием глагольной формы, временного наречия, условной рамки, модальности и контекста. Именно поэтому при сопоставлении с русским языком турецкие формы будущей референции следует переводить не механически, а с учётом того, выражает ли форма план, намерение, вероятность, обязанность, завершённость к будущей точке или процессуальность в будущем интервале.

В результате последовательное рассмотрение форм показывает, что турецкая система будущего времени организована не по принципу одной доминирующей формы и ряда случайных исключений. Напротив, каждая форма имеет собственную область употребления и собственный способ участия в построении будущей перспективы.

Форма «–(y)AcAk» '(й)аджак' наиболее близка к грамматическому будущему времени в узком смысле. Она выражает действие, следующее за моментом речи, и может употребляться как в повествовательных, так и в директивных, условных, пересказывательных и контрфактических контекстах. Именно поэтому её описание должно предшествовать анализу остальных форм.Форма «–yor» 'йор' показывает, что в турецком языке настоящее длительное время может быть связано с будущей референцией без изменения своей морфологической структуры. В таких случаях будущее значение создаётся не специальным показателем, а сочетанием формы, временного обстоятельства и знания о плане или расписании. Аорист «–Ar/–Ir» 'ар/ыр' демонстрирует иной механизм: будущность выводится из потенциальности, типичности или ожидаемости действия. Поэтому он особенно чувствителен к модальному контексту и нередко требует более осторожного перевода на русский язык. Аналитические конструкции с «olmak» ('быть', 'становиться') завершают

систему, поскольку позволяют выразить такие отношения, которые простыми временными формами передаются менее точно. Они показывают, что будущее действие может быть представлено как завершённое к определённой точке, продолжающееся в будущем интервале или находящееся в фазе непосредственной реализации.

Такой порядок анализа позволяет избежать прежней разорванности изложения, когда аорист, форма «–yor» 'йор' и форма «–(y)AcAk» '(й)аджак' рассматривались без ясной иерархии. В новой структуре сначала описывается ядро системы, затем контекстуально–футуральные формы и только после этого — сложные аналитические образования. Для сопоставления с русским языком важно, что турецкие формы не должны переводиться по формальному признаку. Форма «–(y)AcAk» '(й)аджак' может соответствовать разным русским формам; форма «–yor» 'йор' может передаваться настоящим временем с будущим значением; аорист может требовать модальных компонентов. Поэтому переводческий анализ должен учитывать функцию формы в конкретном высказывании.

Наконец, все рассмотренные формы подтверждают общее положение о том, что будущая референция в турецком языке формируется на пересечении времени, модальности, аспектуальности и синтаксиса. Поэтому оппозиция временных форм будущего является не только морфологической, но и функционально–семантической. Таким образом, разделение турецких форм на центральные и периферийные не означает их неравноценности. Форма «–(y)AcAk» '(й)аджак' действительно является основной формой будущего времени, но «–yor» 'йор', аорист и аналитические конструкции выполняют функции, без которых описание будущей референции было бы неполным.

Выводы. Таким образом, анализ оппозиции временных форм будущего в турецком языке показывает, что будущая референция не ограничивается одной специальной формой будущего времени. Наряду с показателем будущего активно функционируют аорист, форма настоящего длительного времени, условные конструкции и сложные формы с вспомогательным глаголом «olmak» ('быть', 'становиться'). Эти средства различаются по степени определённости, модальности

и способу представления действия: аорист чаще передаёт вероятность, готовность или обобщённое ожидание, форма на «–yor» 'йор' указывает на запланированное и практически подготовленное будущее, а форма будущего времени может выражать приказ, обязательство, намерение или условность.

Особую роль в выражении дистантности играют аналитические конструкции типа «–miş olacak» 'миш оладжак', «–İyor olacak» 'ийор оладжак', «–mEktE olacak» 'мэктэ оладжак' и «–mEk üzere olacak» 'мек узере оладжак'. Они позволяют уточнять не только временную удалённость события, но и его аспектуальный профиль: завершённость к будущей точке, процессуальность в будущем интервале или непосредственную близость наступления действия. Следовательно, в турецком языке дистантность формируется как результат взаимодействия глагольной формы, временного маркера, модального значения и коммуникативного контекста. Поэтому при сопоставлении с русским языком такие формы следует рассматривать не как прямые формальные эквиваленты, а как функциональные средства выражения будущей перспективы.

2.1.3. Оппозиция временных форм будущего в татарском языке

В татарском языке будущее время не всегда рассматривается прежде всего с точки зрения временной удалённости события. Его грамматические формы выражают не только расположение действия относительно момента речи, но и отношение говорящего к его реализации: ожидание, предположение, намерение, вероятность или уверенность. Поэтому футуральность в татарском языке выступает не как чисто темпоральная категория, а как область пересечения времени и модальности.

Основная грамматическая оппозиция будущего времени в татарском языке традиционно представлена двумя формами: неопределённым будущим временем с показателем «–r» (‘–р’), реализуемым также в вариантах «–ır» (‘–ыр’) и «–er» (‘–ер’), и определённым будущим временем с показателями «–açaq» (‘–ачак’) и «–äçäk» (‘–әчәк’). В традиционных грамматиках это противопоставление описывается через термины «неопределённое будущее» и «определённое

будущее». Однако с функциональной точки зрения данное различие связано не только с временной перспективой, но и со степенью эпистемической определённости действия.

Определённое, или категорическое, будущее время выражает более высокую степень уверенности говорящего в том, что действие будет реализовано. Оно может указывать на запланированность, намеренность или ожидаемую неизбежность действия. В противоположность этому неопределённое будущее время функционирует в сфере предположения, общего ожидания и вероятности; оно может передавать тенденцию, возможность, закономерность или менее категоричное представление о будущем событии [71, с. 140–166]. Такая структура показывает, что эпистемическое измерение является одним из существенных факторов организации татарской глагольной системы.

Модальная природа будущего времени подтверждается и тем, что в татарском языке формы будущего времени не принадлежат в полной мере сфере реализованной действительности. Согласно Гильфановой и Гильфанову, будущее время по своей природе тесно связано с областью ирреальной модальности, поскольку обозначает ещё не осуществившиеся события [13, с. 262–266]. Даже в рамках изъявительного наклонения формы будущего времени могут выражать не только темпоральное значение, но и такие модальные оттенки, как намерение, воля, планирование и обязательство [13, с. 263–264].

Эта особенность проявляется также в связи будущего времени с другими наклонениями татарского языка. Формы повелительного, желательного, условного и сослагательного наклонений нередко содержат отсылку к будущей перспективе, поскольку представляют действие как желаемое, предполагаемое, возможное или необходимое. В связи с этим некоторые исследователи рассматривают подобные конструкции как «специальные формы будущего времени» [13, с. 267].

Особую роль в выражении эпистемической футуральности играют модальные частицы. В татарском языке они обладают развитой семантической системой и классифицируются на несколько основных групп, среди которых выделяются вопросительные, отрицательные, ограничительные и вероятностные

частицы. В контексте будущего времени они участвуют в выражении предположения, гипотезы, вероятности и степени уверенности говорящего [62, с. 53–57].

Для анализа дистантности это положение имеет принципиальное значение. Будущая перспектива в татарском языке может выражаться не только прямым указанием на близость или отдалённость события, но и через степень его модальной определённости. Следовательно, организация будущего времени формируется не только на основе временной удалённости, то есть противопоставления близкого и далёкого будущего, но и на шкале модальности, связанной с намерением говорящего, уровнем уверенности и характером ожидаемой реализации действия [13, с. 262–268].

Таким образом, основная оппозиция в системе будущего времени татарского языка строится не на одной лишь временной дистанции, а на взаимодействии временной перспективы и модальной определённости. Современные функциональные и типологические подходы позволяют рассматривать различие между формами «–r» (‘–р’), «–ır» (‘–ыр’), «–er» (‘–ер’) и «–açaq» (‘–ачак’), «–äçäk» (‘–әчәк’) как темпорально–модально–эпистемическое. В этом контексте татарский материал соотносится с подходом **Б. К**омри, согласно которому будущая референция связана не только с грамматической категорией времени, но и с проспективной ориентацией события [120, с. 18–20].

Категорическое будущее: формы «–ачак/–әчәк». Форма категорического будущего на «–ачак» ('ачак'), «–әчәк» ('әчәк'), «–ячак» ('ячак') и «–ячәк» ('ячәк') в татарском языке связана с представлением будущего действия как более определенного, ожидаемого и категорически заданного. В отличие от неопределенного будущего на «–r» ('р'), «–ır» ('ыр') и «–er» ('ер'), данная форма в большей степени ориентирована на выражение уверенности говорящего, намерения, обещания, предсказания или угрозы. Следовательно, футуральные показатели татарского языка выполняют не только темпоральную, но и модально–семантическую функцию [83, с. 12]. Различие между определенным и неопределенным будущим не сводится к простой временной отнесенности: оно

связано со степенью категоричности, ассертивности и уверенности говорящего, поскольку форма определенного будущего передает более твердую установку на реализацию действия, тогда как неопределенное будущее допускает большую вероятностьность и предположительность [40, с. 5335, 5339].

Поэтому формы на «–ачак» ('ачак') и «–әчәк» ('әчәк') целесообразно рассматривать как результат пересечения темпоральной локализации, модальности и прагматической функции высказывания. В общей системе татарской глагольной парадигмы формы на «–а», «–ган», «–р», «–ачак» и соответствующие аналитические образования образуют более широкий комплекс средств, в котором выбор формы зависит от референциальной организации действия и набора грамматических значений [75, с. 82–99]. В этом отношении категория дистантности в татарском языке формируется не только через собственно временной показатель, но и через взаимодействие темпоральной ориентации, аспектуальной структуры, контекста и коммуникативной установки говорящего.

С точки зрения качественного и количественного уровней темпоральности форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') указывает на отнесенность действия к будущему плану, но одновременно помогает уточнить, каким образом это действие мыслится: как близкое или отдаленное, как процессуальное или целостное, как непосредственно следующее за моментом речи или соотнесенное с иной временной точкой. В связи с этим остается значимым вопрос о том, выражает ли данная форма более явное значение одностороннего обратного ограничения длительности и обладает ли она более близким к перфективному виду семантическим профилем по сравнению с формой «ır» ('ыр') и «er» ('ер'). Аналогичным образом могут различаться синтагматические отношения, которые эти формы устанавливают в придаточных предложениях, в сочетании с временными союзами или в последовательности глагольных форм. Сравнительный анализ французского и татарского языков, проведенный Лутфуллиной, показывает, что тункальное следование в обоих языках может устанавливаться либо с помощью временных наречий, например «plus tard» ('позже') и «соңрак» ('позже'), либо через последовательность глагольных форм [33, с. 126].

Таким образом, будущее время в данном исследовании рассматривается не как простое обозначение действия, которое произойдет после момента речи, а как многомерная грамматическая категория, находящаяся на пересечении абсолютной и относительной темпоральности, аспектуальной целостности и модальных слоев. Детальный анализ формы «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') позволяет проверить эти положения на татарском материале и уточнить типологические особенности тюркских языков.

Форма будущего времени с показателями «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') структурно связана с причастной, или отглагольно–именной, основой. Однако в ряде диалектов она не получила такой же степени распространенности и продуктивности, как в литературной норме. Диалектные данные показывают, что форма «açaq» ('ачак') фиксируется в ограниченном числе примеров, особенно в ареале мишарских и сибирских татар. В этих регионах она не всегда систематизируется как регулярная форма категорического будущего времени, что позволяет связывать ее употребление в отдельных говорах с влиянием среднего диалекта и литературного языка [7, с. 73–76].

В говорах сибирских татар временное значение формы «açaq» ('ачак') может ослабляться, а на первый план выходит ее употребление как отглагольного имени, или девербатива. В этом случае форма выполняет скорее функцию называния действия, чем прямой временной отсылки. Напротив, в говорах среднего диалекта, особенно в ареалах Заказанья, Горной стороны, Бирской и Мензелинской зон, форма «açaq» ('ачак') употребляется более регулярно и системно. В ичкинском, ногайбекском, златоустовском, красноуфимском и пермском говорах ее употребление сокращается. Полевые данные Бургановой также показывают, что данная форма не имеет широкого и однородного распространения во всем татарском диалектном ареале; относительно активное употребление она демонстрирует прежде всего в заказанско–дюбязском говоре [7, с. 78–81].

С морфологической точки зрения форма категорического будущего образуется при помощи показателей «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') после глагольных основ, оканчивающихся на согласный, а также вариантов «уаçaq»

('ячак') и «уеçäk» ('ечәк') после основ, оканчивающихся на гласный. В среднем диалекте эта форма способна спрягаться с личными аффиксами: «min alaçaqmın» ('мин алачакмын'), «bez alaçaqbız» ('без алачакбыз'), «sin alaçaqsıñ» ('син алачаксың'), «sez alaçaqsız» ('сез алачаксыз'), «ul alaçaq» ('ул алачак'), «alar alaçaqlar» ('алар алачаклар'). Вместе с тем в диалектных данных фиксируется и другая модель: форма может употребляться без полного личного спряжения, но вместе с личными местоимениями, например «min baraçaq» ('мин барачак'), «sin baraçaq» ('син барачак'), «bez baraçaq» ('без барачак'). Сосуществование этих двух способов образования, особенно с учетом ограниченного географического распространения формы «açaq» ('ачак'), является важным признаком диалектной дифференциации [94, с. 164–168].

В современном татарском языке противопоставление форм будущего времени на «–ачак» ('ачак'), «–әчәк» ('әчәк'), «–ячак» ('ячак'), «–ячәк» ('ячәк') и «–ыр» ('ыр'), «–ер» ('ер'), «–р» ('р') связано не только с формальным способом образования будущей референции, но и с модально–семантическим профилем высказывания. Форма неопределенного будущего на «–р» ('р') может передавать предположительность будущего действия, а в отдельных контекстах также оттенки возможности и императивности. Напротив, форма категорического будущего на «–ачак» ('ачак') и «–әчәк» ('әчәк') выражает будущее действие с модальным значением категоричности. Следовательно, это различие важно учитывать при анализе степени определенности будущего события, коммуникативной установки говорящего и характера соотнесенности действия с будущим временным планом [83, с. 12].

Сопоставление с турецким языком показывает, что формы будущего времени в родственных тюркских языках могут иметь сходную морфологическую основу, но различаться по степени распространенности, системности и функциональной нагрузке. В турецком языке форма будущего времени с показателями «ecek» ('эджек') и «acak» ('аджак') является более регулярным и центральным средством выражения будущей референции. В татарском языке форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') сосуществует с другими средствами будущего времени, прежде всего с

формами «ır» ('ыр') и «er» ('ер'), а также с аналитическими конструкциями. Поэтому ее значение следует рассматривать не изолированно, а внутри более широкой системы, где будущее время распределяется между определенностью, вероятностью, намерением и контекстуальной интерпретацией.

В большинстве контекстов форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') выражает запланированное, решенное или намеренное действие. В этом отношении она соотносится со сферой интенциональной футуральности, то есть с таким типом будущего значения, при котором будущее событие конструируется через волю, план или сознательную направленность субъекта. Джоан Байби, Ривир Перкинс и Уильям Пальюка показывают, что формы будущего времени во многих языках развиваются из значений намерения, цели и ожидания, а затем получают более широкую футуральную функцию [118, с. 244–280]. С точки зрения проспективной футуральности форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') указывает не только на то, что событие произойдет после момента речи, но и на наличие в момент речи определенной подготовки, решения или направленности на действие. В понимании Бернарда Комри будущее время может рассматриваться не только как чистый временной показатель, но и как ориентация события, включающая предварительное состояние, направленное к будущей реализации [120, с. 48–52].

Именно поэтому форму «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') можно охарактеризовать как средство будущего времени с сильной проспективной ориентацией и сравнительно низкой степенью эпистемической неопределенности. Однако такая определенность не означает полного перехода данной формы в сферу реалисной модальности. Поскольку будущее событие в момент речи еще не осуществилось, оно сохраняет связь с областью ирреалиса. Фрэнк Палмер отмечает, что выражения будущего, особенно связанные с намерением, планом или ожидаемой реализацией, остаются в сфере ирреалиса до тех пор, пока обозначаемое событие не стало фактом действительности [162, с. 4–8]. Поэтому формы с показателями «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') легко взаимодействуют с условными, повелительными и ожидательными контекстами.

Особенно отчетливо модальная природа формы «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') проявляется в сфере отрицания. В диалектных данных выделяются две основные отрицательные конструкции. Первая модель образуется при помощи отрицательного слова «түгел» ('не является', 'не будет'): «мин алачак түгел» ('я не собираюсь брать' / 'я не буду брать'), «син алачак түгел» ('ты не будешь брать'). Эта конструкция особенно распространена в среднем диалекте, в частности в заказанском ареале, и выражает отрицание с высокой степенью категоричности. В отдельных примерах личные аффиксы могут присоединяться к слову «түгел», например «түгелмен» ('я не') и «түгелсең» ('ты не'). В таком случае отрицательный элемент включается в сферу спряжения, а значение отказа получает более персонализированный и категорический характер [7, с. 85–87].

Вторая модель отрицания представляет собой сочетание формы отглагольного имени с показателем «açaq» ('ачак') и модальным словом «юк» / «чюк» ('нет'). В этой конструкции форма будущего времени получает притяжательное оформление: «минем барачагым юк» ('у меня нет намерения идти' / 'я не пойду'), «синең барачагың юк» ('ты не пойдешь'), «аларның барачаклары юк» ('они не пойдут'). Исследуемые тексты показывают, что данная конструкция характерна почти для всех говоров, где встречается форма «açaq» ('ачак'). В таком отрицании значение категоричности становится особенно заметным: высказывание передает не просто сообщение о неосуществлении действия, а более сильный отказ или отрицание возможности его реализации [94, с. 170–173].

С семантической точки зрения форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') менее полисемантична, чем форма с показателями «ır» ('ыр') и «er» ('ер'), однако она также может получать разные оттенки в пределах одной семантической оси. Ее основное значение связано с сообщением об ожидаемом или предстоящем действии, которое представляется как достаточно определенное. В некоторых контекстах к этому значению добавляются оттенки необходимости, обязательности или неизбежности, вследствие чего будущее действие воспринимается как результат, который должен осуществиться. При описании природных явлений или процессов, имеющих характер общего правила и не зависящих от воли субъекта, форма может

приближаться к значению регулярности. В вопросительных конструкциях и сочетаниях с неопределенными местоимениями возможно появление оттенка предположения или сомнения относительно будущего действия [7, с. 88–91].

Вопрос о происхождении и типологическом статусе формы «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') также важен для описания татарской системы будущего времени. В ряде исследований эта форма рассматривается как элемент, типологически сближающийся с огузскими языками, поэтому ее наличие в среднем диалекте татарского языка требует отдельного объяснения. Объяснение только влиянием старокнижного тюркского языка не всегда является достаточным, поскольку форма концентрируется в определенных ареалах среднего диалекта. Более вероятной считается ее связь с ногайским языковым наследием, сыгравшим важную роль в этногенезе татарского народа: форма «açaq» ('ачак') встречается в тех же ареалах, где активны и другие черты, общие с ногайским языком [7, с. 92–96]. Вместе с тем высказывается предположение, что данная общность может восходить к более раннему периоду огузско–кыпчакских контактов, а отдельные элементы могли быть связаны уже с древнебулгарским пластом. В этом контексте параллели между огузскими диалектами, средним диалектом татарского языка и чувашским языком рассматриваются как дополнительные показатели, частично соотносимые с концепцией волжско–камского языкового союза [7, с. 92–96].

Таким образом, форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') в татарском языке выражает не только будущее время как таковое, но и более определенную, намеренную и коммуникативно актуализированную перспективу будущего действия. В отличие от формы «ır» ('ыр') и «er» ('ер'), которая чаще связана с вероятностью, обобщенностью или предположением, форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') тяготеет к выражению запланированного, ожидаемого или категорически утверждаемого будущего. Поэтому в системе дистантности она играет особую роль: она не столько указывает на физическую близость или удаленность события, сколько показывает степень его определенности, намеренности и модальной закрепленности в высказывании.

Противопоставление между формами «r» ('р') и «açaq» ('ачак') показывает, что будущее время в татарском языке конструируется не только на основе временной удаленности, но и в зависимости от отношения говорящего, степени определенности и эпистемической оценки. Форма «r» ('р') выражает эпистемическую проспективность, связанную с предположением, вероятностью или обобщенным ожиданием. Форма «açaq» ('ачак'), напротив, демонстрирует интенциональную проспективность, поскольку чаще соотносится с намерением, планом или более определенной установкой на реализацию действия. Это противопоставление может быть рассмотрено в связи с процессом «сдвига в ирреалис» ('irrealis drift'), описанным Сюзанной Флейшман: обе формы, будучи связанными с областью еще не осуществившегося действия, сохраняют связь с модальной сферой и приобретают футуральное значение через значения намерения, предположения, ожидания или вероятности [136, с. 86–89; 95–97]. Следовательно, в татарском языке различие между формами будущего времени следует рассматривать не как простое противопоставление близкого и далекого будущего, а как различие между типами проспективной и модальной ориентации.

Неопределенное будущее время: формы «r», «ır» и «er». В татарской системе будущего времени особое место занимает форма с показателем «r» ('р') и ее фонетическими вариантами «ır» ('ыр') и «er» ('ер'). В грамматической традиции она соотносится с понятием «билгесез киләчәк заман» ('неопределенное будущее время'), поскольку обозначает будущую перспективу, но не представляет событие как безусловно реализуемый факт. Ее основная семантика строится на сочетании футуральной направленности с оценкой говорящего: действие мыслится как ожидаемое, вероятное, предполагаемое или закономерное. Поэтому данная форма относится не только к сфере темпоральности, но и к области эпистемической футуральности, где важна степень знания, уверенности или умозаключения говорящего [120, с. 18–20].

В этом отношении показатель «r» ('р') не задает строго фиксированную календарную точку будущего. Он скорее формирует перспективу, направленную от момента речи вперед, но не обладающую полной определенностью реализации.

Такая интерпретация согласуется с типологическими наблюдениями, согласно которым будущие значения во многих языках исторически связаны с ирреалисными структурами, выражающими предположение, вероятность и ожидаемость [118, с. 240–245]. Следовательно, татарская форма на «r» ('р') может рассматриваться как средство, в котором проспективность соединяется с эпистемической оценкой: будущее событие не утверждается как неизбежное, а представляется как возможное или ожидаемое [162, с. 4–8].

Именно этим объясняется частое употребление формы «r» ('р') в пословицах, общих суждениях, прогнозах и высказываниях, передающих закономерность. В таких контекстах она не обязательно обозначает конкретное будущее действие; чаще она выражает проекцию, основанную на опыте, наблюдении или предположении говорящего. Поэтому противопоставление форм «ır» ('ыр') / «er» ('ер') и «açaq» ('ачак') / «äçäk» ('әчәк') следует понимать не как простое различие двух временных показателей, а как различие двух способов представления будущего: неопределенного, вероятностного и более категорического, определенного. В литературном языке и диалектах данная форма характеризуется как многослойная и не сводится к одному временному значению [7, с. 42–47].

Синхронные данные показывают, что формы с показателями «ır» ('ыр') и «er» ('ер') выполняют несколько функций. Первая и основная функция связана с выражением будущего действия, в котором сохраняется заметный модальный компонент. На первый план выходят значения предположения, вероятности или неполной уверенности. Эти значения могут усиливаться модальными словами и наречиями, например «бәлки» ('может быть') и «ихтимал» ('вероятно'). Так, в предложении «Иртәгә яңгыр явар» ('Завтра будет дождь' / 'Завтра, вероятно, пойдет дождь') действие подается как прогноз, а не как абсолютно гарантированный факт. В таком употреблении форма «ır» ('ыр') является не только показателем будущей временной отнесенности, но и средством выражения эпистемической модальности [78, с. 88–91].

Вместе с тем контекст может ослаблять модальную неопределенность этой формы. Если в высказывании присутствуют временные наречия или

обстоятельства, точно указывающие на будущий момент, форма с показателями «ır» ('ыр') и «er» ('ер') приближается к функции определенного будущего. Например, в предложении «Сәгать алтыда поезд килер» ('В шесть часов поезд придет') обстоятельство «сәгать алтыда» ('в шесть часов') задает точную временную рамку. Благодаря этому форма «килер» воспринимается как нейтральное обозначение будущего события, близкое по функции к формам «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') [94, с. 134–136].

Вторая важная функция формы «ır» ('ыр') / «er» ('ер') связана с выражением общего настоящего, вневременной истинности и устойчивого свойства. В таких случаях действие не привязано к конкретному моменту речи и не обязательно относится к будущему событию. Например, в предложении «Кошлар очар» ('Птицы летают') форма «очар» обозначает не единичное действие в будущем, а обобщенное свойство субъекта. Такая функция восходит к квалификативным и причастным значениям, характерным для исторического развития данной формы [81, с. 57–59; 21, с. 60–76]. В отдельных говорах среднего диалекта и в сибирско–татарском языке эта форма может также получать значение настоящего времени, однако обычно она передает не актуальное действие в момент речи, а устойчивое состояние, длительное свойство или способность субъекта к выполнению действия [82, с. 103–105; 46, с. 74–75].

Полифункциональность формы объясняется ее историческим происхождением. В древнетюркских текстах, включая памятники орхоно–енисейской письменности, причастные конструкции с показателем «r» ('р') выражали не только временную отнесенность, но и характеристику действия как признака, состояния или потенциальной возможности. Поэтому морфема «ır» ('ыр') первоначально не была только прямым временным аффиксом; она представляла действие как потенциальное состояние или свойство [134, с. 205–210]. Позднее эта причастная основа сместилась в область настояще–будущих значений, а семантика потенциальности, способности и ожидаемости стала базой для развития модальных оттенков, в том числе совета, предостережения, угрозы или упрека в диалектной речи [10, с. 64–71].

С типологической точки зрения татарская форма «ır» ('ыр') / «er» ('ер') занимает промежуточное положение среди тюркских языков. В турецком, азербайджанском и якутском языках соответствующие формы чаще выдвигают на первый план значение настоящего, обобщенного или обычного действия. В среднеазиатских и алтайских тюркских языках это значение может быть менее центральным. Татарский язык сохраняет связь этой формы как с будущей временной перспективой, так и с обобщенно–модальными значениями. Поэтому ее временная интерпретация часто уточняется через контекст, синтаксическую структуру, временные показатели и коммуникативную установку говорящего [78, с. 92–95]. Эта особенность позволяет проводить параллели с аналогичными употреблениями в других тюркских языках, например в туркменском и гагаузском [15, с. 51–54].

Диалектологический материал подтверждает, что форма с показателями «ır» ('ыр') и «er» ('ер') является ядерным элементом татарской глагольной системы, но ее морфофонологическая организация варьируется. В сибирских, особенно тоболо–иртышских, говорах отмечаются широкогласные варианты, а также формы с показателями «man» ('ман') и «män» ('мән') в первом лице единственного числа. Кроме того, формы «mastı» ('масты') и «mäste» ('мәсте') образуют важные изоглоссы, связывающие данные говоры с алтайским и чувашским языками [94, с. 201–208; Ганиев, 2003, с. 98–102]. Эти факты показывают, что общее ядерное значение формы сохраняется, но конкретные грамматические реализации зависят от диалектной системы.

Отдельного пояснения требуют формы типа «ƅaram» ('барам'), которые внешне включают гласный показатель «a» ('а') / «ä» ('ә') и личный показатель первого лица «m» ('м'). Их не следует описывать как самостоятельный аффикс «am» ('ам') / «äm» ('әм'); точнее говорить о сочетании глагольной основы, гласного форманта и личного окончания. В предложении «Мин һәр көн эшкә барам» ('Я каждый день хожу на работу') форма «ƅaram» ('барам') выражает регулярное настоящее, тогда как в предложении «Мин иртәгә эшкә барам» ('Я завтра пойду на работу') наречие «иртәгә» ('завтра') переводит то же действие в будущий план.

Следовательно, временное значение здесь определяется не только морфологией, но и контекстом, временными наречиями и коммуникативным намерением [56, с. 192].

Исторически такие формы могут быть связаны с редуцированными вариантами будущего времени на основе показателя «r» ('р'). Как отмечает В. И. Рассадин, в тюркских диалектах полные формы с «r» ('р') и сокращенные формы будущего времени первого лица могли функционировать параллельно, не создавая устойчивого семантического противопоставления; позднее конечный согласный «r» ('р') мог утрачиваться вследствие частого употребления и фонетического упрощения [56, с. 192]. Поэтому формы типа «baram» ('барам') занимают промежуточную позицию: с одной стороны, они совпадают с формами настоящего или изъявительного употребления, с другой стороны, в определенных контекстах могут продолжать линию будущей референции [56, с. 192].

По сравнению с формой «baram» ('барам'), форма «barırmın» ('барырмын') имеет более выраженную будущую ориентацию. Однако и она не является полностью свободной от контекстуальной интерпретации, поскольку показатель «ır» ('ыр') / «er» ('ер') сохраняет связь с вероятностью, предположением и обобщенным ожиданием. В этом отношении он отличается от форм «açaq» ('ачак') / «äçäk» ('әчәк'), которые обычно выражают более определенное будущее. В сопоставительном плане татарские формы «ır» ('ыр') / «er» ('ер') лишь частично соотносятся с турецкими «ecek» ('эджек') и «acak» ('аджак'), поскольку татарская форма имеет более выраженный модально–эпистемический компонент.

Кроме синтетических средств, в татарском языке функционируют аналитические конструкции будущей отнесенности. Например, форма «Мин барырга булырмын» ('Я, вероятно, смогу пойти' / 'Мне, возможно, предстоит пойти') включает основу «bar» ('бар', 'идти'), инфинитивный показатель «ırğa» ('ырга'), вспомогательный глагол «bul» ('бул', 'быть') и форму будущего времени «bulırmın» ('булырмын'). Здесь будущее действие не утверждается как неизбежный факт, а представляется как возможное, ожидаемое или обусловленное обстоятельствами. Такая конструкция показывает, что татарская система будущего

времени включает не только формы «ır» ('ыр') / «er» ('ер'), «açaq» ('ачак') / «äçäk» ('әчәк'), но и формы типа «ıyım» ('ыйым') / «em» ('ем'), связанные с намеренным будущим, а также аналитические модели с инфинитивом на «ırğa» ('ырга') и вспомогательным «bulır» ('булыр') [56, с. 192].

Для анализа дистантности важно учитывать, что футуральная референция сохраняет темпоральную основу, поскольку относит ситуацию к периоду после момента речи. Однако будущее время не исчерпывается хронологическим указанием. Его семантика формируется во взаимодействии темпорального, аспектуального и модального компонентов: будущая ситуация может осмысляться как прогнозируемая, ожидаемая, намеренная, вероятная или обязательная [87, с. 8–9, 142]. На качественном уровне речь идет о самой отнесенности действия к будущему плану; на количественном уровне — о степени временной удаленности события, которое может быть ближайшим, средним или отдаленным [87, с. 36, 142].

В татарском языке формы неопределенного будущего на «–ыр» / «–ер» / «–р» и категорического будущего на «–ачак» / «–әчәк» / «–ячак» / «–ячәк» участвуют не только в локализации действия в будущем, но и в выражении разной степени ожидаемости, реальности, предположительности и категоричности [49, с. 18–19, 23]. При этом будущие формы не функционируют изолированно: во взаимодействии с другими глагольными формами, временными наречиями, союзами и структурой высказывания они приобретают относительную темпоральность. В таком случае будущее интерпретируется не только относительно момента речи, но и относительно другой точки отсчета, заданной в дискурсе [33, с. 126–127].

Данное различие может описываться через противопоставление «нункального» и «тункального» следования. Нункальное следование связано с размещением действия после момента речи, то есть после точки «nunc» ('сейчас'). Тункальное следование предполагает соотнесение действия с другой временной точкой «tunc» ('тогда'), установленной внутри дискурса [41, с. 132–134]. Для анализа дистантности это особенно существенно, поскольку будущая перспектива

может определяться не только настоящим моментом, но и вторичной референциальной точкой.

С аспектуальной точки зрения будущее действие может концептуализироваться как процесс, направленный к предполагаемой точке завершения. Такая интерпретация обнаруживает связь будущего времени с перфективностью, поскольку когнитивная перспектива может как бы направляться от будущего результата к моменту речи [119, с. 60–70]. Количественный темпорально–аспектуальный уровень показывает, как действие разворачивается во времени: имеет ли оно внутренние границы, предполагает ли длительность и соотносится ли с достижением результата. В плане будущего эта длительность может быть односторонне ограниченной относительно момента речи, а внутренняя завершенность или незавершенность определяется аспектуальной организацией высказывания [36, с. 1283–1285].

Таким образом, формы «r» ('р'), «ır» ('ыр') и «er» ('ер') в татарском языке представляют собой центральное средство выражения неопределенного будущего времени, но их функция шире простой временной локализации. Они передают вероятность, прогноз, обобщенную закономерность, потенциальность, способность и модальную оценку. Для исследования будущей дистантности это принципиально: данная форма не столько прямо указывает на близость или отдаленность будущего события, сколько показывает степень его определенности, ожидаемости и представленности в сознании говорящего.

Настоящее время и футуральная интерпретация в татарском языке. В татарском языке футуральная интерпретация может выражаться не только специальными формами будущего времени, но и формами настоящего времени, если контекст прямо или косвенно ориентирует высказывание на последующее действие. В системе временных форм настоящее время имеет одну основную модель с вариантами «a» ('а'), «ä» ('ә'), «ıy» ('ый') и «i» ('и'). Наряду с этим прошедшее время представлено формами «dı» ('ды'), «ğan» ('ган'), «a ide» ('а иде'), «ğan ide» ('ган иде'), «a torğan ide» ('а торган иде') и их фонетическими вариантами, а будущее время включает формы «r» ('р') с отрицательной формой «mas» ('мас'), а

также «açaq» ('ачак'), «äçäk» ('әчәк'), «уаçаq» ('ячак') и «уäçäk» ('ячәк'). Кроме того, в системе фиксируются сложные конструкции будущего в прошедшем: «açaq ide» ('ачак иде'), «äçäk ide» ('әчәк иде'), «уаçаq ide» ('ячак иде') и «уäçäk ide» ('ячәк иде') [71, с. 116].

Наличие нескольких форм внутри одной временной области показывает, что татарское будущее время нельзя сводить к действию одного аффикса. Его целесообразно рассматривать как функционально–семантическую область, где парадигматический уровень определяет место формы в системе и ее основное значение, а синтагматический уровень раскрывает дополнительные значения, возникающие в контексте и дискурсе. Именно на синтагматическом уровне становятся заметными переносные, модальные и сдвинутые употребления временных форм [71, с. 116].

В этом отношении особенно показательна форма настоящего времени. Она может использоваться для обозначения действия, которое должно произойти после момента речи. Такое употребление чаще всего наблюдается с глаголами движения, поскольку они легко соотносятся с запланированным, намеренным или ближайшим будущим. В подобных случаях грамматическая форма настоящего времени не меняется, однако ее временная отсылка переносится в будущий план; поэтому форма настоящего времени приближается к значению близкого будущего [71, с. 118].

Футуральная интерпретация настоящего времени возникает благодаря взаимодействию морфологической формы, временных указателей, лексического значения глагола и коммуникативной ситуации. Если форма настоящего времени включается в контекст регулярности, она сохраняет значение обычного или повторяющегося действия. Если же рядом появляются показатели будущего времени, например обстоятельства типа «иртәгә» ('завтра'), «соңрак» ('позже'), «бер сәгатьтән» ('через час'), та же форма может интерпретироваться как указание на предстоящее действие. Таким образом, одна и та же грамматическая форма получает различную временную интерпретацию в зависимости от синтагматического окружения.

Данный факт подтверждает принципиальное разграничение между «tense» ('грамматическая форма времени') и «time» ('временная отсылка'). В татарском языке форма может сохранять свое грамматическое оформление, но выражать иную временную направленность, если контекст задает соответствующую перспективу. Поэтому область футуральности формируется не только специальными будущими формами «r» ('р'), «mas» ('мас'), «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк'), но и сдвигами других временных форм, прежде всего настоящего времени [71, с. 116–118].

Для анализа дистантности это имеет особое значение. Близость или удаленность будущего действия в татарском языке может задаваться не только морфологическим показателем, но и синтагматическим окружением: временным наречием, типом предиката, контекстом намерения, планирования или ожидания. В результате настоящее время способно участвовать в выражении ближайшего будущего, тогда как специальные формы будущего времени могут получать более широкие модально–семантические оттенки. Следовательно, футуральность в татарском языке структурируется через взаимодействие форм «r» ('р'), «mas» ('мас'), «açaq» ('ачак'), «äçäk» ('әчәк'), временных сдвигов сказуемого и аналитических форм прошедшего времени [71, с. 116–119, 125–129].

Внутри этой системы важно различать синтетические и аналитические формы. Синтетические временные формы кодируют ядерное временное значение внутри одной спрягаемой словоформы; информация о временной отнесенности и, как правило, о лице выражается морфологически. К таким формам относятся татарские «barırmın» ('барырмын', 'я, вероятно, пойду' / 'я пойду') и «baraçaqmın» ('барачакмын', 'я пойду'). В подобных структурах будущая отсылка задается прежде всего парадигматическим значением формы, однако конкретная степень дистантности уточняется контекстом [120, с. 18–20; 116, с. 573–580].

Даже синтетические формы не являются полностью автономными. Их основное значение задается морфологически, но конкретная интерпретация будущего действия — ближайшая, средняя или отдаленная — зависит от временных обстоятельств, лексического значения глагола и коммуникативной

ситуации. Поэтому синтетическая форма может выступать ядром будущей референции, но ее фактическое значение в дискурсе определяется взаимодействием формы и контекста.

Аналитические формы также имеют значение для описания татарской футуральности, однако в данном разделе существенны только те конструкции, которые относятся к татарскому материалу. К ним можно отнести формы «bara ide» ('бара иде'), «barğan ide» ('барган иде'), «bara torğan ide» ('бара торган иде'), а также сложные формы будущего в прошедшем типа «açaq ide» ('ачак иде') и «äçäk ide» ('әчәк иде'). В таких конструкциях временное значение создается не одной морфемой, а сочетанием основной глагольной формы и вспомогательного элемента «ide» ('иде'), поэтому в них наслаиваются темпоральность, аспектуальность, модальность и повествовательная перспектива [71, с. 116–117; 67, с. 58–61; 120, с. 48–52]. В избранных трудах Ю. С. Маслова аспектуальность трактуется как более широкая категория, чем собственно глагольный вид, что важно для анализа временной перспективы действия [44, с. 355–340].

Таким образом, настоящее время в татарском языке может выполнять футуральную функцию, особенно когда контекст указывает на запланированное, ожидаемое или ближайшее действие. Эта особенность показывает, что будущее значение формируется не только грамматическим показателем, но и синтагматической организацией высказывания. Для категории дистантности это принципиально важно: временная близость или удаленность будущего события может выражаться через контекст, а не только через специальную форму будущего времени.

Аналитические и диалектные средства выражения будущего времени в татарском языке. Аналитические конструкции в системе футуральности отвечают не только на вопрос «когда?», но и на вопросы «с какой точки зрения?», «при каком условии?», «с какой степенью вероятности или необходимости?». Благодаря этому они позволяют рассматривать будущее время не как простое хронологическое следование за моментом речи, а как функциональную область, расширяющуюся за счет повествовательной перспективы, модальных оценок и контекстуальной

интерпретации. В отличие от синтетических форм, фиксирующих ядерное временное значение и парадигматические оппозиции, аналитические формы показывают, как время преобразуется внутри высказывания, модализуется и реконструируется в зависимости от коммуникативной перспективы.

Категория времени в татарском языке не ограничивается системой формальных аффиксов спряжения. Парадигматическое значение, то есть значение формы внутри грамматической системы, и синтагматическое значение, формируемое в конкретном контексте, действуют совместно. В татарской грамматической традиции категория времени определяется как отражение объективного времени в языке, а основной точкой отсчета признается «сөйләү моменты» ('момент речи'). Соответственно, действие, совпадающее с моментом речи, относится к настоящему времени; действие, совершившееся до него, — к прошедшему времени; действие, предполагаемое после него, — к будущему времени [71, с. 116].

Эта трехчленная схема задает общее темпоральное основание, однако она не исчерпывает всех значений, возникающих в реальном употреблении форм. Наблюдаемые в татарском языке временные сдвиги в форме сказуемого, а также способность аналитических форм прошедшего времени получать прочтения с будущей ориентацией показывают, что футуральность строится не только с помощью специальных аффиксов будущего времени, но и через взаимодействие времени, наклонения, модальности и повествовательной перспективы. Поэтому аналитические конструкции занимают важное место в выражении дистантности: они представляют будущее действие не только как близкое или отдаленное, но и как вероятное, необходимое, условное, ожидаемое или зависимое от иной временной точки отсчета.

После рассмотрения общих и аналитических механизмов футуральности необходимо обратиться к диалектному материалу. Среди татарских диалектов одной из наиболее отличительных структур с точки зрения выражения будущего времени является форма с показателем «maq» ('мак'), зафиксированная в барабинском говоре сибирских татар. Эта структура отсутствует в литературном

татарском языке, однако в барабинском материале документируется примерами типа «parmaqmın» ('пармакмын', 'пойду'). Данная форма не только придает действию будущую временную ориентацию, но и может включать значения намерения, предположения или ожидаемой реализации.

Вместе с тем форма «maq» ('мак') не может рассматриваться как один из ядерных элементов диалектной системы татарского языка. Ее крайне узкое распространение и ограниченность преимущественно барабинским ареалом позволяют объяснять эту структуру скорее внешним языковым влиянием, чем внутренним развитием татарского языка. Типологически и географически употребление будущего времени с показателем «maq» ('мак') сближается с изоглоссной областью казахского языка. Поэтому в барабинском говоре эта форма может интерпретироваться как результат исторического языкового контакта и казахского влияния. В этом отношении она представляет собой важную типологическую черту, отличающую барабинский говор от других татарских говоров, а также конкретный пример контактных процессов между тюркскими языками.

Другим периферийным средством выражения будущего времени выступает форма «ası» ('асы') и «äse» ('әсе'). В татарских говорах она зафиксирована главным образом в отдельных подветвях среднего диалекта: в заказанских говорах и говорах камско–предкрещеных татар эта форма употребляется с функцией будущего времени, тогда как в мишарских и сибирско–татарских говорах форма «ası» ('асы') в данном значении не используется [181, с. 149]. Данная конструкция развилась на основе причастной формы «ası» ('асы') и «äse» ('әсе') и образуется при помощи личных местоимений: «min barası» ('мин барасы'), «sin barası» ('син барасы'), «bez barası» ('без барасы') и др. [181, с. 149].

В целом в татарских говорах значение будущего времени формируется посредством нескольких форм: «ır» ('ыр'), «açaq» ('ачак'), «ası» ('асы'), «maq» ('мак') и «ğalaq» ('галак'). В этой системе форма «ır» ('ыр') является ядерным элементом, поскольку она употребляется во всех диалектах и обладает широкой семантической зоной. В разных говорах она может выражать как действия, связанные с настоящим

планом, так и действия, ожидаемые в будущем. Кроме того, для нее характерно зависимое от контекста и относительное употребление, которое в некоторых случаях приближается к значениям косвенного наклонения. Особенно показателен сдвиг формы «ır» ('ыр') к значению обычного настоящего времени у сибирских татар.

Напротив, формы «ası» ('асы'), «açaq» ('ачак'), «maq» ('мак') и «ğalaq» ('галак') встречаются не во всех говорах; поэтому они могут рассматриваться как периферийные элементы, играющие важную различительную роль в диалектной классификации. Диалектные данные показывают, что будущее время в татарском языке не представляет собой единую и полностью однородную морфологическую систему. Наряду с общеупотребительной формой «ır» ('ыр'), в отдельных говорах функционируют периферийные средства, связанные с определенными ареалами, историческими контактами и локальными грамматическими особенностями. Это особенно важно для анализа дистантности, поскольку разные формы будущего времени выражают не только будущую отнесенность, но и степень регулярности, намеренности, предположительности или диалектной маркированности.

Будущее время в татарском языке задает проспективную ориентацию, основанную на намерении, ожидании и оценке говорящего. Формы будущего времени систематически связаны с речевыми актами обещания, прогноза, приказа, угрозы и проспективной похвалы. Эти речевые акты по своей природе содержат ориентацию на будущее и образуют прагматическое ядро футуральности. Следовательно, будущее время в татарском языке следует оценивать не только через парадигму глагольного спряжения, но и через его дискурсивные и иллокутивные функции.

Система будущего времени, представленная формами «билгеле киләчәк заман» ('определенное будущее время') и «билгесез киләчәк заман» ('неопределенное будущее время'), отражает не только то, когда произойдет действие, но и степень уверенности, категоричности и коммуникативной установки говорящего. Определенное будущее время употребляется в контекстах, где говорящий выражает высокую уверенность в осуществлении действия.

Неопределенное будущее время, напротив, характерно для контекстов вероятности, предположения и гипотезы.

В речевых актах обещания и угрозы формы будущего времени часто маркируют представление говорящего о будущем действии как о неизбежном или категорически утверждаемом. В актах прогноза и приказа будущее также может конструироваться не просто как ожидаемое, а как событие с высокой степенью прогнозируемости или как навязываемое действие. В речевом акте проспективной похвалы, напротив, возможно более сбалансированное употребление форм определенного и неопределенного будущего времени, поскольку похвала содержит скорее ожидание и позитивный прогноз, чем категорическую установку. Отрицательные формы будущего времени функционально более ограничены и особенно заметны в речевом акте угрозы. Это показывает, что отрицание в сфере будущего времени является прагматически маркированной и контекстуально чувствительной областью.

Следовательно, татарская система будущего времени объединяет морфологические, аналитические, модальные, диалектные и дискурсивно–прагматические механизмы. Ее анализ требует учета не только формы глагола, но и того, в каком речевом акте, в какой временной перспективе и с какой коммуникативной целью эта форма употребляется. В этом смысле футуральность в татарском языке является не только темпоральной, но и модально–повествовательной категорией.

Выводы. Рассмотренный материал показывает, что средства выражения будущего времени в татарском языке образуют не однородную линейную систему, а многослойную функционально–семантическую область. Ее основу составляют синтетические формы «r» ('р'), «ır» ('ыр'), «er» ('ер'), «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк'), однако их значение не сводится к простой локализации действия после момента речи. Форма «r» ('р') и ее варианты чаще связаны с вероятностью, ожиданием, обобщенностью и эпистемической оценкой, тогда как форма «açaq» ('ачак') и «äçäk» ('әчәк') тяготеет к выражению более определенного, запланированного или намеренного будущего. Поэтому оппозиция между этими формами раскрывает не

столько физическую близость или удаленность события, сколько степень модальной определенности и вовлеченности говорящего. Особое значение для анализа дистантности имеют также случаи, когда будущее значение создается не специальной формой будущего времени, а синтагматическим окружением.

Настоящее время с глаголами движения, аналитические конструкции с прошедшей перспективой, а также составные формы с модальными и аспектуальными компонентами показывают, что грамматическая форма времени и фактическая временная отсылка не всегда совпадают. Следовательно, дистантность в татарском языке формируется на пересечении морфологического показателя, контекста, временных наречий, повествовательной перспективы и коммуникативного намерения. Диалектный материал дополнительно подтверждает неоднородность татарской футуральной системы.

Наряду с ядерной формой «ır» ('ыр') в отдельных говорах функционируют периферийные средства, такие как «ası» ('асы'), «äse» ('әсе'), «maq» ('мак') и «ğalaq» ('галак'). Их распространение связано не только с внутренним развитием татарского языка, но и с локальными ареальными условиями, историческими контактами и диалектной дифференциацией. Поэтому будущая референция в татарском языке должна рассматриваться не только в рамках литературной нормы, но и с учетом живого диалектного материала.

В целом категория будущего времени в татарском языке проявляет себя как область взаимодействия времени, модальности, вида и дискурса. Она связана с речевыми актами обещания, прогноза, приказа, угрозы и ожидания, поскольку каждое из этих употреблений по–разному организует представление о будущем действии. Таким образом, будущее время в татарском языке является не только грамматической категорией, но и способом выражения оценки, намерения и степени уверенности говорящего.

Именно это делает его особенно важным материалом для исследования дистантности в будущем временном плане.

2.2. Неглагольные средства выражения дистантности в будущем

В сопоставительном исследовании будущей референции эти средства не следует понимать как периферийное дополнение к глагольной системе: они выступают самостоятельным функциональным компонентом, уточняющим временную перспективу и степень удаленности события от момента речи. Если глагольная форма нередко задает только общее постериорное значение, то темпоральные наречия, дейктические слова, календарные наименования, предложно–именные и послеложные группы, количественно–временные сочетания, а также именные и эллиптические конструкции позволяют определить, относится ли событие к ближайшему, среднесрочному или отдаленному будущему. Следовательно, футуральность в данном разделе описывается как функционально–семантическая область, формируемая не только морфологией глагола, но и комплексом лексико–синтаксических средств [117, с. 51–57; 143, с. 663–671].

Современная типология исходит из того, что будущее значение далеко не всегда совпадает с отдельной грамматической категорией будущего времени. Во многих языках одна и та же глагольная форма может использоваться для обозначения разных временных горизонтов, а точное прочтение будущей ориентации формируется при участии контекста и неглагольных маркеров. Поэтому в исследованиях «future time reference» важным оказывается не только вопрос о наличии или отсутствии специального футурального показателя, но и вопрос о том, какие средства локализуют событие на шкале временной дистанции. Бернард Комри отмечает, что будущее время в значительной степени связано с контекстуальной интерпретацией, а утверждения о будущем неизбежно включают компонент предположения или оценки [120, с. 43–48]. В сопоставительном аспекте это особенно существенно для русского, турецкого и татарского языков, где морфологическая маркировка будущего не исчерпывает всей системы средств выражения футуральности.

В типологической рамке Искендера футуральная референция может формироваться с помощью трех основных стратегий: грамматической маркировки, лексических показателей и контекстуальной интерпретации [144, с. 152]. Данная

классификация позволяет рассматривать такие темпоральные определители турецкого языка, как «yarın» 'завтра', «gelecek hafta» 'на следующей неделе', «birazdan» 'скоро, через некоторое время', а также прагматический контекст как самостоятельные средства, поддерживающие интерпретацию будущего времени.

С теоретической точки зрения неглагольные средства выражения будущей дистантности охватывают несколько основных групп. Во–первых, это дейктические и темпоральные наречия, прямо указывающие на близость или удаленность будущего события, например «скоро», «вот–вот», «завтра», «позже», «когда–нибудь», «в дальнейшем», а также их функциональные эквиваленты в турецком и татарском языках. Во–вторых, это календарные и количественно–временные сочетания типа «сегодня вечером», «на следующей неделе», «через месяц», «к концу года», «в ближайшие годы», которые особенно важны для операционализации зон дистантности. В–третьих, сюда относятся именные, предложно–именные и послеложные конструкции с темпоральной семантикой, способные формировать будущее значение даже при отсутствии финитного глагола. Наконец, к данной области примыкают модально–предикативные слова и синтаксические модели, в которых будущее значение считывается через план, расписание, ожидание, необходимость или институциональную организацию события. В таком понимании неглагольные средства конкретизируют референциальное значение предиката и ограничивают локализацию процесса во времени [39, с. 187–190].

Особенно значима роль неглагольных средств в зоне ближайшего будущего. В этой зоне событие мыслится как находящееся у порога реализации: оно еще не наступило, но уже воспринимается как подготовленное, ожидаемое или непосредственно приближающееся. Типологически такая перспектива тесно связана с проспективностью, то есть с ориентацией на еще не реализованное, но концептуально приближающееся событие [122, с. 103–106]. Сюзанна Флейшман показывает, что проспективность опирается на когнитивную модель движения к порогу действия: событие еще не произошло, однако его наступление мыслится как находящееся в непосредственной близости [136, с. 23–27].

Поэтому лексические маркеры типа «скоро», «сейчас», «сегодня вечером», «через минуту», «в ближайшее время» и соответствующие им конструкции в турецком и татарском языках являются важными индикаторами ближней футуральности. Они не только сопровождают формы будущего времени, но и способны переводить формы настоящего времени, именные предложения и конструкции наличия или отсутствия в проспективное прочтение. В результате ближайшее будущее часто выражается не одной грамматической формой, а сочетанием проспективного контекста и неглагольного временного маркера [45, с. 2151–2158].

Среднесрочная дистантность выражается иначе. Если ближняя зона опирается на эффект непосредственной приближенности, то средняя зона чаще соотнесена с планом, календарной расчлененностью и институционально заданным горизонтом. Здесь особенно частотны конструкции с обозначением дня, недели, месяца, учебного или финансового периода, а также обороты типа «на следующей неделе», «в этом месяце», «в ближайшие месяцы», «к концу семестра», «в следующем году». Такие средства не просто указывают на время, но и вводят событие в пространство организованной перспективы: оно уже не воспринимается как почти начавшееся, но остается в сфере контролируемого ожидания, намерения или программы.

В этом отношении среднее будущее представляет собой наиболее гетерогенную зону. Здесь пересекаются прямые футуральные формы, презенс в футуральной функции, модальные конструкции намерения и долженствования, а также различные неглагольные конкретизаторы, фиксирующие временной горизонт. Для тюркских языков особенно характерно, что сочетание календарного маркера с аналитической или модальной конструкцией придает высказыванию значение среднесрочной футуральности [147, с. 64–72, 319–343].

Отдаленное будущее, в свою очередь, формируется преимущественно не как точная календарная локализация, а как перспективная и часто менее определенная зона. Его типичными неглагольными маркерами выступают словосочетания типа «в будущем», «когда–нибудь», «через годы», «в долгосрочной перспективе», «со

временем», «в последующие годы», а также структурно сходные единицы в турецком и татарском языках. Г. Ф. Лутфуллина показывает, что темпоральные существительные способны выполнять не только функцию временной локализации, но и функцию неглагольного выражения аспектуального значения количества действия [38, с. 22–29]. В материале настоящего исследования это проявляется, например, в противопоставлении форм единственного и множественного числа: выражение «через год» задает относительно определенную временную точку в будущем, тогда как «в ближайшие годы» расширяет перспективу и обозначает длительный или распределенный во времени период; аналогично «на следующий день» указывает на конкретный ближайший временной отрезок, а «в следующие дни» формирует представление о серии дней, в пределах которых действие может повторяться или разворачиваться постепенно. Следовательно, темпоральные существительные типа год — годы, день — дни не образуют грамматической формы будущего времени, однако участвуют в уточнении дистантности будущего и количественно–аспектуального профиля будущего действия.

В отличие от ближайшей и средней зон, здесь возрастает роль абстрактных временных обозначений и уменьшается степень событийной конкретности. По этой причине дальняя футуральность теснее связана с эпистемической модальностью, прогнозом, обобщением или стратегической оценкой. Типологические наблюдения показывают, что чем дальше событие отстоит от момента речи, тем чаще его интерпретация строится не как сообщение о конкретном запланированном действии, а как высказывание о вероятной тенденции, ожидаемом результате или гипотетическом следствии [117, с. 56–57; 136, с. 86–89]. Следовательно, в зоне дальнего будущего неглагольные средства не только маркируют хронологическую удаленность, но и сигнализируют снижение определенности.

С этим непосредственно связано пересечение неглагольной футуральности с модальностью. Поскольку будущее не верифицируется в момент речи, его выражение во всех трех исследуемых языках систематически взаимодействует с

эпистемическими, деонтическими и волитивными значениями. Однако именно неглагольные средства нередко делают это пересечение особенно прозрачным: наречия и временные обороты задают горизонт ожидания, тогда как модальные элементы уточняют степень уверенности, обязательности или интенциональности события. Семантическая карта модальности, предложенная Йоханом ван дер Ауверой и Владимиром Александровичем Плунгяном, показывает, что значения возможности, необходимости и предположения образуют переходные зоны, в которых легко возникает футуральная интерпретация [175, с. 79–124]. Поэтому при анализе дистантности в будущем неглагольные средства следует описывать не изолированно, а как часть более широкой структуры «время плюс модальность плюс контекст».

Для настоящего исследования это означает, что неглагольные средства выражения дистантности в будущем необходимо анализировать не как фоновые уточнители, а как полноценные операциональные маркеры, позволяющие отнести каждый пример к ближней, средней или дальней зоне. В практической части именно они дают возможность сопоставить русский, турецкий и татарский языки по единым диагностическим основаниям: по типу временного конкретизатора, по степени календарной определенности, по связи с модальностью и по характеру контекста. Такой подход соответствует современному пониманию футуральности как сравнительного функционального концепта, а не как универсальной морфологической категории [143, с. 671]. Для описания темпоральной дистантности особенно важно замечание Е. В. Рахилиной о том, что в языковой картине мира время измеряется ограниченными периодами фиксированной длины — такими, как «час», «день», «год», «век», тогда как «секунда», «миг», «мгновение» не осмысляются как полноценные интервалы длительности [57, с. 26]. Это позволяет обосновать выбор лексико–календарных маркеров как операциональных показателей ближней, средней и дальней перспективы. Следовательно, в дальнейшем анализе каждого из трех языков внимание должно быть сосредоточено на том, какие именно неглагольные показатели систематически формируют ближнюю, среднюю и дальнюю перспективу, с какими

глагольными формами они сочетаются и каким образом меняют интерпретацию будущего значения в конкретном микроконтексте.

Вывод. Таким образом, неглагольные средства выражения дистантности в будущем выполняют в исследуемой системе не вспомогательную, а структурообразующую функцию. Они позволяют превратить общее значение будущей отнесенности в более точную временную перспективу, связанную с ближней, средней или дальней зоной. В ближней зоне решающую роль играют маркеры непосредственной приближенности, такие как «скоро», «сейчас», «вот–вот», «через минуту», а также их функциональные соответствия в турецком и татарском языках. В средней зоне основную нагрузку принимают календарные и количественно–временные выражения, которые связывают событие с планом, расписанием, институциональным циклом или ожидаемым сроком. В дальней зоне возрастает значение абстрактных временных показателей, таких как «в будущем», «со временем», «когда–нибудь», поскольку они не только удаляют событие от момента речи, но и усиливают его вероятностный, прогнозный или гипотетический характер.

2.2.1. Средства ближней, средней и дальней дистантности в русском языке

В практической части диссертации русскоязычный материал анализируется на основе Национального корпуса русского языка. В центре внимания находится не простое противопоставление отдельных типов будущего времени, а совокупность грамматических, лексических и контекстуальных средств, которые совместно маркируют степень временной удалённости события от момента речи. Поэтому описание строится вокруг категории дистантности, позволяющей разграничить ближнюю, среднюю и дальнюю перспективу будущего временного плана.

В настоящем исследовании ближняя дистантность понимается как интервал от момента речи до ближайших двадцати четырёх часов. Средняя дистантность охватывает период после ближайших суток и до одного года. Дальняя дистантность соотносится с временной перспективой от одного года и более, а также с

неопределённо отдалённым будущим. Такое рабочее разграничение необходимо для последовательного распределения корпусных примеров по зонам будущей перспективы.

В русском языке данная зональность не выражается одной специальной морфологической категорией. Она формируется на пересечении видовременной формы глагола, обстоятельств времени, адвербиальных структур, модально–предикативных конструкций, инфинитивных моделей, эллиптических предложений и общей коммуникативной установки говорящего. Поэтому при анализе русских примеров важно учитывать не только глагольную форму, но и те средства, которые сопровождают её в высказывании. Это соотносится с разграничением грамматического времени и временной референции: форма задаёт общую временную ориентацию, тогда как конкретная зона дистантности уточняется контекстом [120, с. 18–20].

К основным средствам выражения будущей дистантности относятся формы будущего времени совершенного вида, например «приеду», «напишу», «сделаю», а также аналитические формы будущего времени несовершенного вида: «буду писать», «буду работать», «будет развиваться». Кроме того, существенную роль играют формы настоящего времени с будущей референцией, модальные и лексико–семантические средства, выражающие намерение, план, прогноз, необходимость или желание. Одна и та же форма может обслуживать разные зоны: «сейчас приеду» и «завтра приеду» относятся к ближней дистантности, «через неделю приеду» – к средней, а «через год приеду» – к дальней. Следовательно, при отсутствии специального формального различия решающую роль в определении зоны дистантности часто выполняет обстоятельство времени.

Ближняя дистантность связана с событиями, которые непосредственно примыкают к моменту речи или воспринимаются как почти готовые к осуществлению. Для этой зоны характерны показатели «сейчас», «сейчас же», «сегодня», «вечером», «завтра», «скоро», «вот–вот», «через минуту», «немедленно». Наряду с формами будущего времени здесь активно функционирует настоящее время с будущей референцией, особенно с глаголами движения и

контролируемыми предикатами: «завтра уезжаю», «сейчас идём», «вечером выступаю». В таких случаях настоящее время не механически заменяет будущее, а передаёт включённость действия в актуальный план говорящего и высокую степень уверенности в его реализации [6, с. 210–216; 123, с. 309–328; 140, с. 97–110].

Морфологическая форма будущего времени совершенного вида в ближней зоне обычно представляет действие как однократный, целенаправленный и достижимый результат: «скажу», «приду», «открою», «позвоню». Её результативный профиль согласуется с обстоятельствами типа «скоро», «через минуту», «сегодня вечером», поскольку совершенный вид представляет событие как целостное и ограниченное [137, с. 44, 200–250]. Аналитическое будущее несовершенного вида, напротив, подчёркивает процесс, длительность или начальную фазу состояния: «буду ждать», «будем обсуждать», «сейчас будет темнеть», «скоро будем собираться». Поэтому в ближней зоне оно обозначает не только будущность, но и переход к новой фазе действия или состояния [53, с. 508–510; 91, с. 85–100].

К ближней зоне относятся и периферийные модели: «пора ехать», «надо выходить», «собираюсь уходить», «через минуту быть готовыми». Формально такие конструкции не всегда содержат специальную футуральную морфологию, однако функционально они выражают ближайшую перспективу. Это важно для корпусного анализа, поскольку граница между собственно временным и модально–побудительным выражением ближайшего будущего в русском языке часто оказывается проницаемой [88, с. 233–242].

Средняя дистантность охватывает события, которые выходят за пределы ближайших двадцати четырёх часов, но не достигают границы одного года. Эту зону маркируют обстоятельства «послезавтра», «через несколько дней», «через неделю», «на следующей неделе», «в этом месяце», «через несколько месяцев», «в этом году», если речь идёт о периоде менее одного года. Здесь будущее событие уже не примыкает непосредственно к моменту речи, однако сохраняет конкретность, планируемость и связь с текущей ситуацией.

В средней зоне продуктивны как формы будущего времени совершенного вида, так и аналитические формы будущего времени несовершенного вида. В примерах типа «через неделю обсудим», «в этом месяце подпишем», «в этом году завершим» совершенный вид представляет действие как запланированный результат. В конструкциях «будем обсуждать», «будет работать», «комиссия будет рассматривать» аналитическое будущее передаёт процесс, режим функционирования, повторяемость или институционально закреплённый порядок [14, с. 153–154, 155–158; 43, с. 512–528; 27, с. 43–70].

Настоящее время с будущей референцией возможно и в средней зоне, но обычно при высокой степени определённости плана: «послезавтра сдаём статью», «в пятницу обсуждаем результаты», «на следующей неделе встречаемся». Такие формы представляют событие как уже включённое в расписание или календарный план. Если же высказывание содержит сомнение, условность или неопределённость, говорящий чаще выбирает собственно будущее время. Поэтому средняя дистантность особенно наглядно показывает, что футуральность зависит не только от календарной дистанции, но и от степени эпистемической и прагматической определённости [6, с. 210–216; 140, с. 97–110; 66, с. 83–85].

Дальняя дистантность связана с событиями, отнесёнными к периоду от одного года и более, а также к неопределённо отдалённому будущему. Для этой зоны характерны показатели «через год», «через два года», «через несколько лет», «спустя годы», «в будущем», «в дальнейшем», «со временем», «когда–нибудь». Здесь ослабевает дейктическая связь с моментом речи и усиливается модальный компонент: говорящий не столько сообщает о почти готовом действии, сколько моделирует возможный сценарий будущего [54, с. 70–80; 9, с. 69–82].

Будущее время совершенного вида в дальней зоне обозначает не ближайший шаг, а результирующую точку длительного процесса: «через два года закончу университет», «со временем ситуация изменится», «в будущем это даст результат». Результативный профиль совершенного вида сохраняется, но приобретает более масштабный и прогнозный характер [43, с. 512–528]. Аналитическое будущее несовершенного вида особенно продуктивно для описания процессов и тенденций:

«будет расти», «будет развиваться», «будут изменяться», «будет сохранять актуальность». Такие формы представляют будущее как длительное становление, а не как единичный результат [28, с. 210–220; 91, с. 85–100; 88, с. 233–242].

Настоящее время с будущей референцией в дальней зоне употребляется значительно реже, поскольку его семантика обычно предполагает актуальную вовлечённость и плановую определённость. Поэтому конструкции типа «через годы едем» или «в далёком будущем решаем» возможны лишь в стилистически маркированных контекстах и не являются нейтральными. Для дальней перспективы более типичны основные формы будущего времени и периферийные средства прогностического характера: «ожидается», «предстоит», «придётся», «потребуется», «возможно», «вероятно», «впереди». Эти средства смещают фокус с факта на прогноз, необходимость или стратегическую перспективу [54, с. 70–80; 76].

Таким образом, в русском материале выделяются три рабочие зоны: ближняя, средняя и дальняя дистантность. При определении зоны каждого примера учитываются глагольная форма, обстоятельство времени, неглагольные грамматические и лексико–семантические средства, а также модальная оценка говорящего. Дистантность не сводится к механическому делению будущего на близкое и далёкое; она представляет собой результат взаимодействия формы, контекста и коммуникативной установки говорящего.

Зона ближнего будущего времени. «Завтра». Для анализа наречия «завтра» были рассмотрены первые сто контекстов Национального корпуса русского языка. Из материала исключены нерелевантные случаи, в которых «завтра» не обозначает ближайшую временную перспективу: названия, технические повторы, фрагментарные и метафорические употребления [Национальный корпус русского языка]. В рассмотренном материале «завтра» выступает одним из основных средств маркирования ближней дистантности. В рамках настоящего исследования оно относится к зоне ближайшего будущего, так как обозначает ближайшую календарную перспективу в пределах двадцати четырёх часов включительно. При этом «завтра» не связано с одной глагольной формой. Оно может сочетаться с

разными типами грамматического оформления будущей перспективы: простым синтетическим будущим, настоящим временем в футуральном значении, аналитическими конструкциями, модально–инфинитивными моделями, а также номинативными и безглагольными структурами.

В большинстве случаев «завтра» употребляется самостоятельно, без дополнительных уточнителей. Вместе с тем в корпусном материале встречаются и модифицированные сочетания: «завтра же», «до завтра», «завтра утром», «завтра с утра», «уже завтра», «только завтра», «завтра рано», «завтра вечером», «завтра днём», «завтра ночью». Эти сочетания не выводят событие за пределы ближней дистантности, а уточняют внутреннюю временную структуру следующего дня. Так, формы «завтра утром», «завтра днём», «завтра вечером» и «завтра ночью» конкретизируют часть ближайшего календарного периода, тогда как «завтра же» и «уже завтра» усиливают значение срочности и приближенности события к моменту речи. Конструкция «до завтра» задаёт временную границу, до которой должно сохраняться состояние или осуществиться действие.

Особенно важно, что в зоне «завтра» будущая отнесённость может выражаться не только собственно будущими формами. В примерах типа «завтра свадьба», «завтра контрольная», «завтра с утра к врачу» временная перспектива создаётся без специальной будущей морфологии. Здесь наречие «завтра» фактически берёт на себя функцию временной локализации, а само высказывание строится как номинативная или эллиптическая модель. Такие случаи показывают, что в русском языке ближайшее будущее может выражаться экономными синтаксическими средствами, если временной ориентир достаточно очевиден из контекста.

Модально–инфинитивные и директивные конструкции также занимают заметное место в употреблениях с «завтра». В таких контекстах завтрашний день осмысляется не только как временная точка, но и как план, намерение, обязанность, приказ или договорённость. Поэтому рядом с «завтра» могут появляться конструкции типа «завтра надо», «давай завтра», «завтра нужно», «отчаливайте завтра же». В подобных высказываниях ближняя дистантность соединяется с

модальной оценкой действия, поскольку речь идёт не просто о будущем событии, а о необходимости или желательности его реализации.

Настоящее время с футуральным значением также активно участвует в выражении ближайшей перспективы. В примерах типа «завтра уезжаем», «что ты делаешь завтра?», «завтра госпитализируемся» грамматическая форма настоящего времени получает будущую интерпретацию благодаря наречию «завтра» и контексту запланированности. Это подтверждает, что «завтра» способно переносить высказывание в будущий план даже без специальной формы будущего времени.

(1) «А я с подругами **завтра** пойду на „Нотр–Дам де Пари“, но не какой–нибудь, а с оригинальным, франко–канадским составом!» [НКРЯ: Форум: Поход в цирк, 2010, 1033:19:4].

В примере (1) форма «пойду» является синтетической формой будущего времени глагола совершенного вида. Наречие «завтра» локализует действие в зоне ближайшего будущего. Контекст сообщения о заранее выбранном мероприятии усиливает значение плана и ожидаемости. Следовательно, будущая отнесенность выражается здесь совместно глагольной формой, временным наречием и коммуникативной ситуацией.

(2) «А что ты делаешь **завтра вечером**…» [НКРЯ: agd–ardin, Герда. Переписка в ICQ, 17.03.2008, 1027:59:4].

В примере (2) форма «делаешь» морфологически относится к настоящему времени, однако сочетание с обстоятельством «завтра вечером» переводит высказывание в будущий план. Уточнитель «вечером» не меняет зону дистантности, поскольку речь по–прежнему идет о следующем дне, но конкретизирует внутренний отрезок ближайшей календарной перспективы. В данном случае ближайшее будущее выражается через настоящее время с футуральным значением, временное наречие и контекст предполагаемой договоренности.

(3) «А я сижу, сама не своя, не знаю, что буду **завтра** делать.» [НКРЯ: Андрей Геласимов. Чужая бабушка, 2001, 900:741:10].

В примере (3) сочетание «буду делать» представляет собой аналитическую форму будущего времени несовершенного вида. В отличие от формы совершенного вида, она не акцентирует результат, а представляет действие как процесс или неопределенную деятельность в пределах следующего дня. Наречие «завтра» задает ближнюю дистантность, а контекст «не знаю» добавляет модальный оттенок неопределенности и внутреннего колебания говорящего.

(4) «Ну, разве что когда вы договорились с другом, что **завтра** пойдете на рыбалку.» [НКРЯ: Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно, 2004, 921:446:9].

В примере (4) форма «пойдете» является синтетической формой будущего времени глагола совершенного вида. Однако футуральность в данном предложении создается не только формой глагола и наречием «завтра», но и контекстом предварительной договоренности, выраженным формой «договорились». Поэтому будущее действие осмысляется как запланированное и согласованное заранее.

(5) «А **завтра** надо бооольшой дарить, как–никак три годика малышке.» [НКРЯ: Наши дети: Подростки, 2004, 969:121:1].

В примере (5) будущее значение выражается без морфологической формы будущего времени. Модально–предикативное слово «надо» в сочетании с инфинитивом «дарить» передает необходимость действия, а наречие «завтра» локализует эту необходимость в зоне ближайшего будущего. Следовательно, футуральность формируется на пересечении временного наречия, модальности долженствования и инфинитивной конструкции.

(6) «Но у Оли **завтра** свадьба с Колей.» [НКРЯ: Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008–2011, 1043:93:3].

В примере (6) ближайшее будущее выражается неглагольными средствами. В предложении отсутствует эксплицитная глагольная форма будущего времени; предикативный центр создается именной группой «свадьба», а наречие «завтра» переводит событие в проспективный план. Такая номинативная модель показывает, что для выражения ближней дистантности в русском языке наличие глагольной морфологии не является обязательным.

Таким образом, наречие «завтра» в русском языке выступает одним из основных лексических маркеров ближней дистантности. В рассмотренных примерах оно сочетается с разными структурами: синтетическим будущим, настоящим временем с футуральным значением, аналитическим будущим, модально–предикативными и именными конструкциями. Это показывает, что ближайшее будущее выражается не одной формой, а взаимодействием временного наречия, глагольной формы и контекста.

«Сегодня». В качестве еще одного средства выражения ближней дистантности рассматривается наречие «сегодня». В данном блоке анализ ограничивается глагольной морфологией русского языка; поэтому модально–предикативные и лексические средства типа «надо», «должен», «собираюсь», «решил», «хочу» и подобные конструкции не включаются в основную классификацию. Это позволяет точнее выделить собственно морфологические способы выражения ближайшего будущего.

В контекстах с наречием «сегодня» ближайшее будущее выражается тремя основными глагольными моделями: простой формой будущего времени совершенного вида, аналитическим будущим несовершенного вида и формой настоящего времени несовершенного вида в футуральном значении. Первая модель обычно обозначает ближайшее завершенное или однократное действие; вторая передает процесс или состояние в пределах текущего дня; третья указывает на уже намеченное или практически решенное действие, которое еще не началось, но локализовано в ближайшей перспективе.

(7) «**Сегодня** же приду». [НКРЯ: Алексей Слаповский, «Гибель гитариста», 1994–1995; публ. 2000; 955:404:0].

В примере (7) глагол «приду» представляет собой простую форму будущего времени совершенного вида, первое лицо единственного числа. Наречие «сегодня» локализует действие в пределах текущего дня, а частица «же» усиливает значение срочности и незамедлительности. В результате форма выражает не только ближайшее будущее, но и коммуникативный оттенок обещания или принятого решения.

(8) «Я **сегодня** буду дома сидеть». [НКРЯ: **Ю. О. Д**омбровский, «Факультет ненужных вещей», ч. 1, 1978; публ. 1992; 884:1233:1].

В примере (8) конструкция «буду сидеть» является аналитической формой будущего времени несовершенного вида. В отличие от формы совершенного вида, она акцентирует не достижение результата, а процессуальность и длительность ситуации. Наречие «сегодня» ограничивает этот процесс рамками текущего дня, поэтому действие относится к зоне ближней дистантности.

(9) «**Сегодня** я уезжаю и никогда не вернусь». [НКРЯ: **А. И. К**уприн, «Гранатовый браслет», 1911; публ. 1972; 2103:1079:0].

В примере (9) форма «уезжаю» морфологически относится к настоящему времени несовершенного вида, однако в данном контексте получает футуральное значение. Такая интерпретация обусловлена сочетанием наречия «сегодня», семантики направленного движения и коммуникативной установки на заранее решенное действие. Следовательно, настоящее время здесь функционирует как средство выражения ближайшего, практически предопределенного будущего.

Таким образом, наречие «сегодня» в русском языке маркирует ближнюю дистантность и взаимодействует прежде всего с тремя глагольными моделями: простым будущим совершенного вида, аналитическим будущим несовершенного вида и настоящим временем в футуральном значении. В этих моделях временной маркер «сегодня» задает ближайшую перспективу, а глагольная форма уточняет способ представления действия: как результат, процесс или запланированное событие.

«Скоро». Для анализа наречия «скоро» были рассмотрены первые сто контекстов Национального корпуса русского языка. Из материала исключались нерелевантные случаи, в которых «скоро» не обозначает будущую временную перспективу, например ретроспективные, фрагментарные или неясные употребления. В отобранных примерах «скоро» выступает как один из сильных лексических маркеров ближней дистантности, поскольку указывает на приближение события к моменту речи.

В отличие от наречий «сегодня» и «завтра», которые локализуют действие в пределах конкретного календарного отрезка, «скоро» обозначает не точную дату или часть суток, а неопределенно близкую перспективу. Поэтому оно особенно часто сочетается с предикатами наступления, завершения, перехода в новое состояние или необходимости. В таких контекстах ближайшее будущее выражается не одной грамматической формой, а сочетанием наречия, глагольной формы, модальности и общего контекста.

(10) «Утешает одно: **скоро** все это закончится». [НКРЯ: LiveJournal, 2004; 980:5:2].

В примере (10) глагол «закончится» является личной финитной формой будущего времени совершенного вида. Наречие «скоро» задает ближайшую временную перспективу, а предикат завершения указывает на ожидаемый предел ситуации. Следовательно, футуральность здесь выражается через сочетание временного наречия и синтетической формы будущего времени.

(11) «В результате **скоро** можно будет поставить вопрос…» [НКРЯ: Владимир Федоткин, «Власть и оппозиция» // «Советская Россия», 03.07.2003; 697:44:2].

В примере (11) используется аналитическая модально–предикативная модель «можно будет поставить». Компонент «будет» маркирует будущую отнесенность, предикатив «можно» выражает возможность, а инфинитив «поставить» обозначает основное действие. Наречие «скоро» локализует появление этой возможности в зоне ближайшего будущего.

(12) «…я знал, что скоро придется расставаться…» [НКРЯ: Евгений Гришковец, «ОдноврЕмЕнно», 2004; 921:553:10].

В примере (12) конструкция «придется расставаться» передает будущее действие через модальность неизбежности. Наречие «скоро» не только указывает на близкую временную перспективу, но и представляет событие как уже намеченный этап развития ситуации. Здесь ближайшее будущее выражается на пересечении временного наречия, модального значения необходимости и инфинитивной формы.

(13) «Кончается лето, **скоро** переезжать, готовиться к школе». [НКРЯ: **В. Н. К**обец, «Кисть рябины» // «Волга», 2012; 61859:396:2].

В примере (13) конструкция «скоро + инфинитив» оформляет будущее без личной формы глагола. Инфинитивы «переезжать» и «готовиться» обозначают предстоящие действия, а наречие «скоро» задает их ближайшую временную перспективу. Такая модель показывает, что в русском языке футуральность может выражаться не только финитными формами, но и инфинитивными конструкциями, если временной ориентир задан контекстом.

(14) «**Скоро** Новый год». [НКРЯ: Евгений Гришковец, «ОдноврЕмЕнно», 2001; 921:483:0].

В примере (14) это безглагольная номинативная модель. В предложении отсутствует эксплицитная глагольная форма будущего времени, однако наречие «скоро» само создает значение приближающегося события. Существительное «Новый год» обозначает ожидаемую ситуацию, а вся конструкция представляет ее как коммуникативно актуальное ближайшее будущее.

Таким образом, наречие «скоро» в русском языке является сильным маркером ближней дистантности, однако оно не связано с одной грамматической формой. В рассмотренных примерах оно сочетается с синтетическим будущим, модально–предикативными моделями, инфинитивными конструкциями и безглагольными номинативными структурами. Это показывает, что ближайшее будущее с «скоро» формируется как функционально–семантическая зона, в которой временное наречие взаимодействует с глагольной формой, модальностью и контекстом.

«Через час». Для анализа выражения «через час» были рассмотрены первые сто контекстов Национального корпуса русского языка. Из материала исключались нерелевантные и неясные случаи, в которых данная конструкция не позволяла надежно определить временную отнесенность. В рамках настоящего исследования «через час» относится к зоне ближней дистантности, поскольку обозначает событие, ожидаемое в пределах двадцати четырех часов [Национальный корпус русского языка].

В отличие от наречий «сегодня» и «завтра», которые задают календарную рамку, конструкция «через час» указывает на точный интервал между моментом отсчета и наступлением события. Поэтому она особенно ясно выражает ближайшую временную перспективу. При этом точкой отсчета может быть как момент речи, так и момент внутри повествования. Во втором случае речь идет не об абсолютном будущем относительно говорящего, а о будущем относительно уже заданной нарративной ситуации.

(15) «**Через час** старик вернулся из деревни с молоком». [НКРЯ: **В. П. А**стафьев, «Милаха и кот Громило», 1957; 24744:143:0].

В примере (15) форма «вернулся» является прошедшим временем совершенного вида. Событие не относится к будущему относительно момента речи, однако конструкция «через час» выражает следование одного действия за другим внутри повествования. Поэтому этот пример следует рассматривать как случай относительной, нарративной дистантности: действие происходит спустя час после предшествующей ситуации.

(16) «**Через час** встретимся». [НКРЯ: Семен Данилюк, «Бизнес–класс», 2003; 22483:375:0].

В примере (16) форма «встретимся» представляет собой синтетическое будущее время совершенного вида. Конструкция «через час» задает точную ближнюю временную перспективу, а совершенный вид представляет событие как целостное и запланированное. В данном случае футуральность выражается максимально явно: действие должно осуществиться через короткий, точно обозначенный промежуток времени.

(17) «**Через час** буду на аэродроме». [НКРЯ: **А. А. Б**ек, «Талант (Жизнь Бережкова)», 1940–1956; 72801:2695:0].

В примере (17) используется форма «буду», которая выражает будущее состояние субъекта. Конструкция не описывает сам процесс перемещения, а фиксирует ожидаемый результат, то есть нахождение в определенном месте через час. Следовательно, ближайшее будущее здесь выражается через сочетание временного обстоятельства и будущей формы глагола «быть».

(18) «Немедленно арестовать товарища Блюмкина и **через час** собрать коллегию ВЧК». [**Г. В. И**ванов, «Петербургские зимы», 1928; НКРЯ: 76109:3030:7].

В примере (18) будущее значение оформляется инфинитивно–директивной моделью. Инфинитивы «арестовать» и «собрать» не имеют личной формы будущего времени, однако в контексте распоряжения они обозначают действия, которые должны быть выполнены. Конструкция «через час» уточняет срок второго действия и придает ему значение ближайшего запланированного исполнения.

(19) «Мне **через час** надо уходить». [НКРЯ: **А. С.** Демидова, «Бегущая строка памяти», 2000; 22495:136:17].

В примере (19) будущая перспектива задается не формой будущего времени, а модально–предикативной конструкцией «надо уходить». Предикатив «надо» выражает необходимость, инфинитив «уходить» обозначает основное действие, а обстоятельство «через час» локализует его в зоне ближней дистантности. Таким образом, будущее значение формируется на пересечении временного обстоятельства и модальности долженствования.

(20) «Ровно **через час** — атака». [НКРЯ: Борис Васильев, «Были и небыли. Книга 2», 1988; 53186:9909:1].

В примере (20) представлена эллиптическая номинативная конструкция. В ней отсутствует эксплицитная глагольная форма, однако существительное «атака» обозначает предстоящее событие, а сочетание «ровно через час» задает точный срок его наступления. Такая модель коммуникативно фокусирует внимание на времени события и показывает, что ближайшее будущее может выражаться без глагольной морфологии.

Таким образом, выражение «через час» является точным маркером ближней дистантности в русском языке. В рассмотренных примерах оно сочетается с разными структурами: прошедшим временем в нарративной последовательности, синтетическим будущим, формой «буду», инфинитивно–директивной моделью, модально–предикативной конструкцией и безглагольным номинативным предложением. Это показывает, что ближайшая дистантность может выражаться

не только будущими формами глагола, но и контекстуальными, модальными и синтаксическими средствами.

«Через несколько X». Для анализа конструкции «через несколько X» использовалась рабочая подвыборка из 189 контекстов с эксплицитной футуральной интерпретацией. Ретроспективные и нефутуральные употребления были исключены из рассмотрения. В данной подвыборке конструкция преимущественно относится к зоне ближней дистантности, поскольку чаще всего обозначает событие, ожидаемое в пределах ближайших нескольких часов. В отличие от выражения «через час», которое задает точный интервал, модель «через несколько X» указывает на приблизительный, но все же близкий временной промежуток.

В отобранных футуральных контекстах наиболее заметны четыре способа выражения будущей референции. Чаще всего встречается аналитическое будущее несовершенного вида, далее следуют синтетическое будущее совершенного вида, модально–деонтические и инфинитивные модели, а также настоящее время в футуральной функции. В количественном отношении распределение внутри 189 примеров выглядит следующим образом: аналитическое будущее представлено 71 контекстом (37,6 %), синтетическое будущее — 59 контекстами (31,2 %), модально–деонтические и инфинитивные модели, 48 контекстами (25,4 %), настоящее в футуральной функции — 11 контекстами (5,8 %). Эти данные показывают, что конструкция «через несколько X» активно сочетается не только с собственно будущими формами, но и с модальными и контекстуально–футуральными средствами.

(21) «Заполнившая щель масса **через несколько часов** затвердеет.» [НКРЯ: Коллективный. Советы бывалых // «За рулем». 15.05.2003. 594:36:3].

В примере (21) форма «затвердеет» представляет собой синтетическое будущее время глагола совершенного вида. Конструкция «через несколько часов» задает ближнюю временную перспективу, а глагол совершенного вида акцентирует результат, который должен быть достигнут к указанному моменту. В

семантическом плане это пример результативно–ограниченного ближайшего будущего, характерного для технического или инструктивного контекста.

(22) «**Через несколько часов** двадцать человек будут выступать на стадионе „Уралмаш“». [НКРЯ: Владимир Антипин. Зажигалки Павлова // «Русский репортер». № 28 (156), 22–29 июля 2010. 54687:120:0].

В примере (22) форма «будут выступать» является аналитическим будущим несовершенного вида. Здесь акцент сделан не на результате, а на развертывании процесса в ближайшей временной перспективе. Обстоятельство «через несколько часов» локализует действие в пределах ближней дистантности, а сама конструкция естественна для контекстов программы, расписания или заранее организованного события.

(23) «**Через несколько часов** листы надо заменить на новые и снова зажать в прессе.» [НКРЯ: Коллективный. Форум: Реставрация книг. Переплетное дело. 2009. 25242:316:0].

В примере (23) будущее значение создается не морфологической формой будущего времени, а модально–предикативной конструкцией «надо заменить» и инфинитивом «зажать». Предикатив «надо» выражает необходимость, а конструкция «через несколько часов» задает срок выполнения действия. Следовательно, футуральность здесь формируется на пересечении временного обстоятельства и модальности долженствования.

(24) «**Через несколько часов** мы уезжаем в Минск.» [НКРЯ: Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002). 59957:2540:0].

В примере (24) форма «уезжаем» морфологически относится к настоящему времени несовершенного вида, однако в данном контексте получает футуральное значение. Такая интерпретация обусловлена сочетанием обстоятельства «через несколько часов», семантики направленного движения и контекста заранее запланированного действия. В результате настоящее время функционирует как средство выражения ближайшего будущего.

Таким образом, конструкция «через несколько Х» в русском языке маркирует ближнюю дистантность, когда речь идет о нескольких часах или минутах. В

рассмотренных примерах она сочетается с аналитическим будущим, синтетическим будущим, модально–инфинитивными моделями и настоящим временем в футуральной функции. Это показывает, что ближайшее будущее выражается не одной грамматической формой, а взаимодействием временного обстоятельства, глагольной формы, модальности и контекста.

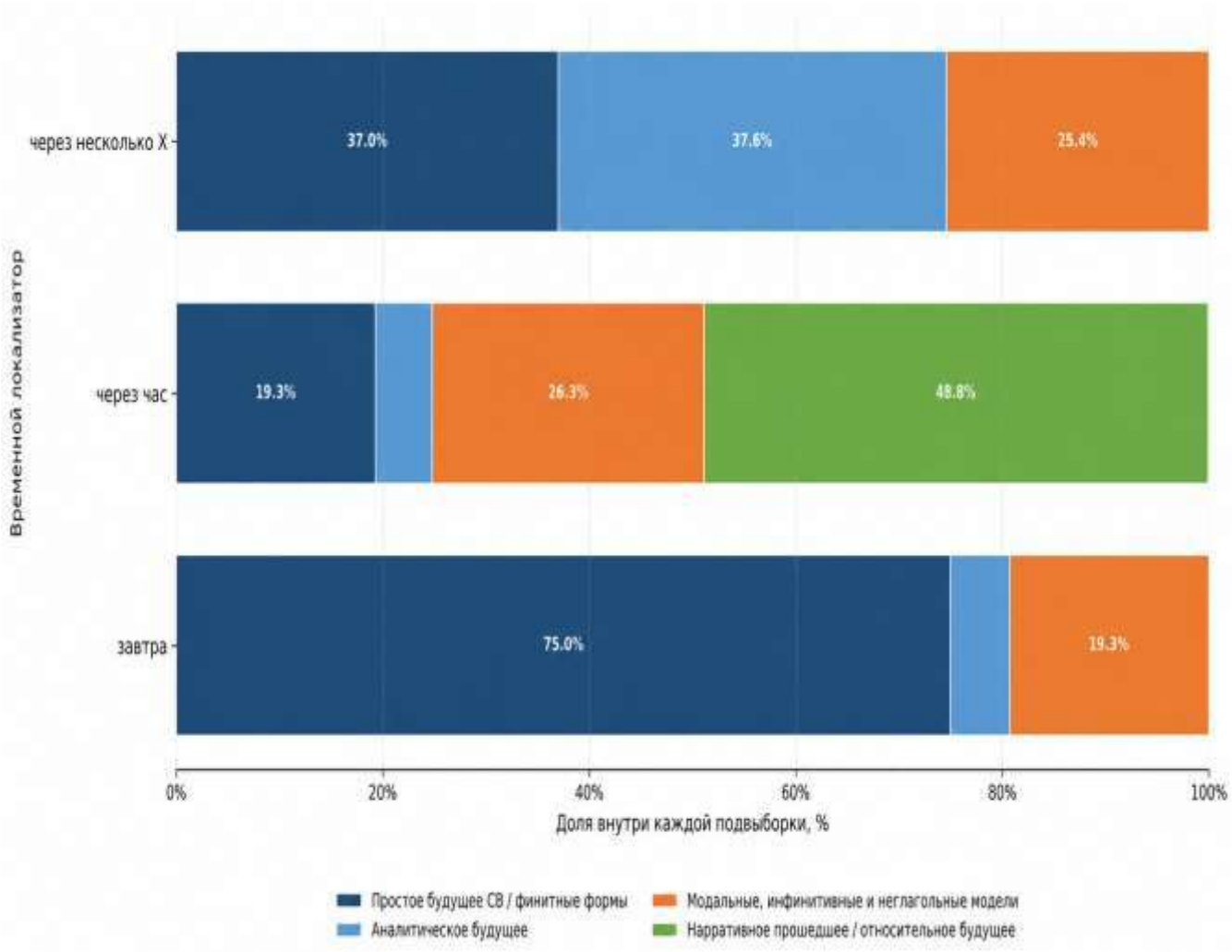

Рисунок 1 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне ближней дистантности в русском языке

Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне ближней дистантности в русском языке представлено на рисунке 1. Рисунок отражает соотношение грамматических моделей, употребляемых с отдельными временными локализаторами ближайшего будущего. Наиболее тесная связь с простым, или финитным, будущим наблюдается у маркера «завтра»: на данную модель приходится 75,0 % всех зафиксированных употреблений.

Значительно реже с этим локализатором используются модальные, инфинитивные и неглагольные конструкции — 19,3 %. Доля аналитического будущего составляет около 5,7 %.

Следовательно, маркер «завтра» в русском языке преимущественно соотносится с грамматически выраженным будущим действием и выступает одним из наиболее устойчивых показателей ближней временной перспективы. Иной профиль демонстрирует локализатор «через час». Здесь доминирует не простое будущее, а нарративное прошедшее / относительное будущее — 48,8 %. Далее следуют модальные, инфинитивные и неглагольные модели — 26,3 %, затем простое / финитное будущее — 19,3 %, а аналитическое будущее занимает минимальную долю — около 5,6 %. Это указывает на то, что «через час» часто выражает не только будущее относительно момента речи, но и будущее относительно другой точки отсчета внутри повествования.

Локализатор «через несколько X» имеет более равномерное распределение: аналитическое будущее составляет 37,6 %, простое / финитное будущее — 37,0 %, а модальные, инфинитивные и неглагольные модели — 25,4 %. Следовательно, этот временной маркер не связан с одной доминирующей грамматической формой, а допускает несколько способов выражения футуральности. В целом рисунок показывает, что «завтра» преимущественно сочетается с финитным будущим, «через час» — с относительным будущим и модальными моделями, а «через несколько X» занимает промежуточное положение между простым и аналитическим будущим.

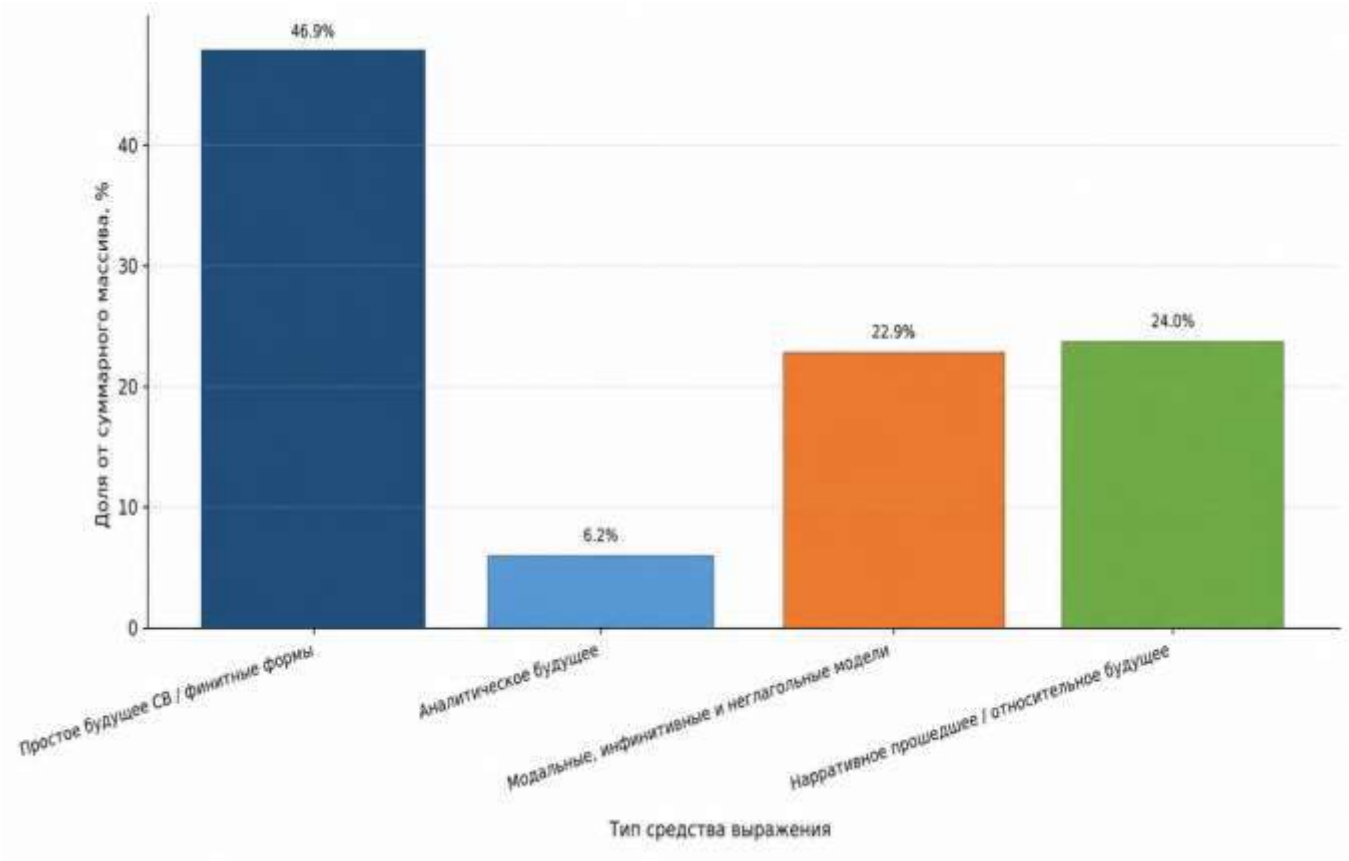

Рисунок 2 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне ближней дистантности в русском языке

На рисунке 2 представлены обобщенные данные по способам выражения будущей референции в зоне ближней дистантности в русском языке. Как показывают данные, ведущим средством в данной зоне являются простое будущее и другие финитные формы, на долю которых приходится 46,9 %. Это свидетельствует о преобладании прямого грамматического обозначения предстоящего действия. Вторую позицию занимает нарративное прошедшее / относительное будущее — 24,0 %, что указывает на возможность выражения будущего относительно иной, повествовательной точки отсчета. Близкий показатель демонстрируют модальные, инфинитивные и неглагольные модели — 22,9 %, отражающие значения намерения, необходимости, возможности или плана. Наименее представленным типом является аналитическое будущее — 6,2 %. Таким образом, зона ближней дистантности в русском языке характеризуется

доминированием финитных форм, однако сохраняет структурную вариативность за счет модальных, неглагольных и относительных моделей.

Средняя зона будущей дистантности в русском языке: «на следующей неделе». В данном разделе рассматривается обстоятельство времени «**на следующей неделе**» как один из показателей средней дистантности в русском языке. В соответствии с рабочей классификацией настоящего исследования оно обозначает период, выходящий за пределы ближайших двадцати четырех часов, но не достигающий границы в один год.

Материал был отобран из Национального корпуса русского языка. Всего было рассмотрено 435 контекстов с футуральной референцией. Поскольку объем выборки не превышает верхний предел, установленный для количественно интерпретируемого материала, числовые показатели сохраняются, однако таблицы и графики не используются. В выборке преобладают финитные предикаты: 264 примера, 60,7 %. Далее следуют модально–инфинитивные конструкции: 66 примеров, 15,2 %, аналитическое будущее: 51 пример, 11,7 %, сдвинутое нарративное прошедшее: 27 примеров, 6,2 %, настоящее время в футуральной функции: 18 примеров, 4,1 %, а также безглагольные и именные модели: 9 примеров, 2,1 %.

Таким образом, «**на следующей неделе**» чаще всего сочетается с финитными глагольными формами, особенно с простым будущим совершенного вида. Вместе с тем материал показывает, что среднесрочная футуральность выражается не только будущим временем как грамматической формой, но и аналитическими, модальными, нарративно–смещенными и неглагольными средствами.

В функциональном отношении конструкция «**на следующей неделе**» реализует три основных типа употребления. Первый тип связан с календарно–плановым событием, особенно в публицистическом и официально–деловом дискурсе. Второй тип выражает личное планирование, обязательство или ожидаемое действие. Третий тип представляет относительное будущее внутри повествования, когда точкой отсчета становится не момент речи, а иной временной ориентир, уже заданный в тексте.

(25) «заседание ФРС пройдет **на следующей неделе**» [НКРЯ: Александр Гребенников, Александр Патрикеев. Что для Америки рецессия, для России — дефолт // «Финансовая Россия», 19.09.2002; 74:25:20].

В примере (25) форма «пройдет» представляет собой простое будущее время совершенного вида, третье лицо единственного числа. Она обозначает однократное и ограниченное событие, включенное в календарный план. Обстоятельство «**на следующей неделе**» задает среднюю дистантность, а совершенный вид усиливает значение завершенности и определенности события.

(26) «**На следующей неделе** я буду вести разговор» [НКРЯ: Дмитрий Медведев. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // «Российская газета», 2010; 44476:473:4].

В примере (26) конструкция «буду вести» является аналитической формой будущего времени несовершенного вида. В отличие от простого будущего совершенного вида, она акцентирует не результат, а процессуальность действия. Средняя дистантность в данном случае соединяется с представлением действия как контролируемого и развернутого во времени.

(27) «**На следующей неделе** выходит замуж» [НКРЯ: Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998; 873:542:7].

В примере (27) форма «выходит» морфологически относится к настоящему времени несовершенного вида, однако в сочетании с обстоятельством «**на следующей неделе**» получает футуральное значение. Здесь настоящее время выступает как средство выражения заранее определенного будущего, связанного с социальным сценарием, планом или ожидаемым событием.

(28) «подполковник должен приехать … **на следующей неделе**» [НКРЯ: Героиновый тюремщик // «Криминальная хроника», 24.07.2003; 142:170:12].

В примере (28) будущее значение формируется через модально–инфинитивную конструкцию «должен приехать». Модальный компонент «должен» выражает необходимость или ожидаемость действия, а инфинитив совершенного вида «приехать» обозначает само предстоящее событие. Обстоятельство «**на следующей неделе**» локализует его в зоне среднего будущего.

(29) «когда **на следующей неделе** я пришла к Виталию…» [НКРЯ: **И. Г**рекова. Дамский мастер, 1963; 841:1425:1].

В примере (29) форма «пришла» является прошедшим временем совершенного вида, однако в структуре повествования она соотносится с последующим событием относительно уже заданной референтной точки. Поэтому данный пример не выражает будущее относительно момента речи, а демонстрирует относительную, нарративную среднюю дистантность.

(30) «в предстоящем **на следующей неделе** Зальцбургском форуме» [НКРЯ: Андрей Лебедев. В боевиках и в реальности // «Известия», 25.06.2001; 1120:11:24].

В примере (30) футуральное значение выражается без финитной глагольной формы. Причастно–адъективный элемент «предстоящем» указывает на событие, ожидаемое в будущем, а обстоятельство «**на следующей неделе**» уточняет его временную локализацию. Такая модель представляет событие как уже поименованную календарную единицу.

Таким образом, обстоятельство «**на следующей неделе**» в русском языке является устойчивым маркером средней дистантности. Оно наиболее активно сочетается с финитными формами будущего времени, но также взаимодействует с аналитическим будущим, настоящим временем в футуральной функции, модально–инфинитивными конструкциями, нарративным прошедшим и неглагольными моделями. Это показывает, что среднее будущее выражается не одной грамматической формой, а совокупностью глагольных, модальных и контекстуальных средств.

«В следующем месяце». Для анализа конструкции «**в следующем месяце**» были использованы данные Национального корпуса русского языка. В выборке выявлено 87 контекстов с данным темпоральным локализатором. Согласно принятой в работе классификации, выражение «**в следующем месяце**» относится к зоне средней дистантности, поскольку обозначает период после одного дня и до одного года. Поэтому в данном блоке рассматривается не ближняя, а именно средняя временная перспектива.

Из 87 употреблений 61 контекст репрезентирует непосредственную дейктическую перспективу среднего будущего, ориентированную на момент речи. Остальные 26 примеров относятся к нарративным, анафорическим, узуальным или иным контекстам и не включаются в основной анализ будущей референции. В пределах 61 релевантного контекста наблюдается следующее распределение: модально–инфинитивные и фазовые конструкции составляют 21 пример, 34,4 %; синтетическое будущее совершенного вида — 17 примеров, 27,9%; бытийные и аналитические формы будущего — 11 примеров, 18,0%; эллиптические и невербальные реализации — 8 примеров, 13,1%; настоящее время в футуральном значении — 4 примера, 6,6%. Таким образом, наиболее заметной группой в данном материале являются модальные, инфинитивные и фазовые модели, однако собственно глагольные формы будущего времени также сохраняют важную роль.

(31) «**В следующем месяце** США, очевидно, как и планируют, проведут очередные испытания…» [НКРЯ: Светлана Бабаева. Еще не друзья, уже не миссионеры. Российско–американский саммит прошел лучше, чем ожидалось // «Известия», 18.06.2001; 1079:52:0].

В примере (31) форма «проведут» представляет собой простое будущее время глагола совершенного вида, третье лицо множественного числа. Обстоятельство «**в следующем месяце**» локализует действие в зоне средней дистантности, а совершенный вид представляет его как завершимое и предельное событие. Дополнительные элементы «очевидно» и «как и планируют» усиливают интерпретацию высказывания как прогнозируемого и заранее планируемого действия. Следовательно, здесь будущее выражено ядерным способом, через синтетическую форму совершенного вида и календарный локализатор.

(32) «Я никогда не знаю, сколько денег у меня будет **в следующем месяце**». [НКРЯ: Юлия Степанова. Берлин: вне системы. Как живут люди в сквотах и независимых поселениях, 2019.03; 56978:67:9].

В примере (32) форма «будет» является будущей формой глагола «быть» в экзистенциально–посессивной конструкции. В отличие от аналитической модели типа «буду делать», здесь выражается не процесс действия, а будущее состояние

наличия или отсутствия ресурса. Обстоятельство «**в следующем месяце**» переносит это состояние в среднюю временную перспективу. Семантически пример показывает прогнозируемую ситуацию, связанную не с действием субъекта, а с будущим положением дел.

(33) «**В следующем месяце** получаю пенсию и еду в Смоленск». [НКРЯ: Фёдор Ошевнев. Билет на тот свет // «Ковчег», 2015; 60513:1152:0].

В примере (33) формы «получаю» и «еду» морфологически относятся к настоящему времени несовершенного вида, однако в данном контексте получают футуральное значение. Такая интерпретация обусловлена темпоральным локализатором «**в следующем месяце**» и ситуацией личного плана. Настоящее время здесь не обозначает действие в момент речи, а указывает на заранее намеченное событие в средней временной перспективе. Поэтому данный пример относится к полупериферийным способам выражения будущего времени.

(34) «**В следующем месяце** должен въехать новый хозяин». [НКРЯ: **А. С. Л**авриненко. Там, где нас нет // «Волга», 2010; 61676:861:0].

В примере (34) будущее значение формируется модально–инфинитивной конструкцией «должен въехать». Краткое прилагательное «должен» выражает значение необходимости, ожидаемости или высокой вероятности, а инфинитив «въехать» называет основное действие. Обстоятельство «**в следующем месяце**» задает среднюю дистантность, а модальный компонент показывает, что событие представлено не просто как будущее, но как ожидаемое или нормативно предполагаемое.

(35) «До новой встречи **в следующем месяце**!» [НКРЯ: Клуб Почемучек // «Юный натуралист», 1976; 39903:189:3].

В примере (35) представлена невербальную, эллиптическую модель. Финитный глагол отсутствует, однако значение будущего восстанавливается из речевого жанра прощальной формулы: подразумевается «увидимся» или «встретимся». Конструкция «**в следующем месяце**» выполняет функцию основного временного локализатора и задает среднюю перспективу. Такой пример

показывает, что будущее значение может выражаться не только глагольной формой, но и устойчивой дискурсивной моделью.

Таким образом, конструкция «**в следующем месяце**» является показательным средством выражения средней дистантности в русском языке. В рассмотренном материале она сочетается с синтетическим будущим совершенного вида, будущей формой глагола «быть», настоящим временем в футуральном значении, модально–инфинитивными конструкциями и эллиптическими моделями. Это подтверждает, что среднее будущее выражается не одной морфологической формой, а взаимодействием календарного локализатора, глагольного вида, модальности и контекста.

«К концу года / ближе к концу года». В данном блоке рассматриваются футуральные употребления обстоятельственных формул «**к концу года**» и «**ближе к концу года**». Поскольку общий корпусный поиск дает более широкую выборку, в анализ включены только релевантные контексты с проспективной интерпретацией; ретроспективные, нефутуральные и результативно–описательные употребления не учитываются. В рамках принятой в работе классификации эти локализаторы относятся к зоне средней дистантности, так как обозначают реализацию действия в пределах годового горизонта, но не в ближайшие двадцать четыре часа [НКРЯ].

В релевантной подвыборке было выделено 359 футуральных контекстов. Наиболее частотными оказались формы простого будущего времени, преимущественно совершенного вида: 215 примеров, 59,9 %. Это объясняется семантикой формулы «**к концу года**», которая задает предельную временную границу и поэтому хорошо сочетается с предикатами достижения, завершения или количественного результата, например «достигнет», «выйдет», «начнет», «вырастет», «исчезнет». Далее следуют модально–интенциональные и деонтические конструкции: 77 примеров, 21,4 %. В них будущее действие представляется как план, намерение, прогноз или нормативное ожидание. Составное будущее и пассивно–предикативные модели с компонентом «будет» представлены 41 примером, 11,4 %. Настоящее время в футуральной функции

встречается в 20 примерах, 5,6 %, а предикативно–именные модели, в 6 примерах, 1,7 %. Таким образом, ядро данной зоны образуют формы простого будущего, тогда как модальные, аналитические и именные модели формируют периферию.

С точки зрения адвербиальной структуры в подвыборке почти полностью доминирует формула «**к концу года**»: 354 примера, 98,6 %. Вариант «**ближе к концу года**» представлен значительно реже, 5 примеров, 1,4 %. Его семантика несколько отличается: он подчеркивает не сам предельный результат, а приближение к завершающей фазе временного интервала. Поэтому «**к концу года**» можно рассматривать как основной локализатор средне–будущей зоны, а «**ближе к концу года**» как ее уточняющий вариант.

(36) «Janus планируется включить в состав Solaris 10, которую в компании собираются выпустить **к концу года**». [НКРЯ: Sun сопрягает Solaris с Linux // «Computerworld», 2004; 376:5:12].

В примере (36) футуральность выражается модально–интенциональной конструкцией «собираются выпустить». Глагол «собираются» указывает на намерение и институционально оформленный план, инфинитив «выпустить» обозначает основное действие, а обстоятельство «**к концу года**» задает верхнюю временную границу его реализации. Поэтому конструкция репрезентирует не просто будущее действие, а запланированный результат в пределах средней дистантности.

(37) «По прогнозу аналитиков Pyramid Research, количество пользователей услуг мобильной связи во всем мире **к концу года** достигнет 1,6 млрд». [НКРЯ: Аналитический дайджест // «Computerworld», 2004; 361:2:13].

В примере (37) форма «достигнет» представляет собой простое будущее время совершенного вида. Она обозначает предельный, количественно измеримый результат, который должен быть достигнут к указанной временной границе. Контекст прогноза усиливает эпистемическую интерпретацию: говорящий не описывает уже существующий факт, а представляет ожидаемый итог развития ситуации.

(38) «А **к концу года** будет достроена базовая социальная инфраструктура, школа, детский сад и медицинский центр». [НКРЯ: Алексей Щукин. IT–город в чистом поле // «Эксперт», 2015; 55416:46:1].

В примере (38) используется пассивно–предикативная модель «будет достроена», состоящая из будущей формы связки «будет» и краткого страдательного причастия «достроена». Такая конструкция профилирует не процесс строительства, а состояние завершенности, которое должно наступить к контрольной точке «**к концу года**». Следовательно, футуральность соединяется с результативностью и проектной завершенностью.

(39) «22–го сентября издатель переводит ей дополнительно 100 рублей, и **к концу года** «Тайна жизни» выходит в Москве». [НКРЯ: А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой; 23143:2615:9].

В примере (39) форма «выходит» морфологически относится к настоящему времени, однако в данном нарративном контексте она получает проспективную интерпретацию относительно предшествующей точки повествования. Это не абсолютное будущее относительно момента речи, а относительная будущая перспектива внутри исторического рассказа. Обстоятельство «**к концу года**» задает хронологический предел, благодаря которому форма настоящего времени функционирует как средство календарно–событийной последовательности.

(40) «Думаю, **к концу года** уже будет ясна идеология этого процесса». [НКРЯ: Анатолий Аграфенин. Валентина Матвиенко: Добрые питерские традиции, наш важнейший ресурс; 18841:91:1].

В этом примере (40) будущая референция оформляется предикативно–именной моделью «будет ясна». Компонент «будет» задает будущую отнесенность, краткое прилагательное «ясна» обозначает ожидаемое состояние, а обстоятельство «**к концу года**» фиксирует срок его наступления. Акцент переносится с действия на достижение состояния–результата.

Таким образом, обстоятельство «**к концу года**» формирует в русском языке результативно–целевой тип средней дистантности. Оно задает предельную временную границу, поэтому наиболее естественно сочетается с формами простого

будущего совершенного вида и предикатами достижения результата. При этом корпусные примеры показывают, что данная зона выражается не только глагольной морфологией, но и модально–интенциональными, пассивно–предикативными, футурально–настоящими и именными моделями. Следовательно, среднее будущее в таких контекстах строится как взаимодействие временного локализатора, предикатной семантики и прагматической установки на план, прогноз или ожидаемый результат.

«В ближайшие месяцы». Материалом для анализа послужили 172 контекста, полученных из Национального корпуса русского языка по запросу «**в ближайшие месяцы**». Данное обстоятельство времени рассматривается как маркер средней дистантности, поскольку оно задает горизонт ближайших месяцев от момента речи и, как правило, не выходит за пределы одного года. Классификация проводилась вручную с учетом доминирующего способа выражения будущей референции; смешанные случаи распределялись по преобладающей модели. Из 172 контекстов 159 употреблений имеют футуральную интерпретацию, что составляет 92,4 % выборки. Остальные 13 контекстов, то есть 7,6 %, были исключены как ретроспективные, фрагментарные или нерелевантные для описания будущей референции. Поскольку объем подвыборки не превышает 200 контекстов, числовые данные сохраняются в тексте, однако таблицы и графики в данном случае не используются.

В футуральной подвыборке наиболее частотными являются модально–инфинитивные и интенциональные конструкции, представленные 55 примерами, или 34,6 %. Далее следуют формы простого будущего времени, 41 пример, 25,8 %; невербальные и нефинитные средства, 32 примера, 20,1 %; аналитическое будущее и пассивно–предикативные модели с компонентом «будет», 22 примера, 13,8 %; настоящее время в футуральной функции, 9 примеров, 5,7 %. Такое распределение показывает, что зона «**в ближайшие месяцы**» выражает не только нейтральную временную отнесенность, но и план, прогноз, возможность, необходимость или институционально закрепленную программу действия.

(41) «**В ближайшие месяцы** компания завершит подготовительные технические и организационные мероприятия». [НКРЯ: «Эксперт», 13.12.2004; 9914:2:0].

В примере (41) форма «завершит» представляет собой простое будущее время совершенного вида. Обстоятельство «**в ближайшие месяцы**» помещает действие в зону средней дистантности, а совершенный вид акцентирует результативность и достижение предела. Контекст имеет программно–прогностический характер: действие представлено как запланированный и ожидаемый этап деятельности компании.

(42) «**В ближайшие месяцы** будет проведен ряд ключевых наземных испытаний…» [НКРЯ: «Воздушно–космическая оборона», 15.12.2003; 15369:11:0].

В примере (42) форма «будет проведен» представляет собой пассивно–предикативную модель с футуральной референцией: будущая форма глагола «быть» сочетается с кратким страдательным причастием прошедшего времени совершенного вида. Такая конструкция выдвигает на первый план не деятеля, а институционально запланированный результат. Поэтому данный пример целесообразно рассматривать не как классическое аналитическое будущее типа «буду + инфинитив», а как пассивную модель, ориентированную на будущую завершенность.

(43) «…**в ближайшие месяцы** можно ожидать перебоев в производстве хлеба…» [НКРЯ: «Еженедельный журнал», 27.05.2003; 16364:7:11].

В примере (43) футуральность формируется через модально–предикативную конструкцию «можно ожидать». Предикатив «можно» выражает возможность и эпистемически смягченный прогноз, а инфинитив «ожидать» задает экспертную перспективу. Обстоятельство «**в ближайшие месяцы**» ограничивает прогноз средним будущим и показывает, что речь идет не о факте, а о вероятном развитии ситуации.

(44) «Музей открывается для посетителей **в ближайшие месяцы**». [НКРЯ: «Знание — сила», 1987; 40126:13:4].

В примере (44) форма «открывается» морфологически относится к настоящему времени несовершенного вида, однако в данном контексте получает футуральное значение. Такая интерпретация обеспечивается обстоятельством «**в ближайшие месяцы**» и семантикой заранее организованного события. Следовательно, настоящее время здесь функционирует как средство выражения запланированного среднего будущего.

(45) «В планах предприятия — сертификация уже **в ближайшие месяцы**…» [НКРЯ: «Вестник авиации и космонавтики», 30.06.2004; 8654:13:5].

В примере (45) футуральность выражается невербальной, именной моделью. Сочетание «в планах предприятия» задает интенционально–проектную рамку, а существительное «сертификация» обозначает ожидаемое действие как цель. Обстоятельство «уже **в ближайшие месяцы**» усиливает значение близости внутри средней зоны и подчеркивает, что реализация рассматривается как практически намеченная.

Таким образом, конструкция «**в ближайшие месяцы**» стабильно маркирует среднюю дистантность в русском языке. В анализируемой подвыборке она чаще всего сочетается с модально–инфинитивными и интенциональными моделями, что показывает связь среднего будущего с прогнозом, планом, возможностью и необходимостью. Простое будущее выражает преимущественно результативные действия, аналитические и пассивно–предикативные модели характерны для официального и институционального дискурса, а футуральное настоящее появляется в контекстах высокой степени запланированности. Невербальные конструкции подтверждают, что будущая референция в данной зоне может выражаться не только глагольными формами, но и именными средствами, если контекст задает проектируемость действия.

«В этом году». Для анализа конструкции «**в этом году**» были рассмотрены контексты Национального корпуса русского языка, в которых данное сочетание формирует футуральную перспективу, а не обозначает уже происходящее или ретроспективно описываемое событие. В рамках настоящего исследования «**в этом году**» относится к зоне средней дистантности, поскольку задает временной

горизонт в пределах текущего года, то есть после ближайшего календарного периода, но до границы одного года [Национальный корпус русского языка].

В отличие от маркеров ближней дистантности, таких как «сегодня», «завтра», «скоро» или «через час», конструкция «**в этом году**» задает более широкий временной интервал. Поэтому она чаще связана не с непосредственным наступлением события, а с планом, прогнозом, институциональной программой, календарным событием или ожидаемым результатом. В рассмотренном материале наиболее заметны аналитические и пассивно–предикативные модели, интенционально–плановые конструкции, синтетическое будущее, модально–инфинитивные модели, настоящее время в футуральной функции и безлично–прогностические конструкции.

(46) «**В этом году** будет продано 30 млн мобильников». [НКРЯ: Александр Дементьев, «Рынок мобильников упал на четверть» // РБК daily, 12.01.2010; 58526:8:0].

В примере (46) форма «будет продано» представляет собой пассивно–предикативную модель с футуральной референцией. Она образована сочетанием будущей формы глагола «быть» и краткого страдательного причастия «продано». Такая конструкция выражает не процесс продажи, а прогнозируемый количественный результат. Поэтому будущее здесь представлено как статистически ожидаемый итог в пределах годового горизонта.

(47) «**В этом году** фестиваль состоится с 22 мая по 4 июня». [НКРЯ: **А. Г. Е**втушенко, «Дневник», 2006; 20302:493:0].

В примере (47) форма «состоится» является синтетическим будущим временем совершенного вида. Она маркирует календарно фиксированное событие и представляет его как целостную реализацию. В сочетании с обстоятельством «**в этом году**» данная форма выражает среднюю дистантность, связанную с заранее установленным сроком проведения события.

(48) «**В этом году** мы не планируем выходить на вторичный рынок». [НКРЯ: Алексей Жданов, «Ипотеку двигают выборы» // «Деловой квартал», 2003; 16321:61:0].

В примере (48) футуральность выражается интенционально–плановой конструкцией «планируем выходить». Глагол «планируем» формально относится к настоящему времени, однако обозначает стратегию, направленную на будущий период. Инфинитив «выходить» называет основное действие, а сочетание «**в этом году**» задает временные рамки его возможной реализации. На первый план выходит не сам факт действия, а субъектный контроль, намерение и стратегия.

(49) «**В этом году** в России должны пройти выборы в Государственную думу». [НКРЯ: Александр Крутов, «В федеральном плане финансовых проверок Саратов — на одном из первых мест» // «Богатей», 31.07.2003; 1185:120:0].

В примере (49) конструкция «должны пройти» представляет собой модально–инфинитивную модель с деонтическим значением. Компонент «должны» выражает нормативную или регламентную обязательность, а инфинитив «пройти» обозначает основное событие. Будущее здесь формируется не только за счет временного обстоятельства, но и через значение институционально ожидаемой реализации.

(50) «**В этом году** исполняется 100 лет русской авиации». [НКРЯ: Станислав Славин, «Юбилеи. Первые полеты» // «Юный техник», 2010; 40038:3:0].

В примере (50) форма «исполняется» является формой настоящего времени, однако в данном контексте она получает футуральную интерпретацию. Такое употребление характерно для календарных, юбилейных и расписанных событий. Временной маркер «**в этом году**» переносит ситуацию в будущий план, а настоящее время представляет ее как уже включенную в календарный порядок.

(51) «**В этом году** ожидается и неплохой урожай зерна». [НКРЯ: Георгий Осипов, «Ответ центра. Правительство одобрило федеральную целевую программу „Юг России“» // «Известия», 05.07.2001; 28103:48:0].

В примере (51) форма «ожидается» реализует безлично–прогностическую модель с эпистемическим оттенком. В этом случае будущая ситуация не утверждается как факт, а представляется как вероятный результат, основанный на прогнозе или ожидании. Такая структура особенно характерна для экономического, политического и экспертного дискурса.

Таким образом, конструкция «**в этом году**» в русском языке выступает маркером средней дистантности и задает широкий, но ограниченный годовой горизонт будущего. В отличие от ближних маркеров, она чаще сочетается с конструкциями прогноза, плана, регламента и ожидаемого результата. В рассмотренных примерах будущее выражается не только синтетическими формами глагола, но и пассивно–предикативными, модально–инфинитивными, интенционально–плановыми, футурально–презентными и безлично–прогностическими моделями.

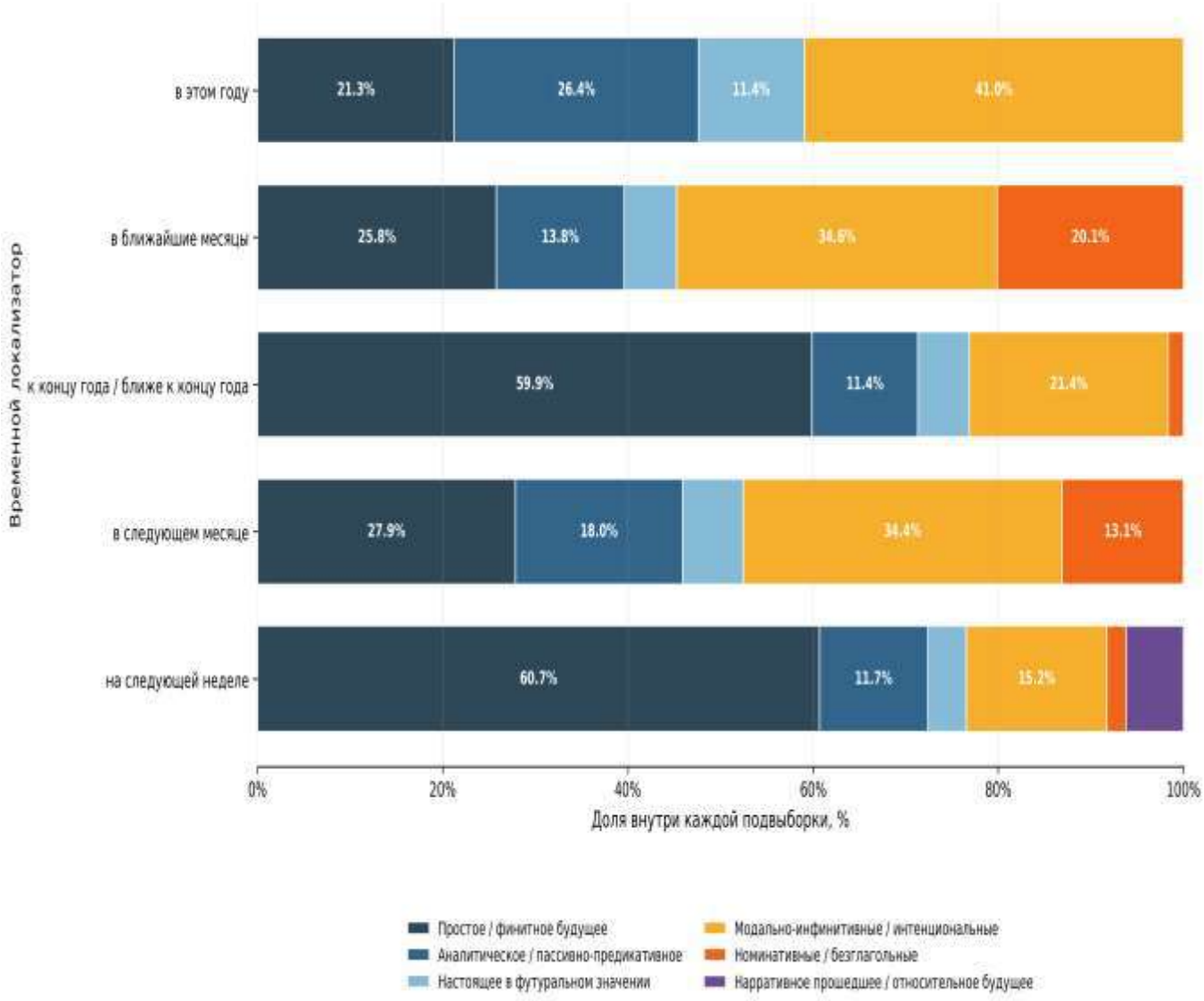

Рисунок 3 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне средней дистантности в русском языке

Представленные на рисунке 3 данные показывают, что средняя футуральная зона в русском языке имеет неоднородный структурный профиль. Локализаторы «на следующей неделе» и «к концу года / ближе к концу года» преимущественно сочетаются с простым / финитным будущим: соответственно 264 случая (60,7 %) и 215 случаев (59,9 %). При этом в обеих группах заметны и модально–инфинитивные / интенциональные конструкции: 66 случаев (15,2 %) для «на следующей неделе» и 77 случаев (21,4 %) для «к концу года / ближе к концу года». Аналитические / пассивно–предикативные модели представлены менее активно: 51 случай (11,7 %) и 41 случай (11,4 %) соответственно. Нарративное прошедшее / относительное будущее фиксируется только при локализаторе «на следующей неделе» — 27 случаев (6,2 %), что указывает на возможность выражения будущей перспективы относительно иной, не обязательно актуальной точки отсчета.

Иной тип распределения наблюдается у локализаторов «в следующем месяце», «в ближайшие месяцы» и «в этом году». В этих группах на первый план выходят модально–инфинитивные и интенциональные конструкции: 21 случай (34,4 %), 55 случаев (34,6 %) и 362 случая (41,0 %) соответственно. При локализаторе «в этом году» значительную долю также занимают аналитические / пассивно–предикативные модели — 233 случая (26,4 %), тогда как простое / финитное будущее составляет 188 случаев (21,3 %). Номинативные / безглагольные конструкции наиболее выражены в группах «в ближайшие месяцы» — 32 случая (20,1 %) и «в следующем месяце» — 8 случаев (13,1 %). Таким образом, рисунок демонстрирует, что в русской средней футуральной зоне будущая референция реализуется не только через финитные формы будущего времени, но и через аналитические, модальные, интенциональные и номинативные модели, отражающие плановый, прогнозный или институционально организованный характер будущего действия.

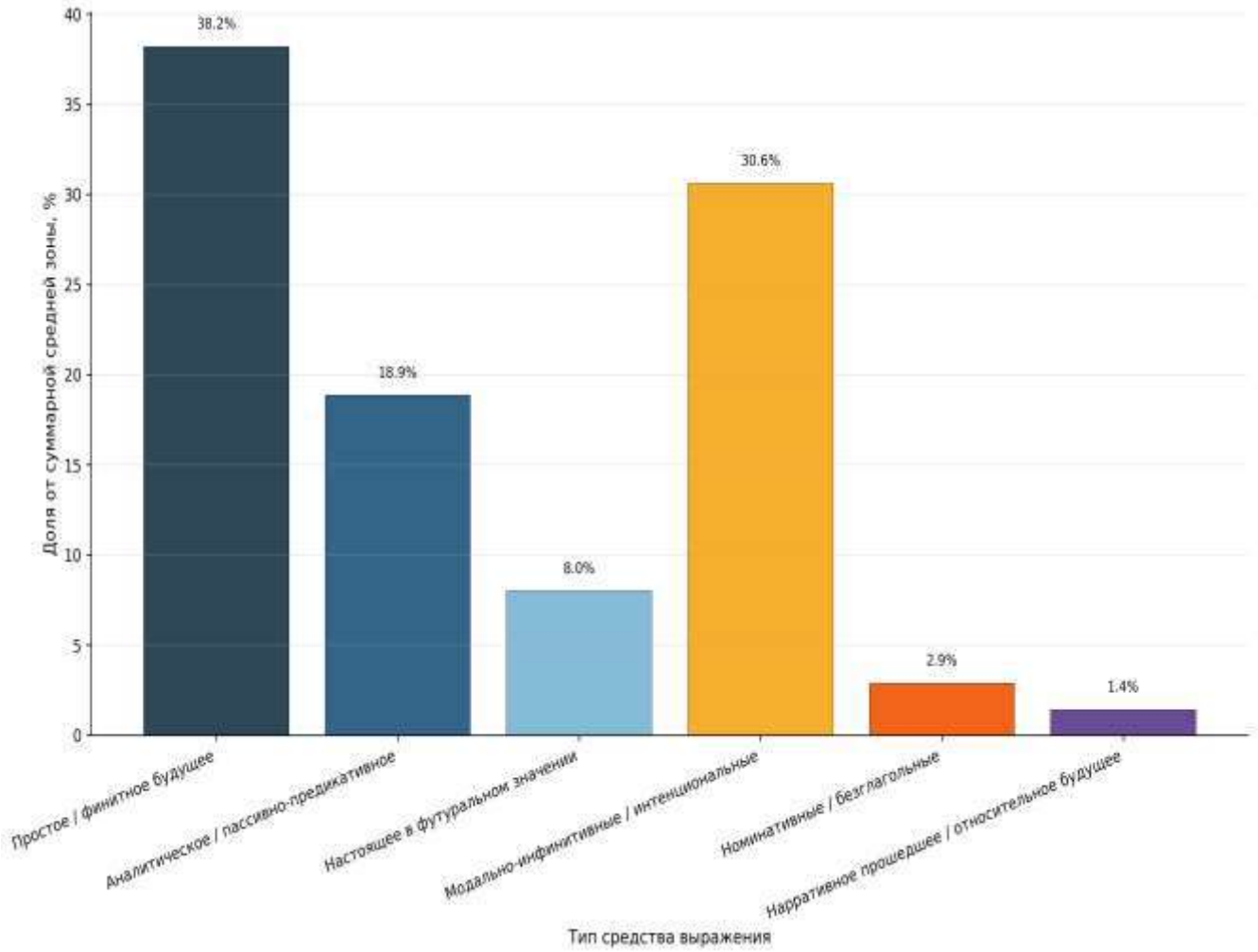

Рисунок 4 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне средней дистантности в русском языке

Представленные на рисунке 4 данные показывают, что в средней футуральной зоне русского языка преобладают два типа выражения будущей референции: простое / финитное будущее — 38,2 % и модально–инфинитивные / интенциональные конструкции — 30,6 %. Это свидетельствует о том, что средняя перспектива связана не только с прямым обозначением будущего действия, но и с выражением плана, намерения, прогноза или необходимости.

Значимую долю занимают также аналитические / пассивно–предикативные модели — 18,9 %, что указывает на их активность в официальном, прогнозном и институциональном дискурсе. Менее частотны настоящее в футуральном значении — 8,0 %, номинативные / безглагольные конструкции — 2,9 % и нарративное прошедшее / относительное будущее — 1,4 %. Таким образом, средняя зона

будущего в русском языке характеризуется структурной вариативностью, однако её ядро формируют финитные и модально–интенциональные средства.

Дальняя зона будущего в русском языке. «Через несколько лет». В зоне дальней дистантности одним из показательных временных локализаторов является конструкция «через несколько лет». В рамках настоящего исследования она относится к отдаленному будущему, поскольку задает перспективу, превышающую один год от момента речи или от другой точки отсчета. Поскольку корпусная выдача по данному маркеру является объемной, в этом блоке не приводятся таблицы и процентные распределения; внимание сосредоточено на основных типах предикативного окружения и способах выражения футуральной референции.

В рассмотренном материале конструкция «через несколько лет» чаще всего сочетается с несколькими типами структур: простым будущим, аналитическим будущим, модально–инфинитивными конструкциями, настоящим временем с будущей референцией и повествовательным прошедшим временем. Последний тип требует отдельного уточнения: прошедшая форма в таких случаях не выражает будущее относительно момента речи, а обозначает последующее событие относительно уже заданной точки повествования. Следовательно, речь идет о нарративной, или относительной, дистантности.

(52) «Президент YesMail Дэвид Толми полагает, что **через несколько лет** станет распространенной технология…» [НКРЯ: Аманда Билер. YesMail стремится увеличить виртуальные продажи видео // «Рекламный мир», 2000.02.15].

В примере (52) форма «станет» представляет собой простое будущее время совершенного вида. Локализатор «**через несколько лет**» задает дальнюю временную перспективу, а глагол «стать» выражает прогнозируемый переход к новому состоянию. Будущее здесь представлено как ожидаемый результат развития технологии.

(53) «…**через несколько лет** буду читать свои стихи Пикассо, буду гостить в его мастерской…» [НКРЯ: И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский, 2015].

В примере (53) конструкции «буду читать» и «буду гостить» являются аналитическими формами будущего времени несовершенного вида. Они акцентируют не предельный результат, а процесс или длительное состояние, помещенное в отдаленную перспективу. В данном контексте дальнее будущее осмысляется как биографически значимый, развернутый во времени горизонт.

(54) «Какие результаты должна обеспечить реализация программы **через несколько лет**?» [НКРЯ: Т. К. Ростовская, Т. А. Кипшара // «Информационное общество», 2015].

В примере (54) модель «должна обеспечить» представляет собой модально–инфинитивную конструкцию с деонтическим оттенком. Компонент «должна» указывает на нормативное ожидание или требуемый результат, а инфинитив «обеспечить» обозначает основное действие. Таким образом, дальняя футуральность соединяется с модальностью необходимости и программной заданности.

(55) «**Через несколько лет** нас ждут проблемы в одиночном катании» [НКРЯ: Денис Быстров. «Известия», 2002.03.11].

В примере (55) форма «ждут» морфологически относится к настоящему времени, однако в сочетании с локализатором «**через несколько лет**» получает футуральную интерпретацию. Здесь настоящее время выполняет прогнозную функцию: оно представляет будущую ситуацию как уже намеченную или ожидаемую с точки зрения говорящего.

(56) «…стыки не были соединены друг с другом и **через несколько лет** разошлись» [НКРЯ: Елена Волкова. Тот самый линолеум // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.08.12].

В примере (56) форма «разошлись» является прошедшим временем совершенного вида, однако в структуре повествования она обозначает событие, наступившее спустя несколько лет после ранее описанного состояния. Поэтому данный пример не относится к абсолютному будущему относительно момента речи, но демонстрирует относительную дистантность внутри нарратива.

Таким образом, конструкция «**через несколько лет**» в русском языке выступает устойчивым маркером дальней дистантности. Она не связана с одной грамматической формой и может сочетаться с простым будущим, аналитическим будущим, модально–инфинитивными моделями, футуральным настоящим и повествовательным прошедшим. В этой группе особенно важно различать собственно прогноз будущего и относительное будущее внутри нарратива, поскольку оба типа указывают на отдаленную перспективу, но имеют разные точки отсчета.

«В будущем». Для анализа наречия времени «в будущем» были рассмотрены контексты Национального корпуса русского языка, в которых данное сочетание функционирует как локализатор отдалённой будущей перспективы. Из описания исключаются атрибутивные употребления типа «в будущем фильме», а также календарно конкретизированные сочетания «в будущем году», «в будущем месяце», «в будущем сезоне» и подобные случаи, поскольку они задают иной тип временной или определительной связи. Поскольку исходный корпусный материал слишком объёмен, количественная таблица здесь не приводится; анализ сосредоточен на основных структурных моделях, с которыми «в будущем» формирует дальнюю дистантность.

В отличие от локализаторов типа «через несколько лет», которые задают более конкретный временной интервал, наречие «в будущем» обозначает обобщённый и открытый горизонт. Поэтому оно чаще связано не с точной календарной датой, а с прогнозом, возможным результатом, перспективой развития или оценкой последствий. В рассмотренных примерах наиболее заметны личные финитные формы, аналитическое будущее, модально–инфинитивные конструкции и номинативно–перспективные модели. Такое распределение показывает, что дальняя дистантность в русском языке может выражаться как собственно глагольными, так и неглагольными средствами.

(57) «…эти знания наверняка ему пригодятся **в будущем**». [НКРЯ: **Ю. К**овалева, «Даша», 2004; 1546:6:16].

В примере (57) форма «пригодятся» является личной финитной формой будущего времени совершенного вида. Наречие «**в будущем**» переносит ожидаемый результат в отдалённую перспективу, а слово «наверняка» усиливает эпистемическую уверенность говорящего. В данном случае будущее представлено как вероятный, но не календарно конкретизированный результат.

(58) «…**в будущем** человечество будет путешествовать по Вселенной…». [НКРЯ: **В. Б**арашенков, «Знание — сила», 2003; 1688:105:13].

В примере (58) конструкция «будет путешествовать» представляет собой аналитическое будущее несовершенного вида. Она выражает не единичное событие, а длительный сценарий развития, соотнесённый с неопределённо далёкой перспективой. Поэтому такая модель характерна для прогностического и научно–популярного дискурса.

(59) «…**в будущем** может означать незаполненные рабочие места…». [НКРЯ: «Вопросы статистики», 2004; 1658:239:7].

В примере (59) сочетание «может означать» является модально–инфинитивной конструкцией с эпистемическим значением возможности. Будущая ситуация здесь не утверждается как факт, а представляется как вероятное следствие. Наречие «**в будущем**» задаёт дальний временной горизонт, внутри которого такое следствие может проявиться.

(60) «…и хорошие перспективы **в будущем**». [НКРЯ: «Жизнь национальностей», 18.06.2003; 605:8:13].

В примере (60) футуральность выражается без личной глагольной формы. Существительное «перспективы» само содержит значение направленности вперёд, а локализатор «**в будущем**» уточняет временную область этой направленности. Такая номинативно–перспективная модель показывает, что дальняя дистантность может оформляться не только глагольными, но и именными средствами.

Таким образом, наречие «**в будущем**» является обобщённым маркером дальней дистантности. Оно не фиксирует точную дату, а задаёт открытый перспективный горизонт, в котором событие может быть представлено как прогноз, возможное следствие, длительный сценарий или номинативно

обозначенная перспектива. В рассмотренных примерах будущая референция формируется через взаимодействие локализатора «**в будущем**» с финитной формой, аналитическим будущим, модальностью возможности и именной моделью.

«В далеком будущем». Для анализа сочетания «в далеком будущем» были рассмотрены 140 контекстов Национального корпуса русского языка. В основную выборку включались только те случаи, где данное сочетание функционирует как обстоятельство времени с референцией к будущему. Из них 111 контекстов, то есть 79,3 %, были квалифицированы как непосредственно футуральные; 29 контекстов, то есть 20,7 %, отнесены к нефутуральным или периферийным употреблениям. К последним относятся описания мира художественного текста, метатекстовые упоминания будущего, а также случаи, где отдаленная перспектива названа без развернутого предиката [Национальный корпус русского языка].

Внутри футуральной подвыборки наиболее заметны формы будущего времени, представленные 55 контекстами, что составляет 49,5 %. В эту группу входят как простые формы будущего, так и конструкции с будущей формой глагола «быть». Вторую позицию занимают модальные конструкции со значением будущего, 23 примера, 20,7 %, например модели с компонентами «мочь», «должен», «не исключено», «суждено», «возможно». Кроме того, 16 контекстов, 14,4 %, реализуют нарративную перспективу, при которой событие осмысляется как будущее относительно прошлой точки отсчета. Настоящее время в футуральной функции представлено 8 примерами, 7,2 %, а неглагольные и эллиптические реализации, 9 примеров, 8,1 %, образуют периферийную, но значимую группу.

С точки зрения сочетаемости базовая формула «в далеком будущем» является основной. Также встречаются уточненные варианты: «не в далеком будущем», «только в далеком будущем», «когда–нибудь в далеком будущем», «когда–то в далеком будущем», «там в далеком будущем», «где–то в далеком будущем» и «еще в далеком будущем». Эти модификаторы не меняют принадлежность конструкции к дальней дистантности, но уточняют способ ее

концептуализации. Так, «только в далеком будущем» усиливает значение отсроченности, тогда как «не в далеком будущем» смещает интерпретацию к ближней границе отдаленной зоны.

(61) «Правда, **в далеком будущем** не будет деревни, поскольку все из нее уедут в город и птицу придется содержать дома…» [НКРЯ: М. Б. Бару. Принцип неопределенности // «Волга», 2015; 62095:529:1].

В примере (61) дальняя перспектива выражена формой будущего времени «не будет». Кроме того, конструкция «придется содержать» добавляет модальный оттенок вынужденности. В результате отдаленное будущее представлено не как абстрактный горизонт, а как конкретный социокультурный сценарий.

(62) «А вот „«черная Земля»“ — это ситуация, которая, по мнению Киршвинка, в принципе могла бы реализоваться **в далеком будущем**» [НКРЯ: С. Ястребов. От атомов к древу…, 2017; 130655:8899:15].

В примере (62) форма «могла бы реализоваться» выражает модально–гипотетическую футуральность. Событие не утверждается как неизбежный факт, а представляется как возможный сценарий, вынесенный в отдаленную временную перспективу.

(63) «Но астрономы уже сегодня знают, что ожидает Солнце **в далеком будущем**» [НКРЯ: Е. Левитан. Космические ужастики // «Наука и жизнь», 2008; 37844:39:8].

В примере (63) глагольная форма «ожидает» морфологически относится к настоящему времени, однако в сочетании с локализатором «**в далеком будущем**» получает футуральную интерпретацию. Здесь настоящее время используется в прогностической функции и обозначает событие, которое относится к удаленной перспективе.

(64) «…не ведал еще, что **в далеком будущем** переключусь на земную и грешную светскую жизнь…» [НКРЯ: Н. Климонтович. Далее — везде, 2001; 53933:2192:19].

В примере (64) реализуется проспекция из прошлой точки отсчета. Форма «переключусь» обозначает будущее действие, однако оно представлено как

будущее относительно прежнего состояния субъекта. Поэтому конструкция может рассматриваться как случай ретроспективно осмысленного будущего.

(65) «Но все это — **в далеком будущем**.» [НКРЯ: С. Н. Есин. Дневник, 2006; 20293:1211:3].

В примере (65) эллиптическую модель. В предложении отсутствует эксплицитная глагольная форма, однако сочетание «**в далеком будущем**» само переносит названную ситуацию в удаленную временную область. Футуральность возникает не из глагольной морфологии, а из предикативно–указательной функции всей конструкции Таким образом, сочетание «в далеком будущем» выступает специализированным маркером дальней дистантности. В рассмотренных контекстах оно чаще всего сочетается с формами будущего времени, но также активно взаимодействует с модальными, прогностическими, нарративными, футурально–презентными и эллиптическими моделями. Это показывает, что отдаленное будущее в русском языке выражается не одной грамматической формой, а совокупностью временного локализатора, предикативной структуры, модальности и контекста.

«Через год». При анализе зоны дальней дистантности одним из показательных временных локализаторов выступает конструкция «через год». В рабочей классификации настоящего исследования дальняя зона начинается с одного года и охватывает последующие периоды, поэтому данное сочетание относится к минимальной границе отдаленного будущего. В отличие от более неопределенных маркеров типа «в будущем» или «через несколько лет», конструкция «через год» задает точный интервал отсрочки и позволяет проследить, какими средствами русский язык оформляет событие, отнесенное к дальней, но еще достаточно конкретной перспективе.

В анализ включались прежде всего контексты, где «через год» обозначает будущее относительно момента речи или явно заданной перспективной точки отсчета. Ретроспективные и периферийные употребления не рассматриваются как центральные для описания будущей референции. Поскольку общий корпусный материал по данному запросу является слишком большим для компактного

представления, таблицы и процентное распределение здесь не приводятся. Основное внимание уделяется тем моделям, которые наиболее заметно участвуют в выражении дальней дистантности: простой форме будущего времени, аналитическому будущему, модально–инфинитивным конструкциям, связочно–предикативным моделям и условно–гипотетическим употреблениям.

Внутри футуральной подвыборки основным вариантом остается немодифицированная конструкция «через год»: она представлена 928 употреблениями (85,8 %). Расширенные модели встречаются значительно реже: «через год–два» — 72 употребления (6,7 %), «через год–другой» — 39 (3,6 %), «через год–полтора» — 27 (2,5 %), прочие расширенные варианты — 15 (1,4 %). Эти формы сохраняют отнесенность к дальней дистантности, однако делают годовую границу менее точной и переводят ее в приблизительный интервал.

(66) «**Через год**, надеюсь, откроем в Йошкар–Олинском медицинском колледже факультет зубных врачей...» [НКРЯ: «Здравоохранение: реалии дня. Отдадим долги и будем развиваться!» // «Марийская правда» (Йошкар–Ола), 2003.01.17; 537:32:0].

В примере (66) форма «откроем» представляет собой простую форму будущего времени совершенного вида. Временной локализатор «**через год**» относит действие к дальней зоне, а вводное слово «надеюсь» добавляет модальный оттенок ожидания. Событие представлено как планируемый результат, реализация которого возможна после достаточно длительного, но точно обозначенного интервала.

(67) «Девчонки четвертый курс закончили, **через год–полтора** будут распределяться». [НКРЯ: Юрий Кашкин. Валюха–горюха // «Ковчег», 2013; 60441:3256:4].

В примере (67) конструкция «будут распределяться» является аналитическим будущим несовершенного вида. В отличие от формы совершенного вида, она акцентирует не точечный результат, а процесс, включенный в институционально заданный порядок. Расширенный локализатор «**через год–полтора**» указывает на

приблизительную дальнюю перспективу и связывает будущее действие с учебно–организационным контекстом.

(68) «Пока есть время — надо экспериментировать, **через год** будет уже поздно». [НКРЯ: Галина Подкопаева. Московская ремиссия. Чемпионат Европы закончился, чемпионата мира может и не быть // «Известия», 2002.07.10; 1166:16:5].

В примере (68) футуральность выражена связочно–предикативной моделью «будет поздно». Здесь обозначается не действие, а оценка будущего состояния ситуации. Наречное сочетание «**через год**» задает срок, после которого возможность действия будет утрачена, а частица «уже» усиливает значение наступления критической границы.

(69) «**Через год** в России должна начать работу система гарантирования банковских вкладов». [НКРЯ: «Не вспугните капитал!» // «Итоги», 11.03.2003; 16611:155:0].

В примере (69) модель «должна начать работу» представляет собой модально–инфинитивную конструкцию. Компонент «должна» выражает деонтическую, регламентную или программную необходимость, а инфинитив «начать» обозначает начало будущего действия. В сочетании с локализатором «**через год**» событие интерпретируется как нормативно ожидаемая реализация в дальней перспективе.

(70) «На мой взгляд, заходить на российский рынок жилой недвижимости стоило бы **через год**». [НКРЯ: Сергей Лаврентьев. Полмиллиарда долларов в жилье (23.04.2009) // http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/finance/411903.shtml, 2009; 58332:14:11].

В примере (70) форма «стоило бы» маркирует условно–гипотетическую и рекомендательную перспективу. Будущее действие не утверждается как факт, а представляется как возможный или предпочтительный сценарий. Локализатор «**через год**» при этом задает отсроченный момент реализации, а вся конструкция соединяет дальнюю временную отнесенность с модальностью совета.

Таким образом, конструкция «через год» является точным маркером начальной границы дальней дистантности. В рассмотренных примерах она сочетается с разными средствами выражения будущего: простой формой будущего времени, аналитическим будущим, связочно–предикативной моделью, модально–инфинитивной конструкцией и условно–гипотетическим употреблением. Это показывает, что дальняя зона в русском языке не сводится к одной грамматической форме: она формируется через взаимодействие временного локализатора, глагольного вида, модальности и коммуникативного контекста.

«Спустя годы». В корпусном материале по запросу «спустя годы» было зафиксировано 233 контекста. Поскольку объем выборки не превышает 500 контекстов, количественные данные могут быть использованы, однако в тексте они приводятся без таблиц и графиков. Сочетание «спустя годы» относится к зоне дальней дистантности, так как лексема «годы» выводит событие за пределы средней временной зоны. При этом данная конструкция часто выражает не абсолютное будущее относительно момента речи, а отсроченность относительно другой точки отсчета в тексте, особенно в нарративном контексте.

По способу предикативного оформления в материале преобладают контексты с формами прошедшего времени, 168 примеров, 72,1 %. Такие случаи передают событие, реализованное спустя годы после исходной ситуации, то есть выражают относительную постериорность в ретроспективном повествовании. Морфологическое будущее представлено 27 примерами, 11,6 %; настоящее с футуральной или обобщенно–сценарной интерпретацией, 21 примером, 9,0 %; модально–инфинитивные и предикативные конструкции, 17 примерами, 7,3 %. Следовательно, «спустя годы» описывает дальнюю дистантность прежде всего как отложенный результат, но может сочетаться и с собственно будущими, модальными и сценарными моделями.

На уровне сочетаемости основная формула «спустя годы» является наиболее устойчивой. Наряду с ней встречаются расширенные варианты: «потом, теперь, позже, спустя годы», «и спустя годы», «лишь / только спустя годы», «спустя годы после + N», а также единичные развернутые сочетания типа «спустя годы работы

и поисков». Эти модификаторы не меняют принадлежность конструкции к дальней зоне, но уточняют дискурсивный акцент: подчеркивают отсрочку, возвращение к прежнему событию или позднее проявление результата.

(71) «**Спустя годы** Ломоносов вспоминал, как трудно далось ему учение…» [НКРЯ: Н. В. Сопельникова. Задачи по истории России, 2021; 35929:120:0].

В примере (71) форма «вспоминал» является формой прошедшего времени. Адвербиал «**спустя годы**» не выражает будущее относительно момента речи, а задает дальнюю временную дистанцию внутри повествования: воспоминание представлено как поздний результат предшествующего опыта. Поэтому этот случай следует рассматривать как ретроспективную реализацию дальней дистантности.

(72) «…**спустя годы** вернется в Россию и будет себя комфортно чувствовать в своем родном доме» [НКРЯ: Ефим Гаммер. Живые зеркала // «Ковчег», 2014; НКРЯ: 60485:2953:32].

В примере (72) дальняя перспектива выражена сочетанием простого будущего «вернется» и аналитического будущего «будет чувствовать». Первая форма представляет событие как результат возвращения, вторая акцентирует последующее состояние. Адвербиал «**спустя годы**» задает большой временной разрыв и переводит обе предикации в область отдаленного будущего.

(73) «…и **лишь спустя годы** становятся реставраторами–профессионалами» [НКРЯ: Татьяна Матвеева. Реставрация столярно–мебельных изделий, 1988; 1579:51:20].

В примере (73) форма «становятся» морфологически относится к настоящему времени, однако в данном контексте получает обобщенно–сценарную интерпретацию. Речь идет не о действии, происходящем в момент речи, а о закономерном результате, достигаемом после длительного периода подготовки. Временной маркер «**спустя годы**» снимает актуально–настоящее прочтение и формирует значение отложенной перспективы.

(74) «…нежелательное вмешательство извне может **спустя годы** „аукнуться“…» [НКРЯ: И. Ковалева. В карте запись // «Здоровье», 1999.03.15; 603:12:16].

В примере (74) используется модально–инфинитивная модель «может аукнуться». Компонент «может» выражает вероятность, а инфинитив «аукнуться» обозначает возможное последствие. Конструкция «спустя годы» локализует это последствие в дальней временной зоне, поэтому футуральность здесь соединяется с причинно–следственной и модальной семантикой. Таким образом, конструкция «спустя годы» выступает маркером дальней дистантности, обозначая отсроченную реализацию события.

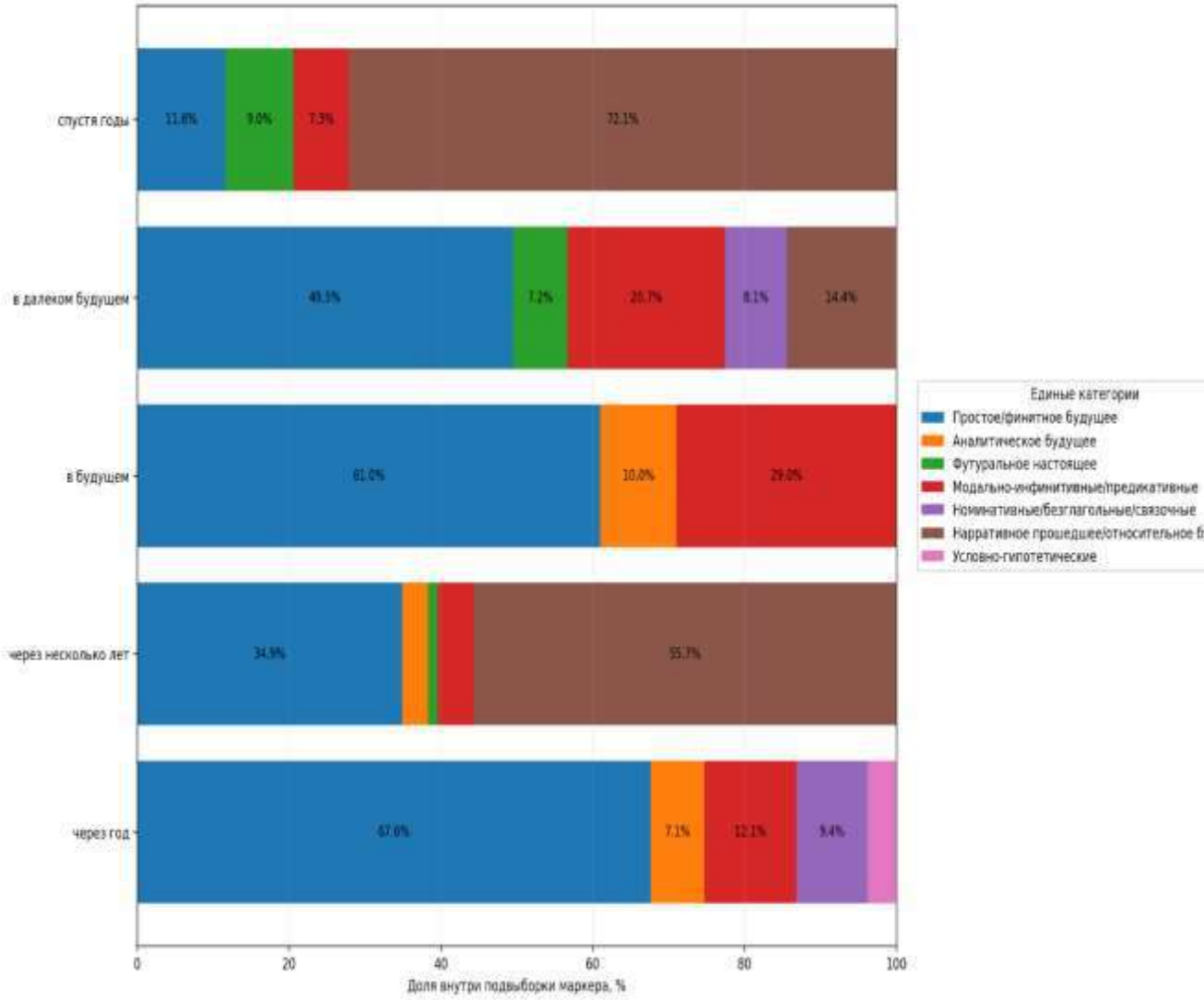

Рисунок 5 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне дальней дистантности в русском языке

Представленные на рисунке 5 данные показывают, что дальняя футуральная зона в русском языке характеризуется взаимодействием двух ведущих способов выражения будущей референции: простого / финитного будущего и нарративного прошедшего / относительного будущего. Простое будущее занимает доминирующее положение при локализаторах «через год» — 67,6 %, «в будущем» — 61,0 % и «в далеком будущем» — 49,5 %. Это свидетельствует о том, что при обозначении отдаленной, но концептуально заданной перспективы будущее действие часто выражается прямой финитной глагольной формой. В то же время локализаторы «через несколько лет» и «спустя годы» демонстрируют иную организацию: здесь преобладает нарративное прошедшее / относительное будущее, соответственно 55,7 % и 72,1 %. Дополнительную роль в дальней зоне играют модально–инфинитивные / предикативные конструкции: 12,1 % при «через год», 29,0 % при «в будущем» и 20,7 % при «в далеком будущем». зные способы выражения.

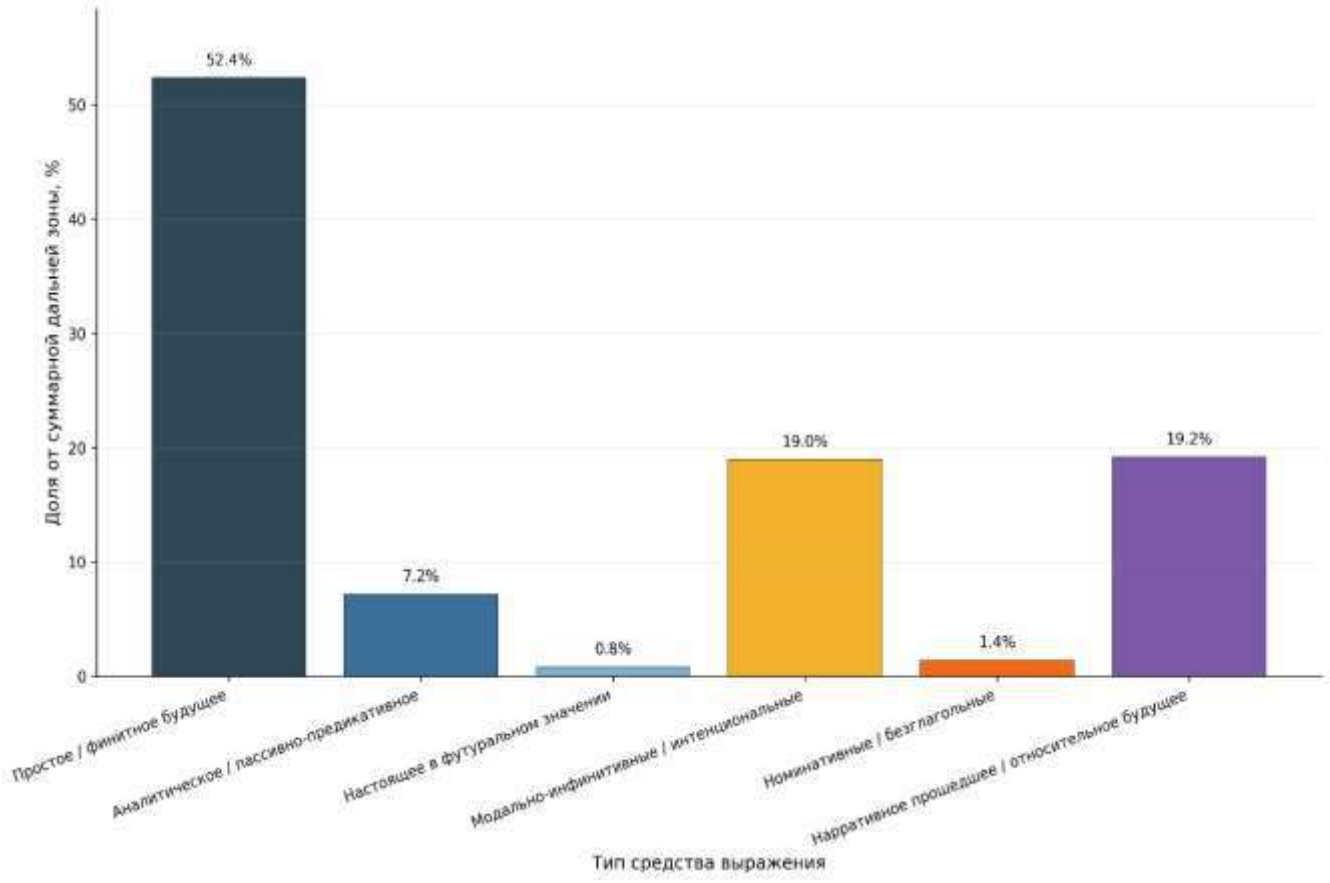

Рисунок 6 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне дальней дистантности в русском языке

Представленные на рисунке 6 данные показывают, что в дальней футуральной зоне русского языка ведущую позицию занимает простое / финитное будущее — 52,4 %. Это свидетельствует о том, что отдалённая будущая перспектива чаще всего выражается прямыми глагольными формами. Значимыми также являются нарративное прошедшее / относительное будущее — 19,2 % и модально–инфинитивные / интенциональные конструкции — 19,0 %, что указывает на связь дальней зоны не только с хронологическим будущим, но и с повествовательной перспективой, прогнозом, намерением или планом. Менее частотны аналитические / пассивно–предикативные модели — 7,2 %, тогда как номинативные / безглагольные конструкции (1,4 %) и настоящее в футуральном значении (0,8 %) занимают периферийное положение.

2.2.2. Средства выражения ближней, средней и дальней дистантности в турецком языке

В практической части турецкий материал рассматривается не через изолированное описание отдельного аффикса, а через взаимодействие грамматической формы, временного маркера и контекста. Один и тот же формальный показатель в турецком языке может соотноситься с разными отрезками будущего, поэтому при корпусном анализе решающим является не только морфология сказуемого, но и синхронная комбинация глагольной формы, лексического временного индикатора и ближайшего контекста. В связи с этим деление на ближнюю, среднюю и дальнюю зоны будущего используется в данном разделе как рабочая аналитическая модель, а не как самостоятельная грамматическая категория турецкого языка.

Центральным морфологическим показателем будущего в современном турецком языке остается форма «–(y)AcAk» '–(й)аджак'. Однако практический материал не может быть сведен только к этой форме, поскольку футуральная референция может возникать и при участии других грамматических и контекстуальных средств. Исторические сведения о показателях «–a» '–a', «–cak» '–джак' и «–ası / –esi» '–асы / –эси' важны как фоновая теоретическая опора: они

показывают, что футуральность в турецком языке имеет как собственно морфологические, так и производно–лексические источники [179, с. 161–166; 126, с. 80; 135, с. 210, 448–450]. В настоящем разделе эти сведения сохраняются только в сжатом виде, поскольку основной акцент переносится на синхронный анализ корпусных употреблений. М. Кая Бильгегиль отмечает, что форма желательного наклонения на «–a / –e» '–а / –э', если за ней не следует другой временной показатель, употребляется только в широком времени и может брать на себя функции настоящего и будущего времени [114, с. 270].

Это положение важно для анализа футуральной референции в турецком языке, поскольку показывает, что значение будущего может выражаться не только специальной формой «–AcAk» но и другими глагольными формами при поддержке контекста и модальной установки говорящего. М. Юджеол Озезен показывает, что в современном турецком языке показатель +A в ряде случаев утрачивает собственно направительное значение и функционирует как средство образования темпоральных наречий. Особенно важны для анализа будущей референции формы типа «akşama» ('к вечеру / вечером'), «sabaha» ('к утру / утром'), «seneye» ('в следующем году'), «yarına» ('к завтрашнему дню'), а также «bahara» ('к весне'), «kışa» ('к зиме'), «yaza» ('к лету'), которые интерпретируются как указание на предстоящий сезон или будущий временной отрезок [180, с. 332].

О. Балджи, признавая, что основной формой будущего времени в турецком языке является показатель «–AcAk» ('аджак'), вместе с тем подчёркивает, что футуральная референция не ограничивается только этой формой. В определённых контекстах значение будущего могут передавать также формы настоящего времени, настояще–будущего времени и даже прошедшего категорического времени [107, с. 341–348]. С синхронной точки зрения значение будущего в турецком языке может выражаться не только формой «–AcAk» ('аджак'), но и формами «–(I)yor» '–(ы)йор и «–(A/I)r» '–(а/ы)р' в футуральном употреблении, конструкциями типа «–mAk üzere» ('быть на грани совершения действия'), моделями намерения и плана, модальными структурами, а также неглагольными сказуемыми с «var» ('есть'), «yok» ('нет'), «lazım» ('нужно'), «gerek» ('необходимо')

и близкими средствами [30, с. 128, 454–472]. Поэтому в корпусном анализе необходимо учитывать не только морфологическое будущее, но и более широкий инвентарь проспективных конструкций, включая модели будущего в прошедшей перспективе и контексты с модально–предикативной нагрузкой [107, с. 343–346; 135, с. 448–450].

Особое значение для практического раздела имеет положение о том, что временной маркер способен изменять интерпретацию глагольной формы. Для анализа неглагольных средств выражения будущей дистантности в турецком языке важна классификация наречий, предложенная **Э. Г**енишем. Исследователь показывает, что турецкие наречия могут быть простыми, производными, сложными и фразовыми; среди простых и производных форм прямо приводятся темпоральные единицы типа «dün» ('вчера'), «bugün» ('сегодня'), «yarın» ('завтра'), «şimdi» ('сейчас'), «gece» ('ночью'), «gündüz» ('днём'), «akşam» ('вечером'), «sabah» ('утром'), sabahleyin («утром», «по утрам»), geceleyin («ночью», «по ночам»), «haftaya» ('на следующей неделе'), sonra («потом», «после»), что подтверждает самостоятельную роль лексических временных показателей в организации временной перспективы высказывания [11, с. 227–228].

Конструкции «Bugün geliyorum» ('Сегодня прихожу / Сегодня приду'), «Yarın gelirim» ('Завтра приду'), «Şimdi geleceğim» ('Сейчас приду') и «Biraz sonra gidiyorum» ('Через некоторое время ухожу / Скоро уйду') показывают, что будущее значение в турецком языке часто возникает не из самой формы как таковой, а из ее сочетания с наречием времени и контекстом высказывания [166, с. 644–652; 154, с. 644]. Следовательно, временной показатель в практическом анализе рассматривается не как второстепенный элемент предложения, а как один из главных механизмов актуализации будущей референции.

Для настоящего раздела ключевым объектом становятся временные наречия и устойчивые темпоральные формулы, поскольку именно они задают дистанцию между моментом речи и предполагаемым осуществлением действия. Наречия времени в турецком языке могут выражаться отдельными лексемами, словосочетаниями, формами с аффиксами, а также конструкциями с послелогами

[180, с. 332–335; 30, с. 454–472]. В этом отношении особенно важны описания временных показателей, позволяющие рассматривать их как самостоятельный механизм структурирования будущего плана [150, с. 17–85; 151, с. 15–16].

Практически значимыми являются как простые маркеры типа «şimdi» ('сейчас'), «yarın» ('завтра'), «gece» ('ночью'), «akşam» ('вечером'), «sabah» ('утром'), «haftaya» ('на следующей неделе'), «seneye» ('в следующем году'), так и более сложные конструкции с «sonra» ('после, спустя'), «kadar» ('до'), «üzere» ('на грани, с целью'), а также другими формантами, задающими темпоральную перспективу. При этом в корпусной выборке должны сохраняться только те контексты, где соответствующий показатель действительно формирует будущую интерпретацию, а не обслуживает настоящее, прошедшее, обобщенное или нефутуральное значение. Такая фильтрация позволяет избежать смешения формальной сочетаемости с реальной временной отнесенностью.

Временные показатели в данном разделе выполняют двойную функцию. С одной стороны, они служат инструментом отбора материала: по ним выделяются контексты, в которых актуализируется будущая перспектива. С другой стороны, они выступают семантическим классификатором, поскольку помогают установить, относится ли употребление к ближней, средней или дальней зоне будущего. После отбора контекстов анализируются формы, с которыми сочетаются временные маркеры, а затем определяется функция конструкции: запланированное действие, намерение, необходимость, прогноз, приказ, программа, отсроченный результат или иная разновидность будущей референции.

Для целей исследования ближняя зона будущего охватывает период в пределах двадцати четырех часов от момента речи, включая ближайший следующий день, если событие мыслится как непосредственная календарная перспектива. Средняя зона охватывает период после ближайших суток и до одного года. Дальняя зона, в свою очередь, включает один год и последующие периоды. Такое рабочее деление необходимо не для описания абстрактной грамматической системы турецкого языка, а для упорядочивания корпусных данных и выявления предпочтительных моделей употребления в каждом временном диапазоне.

Следовательно, в практической части сохраняются только те теоретические положения, которые непосредственно помогают интерпретировать корпусный материал. Во–первых, футуральность в турецком языке выражается полицентрически, то есть несколькими грамматическими, лексическими и контекстуальными средствами. Во–вторых, временное наречие способно переопределять значение глагольной формы. В–третьих, при анализе необходимо разграничивать морфологические, аналитические, модальные и неглагольные способы выражения будущего. Остальные сведения, особенно повторяющиеся исторические справки, широкие классификации наречий и типологические отступления, целесообразно оставлять за пределами данного введения.

Таким образом, введение к практическому анализу турецкого материала должно оставаться компактным, но методологически точным. Его задача состоит не в повторном описании всей системы времени и наклонения, а в установлении принципов, по которым далее будут анализироваться корпусные примеры. В центре внимания находятся временные локализаторы, их сочетаемость с глагольными и неглагольными средствами, а также способность этих локализаторов задавать ближнюю, среднюю или дальнюю перспективу будущего. Такой подход позволяет рассматривать футуральность в турецком языке как функционально–семантическую область, где морфология, лексика, модальность и контекст действуют совместно.

В дальнейшем анализ временных наречий и устойчивых темпоральных формул должен проводиться по единой схеме: сначала определяется временная зона, затем фиксируется грамматическая форма сказуемого или неглагольная модель, после чего описывается семантическая функция конструкции. Благодаря этому практическая часть получает ясную структуру и может быть непосредственно связана с таблицами, графиками, количественным распределением и интерпретацией конкретных примеров. Именно такая организация материала позволяет избежать повторов, не перегружать раздел диахроническими подробностями и сохранить связь между теоретическими источниками и фактическими корпусными данными.

Зона ближней дистантности в турецком языке. В настоящем блоке рассматриваются временные наречия и устойчивые темпоральные формулы, которые локализуют действие в пределах ближайшей временной перспективы. К этой группе относятся «bugün» ('сегодня'), «yarın» ('завтра'), «şimdi» ('сейчас'), «yakında» ('скоро'), «akşam» ('вечером'), «bu akşam» ('сегодня вечером'), «gece» ('ночью'), «bu gece» ('сегодня ночью'), а также конструкции типа «biraz sonra» ('через некоторое время'). В отличие от общего перечня временных маркеров, в практическом анализе учитываются только те контексты, в которых соответствующее обстоятельство действительно формирует футуральную референцию.

Такой подход необходим потому, что темпоральные наречия ближней зоны могут сочетаться не только с формами будущего времени, но и с формами настоящего, прошедшего, а также с неглагольными предикативными структурами. Поэтому формальное наличие маркера «bugün» ('сегодня') само по себе еще не означает выражения ближайшего будущего. В каждом случае следует учитывать глагольную форму, контекст и точку отсчета, от которой устанавливается будущая перспектива.

«Bugün» ('Сегодня'). Наречие «bugün» ('сегодня') обозначает календарный предел текущего дня и поэтому является одним из наиболее показательных маркеров ближайшего будущего. В исходной корпусной выборке оно часто сочетается с разными временными формами, однако для дальнейшего анализа были оставлены только те случаи, где сочетание «bugün» ('сегодня') с глагольной формой на «–AcAk» ('аффикс будущего времени') создает значение собственно ближайшего будущего. После ручной фильтрации релевантная ядерная группа составила 108 примеров. Это позволяет отделить формальную сочетаемость маркера от реальной футуральной интерпретации.

В центральной группе примеров «bugün» ('сегодня') указывает на действие, которое должно быть реализовано в пределах того же календарного дня. В таких контекстах форма на «–AcAk» ('аффикс будущего времени') обычно выражает запланированность, ожидаемость или календарную закрепленность действия.

Следовательно, ближайшее будущее здесь возникает не только благодаря морфологии сказуемого, но и благодаря совместной работе временного наречия и контекста.

(75) «Ümit Milli Takımımız, Avrupa Futbol Şampiyonası grup elemelerinde son maçını **bugün** lider Hollanda ile oynayacak». 'Наша национальная сборная U–21 **сегодня** проведет свой последний матч в групповом отборочном турнире Чемпионата Европы по футболу с лидером группы, сборной Голландии.' [TNC: Milliyet 1997: W–JI31D1B–2336–2103].

В примере (75) наречие «**bugün**» ('**сегодня**') употребляется с формой «oynayacak» («сыграет», «проведет матч»), образованной с помощью показателя «AcAk» ('аффикс будущего времени'). Предложение обозначает запланированное и календарно привязанное действие, которое должно состояться в пределах текущего дня. Дейктическим центром является момент речи, поэтому данный пример относится к собственно ближайшему будущему. Однако не все употребления «**bugün**» ('**сегодня**') с формой на «AcAk» ('аффикс будущего времени') следует автоматически относить к дейктическому ближайшему будущему.

(76) «**Bugün** de ağlayacaklardı, üzüleceklerdi, sevineceklerdi, bunu da görecektik». 'Сегодня они должны были плакать, огорчаться, радоваться, и мы должны были это увидеть.' [TNC: Kırmızı Işıkta Yürümek 1998: W–KD03A0A–0261–68].

В примере (76) формы «ağlayacaklardı» ('должны были плакать'), «üzüleceklerdi» ('должны были огорчаться'), «sevineceklerdi» ('должны были радоваться') и «görecektik» ('мы должны были увидеть') представляют модель «AcAk» ('аффикс будущего времени') + «DI» ('аффикс прошедшего времени'). Такая конструкция передает будущее в прошедшем, то есть действие, которое было будущим относительно нарративной точки отсчета, но не является будущим относительно момента речи.

«Bugün» ('сегодня') показывает, что ближайшее будущее в турецком языке нельзя определять только по наличию формы на «AcAk» ('аффикс будущего времени'). Важным условием является совпадение трех параметров: временного

наречия, глагольной формы и дейктической точки отсчета. Если действие соотносится с текущим календарным днем и ориентировано на момент речи, конструкция выражает собственно ближайшее будущее. Если же форма будущего времени включена в прошедший нарративный план, она передает не ближайшее будущее, а относительную проспекцию внутри повествования.

«Yarın» 'Завтра'. В корпусном исследовании ближней зоны будущего времени в турецком языке отдельно рассматриваются временные локализаторы, которые указывают на ближайшую перспективу: «bugün» ('сегодня'), «yarın» ('завтра'), «şimdi» ('сейчас'), «yakında» ('скоро'), «akşam» ('вечером'), «gece» ('ночью') и конструкции типа «bir süre sonra» ('через некоторое время'). В данном фрагменте анализируется маркер «yarın» ('завтра'), поскольку он непосредственно соотносит событие со следующим календарным днем и поэтому является одним из наиболее устойчивых средств выражения ближайшего будущего.

В пределах первых 100 корпусных контекстов форма «yarın» ('завтра') в большинстве случаев имеет проспективную функцию. Однако исходный материал не является полностью однородным: часть употреблений приближается к абстрактному значению «будущее», часть входит в устойчивые сочетания типа «bugün yarın» («сегодня, завтра», «в ближайшее время») и «yarın bir gün» ('когда–нибудь в будущем'), а отдельные примеры имеют метаязыковой или фрагментарный характер. Поэтому из исходной выборки были исключены 17 примеров, не позволяющих надежно описать календарное значение следующего дня. Для дальнейшего анализа оставлены 83 контекста, непосредственно ориентированные на будущее.

Такое распределение показывает, что «yarın» ('завтра') выступает сильным локализатором ближней дистантности, но не задает единственный грамматический способ выражения будущего. В сочетании с этим маркером будущая референция передается не только формой «(y)AcAk» ('аффикс будущего времени'), но и формами «geniş zaman» ('настояще–будущее время') в футуральной функции, модальными, интенциональными и директивными конструкциями, причастными и атрибутивными оборотами, а также номинативными и эллиптическими моделями.

Следовательно, ближайшее будущее при «yarın» ('завтра') имеет многослойный структурный профиль.

Исключенные примеры объединяются в несколько типов: абстрактное употребление «yarın» ('завтра') в значении будущего, идиоматизированные сочетания, метаязыковые контексты, именные группы типа «yarın için» ('на завтра'), адъективированные употребления типа «yarın tarihli» ('датированный завтрашним днем') и фрагментарные случаи. Эти контексты не учитываются при описании собственно календарного ближайшего будущего, поскольку в них дейктическая связь со следующим днем ослаблена или грамматически не выражена.

Среди 83 проанализированных примеров самую большую группу составляют спрягаемые глагольные формы, 48 примеров, 57,8 %. В этой группе «yarın» ('завтра') непосредственно соотносится со сказуемым и переносит действие на следующий день. Сюда входят формы будущего времени на «(y)AcAk» ('аффикс будущего времени'), например «Geleceğim» ('Я Приду'), «Başlayacağım» ('Я Начну'), «Verecek» ('Он Даст'), «Görüşülecek» ('Будет проведена встреча'), «Arayacağım» ('Я позвоню'), а также футуральные употребления «geniş zaman» ('настояще–будущее время'), например «Gelirim» ('Я Приду'), «Yapar» ('Сделает'), «Doğar» ('Родится'), «Alırız» ('Возьмем'), «Unuturum» ('Забуду'). В таких контекстах форма «geniş zaman» ('настояще–будущее время') передает не привычное действие, а план или прогноз на ближайшее будущее.

Вторую группу образуют модальные, интенциональные и директивные конструкции, 18 примеров, 21,7 %. В них будущая отнесенность соединяется со значениями желания, намерения, побуждения, долженствования, возможности или условия. К этой группе относятся примеры типа «Yarın ütüleyiver» ('Погладь завтра'), «Yarın dur da» ('Подожди до завтра'), «Yarın olsun da başlayalım» ('Пусть наступит завтра, и мы начнем'), «Yarın götürebilirim» ('Я могу отнести завтра'), «Yarın işte olmam lazım» ('Мне завтра нужно быть на работе'), «Yarın güneş doğmazsa» ('Если завтра не взойдет солнце'). В этих случаях «yarın» ('завтра') формирует не только хронологическую, но и прагматическую зону планирования.

Третью группу составляют причастные и атрибутивные конструкции, 12 примеров, 14,5 %. Здесь «yarın» ('завтра') относится не к главному сказуемому, а к определительному или субстантивированному обороту, ориентированному на будущее: «yarın yapılacak toplantı» ('собрание, которое состоится завтра'), «yarın hâkim karşısına çıkması gereken Pamuk» ('Памук, который завтра должен предстать перед судьей'), «yarın yapacağı hayırlı işler» ('благие дела, которые он совершит завтра'), «yarın Ankara'ya gelecek olan Rice» ('Райс, которая завтра прибудет в Анкару'), «yarın yapılacak referandum» ('референдум, который состоится завтра'). Эти примеры показывают, что в турецком языке будущее может конструироваться не только на уровне сказуемого, но и внутри именной группы.

Четвертая группа включает номинативные и эллиптические конструкции, 5 примеров, 6,0 %. В таких случаях полная глагольная форма отсутствует, однако футуральная интерпретация сохраняется благодаря локализатору «yarın» ('завтра') и контексту: «yarın hazır» ('завтра будет готово'), «Ben yarın sabah buradayım» («я завтра утром здесь», «я завтра утром буду здесь»), «belki bugün belki yarın» ('может быть сегодня, может быть завтра'), «yarın kim bilir nerede» ('кто знает, где завтра'), «bugün değil ama yarın» ('не сегодня, но завтра'). Подобные модели подтверждают, что в турецком языке временной локализатор может самостоятельно задавать проспективную рамку.

Наиболее важный вывод из распределения состоит в том, что с маркером «yarın» ('завтра') чаще всего взаимодействуют спрягаемые глагольные формы. Однако внутри этой группы доминирует не только специальная форма будущего времени «(y)AcAk» ('аффикс будущего времени'), но и футуральное употребление «geniş zaman» ('настояще–будущее время'). Это отличает турецкий материал от систем, где ближайшее будущее преимущественно закрепляется за одной грамматической формой.

(77) «Beşiktaş, şampiyonluk kutlamalarını **yarın** BJK İnönü Stadı'nda düzenleyeceği şölenle gerçekleştirecek.» [TNC: W–PI31D1B–2329–653]. 'Бешикташ **завтра** проведет празднование чемпионства с торжеством, которое организует на стадионе BJK İnönü.'

В примере (77) форма «gerçekleştirecek» ('проведет') содержит показатель будущего времени «(y)AcAk» ('аффикс будущего времени'). Наречие «**yarın**» ('**завтра**') локализует событие в пределах следующего календарного дня, а вся конструкция выражает запланированное и внешне организованное действие. Поэтому пример относится к ядерной зоне календарного ближайшего будущего.

(78) «Cumhurbaşkanı Sezer'in Diyarbakır, Mardin ve Şanlıurfa'yı kapsayan iki günlük gezisi **yarın** başlıyor.» [TNC: W–ND30D1B–2225–584]. 'Двухдневная поездка президента Сезера, охватывающая Диярбакыр, Мардин и Шанлыурфу, начинается **завтра**.'

В примере (78) форма «başlıyor» ('начинается') морфологически относится к настоящему длительному времени «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени'), однако в данном контексте она получает футуральную интерпретацию. Маркер «yarın» ('завтра') и семантика официальной программы снимают значение актуального настоящего и переводят высказывание в план ближайшего будущего.

(79) «Hadi sen git yat, **yarın** okulun var.» [TNC: W–UC05A2A–1467–2400]. 'Давай иди ложись, **завтра** у тебя школа.'

В примере (79) предложение построено как неглагольная, именная конструкция с «var» («у тебя есть», «имеется»). В нем отсутствует специальная форма будущего времени, но сочетание «**yarın**» ('**завтра**') с предикативным элементом «var» («есть», «имеется») создает значение предстоящего обязательного положения дел. Футуральность здесь выражается не глагольным спряжением, а взаимодействием временного локализатора и именной предикации.

(80) «Biz **yarın** Didim'de denize girmeyi düşünüyoruz.» [TNC: W–KA16B2A–0544–1429]. 'Мы **завтра** думаем искупаться в море в Дидиме.'

В примере (80) форма «düşünüyoruz» ('думаем') имеет показатель «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени'), однако в данном контексте на первый план выходит не значение актуального настоящего, а модальность намерения и плана. Инфинитивная группа «denize girmeyi» ('искупаться в море') называет планируемое действие, а маркер «yarın» ('завтра') задает ближайшую календарную перспективу.

Анализ маркера «yarın» ('завтра') показывает, что календарное ближайшее будущее в турецком языке имеет сложную функциональную организацию. В большинстве релевантных контекстов этот локализатор действительно указывает на следующий день, однако его грамматическое окружение неоднородно. Наиболее продуктивными являются спрягаемые глагольные формы, прежде всего формы на «(y)AcAk» ('аффикс будущего времени') и футуральные употребления «geniş zaman» ('настояще–будущее время'). Вместе с тем значительную роль играют модальные, интенциональные и директивные конструкции, где будущая отнесенность соединяется с планом, желанием, обязанностью, возможностью или условием. Причастные, атрибутивные, номинативные и эллиптические структуры показывают, что ближайшее будущее может выражаться не только через сказуемое, но и через именные и неполные синтаксические модели. Следовательно, «yarın» ('завтра') выступает не просто временным наречием, а центром целого комплекса средств, формирующих ближнюю дистантность в турецком языке.

«Hemen» 'Немедленно'. В корпусном материале маркер «hemen» ('немедленно') относится к средствам выражения самой близкой перспективы. В отличие от календарных показателей «bugün» ('сегодня') и «yarın» ('завтра'), он не задает точный отрезок суток, а указывает на отсутствие временной задержки между исходной ситуацией и последующим действием. Поэтому в анализе «hemen» рассматривается как дейктический маркер немедленной реализации, а не как обычное календарное наречие.

Из общего корпуса были отобраны только те употребления, где «hemen» формирует футуральную или проспективную интерпретацию. После исключения устойчивых, нефутуральных и чисто обстоятельственных употреблений для анализа оставлены 88 контекстов. Поскольку данная подвыборка является ограниченной и непосредственно связана с будущей референцией, ее можно использовать как рабочий материал для описания ближней зоны. В этих примерах особенно показательны четыре типа конструкций: форма будущего времени с «AcAk» ('аффикс будущего времени'), форма «Iyor» ('настоящее длительное время')

в футуральном значении, модально–предикативные модели с «lazım» («нужно», «необходимо») и конструкции намерения с глаголом «istemek» ('хотеть').

Семантическая особенность «hemen» состоит в том, что он может выражать как абсолютную близость к моменту речи, так и относительную немедленность внутри условия или повествовательной ситуации. Поэтому при интерпретации примеров важно учитывать не только форму сказуемого, но и точку отсчета: в одних случаях действие ожидается непосредственно после момента речи, в других, сразу после наступления определенного условия.

(81) «Önemli bir şey olduğunda **hemen** açıklama yapılacaktır» 'Когда произойдет что–то важное, **немедленно** будет сделано заявление.' [TNC: W–GA16B1A–1926–1703].

В примере (81) наречие «**hemen**» ('**немедленно**') сочетается с формой «yapılacaktır» ('будет сделано'), где «AcAk» выражает будущую ориентацию, а форма пассивного сказуемого придает высказыванию официальный и регламентный характер. Важно, что ближайшая перспектива здесь является не чисто дейктической, а условной: действие должно последовать сразу после события, обозначенного придаточной частью «Önemli bir şey olduğunda» ('когда произойдет что–то важное'). Следовательно, «hemen» ('немедленно') маркирует не календарное время, а отсутствие задержки между условием и реакцией

(82) «Peki Yavuz, **hemen** geliyorum» 'Хорошо, Явуз, я **сейчас** иду.' [TNC: W–DA16B3A–0791–715].

В примере (82) форма «geliyorum» (‘иду’, ‘прихожу’) морфологически относится к настоящему длительному времени с показателем «Iyor» ('форма настоящего длительного времени'), однако в сочетании с «hemen» ('немедленно') она получает футуральное значение. В данном случае говорящий сообщает о движении, которое должно начаться немедленно или уже находится на пороге реализации. Такая модель особенно характерна для глаголов движения, поскольку они легко переходят из значения текущего процесса в значение ближайшего намеренного действия

(83) «Vaktim yok, **hemen** çıkmam lazım» 'У меня нет времени, мне нужно **немедленно** выходить.' [TNC: W–SA16B4A–0047–440].

В примере (83) будущая перспектива выражается не специальной формой будущего времени, а модально–предикативной конструкцией «çıkmam lazım» ('мне нужно выйти'). Компонент «lazım» (‘нужно’, ‘необходимо’) вводит значение необходимости, а «hemen» ('немедленно') усиливает срочность и делает действие практически неотложным. Поэтому футуральность здесь формируется через сочетание временной близости, модальности долженствования и контекста ограниченного времени

(84) «Ben **hemen** ilk konuğumu sizlere tanıtmak ve davet etmek istiyorum» 'Я **сейчас** хочу представить вам и пригласить моего первого гостя.' [S–ADABAo–0033–340].

В примере (84) «hemen» («сейчас», «немедленно») сочетается с конструкцией намерения «istiyorum» ('хочу'), а основные действия выражены инфинитивами «tanıtmak» ('представить') и «davet etmek» ('пригласить'). Будущее значение возникает через волевую установку говорящего: действие еще не завершено, но планируется как ближайший речевой или организационный шаг. Следовательно, эта модель показывает, что «hemen» может активировать ближайшее будущее не только при глагольной форме «AcAk», но и при интенциональной конструкции настоящего времени.

Анализ маркера «hemen» ('немедленно') показывает, что в турецком языке ближайшее будущее может выражаться не только морфологической формой будущего времени, но и более широким комплексом грамматических и контекстуальных средств. В рассмотренных примерах «hemen» ('немедленно') выполняет функцию дейктического указателя, который сжимает временную дистанцию между моментом отсчета и действием. Если в конструкции с «AcAk» ('аффикс будущего времени') будущее маркируется явно, то в формах с «Iyor» ('настоящее длительное время'), «lazım» («нужно», «необходимо») и «istiyorum» ('хочу') футуральность возникает через контекст немедленной реализации, необходимость или намерение говорящего. Поэтому «hemen» следует

рассматривать как один из ключевых маркеров ближней зоны, который не столько обозначает календарное время, сколько показывает срочность, безотлагательность и непосредственную проспективную направленность действия.

«Birazdan» 'скоро' и «Şimdi» 'сейчас'. В корпусном материале маркеры «birazdan» (‘скоро’) и «şimdi» (‘сейчас’, ‘теперь’) демонстрируют разные способы выражения ближайшей футуральности. Оба показателя могут соотносить действие с моментом речи, однако степень их специализации различна. «Birazdan» (‘скоро’) преимущественно указывает на событие, которое должно произойти почти сразу после момента речи, тогда как «şimdi» ('сейчас') чаще принадлежит сфере настоящего времени и получает проспективное значение только при поддержке глагольной формы, контекста движения, намерения или срочного побуждения.

По данным корпуса, среди контекстов с «birazdan» ('скоро') футуральная интерпретация выявлена в 573 случаях из 622, то есть в 92,1 % материала. Для «şimdi» ('сейчас') картина иная: из 2501 контекста только 148, то есть 5,9 %, после отбора были отнесены к футуральным употреблениям. Эти данные показывают, что «birazdan» ('скоро') лексически ориентирован на ближнюю перспективу, тогда как «şimdi» ('сейчас') нуждается в дополнительной грамматической или контекстуальной опоре для перехода из значения настоящего времени в значение ближайшего будущего.

В футуральной подвыборке «birazdan» ('скоро') наиболее частотной является форма «AcAk» ('аффикс будущего времени'): 408 примеров, 71,2 %. Далее следуют формы «(A/I)r» ('настояще–будущая форма', 'аорист') — 109 примеров, 19,0 %, и «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени') — 45 примеров, 7,9 %. Неглагольное сказуемое и конструкции с «var» / «yok» («есть» / «нет») представлены по 5 примеров, 0,9 %, а модель «mak üzere» ('быть на грани совершения действия') зафиксирована в 1 примере, 0,2 %. Следовательно, для «birazdan» характерно не одно средство выражения будущего, а сочетание морфологического будущего, настояще–будущих форм и контекстуально поддержанных конструкций.

В строгой футуральной подвыборке «şimdi» ('сейчас') распределение более однородно. Форма «AcAk» зафиксирована в 141 примере, 95,3 %, форма «(I)yor» — в 6 примерах, 4,1 %, а перифрастическая или инфинитивная конструкция представлена 1 примером, 0,7 %. Это означает, что «şimdi» в значении ближайшего будущего чаще всего активируется именно при наличии явного морфологического показателя будущего времени. В остальных случаях оно, как правило, сохраняет значение настоящего момента и не входит в футуральную подвыборку.

В совокупной ближней подвыборке двух маркеров, включающей 721 футуральный контекст, форма «AcAk» '–аджак' составляет 549 примеров, 76,1 %. На втором месте находится «(A/I)r» '–(а/ы)р' — 109 примеров, 15,1 %, на третьем «(I)yor» '–(ы)йор' — 51 пример, 7,1 %. Периферийный слой образуют «неглагольные сказуемые» ('именные или эллиптические предикативные конструкции'), модели с «var» 'вар' / «yok» 'йок' («есть» / «нет»), а также конструкция «mak üzere» '–мак узере' («быть на грани совершения действия», «вот–вот сделать что–либо»). Тем самым ближайшая перспектива в турецком языке выражается прежде всего через морфологическое будущее, однако при маркере «birazdan» заметно расширяется за счет аористических, прогрессивных и модально окрашенных средств.

(85) «Şu anda koltukta oturuyorum ama **birazdan** yere oturup bağdaş kuracağım.» [TCD: W–RG41C3A–1164–584]. 'В данный момент я сижу на диване, но **скоро** сяду на пол и приму позу со скрещенными ногами.'

В примере (85) форма «kuracağım» образована с показателем «AcAk» ('аффикс будущего времени'). Наречие «birazdan» ('скоро') конкретизирует очень короткий промежуток между моментом речи и действием. По функции конструкция выражает индивидуальный план, который должен реализоваться непосредственно после текущей ситуации.

(86) «**Şimdi hemen** derse giriyorsunuz; zil **birazdan** çalar artık!» [TCD: W–FH09C1A–0807–64]. 'Сейчас же заходите на урок, звонок **скоро** прозвенит!.'

В примере (86) форма «çalar» содержит показатель «(A/I)r» ('настояще–будущая форма', 'аорист'). Сама по себе такая форма может иметь обобщенное или

вероятностное значение, однако в сочетании с «birazdan» она получает интерпретацию ближайшего ожидаемого события. Дополнительную срочность создает контекст побуждения «şimdi hemen» («сейчас же», «немедленно»).

(87) «Dayan kızım. Dayan, doktor **şimdi** gelecek, seni kurtaracak.» [W–KA16B0A–0118–1420]. 'Держись, дочка. Держись, врач **сейчас** придет, он тебя спасет.'

В примере (87) дважды употреблена форма «AcAk»: «gelecek» ('придет') и «kurtaracak» ('спасет'). Маркер «şimdi» ('сейчас') здесь не обозначает настоящее действие, а переносит ситуацию в максимально близкую перспективу. Будущее событие представлено как ожидаемое и психологически приближенное к моменту речи.

(88) «Evet, **hemen**, **şimdi** gidiyorum.» [TCD: W–LA14B1A–1623–1226]. «Да, **немедленно**, **сейчас** я иду».

В примере (88) форма «gidiyorum» образована с показателем «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени'). В сочетании с глаголом движения и маркерами «hemen» ('немедленно') и «şimdi» ('сейчас') она получает футуральную интерпретацию. В данном случае речь идет не о длительном настоящем процессе, а о немедленном начале действия.

Сравнение маркеров «birazdan» ('скоро') и «şimdi» ('сейчас') показывает, что ближняя футуральность в турецком языке не сводится к одному формальному показателю будущего времени. «Birazdan» является более специализированным лексическим маркером ближайшей перспективы: в большинстве отобранных контекстов оно само задает проспективную рамку и легко сочетается с «AcAk» '–аджак', «(A/I)r» '–(а/ы)р', «(I)yor» '–(ы)йор', а также с периферийными неглагольными и модальными средствами. «Şimdi», напротив, сохраняет сильную связь с настоящим временем и становится маркером ближайшего будущего только при наличии дополнительных грамматических или контекстуальных условий.

Именно поэтому между двумя маркерами наблюдается асимметрия формы и значения. «Birazdan» кодирует короткий интервал после момента речи как самостоятельную временную перспективу, тогда как «şimdi» чаще нейтрализует

границу между настоящим и немедленно наступающим будущим. В результате ближайшая зона будущего в турецком языке формируется не только аффиксом «AcAk» '–аджак', но и взаимодействием временного маркера, формы глагола, модальности, лексической семантики движения и коммуникативной установки говорящего.

«Akşam» 'Вечером'. В корпусном материале маркер «akşam» ('вечером') и его сочетания, прежде всего «bu akşam» ('сегодня вечером') и «yarın akşam» ('завтра вечером'), связаны с выражением вечерней футуральности. Всего 293 контекста с данным маркером были надежно отнесены к сфере будущего времени. Из них 240 контекстов, то есть 81,9 %, относятся к ближайшему будущему, а 53 контекста, то есть 18,1 %, к средней зоне будущего. Отдаленная зона в данном материале не представлена. Такое распределение показывает, что «akşam» ('вечером') прежде всего обозначает ближайший вечерний интервал, однако в сочетании с «yarın» ('завтра') может сдвигаться в среднюю календарную перспективу.

Наиболее заметным формальным средством при данном маркере является «AcAk» ('аффикс будущего времени'): он представлен 116 примерами, что составляет 39,6 % анализируемого материала. Вместе с тем вечерняя футуральность не ограничивается этой формой. В корпусе также встречаются «(A/I)r» ('настояще–будущая форма', 'аорист'), «(I)yor» («форма настоящего длительного времени» с футуральной интерпретацией), конструкции намерения и плана, именные предложения с «var» / «yok» (‘есть’ / ‘нет’) и модель «mak üzere» (‘быть на грани совершения действия’, ‘вот–вот сделать что–либо’). Следовательно, «akşam» ('вечером') формирует не однотипную, а полицентричную область ближайшей футуральности.

(89) «Sen! Sen **bu akşam** bize geleceksin!» [TNC: W–FH42C4A–0723–608]. 'Ты! Ты **сегодня вечером** придешь к нам!'

В примере (89) форма «geleceksin» образована при помощи «AcAk» ('аффикс будущего времени') и личного показателя второго лица. В сочетании с «bu akşam» ('сегодня вечером') она выражает конкретное действие, ожидаемое в пределах того

же дня. Контекст усиливает не только значение плана, но и побудительный оттенок, поскольку высказывание звучит как категорическое указание.

(90) «Basketbolda Avrupa Radivoj Koraç Kupası'ndaki temsilcilerimiz Galatasaray, Beşiktaş ve Darüşşafaka üçüncü tur rövanş karşılaşmalarına **bu akşam** çıkıyorlar.» [TNC–W–LI31D1B–2325–2187]. 'Наши представители в баскетбольном Кубке Европы Радивоя Корача, „Галатасарай“, „Бешикташ“ и „Дарушшафака“, **сегодня вечером** выходят на ответные матчи третьего тура.'

В примере (90) форма «çıkıyorlar» (‘выходят’) содержит «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени'), однако в данном контексте она не обозначает действие, происходящее в момент речи. Благодаря маркеру «bu akşam» (‘сегодня вечером’) и спортивному календарному контексту форма получает футуральную интерпретацию: речь идет о заранее объявленном и запланированном событии ближайшего вечера.

(91) «Bu **akşam** sendikada yine toplantı var.» [TNC–W–EA14B1A–1616–2058]. 'Сегодня **вечером** в профсоюзе снова собрание.'

В примере (91) будущая отнесенность выражена без глагольного сказуемого будущего времени. Конструкция с «var» (‘есть’, ‘имеется’) образует именное или экзистенциальное предложение. В сочетании с «bu akşam» ('сегодня вечером') она обозначает запланированное событие, которое должно состояться в ближайшей вечерней перспективе.

(92) «Bu **akşam** önce Hamid Eymen bebeği koklayıp sevmeye **sonra** da lohusa mevlütünde dağıtılacak bebek şekerlerini yapmak üzere ablama gideceğim.» [TNC–W–YI45F1D–4805–1635]. 'Сегодня **вечером** я сначала поеду к сестре, чтобы понянчить малыша Хамида Эймена, а затем приготовить детские сладости, которые будут раздаваться на мевлиде по случаю родин.'

В примере (92) сочетаются «mak üzere» (‘быть на грани совершения действия’, ‘с целью выполнить действие’) и «AcAk» ('аффикс будущего времени') в форме «gideceğim» ('я поеду'). Конструкция выражает не только временную отнесенность к ближайшему вечеру, но и целевую направленность действия.

Именно поэтому футуральность здесь связана с планом, подготовкой и последовательностью будущих действий.

«Gece» 'Ночью'. Маркер «**gece**» ('**ночью**') рассматривается прежде всего в сочетаниях «**bu gece**» ('**сегодня ночью**') и «**yarın gece**» ('**завтра ночью**'). Из 47 футурально ориентированных контекстов 45 примеров, то есть 95,7 %, относятся к ближайшему будущему, и только 2 примера, то есть 4,3 %, к средней зоне. Данных, указывающих на отдаленную зону, не выявлено. Следовательно, ночной временной маркер еще сильнее, чем «akşam» ('вечером'), тяготеет к ближайшей календарной перспективе. В 46 контекстах, прошедших структурный анализ, на первом месте находятся конструкции намерения, плана и модальности: 20 примеров, 43,5 %. На втором месте представлены формы с «AcAk» / «ecek» «аффикс будущего времени»: 18 примеров, 39,1 %. Это распределение показывает, что ночная футуральность часто выражает не только ожидаемое событие, но и необходимость, обязанность, намерение или прогноз, связанные с ближайшей ночной ситуацией.

(93) «Ama şiirleriyle bugüne kadar milyonlarca insanın kalbinde taht kuran, romanlarıyla toplumsal ve insani duyarlılığın en büyük ve derin örneklerini veren Sayın Attilâ İlhan **bu gece** Ceviz Kabuğu'nda Türkiye'nin, ülkemizin sorunlarını bizimle birlikte ele alacak.» [TNC–W–QD43C1A–0286–178]. 'Господин Аттила Ильхан, который своими стихами до сегодняшнего дня покорил сердца миллионов людей, а своими романами дал глубокие примеры общественной и человеческой чуткости, **сегодня ночью** в программе „Ceviz Kabuğu“ вместе с нами рассмотрит проблемы Турции, нашей страны.'

В примере (93) форма «ele alacak» (‘рассмотрит проблемы’) образована с «AcAk» ('аффикс будущего времени'). Маркер «bu gece» ('сегодня ночью') задает ближайший ночной интервал, а контекст телевизионной программы показывает, что действие заранее запланировано и календарно закреплено.

(94) «Seçim telaşı içinde olduğum için **bu gece** pek üstelemez sanıyorum.» [TNC–W–JA14B1A–1621–127]. 'Думаю, из–за предвыборной суеты он **сегодня ночью** не будет слишком настаивать.'

В примере (94) форма «üstelemez» (‘не настаивать’) содержит «(A/I)r» ('настояще–будущая форма', 'аорист') в отрицательной форме. В данном контексте она не выражает привычное действие, а передает прогноз или предположение говорящего о ближайшей ночной ситуации. Значение будущего возникает благодаря сочетанию формы с «bu gece» ('сегодня ночью') и модальным компонентом «sanıyorum» ('думаю').

(95) «Bu **gece** çocukların yazılı kağıtlarını okumak zorundayım.» [TNC–W–DA14B1A–1307–91]. 'Сегодня **ночью** я обязан проверить письменные работы детей.'

В примере (95) будущее выражается через конструкцию «zorundayım» (‘я обязан’, ‘я должен’). Она не является морфологической формой будущего времени, однако в сочетании с «bu gece» ('сегодня ночью') передает необходимое действие, которое должно быть выполнено в ближайшей ночной перспективе.

(96) «Bana bir koca lazım, hem de **bu gece** lazım.» [TNC: W–RG37F1B–2934–110]. 'Мне нужен муж, причем **сегодня ночью** нужен.'

В примере (96) конструкция «lazım» (‘нужно’, ‘необходимо’) функционирует как неглагольное сказуемое со значением потребности. В сочетании с «bu gece» ('сегодня ночью') она получает проспективную интерпретацию: потребность представлена как актуальная и срочная в пределах ближайшей ночи.

«Akşama» 'К Вечеру'. Маркер «**akşama**» ('**к вечеру**') и особенно сочетание «**akşama kadar**» («**до вечера**», «**к вечеру**») имеют иной профиль. В подкорпусе из 248 уникальных контекстов только 23 примера, то есть 9,3 %, передают собственно футуральное значение. Остальные 225 контекстов, 90,7 %, выражают временной предел, длительность или фон и не входят в узкую область будущей интерпретации. Однако все 23 футуральных контекста относятся к ближайшему будущему, поскольку «akşama» ('к вечеру') задает порог или срок в пределах того же дня. Внутри этой узкой футуральной подвыборки формы с «AcAk» ('аффикс будущего времени') и их производные представлены 10 примерами и образуют основной способ выражения ближайшего будущего. Императивные и оптативные конструкции составляют 4 примера; конструкции необходимости или

рекомендации также 4 примера; аористические и аналитические модели еще 4 примера. Неглагольное средство представлено 1 примером, где используется экзистенциальная модель «var» («есть», «имеется»). Такое распределение соответствует семантике срока: «akşama kadar» («до вечера», «к вечеру») часто указывает не просто на будущее действие, а на действие, которое должно быть выполнено до определенной временной границы.

(97) «… **şimdi** okullar açılacak ve **akşama kadar** aynı yerde olacaklar …» [TNC: W–VI44F1D–4739–175]. '… **сейчас** школы откроются, и **до вечера** они будут в одном и том же месте …'

В примере (97) формы «açılacak» ('откроются') и «olacaklar» ('будут') образованы с «AcAk» ('аффикс будущего времени'). Маркер «akşama kadar» (‘до вечера’, ‘к вечеру’) задает временную рамку, внутри которой состояние будет сохраняться или достигнет своей границы. Поэтому ближайшая футуральность здесь совмещается с идеей срока.

(98) «Bu kızı **akşama kadar** bulup getirin …» [TNC: W–OE39C2A–0608–149]. «Эту девушку **до вечера** найдите и приведите …»

В примере (98) будущее значение выражено через повелительную форму «getirin» ('приведите') и деепричастную форму «bulup» ('найдя'). Маркер «akşama kadar» («до вечера», «к вечеру») определяет крайний срок выполнения действия. Следовательно, футуральность возникает на пересечении директивности и временного предела.

(99) «Bu **akşama kadar** çözmek için hala umut var …» [TNC: W–RE30D1B–2099–117]. 'До **сегодня**шнего вечера еще есть надежда решить …'

В примере (99) используется экзистенциальная модель «var» (‘есть’, ‘имеется’). Она выражает не само действие, а наличие возможности или надежды на его осуществление. В сочетании с «bu akşama kadar» ('до сегодняшнего вечера') конструкция получает проспективное значение и указывает на еще не реализованный результат, ограниченный вечерним сроком.

Анализ маркеров «akşam» ('вечером'), «gece» ('ночью') и «akşama» ('к вечеру') показывает, что вечерне–ночная область в турецком языке преимущественно

связана с ближайшей временной перспективой. «Akşam» ('вечером') может охватывать как тот же вечер, так и более отдаленную календарную точку типа «yarın akşam» ('завтра вечером'), поэтому в его материале сохраняется небольшая доля средней зоны. «Gece» ('ночью') еще более явно тяготеет к ближней футуральности, поскольку чаще обозначает наступающую ночь в ближайшем временном цикле. «Akşama» ('к вечеру') отличается тем, что футуральность не является его основным значением: чаще он выражает предел или длительность, но в собственно футуральных контекстах всегда задает ближайший срок в пределах текущего дня.

Во всех трех группах будущее значение формируется не только при помощи «AcAk» ('аффикс будущего времени'). С ним взаимодействуют «(A/I)r» ('настояще–будущая форма', 'аорист'), «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени'), императивные и оптативные конструкции, модели необходимости, а также неглагольные сказуемые с «var» / «yok» («есть» / «нет») и «lazım» («нужно», «необходимо»). Поэтому ближайшая футуральность в данной группе маркеров имеет комплексный характер: она создается сочетанием временного локализатора, глагольной формы, модальности, ситуации плана и семантики срока.

«Az Sonra» 'чуть позже/ через мгновение' и «Sonra» 'после/ потом'. В корпусном материале конструкции с «az sonra» («чуть позже», «через мгновение») и «sonra» («после», «потом») показывают, что ближайшая футуральность может выражаться не только через календарные маркеры типа «bugün» ('сегодня') или «yarın» ('завтра'), но и через указание на непосредственно следующий этап ситуации. Из 250 проанализированных строк только 57 примеров содержат реальную отсылку к будущему. Внутри этого футурального ядра 50 примеров, то есть 87,7 %, относятся к ближайшему будущему, 6 примеров, 10,5 %, к средней зоне, и 1 пример, 1,8 %, к отдаленной зоне. Следовательно, данная группа в основном концентрируется в ближней зоне, поскольку ядро массива образуют употребления с «az sonra» («чуть позже», «через мгновение»).

Формальный профиль этой группы неоднороден. Наиболее частотны формы будущего на «(y)AcAk» ('аффикс будущего времени'): они представлены 24

примерами, 42,1 %. Далее следуют «geniş zaman» ('аористическая настояще–будущая форма') — 8 примеров, 14,0 %, и будущие причастные или субстантивированные конструкции — также 8 примеров, 14,0 %. Деонтические и директивные формы составляют 6 примеров, 10,5 %, конструкции намерения и плана — 4 примера, 7,0 %, формы возможности и предположения — 4 примера, 7,0 %, а футуральное употребление «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени') — 3 примера, 5,3 %. Эти данные показывают, что «az sonra» («чуть позже», «через мгновение») активирует не только прямое морфологическое будущее, но и аорист, настоящее в футуральной функции, модальные средства и номинализацию будущего события.

(100) «Az **sonra** kapı açılacak…» [TNC: W–QH32D1B–2569–216]. 'Чуть позже, **через мгновение** дверь откроется…'

В примере (100) форма «açılacak» построена с «AcAk» ('аффикс будущего времени') и выражает ожидаемое событие, которое должно произойти почти сразу после текущей ситуации. Маркер «az sonra» (‘чуть позже’, ‘через мгновение’) делает будущую отнесенность измеримо близкой, поэтому конструкция относится к зоне ближайшего будущего.

(101) «Az **sonra** otobüs hareket ediyor.» [TNC: W–NA16B1A–1736–244]. 'Чуть позже, **через мгновение** автобус отправляется.'

В примере (101) форма «hareket ediyor» (‘отправляется’) содержит «(I)yor» ('форма настоящего длительного времени'), однако в данном контексте она не обозначает актуальное настоящее. Благодаря маркеру «az sonra» (‘чуть позже’, ‘через мгновение’) форма получает футуральную интерпретацию и обозначает запланированное отправление, которое должно произойти непосредственно вслед за моментом речи.

(102) «Düğün dernek olur, fotoğrafçı fotoğrafımızı çeker; **az sonra** basar, getirir.» [TNC: W–QC37C4A–0084–202]. 'Бывает свадьба, торжество, фотограф фотографирует нас, **чуть позже** печатает и приносит.'

В примере (102) формы «basar» ('печатает') и «getirir» ('приносит') относятся к «geniş zaman» ('аористическая настояще–будущая форма'). В контексте описания

повторяемого процесса они передают предсказуемый следующий этап действия. Поэтому будущее значение имеет не столько календарный, сколько сценарно–процедурный характер.

(103) «Yüzünü **az sonra** olacakları görmek istemezcesine…» [TNC: W–VA14B1A–1599–91]. 'Словно не желая видеть то, что произойдет **чуть позже**, на его лице…'

В примере (103) форма «olacakları» (‘произойдет’) представляет собой субстантивированную будущую конструкцию, в которой будущие события оформлены как именной объект восприятия. В этом случае ближайшее будущее выражается не финитным сказуемым, а номинализованной структурой, объективирующей последовательность еще не наступивших событий.

«**Zaman**» / «**Zamanda» 'время / во времени'.** Отдельную группу образуют конструкции с «**zaman**» / «**zamanda**» (‘время’, ‘во времени’), которые обозначают не точную календарную дату, а краткий срок реализации действия. В материале наиболее частотна формула «en kısa zamanda» (‘в кратчайшее время’, ‘как можно скорее’): она представлена 21 примером, 38,9 %. На втором месте находится «kısa zamanda» («в короткий срок», «в скором времени») с 15 примерами, 27,8 %. Остальные модели представлены меньшими группами: «az zamanda» (‘за короткое время’) — 4 примера, 7,4 %, «çok kısa zamanda» ('в очень короткий срок') и «yakın bir zamanda» ('в ближайшее время') — по 3 примера, 5,6 %, «çok yakın zamanda» ('в самое ближайшее время') и «yakın zamanda» (‘в ближайшее время’, ‘скоро’) — по 2 примера, 3,7 %. Единично встречаются «erken zamanda» (‘в ранний срок’, ‘в более раннее время’), «çok kısa bir zamanda» ('в очень короткое время'), «daha kısa zamanda» ('в еще более короткий срок') и «çok yakın bir zamanda» (‘в очень близкое время’, ‘в самое ближайшее время’), по 1 примеру, 1,9 %.

С точки зрения формального выражения будущего в «zaman» / «zamanda» конструкциях ведущее место занимает форма «AcAk» ('аффикс будущего времени'): 24 примера, 44,4 %. Почти столь же значимую роль играют неглагольные конструкции — 22 примера, 40,7 %. Это важно для анализа дистантности, поскольку в таких случаях ближайшее будущее выражается не через форму

будущего времени, а через именные, целевые или модальные структуры. «Ir» (‘форма аориста’) представлен 4 примерами, 7,4 %, конструкции намерения или цели — 3 примерами, 5,6 %, а «yOr» ('форма настоящего длительного времени') — 1 примером, 1,9 %. Таким образом, срочная ближайшая перспектива в этой группе строится на взаимодействии будущего аффикса, неглагольной предикации, модальности и значения краткого срока.

(104) «Piyasa açılmazsa ki **çok yakın zamanda** açılacak gibi görünmüyor, feryatlar yükselir.» [TNC: W–UF25D1B–2149–1924]. 'Если рынок не откроется, а он, похоже, не откроется **в самое ближайшее время**, поднимется вой.'

В примере (104) используется форма «açılacak» с «AcAk» ('аффикс будущего времени'). Выражение «çok yakın zamanda» ('в самое ближайшее время') задает краткосрочную перспективу, но конструкция «gibi görünmüyor» ('не выглядит так, будто') добавляет эпистемический компонент. Поэтому будущее представлено как ожидаемое, но проблематизированное событие.

(105) «Otobüs durağına indiklerinde **en kısa zamanda** evi değiştirmemiz lazım.» dedi Ferit. [TNC: W–CA16B3A–0735–919]. 'Когда они вышли на автобусной остановке, Ферит сказал: нам нужно в кратчайшие сроки сменить квартиру.'

В примере (105) маркер «en kısa zamanda» ('в кратчайшее время', 'как можно скорее') сочетается с «lazım» 'лазым' ('нужно', 'необходимо'). Здесь футуральность создается не аффиксом будущего времени, а сочетанием модальности необходимости и краткосрочного временного ограничения. Действие представлено как срочный план, который не следует откладывать.

В группе «az sonra» («чуть позже», «через мгновение») ближайшее будущее выражается прежде всего через «AcAk» ('аффикс будущего времени'), но заметную роль играют также «geniş zaman» («настояще–будущее время», «аорист») будущие причастные и субстантивированные конструкции, директивные формы и модели намерения. В группе «zaman» / «zamanda» («время», «во времени») особенно важны «en kısa zamanda» ('в кратчайшее время') и «kısa zamanda» ('в короткий срок'), а наряду с «AcAk» активно используются неглагольные конструкции. Следовательно, в данной области ближайшая футуральность не сводится к одной

морфологической форме, а реализуется через сочетание будущего времени, модальности, номинализации и значения срочности.

«Az sonra» 'чуть позже / через мгновение', «sonra» 'после / потом' и конструкции с «zaman» 'время'. В данном фрагменте рассматриваются конструкции «az sonra» ('чуть позже', 'через мгновение'), «sonra» ('после', 'потом'), а также временные модели с «zaman» / «zamanda» ('время', 'во времени'). Все эти средства связаны с краткосрочной перспективой, однако их футуральная нагрузка распределяется неравномерно. «Az sonra» непосредственно указывает на действие, ожидаемое вскоре после момента речи, тогда как «sonra» может обозначать как близкую последовательность событий, так и более широкое следование после заданной точки отсчета. Конструкции с «zaman» чаще выражают не точную дату, а срочность, краткий срок или целевую установку.

В анализируемом материале было рассмотрено 250 строк с конструкциями «az sonra» ('чуть позже', 'через мгновение') и «sonra» ('после', 'потом'). Из них только 57 примеров содержат реальную отсылку к будущему. Внутри этой футуральной группы ближайшее будущее представлено 50 примерами, то есть 87,7 %, средняя зона, 6 примерами, 10,5 %, а отдаленная зона, 1 примером, 1,8 %. Такое распределение объясняется тем, что ядро выборки образует именно «az sonra», которое семантически ориентировано на ближайший последующий момент.

Формальный состав этой группы неоднороден. Наиболее частотны формы с «(y)AcAk» '–(й)аджак' ('аффикс будущего времени'), 24 примера, 42,1 %. Значительную роль играют также формы «geniş zaman» ('настояще–будущее время', 'аорист'), 8 примеров, 14,0 %, и будущие причастные или субстантивированные конструкции, также 8 примеров, 14,0 %. Деонтические и директивные формы представлены 6 примерами, 10,5 %. Конструкции намерения и плана составляют 4 примера, 7,0 %, формы возможности и предположения, также 4 примера, 7,0 %. Футуральное употребление «(I)yor» '–(ы)йор' ('форма настоящего длительного времени') зафиксировано в 3 примерах, 5,3 %. Следовательно, ближайшая перспектива в данной группе выражается не только морфологическим

будущим, но и аористом, причастными формами, модальными и директивными средствами.

(106) «Az **sonra** kapı açılacak…» [TNC: W–QH32D1B–2569–216]. 'Чуть позже, **через мгновение** дверь откроется…'

В примере (106) форма «açılacak» образована при помощи показателя «(y)AcAk» ('аффикс будущего времени'). Маркер «az sonra» («чуть позже», «через мгновение») задает не неопределенное будущее вообще, а измеримо близкий последующий момент. Поэтому конструкция обозначает событие, ожидаемое в самой ближайшей перспективе.

(107) «**Az sonra** otobüs hareket ediyor.» [TNC: W–NA16B1A–1736–244]. '**Чуть позже**, через мгновение автобус отправляется.'

В примере (107) форма «hareket ediyor» содержит «(I)yor» '–(ы)йор' ('форма настоящего длительного времени'), однако в данном контексте она получает футуральную интерпретацию. Благодаря маркеру «az sonra» настоящее время переосмысляется как обозначение ближайшего запланированного действия, то есть отправления, которое должно произойти немедленно или почти немедленно.

(108) «Düğün–dernek olur, fotoğrafçı fotoğrafımızı çeker; **az sonra** basar, getirir.» [TNC: W–QC37C4A–0084–202]. 'Бывает свадьба, торжество, фотограф нас снимает, **чуть позже** печатает и приносит.'

В примере (108) употреблены формы «basar» и «getirir», относящиеся к «geniş zaman» ('настояще–будущее время', 'аорист'). Они выражают предсказуемую последовательность действий в типовой ситуации. В сочетании с «az sonra» ('чуть позже') аористическая форма получает значение ближайшего последующего этапа процесса.

«Zaman» / «zamanda» ('время', 'во времени') которые выражают краткий срок, срочность или ожидаемую быстроту реализации действия. В этой группе наиболее частотной является формула «en kısa zamanda» ('в кратчайшее время', 'как можно скорее'), 21 пример, 38,9 %. На втором месте находится «kısa zamanda» ('в короткий срок', 'в скором времени'), 15 примеров, 27,8 %. Далее следуют «az zamanda» ('за короткое время', 'в малый срок'), 4 примера, 7,4 %, «çok kısa zamanda»

и «yakın bir zamanda» ('в очень короткий срок', 'в ближайшее время'), по 3 примера, 5,6 %, а также варианты «çok yakın zamanda» и «yakın zamanda» ('в самое ближайшее время', 'в ближайшее время'), по 2 примера, 3,7 %. Единично представлены формулы «erken zamanda», «çok kısa bir zamanda», «daha kısa zamanda» и «çok yakın bir zamanda», каждая по 1 примеру, 1,9 %.

С точки зрения структурного оформления футуральности в конструкциях с «zamanda» преобладают формы «AcAk» '–аджак' ('аффикс будущего времени'), 24 примера, 44,4 %. Почти сопоставимую роль играют неглагольные конструкции, то есть именные, эллиптические или модально–предикативные модели, 22 примера, 40,7 %. Формы «Ir» '–ыр' / «geniş zaman» ('настояще–будущее время', 'аорист') представлены 4 примерами, 7,4 %. Конструкции намерения или цели составляют 3 примера, 5,6 %, а футуральное употребление «yOr» '–йор' «форма настоящего длительного времени» отмечено в 1 примере, 1,9 %. Эти данные показывают, что модели с «zamanda» часто выражают не просто будущее событие, а срочное выполнение, ожидаемый результат или необходимость действия в короткий срок.

(109) «Piyasa açılmazsa ki **çok yakın zamanda** açılacak gibi görünmüyor, feryatlar yükselir.» [TNC: W–UF25D1B–2149–1924]. 'Если рынок не откроется, а он, похоже, не откроется **в самое ближайшее время**, поднимется вой.'

В примере (109) используется форма «açılacak» с показателем «AcAk» '–аджак' ('аффикс будущего времени'). Выражение «çok yakın zamanda» ('в самое ближайшее время') задает краткосрочную перспективу, однако конструкция «gibi görünmüyor» ('не выглядит так, что…') вводит отрицательную прогнозную оценку. Поэтому будущее здесь представлено как ожидаемое, но, вероятно, не реализующееся в ближайший срок.

(110) «Otobüs durağına indiklerinde **en kısa zamanda** evi değiştirmemiz lazım,» dedi Ferit. [TNC: W–CA16B3A–0735–919]. 'Когда они вышли на автобусной остановке, Ферит сказал: нам нужно **в кратчайшее время** сменить квартиру.'

В примере (110) футуральность выражается через конструкцию «lazım» 'лазым' ('нужно', 'необходимо') и именную форму действия «değiştirmemiz» ('наша смена', 'то, что мы должны сменить'). Маркер «en kısa zamanda» ('в кратчайшее

время', 'как можно скорее') усиливает значение срочности. В результате ближайшее будущее оформляется не морфологическим будущим, а сочетанием модальности необходимости и краткосрочного временного локализатора.

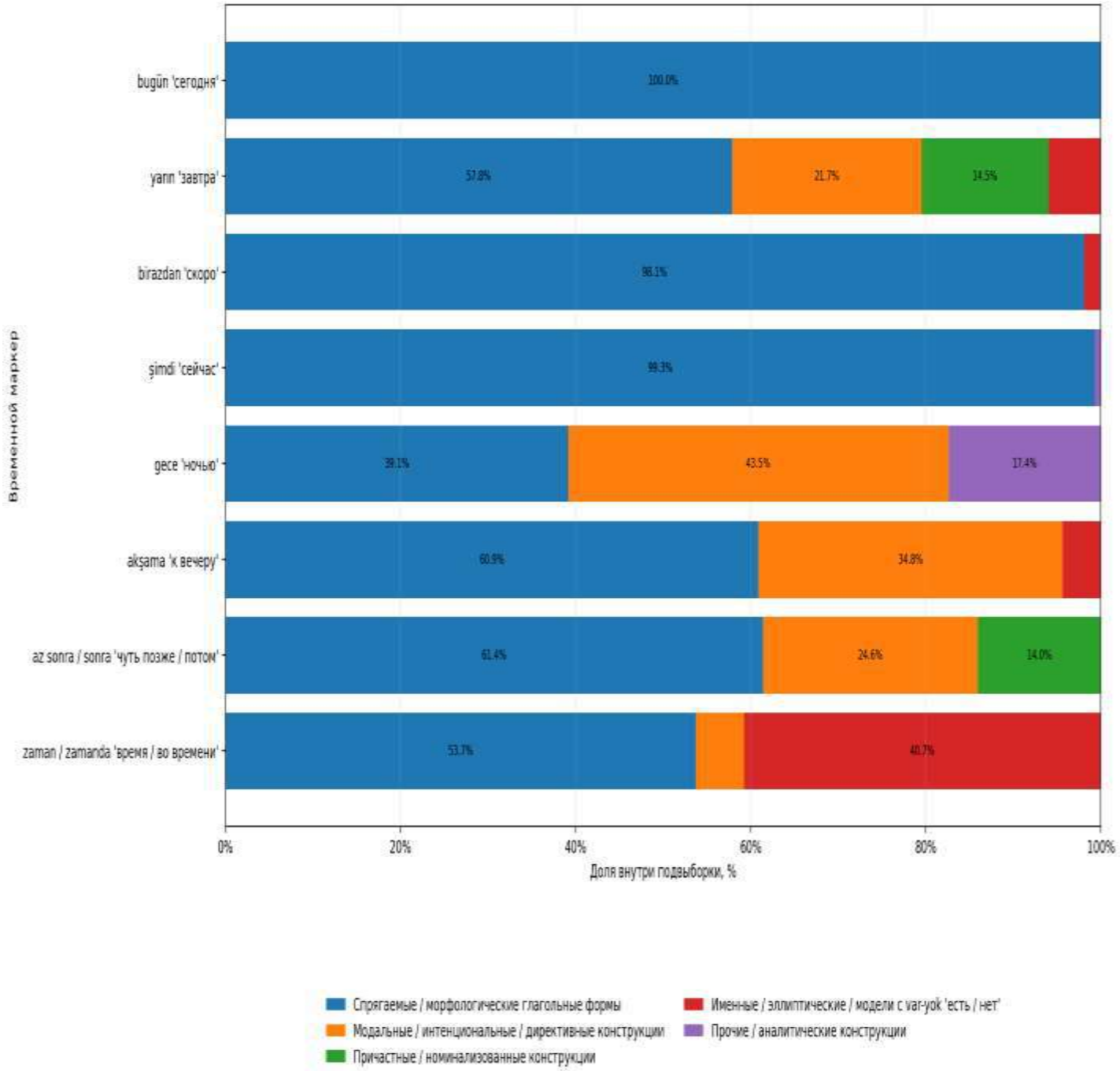

Рисунок 7 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне ближней дистантности в турецком языке

Представленные на рисунке 7 количественные данные отражают степень футуральной релевантности временных маркеров ближайшего будущего в турецком языке. Анализ корпусных подвыборок показывает, что наиболее тесную

связь с ближайшей футуральной перспективой имеют маркеры «bugün» ‘сегодня’ — 108 из 108 контекстов (100,0 %), «gece» ‘ночью’ — 45 из 47 (95,7 %), «birazdan» ‘скоро’ — 573 из 622 (92,1 %) и «yarın» ‘завтра’ — 83 из 100 (83,0 %). Маркер «akşam» ‘вечером’ также преимущественно относится к ближайшему будущему: 240 из 293 футуральных контекстов (81,9 %), тогда как 53 случая (18,1 %) принадлежат к средней временной зоне. В то же время некоторые маркеры демонстрируют более слабую связь с ближайшим будущим. Так, у «şimdi» ‘сейчас’ футуральное значение выявлено только в 148 из 2501 контекста (5,9 %), у «akşama» ‘к вечеру’ — в 23 из 248 случаев (9,3 %), тогда как 225 контекстов (90,7 %) выражают предел, длительность или фон. Группа «az sonra / sonra» ‘чуть позже / потом’ включает 50 ближайших футуральных случаев из 250 строк (20,0 %). Таким образом, данные рисунка показывают, что футуральная интерпретация определяется не только формой –AcAk, но и семантикой временного маркера, контекстом, модальностью и точкой отсчета.

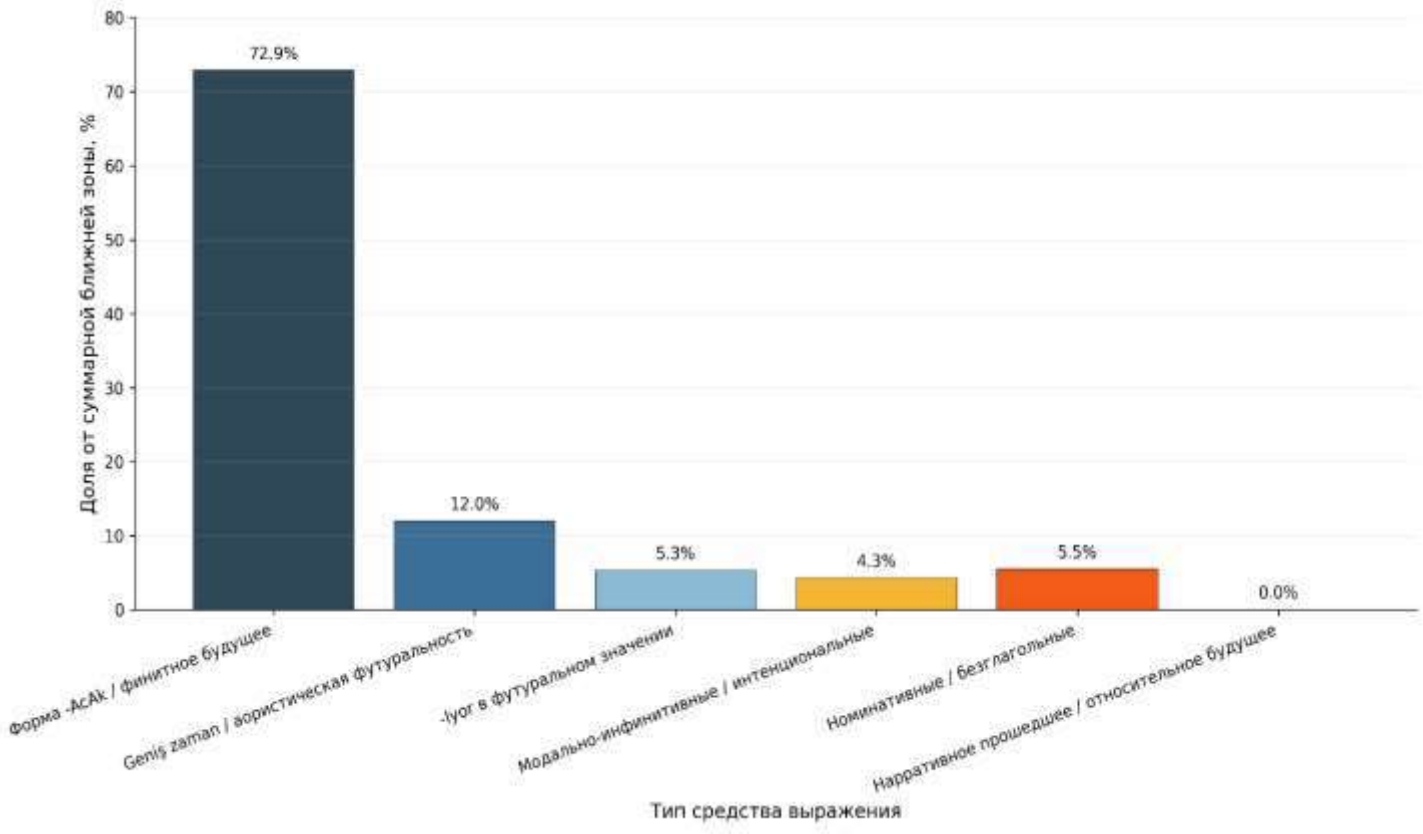

Рисунок 8 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне ближней дистантности в турецком языке

Представленные на рисунке 8 данные показывают, что в ближней футуральной зоне турецкого языка явно доминирует форма «–AcAk» финитное будущее» — 72,9 %. Это подтверждает, что ближайшая перспектива чаще всего выражается специальной грамматической формой будущего времени. Вторую позицию занимает «geniş zaman» ‘аористическая футуральность’ — 12,0 %, что указывает на участие настояще–будущих форм в выражении ожидаемого или прогнозируемого действия. Остальные модели представлены значительно слабее: номинативные / безглагольные конструкции — 5,5 %, «–Iyor» в футуральном значении — 5,3 %, модально–инфинитивные / интенциональные конструкции — 4,3 %. Нарративное прошедшее / относительное будущее не формирует значимой доли в данной рисунке, поскольку анализ ограничен собственно ближней дейктической зоной.

Следовательно, краткосрочное ближайшее будущее в турецком языке следует рассматривать как функционально–семантическую зону, где временной маркер и грамматическая форма действуют совместно. «Az sonra» ‘чуть позже, через мгновение’ усиливает значение непосредственной последовательности, «sonra» ‘после, потом’ задает следование после определенной точки, а формулы типа «en kısa zamanda» ‘в кратчайшее время, как можно скорее’ и «kısa zamanda» ‘в короткий срок, в скором времени’ связывают футуральность со срочным или желательным выполнением действия. В целом календарные маркеры «bugün» ‘сегодня’ и «yarın» ‘завтра’, дейктические «hemen» ‘немедленно’ и «birazdan» ‘скоро, через небольшой промежуток времени’, внутридневные «akşam» ‘вечером’, «gece» ‘ночью’, «akşama» ‘к вечеру’, а также конструкции «az sonra» ‘чуть позже, через мгновение’ и «en kısa zamanda» ‘в кратчайшее время, как можно скорее’ формируют разные субсемантические участки ближней футуральной зоны.

Зона средней дистантности в турецком языке. В данном разделе рассматриваются темпоральные маркеры, которые в корпусных данных преимущественно реализуют референцию к среднесрочному будущему. Под среднесрочным будущим понимается временной интервал, начинающийся после ближайших суток и продолжающийся в пределах одного года. Цель раздела

заключается в выявлении морфологических, аналитических и контекстуальных средств, которые кодируют значение будущего времени в этой зоне.

В рамках корпусного исследования особое внимание уделяется восьми временным маркерам: «gelecek hafta» 'на следующей неделе', «haftaya» 'на следующей неделе / со следующей недели', «gelecek ay» 'в следующем месяце', «önümüzdeki ay» 'в предстоящем месяце', «yakında» 'в ближайшее время / скоро', «birkaç ay sonra» 'через несколько месяцев', «bu yıl içinde» 'в течение этого года' и «yıl sonunda» 'в конце года'. Анализ показывает, что обозначаемое действие уже не относится к ближайшему внутрисуточному горизонту, но еще не выходит за пределы годовой перспективы. Таким образом, перечисленные единицы формируют зону референции к среднесрочному будущему.

Структурный корпусный анализ показывает, что значение среднесрочного будущего не ограничивается только морфологической формой будущего времени. В данной выборке заметны формы будущего времени на «–AcAk», формы настоящего времени на «–(I)yor», аористические формы на «–(A/I)r», конструкции ожидания, неглагольные модели с предикатом «var» / «yok», 'есть / имеется' а также формы прошедшего времени, которые получают проспективную интерпретацию благодаря лексическому маркеру последовательности. Наиболее частотной в представленном наборе обозначена группа, где прошедшее время сочетается с выражением относительной временной последовательности, например с маркерами типа «dört ay sonra» 'через четыре месяца'.

Следовательно, значение среднесрочного будущего в турецком языке возникает не изолированно, а в результате взаимодействия трех компонентов: грамматической формы сказуемого, лексического временного маркера и общего контекста высказывания. Именно это взаимодействие позволяет формам, которые морфологически не являются будущим временем, получать отчетливую проспективную интерпретацию.

(111) «**Gelecek ay** yapılacak Avrupa Parlamentosu seçimleri...» [TNC: W–VE30D1B–2136–1124] 'Выборы в Европейский парламент, которые состоятся **в следующем месяце...**'

В примере (111) временная группа «gelecek ay» 'в следующем месяце' четко устанавливает зону среднесрочного будущего. Форма «yapılacak» 'которые состоятся' содержит морфологический показатель будущего времени «–AcAk». Следовательно, будущность маркирована одновременно на лексическом и грамматическом уровнях. Такая структура является одним из наиболее прямых способов обозначения будущего в рассматриваемой зоне.

(112) «... en çok **altı ay sonra** başka orman kanuncular gelir.» [TNC: W–CE39C4A–1350–570] '... максимум **через шесть месяцев** придут другие лесные законники.'

В примере (112) форма «gelir» 'придут' реализована как аористическая форма на «–(A/I)r». Хотя морфологически она может выражать обобщенное настоящее или настоящее–будущее значение, контекст «altı ay sonra» 'через шесть месяцев' однозначно задает будущую перспективу. Поэтому данное употребление можно определить как проспективный аорист.

(113) «Filmin **önümüzdeki ay** ülkemizde de gösterime girmesi bekleniyor.» [TNC: W–LG24D1B–2302–904] 'Ожидается, что фильм выйдет на экраны в нашей стране **в предстоящем месяце'**

В примере (113) лексическая группа «önümüzdeki ay» 'в предстоящем месяце' устанавливает временную зону среднесрочного будущего, а форма «bekleniyor» 'ожидается' усиливает проспективное значение через семантику ожидания. Значение будущего создается не только временным наречием, но и предикативной структурой ожидания.

(114) «Genel seçimlere **sekiz ay** var...» [TNC: W–TE36E1B–3295–1987] 'До всеобщих выборов **восемь месяцев**...'

В примере (114) значение будущего формируется не спрягаемой глагольной формой, а неглагольной конструкцией с предикатом «var» 'есть / имеется'. Выражение «sekiz ay var» 'остается восемь месяцев' непосредственно указывает на временную удаленность события. Поэтому пример является типичным для моделей среднесрочного будущего с предикатами «var» / «yok» 'есть / имеется'.

(115) «Bundan yaklaşık **dört ay sonra** Şah ülkeyi terketti.» [TNC: W–JD02A3A–1347–2229] 'Примерно **через четыре месяца** после этого шах покинул страну.'

В примере (115) предикат морфологически стоит в форме прошедшего времени. Однако выражение «dört ay sonra» 'через четыре месяца' устанавливает последовательность события относительно предшествующей точки отсчета. Следовательно, здесь речь идет не об абсолютном будущем относительно момента речи, а о проспективной последовательности внутри повествования: «прошедшее время + лексический маркер последовательности». В представленном наборе такие употребления обозначены как наиболее частотная группа.

(116) «Şu an da yaşım 17, **iki ay sonra** 18'e girecem...» [TNC: W–TH12F1D–4849–1322] 'Сейчас мне 17 лет, **через два месяца** мне исполнится 18...'

В примере (116) демонстрируется будущую временную референцию с двухмесячной отсрочкой. Форма «girecem»(‘ исполнится’) является разговорным вариантом стандартной формы «gireceğim», (‘исполнится ‘) однако контекст «iki ay sonra» 'через два месяца' делает будущую интерпретацию полностью ясной. Поэтому пример можно оценивать как контекстуально обусловленное проспективное употребление.

В целом приведенные примеры показывают, что среднесрочное будущее в турецком языке выражается не одной грамматической формой, а совокупностью морфологических, лексических и контекстуальных средств. Наряду с формой будущего времени «–AcAk» активно используются –(I)yor с будущей референцией, аорист –(A/I)r, конструкции ожидания, неглагольные модели «var» / «yok» 'есть / имеется' и прошедшее время с относительной проспективной последовательностью.

«Hafta» 'неделя'. Данные, полученные при анализе одного из часто используемых в зоне среднего будущего временных наречий «hafta» 'неделя', основаны на 2038 строке выдачи корпуса TNC по запросу «hafta» 'неделя'. Из этого массива были отобраны только те примеры с «hafta» 'неделя', которые содержат референцию к будущему. Примеры, обозначающие в повествовании простую последовательность и являющиеся продолжением рассказа о прошлом, например

«Bir hafta sonra geldi» / «Birkaç hafta sonra oldu» — 'Пришел через неделю' / 'Случилось через несколько недель', по возможности исключались. В результате операционального анализа было отмечено 384 строки с референцией к будущему; это соответствует 15,4% от общего объема выдачи.

(117) «**Bu hafta içinde** ödemezseniz sizi icraya verecekmiş.» [TNC: W–QA16B2A–0488–1745] 'Если вы не заплатите **в течение этой недели**, вас, говорят, передадут судебным приставам.'

В примере (117) форма «verecekmiş» (глагол + «–AcAk» + «–mIş») содержит морфологический показатель будущего времени «–AcAk» в сочетании с косвенной засвидетельствованностью «–miş». Временное наречие «bu hafta içinde» 'в течение этой недели' задает конкретный недельный интервал, относящийся к среднему будущему. Функционально конструкция передает предупреждение о возможных последствиях в пределах обозначенного срока.

(118) «**Gelecek hafta** yapılacak Bakanlar Kurulu toplantısında görüşüleceği …» [TNC: W–OF25D1B–2143–1397] 'То, что будет обсуждаться на заседании Совета министров, которое состоится **на следующей неделе**…'

В примере (118) будущность маркируется дважды: лексически — наречием «gelecek hafta» 'на следующей неделе', грамматически — формами «yapılacak» и «görüşüleceği» 'будет сделано; будет обсуждаться' с аффиксом «–AcAk» ('аффикс будущего времени'). Это пример запланированного события в зоне среднего будущего, где лексический временной указатель и грамматическая форма согласованно поддерживают одно и то же футуральное прочтение.

(119) «SHP **bu hafta sonu** 2. Olağan Kurultay'ını gerçekleştiriyor.» [TNC: W–RD30D1B–2229–964] 'СПС (Социал–демократическая партия) **в эти выходные** проводит свой 2–й очередной съезд.'

В примере (119) форма настоящего времени «gerçekleştiriyor» 'проводит' в сочетании с маркером «bu hafta sonu» 'в эти выходные' получает футуральное прочтение. Это объявленная программа: настоящее время указывает не на момент речи, а на запланированное событие внутри недельного горизонта, то есть в зоне среднего будущего.

(120) «**İki hafta sonra** mezuniyet kokteyli var.» [TNC: W–KA16B2A–0784–1869] **'Через две недели** выпускной коктейль.'

В примере (120) будущность выражается неглагольной конструкцией с предикатом «var» 'есть'. Именное предложение в сочетании с временным указателем «iki hafta sonra» 'через две недели' обозначает событие, запланированное в зоне среднего будущего. Это типичный пример экзистенциальной конструкции с проспективным значением.

(121) «Vücut direncine bağlı olarak **bir hafta içinde** hastalık ortaya çıkar.» [TNC: W–RC01A2A–1353–2465] 'В зависимости от сопротивляемости организма болезнь проявляется **в течение одной недели**.'

В примере (121) форма аориста «çıkar» 'проявляется' в данном контексте получает футуральную интерпретацию благодаря обстоятельству «bir hafta içinde» 'в течение недели'. Здесь аорист обозначает не привычное действие, а прогнозируемое событие в зоне среднего будущего, что позволяет квалифицировать это употребление как проспективный аорист.

(122) «Putin **sekiz hafta sonra** başkan seçilecek.» [TNC: W–NE30D1B–2116–625] 'Путин **через восемь недель** будет избран президентом.'

В примере (122) морфологическая форма будущего времени «seçilecek» 'будет избран' сочетается с лексическим указателем «sekiz hafta sonra» 'через восемь недель'. Оба средства — грамматическое и лексическое — согласованно маркируют событие в зоне среднего будущего и представляют собой наиболее прямой и однозначный способ выражения будущности.

Результаты анализа показывают, что лексема «hafta» 'неделя' в турецком языке выступает важным маркером среднесрочного будущего. В корпусе было выявлено 384 контекста с будущей референцией. Наиболее частотными являются выражения «bu hafta» 'на этой неделе' — 126 примеров, «X hafta sonra» 'через X недель' — 81 пример, «gelecek hafta» 'на следующей неделе' — 51 пример, «X hafta içinde» 'в течение X недель' — 42 примера и «önümüzdeki hafta» 'на предстоящей неделе' — 40 примеров.

Основным грамматическим средством выражения будущего является форма «–(y)AcAk», зафиксированная в 217 примерах, то есть в 56,5% всех случаев. Наряду с ней используются настоящее время на «–yOr», аорист, конструкции с «var» / «yok» 'есть / нет', модальные формы и контекстуальные средства. Следовательно, будущность в недельной зоне выражается не только морфологически, но и через сочетание временного наречия, грамматической формы и общего контекста высказывания.

Особенно показательны выражения типа «bu hafta» 'на этой неделе', «gelecek hafta» 'на следующей неделе', «X hafta sonra» 'через X недель' и «X hafta içinde» 'в течение X недель'. Они не просто обозначают календарный отрезок, а направляют интерпретацию предиката в сторону предстоящего события. Поэтому формы настоящего времени или аориста в таких контекстах могут получать футуральное значение. В целом «hafta» 'неделя' следует рассматривать как функционально–семантическую зону, где объединяются лексические, грамматические и прагматические средства выражения будущего.

«Yıl» 'год'. В данном подразделе рассматривается временное наречие «yıl» 'год' как маркер зоны среднего будущего в турецком языке. Слово «yıl» 'год' может участвовать и в обозначении более отдаленной перспективы; однако в настоящем анализе учитываются только те наречные выражения, которые в конкретном контексте остаются в пределах среднего будущего, то есть не выходят за горизонт одного года.

Для этой зоны были объединены показатели типа «gelecek yıl» 'в следующем году', «önümüzdeki yıl» 'в предстоящем году / в следующем году', «bu yıl içinde» 'в течение этого года', «yıl sonunda» 'в конце года', «bu yıl boyunca» 'на протяжении всего года' и «bir yıl içinde» 'в течение года / в пределах года'. В подсчет включались только те контексты, где временной показатель сочетался с реальной интерпретацией будущего значения; пояснительно–прошедшие, ретроспективные и нерелевантные примеры были исключены.

В подзапросах по годовым показателям было зафиксировано 84 сырых совпадения. После ручной фильтрации осталось 35 контекстов с реальным

будущим значением, что составляет 41,7% от общего объема первичной выдачи. Поскольку рабочий массив включает только 35 подтвержденных контекстов и не превышает установленный предел анализа, далее рассматривается весь релевантный материал, а не сокращенная выборка. Основным средством выражения будущего в этой группе является семейство «–(y)AcAk»: оно зафиксировано в 15 контекстах, то есть в 42,9% материала. Вторую по частотности группу образуют конструкции намерения и плана — 9 контекстов, или 25,7%. Конструкции ожидания и прогноза представлены 6 контекстами, что составляет 17,1%. Аористно–модальные формы встречаются в 3 случаях, или 8,6%. Неглагольные конструкции типа «var» / «yok» 'есть / нет' образуют наименее многочисленную группу: 2 контекста, или 5,7%.

Такое распределение показывает, что годовые показатели в зоне среднего будущего чаще всего сочетаются с открытым морфологическим показателем будущего времени, однако не ограничиваются им. Важную роль играют также конструкции планирования, прогнозирования, ожидания, возможности и неглагольные модели, в которых будущность создается не формой глагола, а временной рамкой и семантикой предиката.

Наиболее частотным временным показателем является «gelecek yıl» 'в следующем году': он представлен 18 контекстами, что составляет 51,4% рабочей выборки. Далее следует «yıl sonunda» 'в конце года' — 7 контекстов, или 20,0%. Показатель «önümüzdeki yıl» 'в предстоящем году / в следующем году' представлен 6 контекстами, что соответствует 17,1%. Менее частотными являются «bu yıl içinde» 'в этом году / в течение этого года' — 2 контекста, или 5,7%, а также «bu yıl boyunca» 'на протяжении всего года' и «bir yıl içinde» 'в течение года / в пределах года' — по 1 контексту, или по 2,9%.

Следовательно, внутри годовой зоны наиболее устойчивым и продуктивным маркером выступает «gelecek yıl» 'в следующем году'. Именно он чаще всего соединяется с формами «–(y)AcAk», образуя наиболее прямую модель среднесрочной футуральности: временной показатель задает годовой горизонт, а грамматическая форма закрепляет будущую локализацию события.

(123) «Hazine Müsteşarı Faik Öztrak, «Bütçe finansmanı için **önümüzdeki yıl**, bugün faizlerin ulaştığı noktaları da dikkate alarak yaklaşık 4–4.5 milyar dolarlık uluslararası piyasalardan bir finansman ihtiyacımız var.» dedi. [TNC: W–OF25D1B–2790–1669] 'Заместитель министра казначейства Фаик Озтрак заявил: «Для финансирования бюджета **в предстоящем году**, учитывая также уровни, которых достигли сегодня процентные ставки, у нас есть потребность в финансировании из международных рынков в размере примерно 4–4.5 миллиарда долларов».'

В примере (123) реализуется конструкция типа «var» / «yok» 'есть / нет'. Временной указатель «önümüzdeki yıl» 'в предстоящем году' относит ситуацию к горизонту до одного года, а предикат «ihtiyacımız var» 'у нас есть потребность' оформляет не событие как действие, а запланированную финансовую потребность. Это типичный неглагольный способ выражения среднесрочной футуральности.

(124) «Güney Kore, erkeklerin tacizini önlemek için başkent Seul'de **gelecek yıl** kadınlara özel metro vagonu uygulaması başlatacak.» [TNC: W–PE30D1B–2118–749] 'Южная Корея, чтобы предотвратить домогательства со стороны мужчин, **в следующем году** в столице Сеуле начнет практику использования вагонов метро, специально предназначенных для женщин.'

В примере (124) форма «başlatacak» содержит основу «başlat–» и суффикс будущего времени «–(y)AcAk» ('аффикс будущего времени'); лицо — 3–е ед. ч. Будущая локализация задается показателем «gelecek yıl» 'в следующем году', поэтому контекст относится к средней футуральной зоне. В данном случае грамматическое и лексическое средства будущности полностью согласованы.

(125) «**Bu yıl boyunca** (Uygar'dan gelen bir öneri ile) kollektif bloglama yapmayı ve Darwin temalı yazılar yazmayı düşünüyoruz.» [TNC: W–VI45F1D–4788–674] **'В течение этого года** (по предложению, поступившему от Уйгара) мы думаем заниматься коллективным блоггингом и писать статьи на тему Дарвина.'

В примере (125) будущее значение выражено конструкцией намерения «yazmayı düşünüyoruz» 'думаем писать'. Морфологически матричный глагол стоит в форме «–(I)yor» ('форма настоящего длительного времени'), но футуральность

возникает не из самой презентной формы, а из семантики плана и временной рамки «bu yıl boyunca» 'на протяжении всего года'.

(126) «Bütçe Programında kamu gelir ve harcamalarının GSMH içerisindeki payı sırasıyla yüzde 20.7 ve 28.3 oranında öngörülürken, 1996 **yıl sonunda** bu değerlerin yüzde 20.5 ve 30.1 oranında gerçekleşmesi beklenmektedir.» [TNC: W–IF18E1C–4144–1708] 'В Бюджетной программе доля государственных доходов и расходов в ВНП прогнозируется соответственно на уровне 20.7% и 28.3%, при этом ожидается, что **в конце 1996 года** эти значения составят 20.5% и 30.1%.'

В примере (126) ведущим средством выступает прогностическая конструкция «gerçekleşmesi beklenmektedir» 'ожидается, что осуществятся'. Будущее значение здесь аналитическое: событие номинализовано, а предикат «beklenmektedir» 'ожидается' маркирует предполагаемую реализацию к концу года. Поэтому пример относится к группе ожидания и прогноза.

(127) «Ve yine niyeti karnında sakat sözler: «Bütçemiz yeterli değil, sekiz yıllık kesintisiz eğitime pilot bölgeler dışında ancak **gelecek yıl** geçebiliriz.» [TNC: W–KE13C2A–1474–1717] 'И снова нездоровые слова с намерением в животе: «Наш бюджет недостаточен; на восьмилетнее непрерывное образование, кроме пилотных регионов, мы сможем перейти только **в следующем году**».'

В примере (127) форма «geçebiliriz» 'сможем перейти' сочетает потенциал «–Abil» и аорист «–(A/I)r» (в 1–м лице мн. ч.) В сочетании с наречным показателем «gelecek yıl» 'в следующем году' она передает не жестко запланированное, а модально ослабленное будущее. Будущность создается совместно лексическим указателем года и модальностью возможности.

Годовые показатели представляют самый широкий участок средней футуральной зоны. Лексема «yıl» 'год' чаще связана с институциональными, финансовыми, образовательными и общественными планами. Наиболее устойчивой моделью является сочетание «gelecek yıl» 'в следующем году' с формой «–(y)AcAk», однако будущность также выражается через конструкции намерения, прогноза, ожидания, возможности и модели «var» / «yok» 'есть / нет'. Поэтому

годовая зона будущего формируется взаимодействием временного наречия, грамматической формы и контекста.

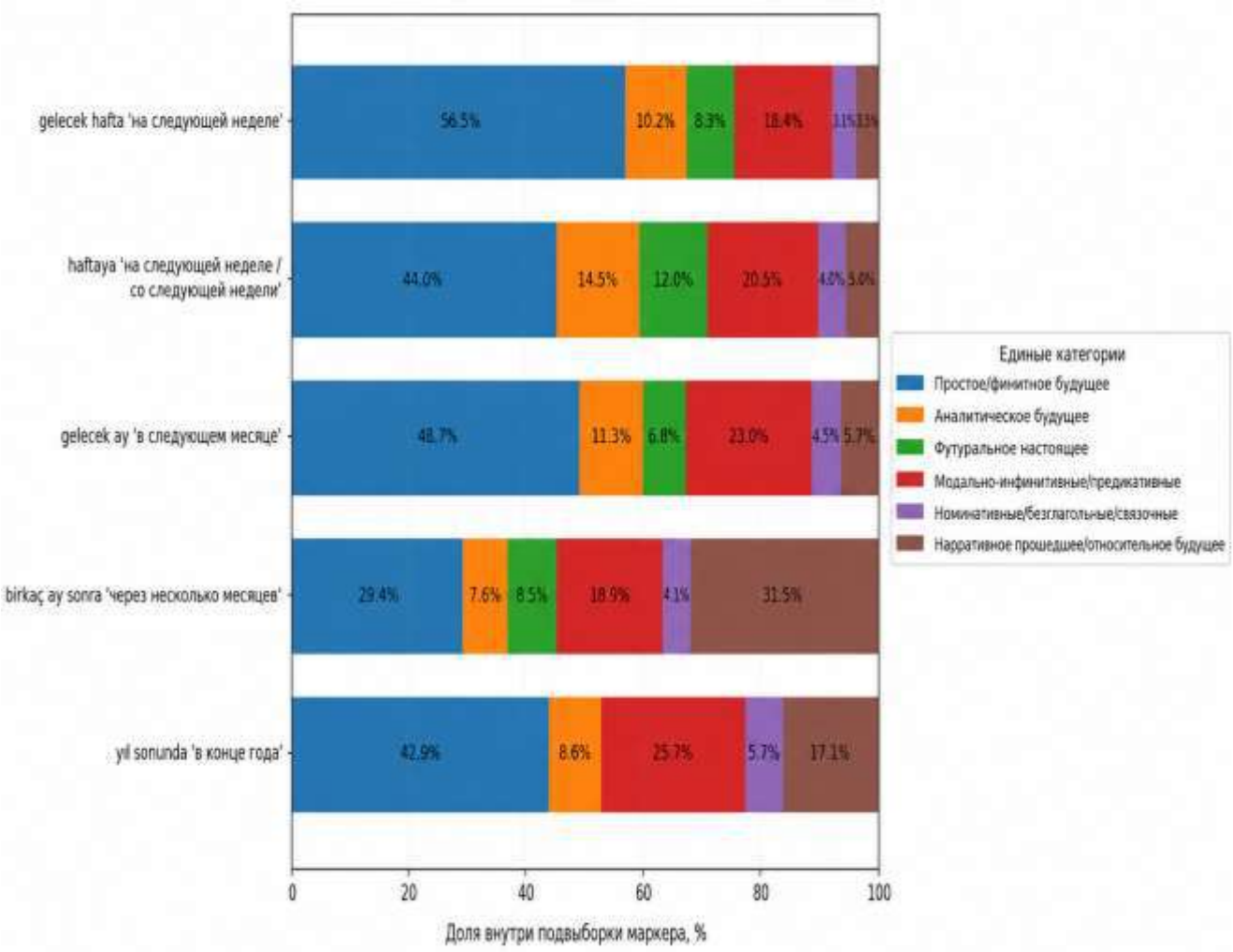

Рисунок 9 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне средней дистантности в турецком языке

Представленные на рисунке данные 9 показывают, что отдельные маркеры средней зоны по–разному соотносятся с грамматическими способами выражения будущего. При маркере «gelecek hafta» ‘на следующей неделе’ преобладает простое / финитное будущее — 56,5 %; далее следуют модально–инфинитивные / предикативные конструкции — 18,4 %, аналитическое будущее — 10,2 % и футуральное настоящее — 8,3 %. Сходный, но менее концентрированный профиль демонстрирует «haftaya» ‘на следующей неделе / со следующей недели’, где простое будущее составляет 44,0 %, модальные конструкции — 20,5 %, аналитическое будущее — 14,5 %, а футуральное настоящее — 12,0 %.

Маркер «gelecek ay» ‘в следующем месяце’ также преимущественно связан с простым / финитным будущим — 48,7 %, однако доля модально–инфинитивных моделей здесь достаточно высока — 23,0 %. При «birkaç ay sonra» ‘через несколько месяцев’ распределение становится более неоднородным: простое будущее составляет 29,4 %, а нарративное прошедшее / относительное будущее достигает 31,5 %, что указывает на частое смещение точки отсчёта в повествовательных контекстах. В группе «yıl sonunda» ‘в конце года’ простое будущее занимает 42,9 %, модально–инфинитивные конструкции — 25,7 %, а относительное будущее — 17,1 %. Следовательно, в турецкой средней футуральной зоне недельные и месячные маркеры чаще тяготеют к финитным формам будущего, тогда как более протяжённые локализаторы, особенно «birkaç ay sonra» и «yıl sonunda», активнее взаимодействуют с модальными и относительными моделями.

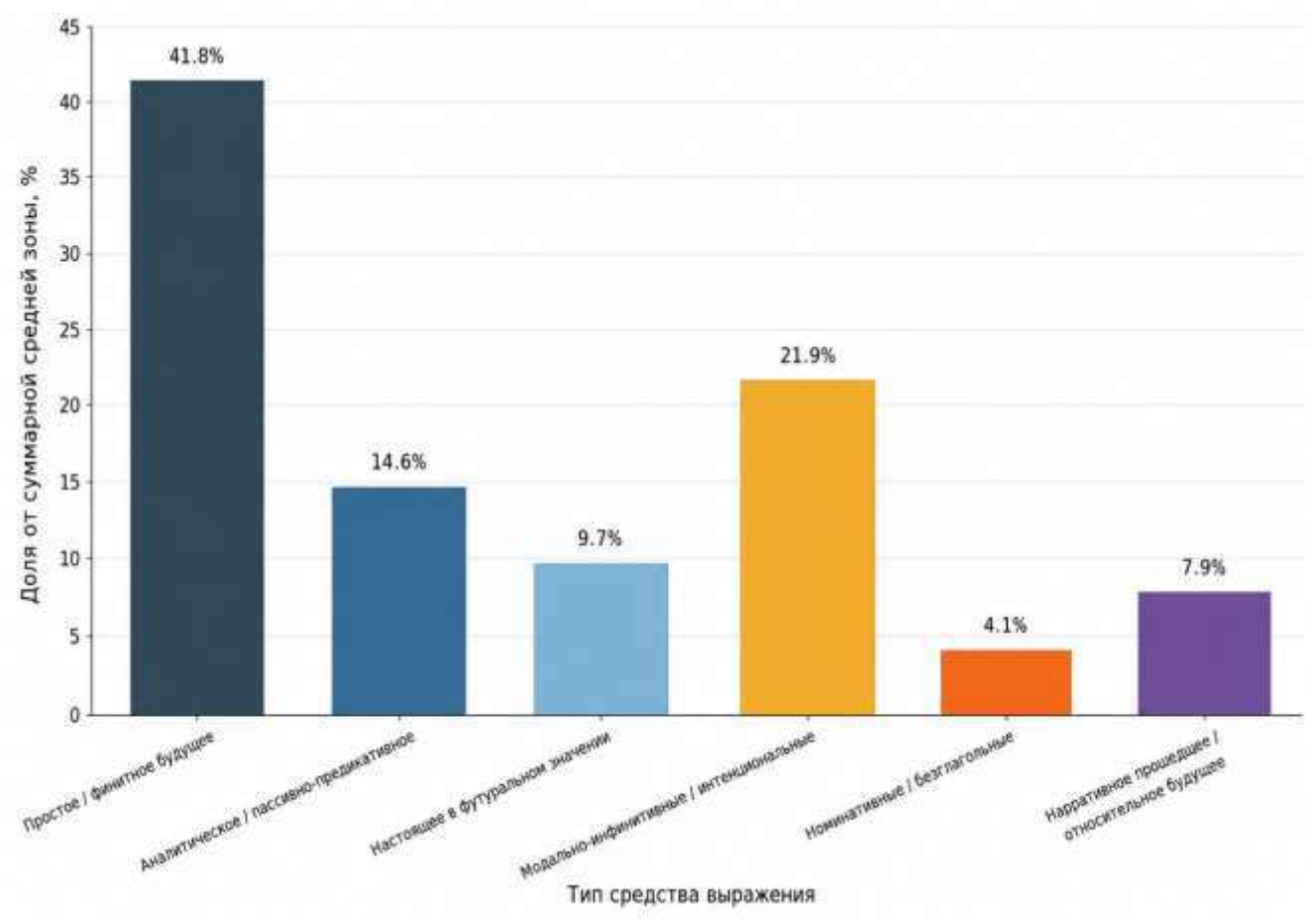

Рисунок 10 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне средней дистантности в турецком языке

Представленные на рисунке 10 данные показывают, что в средней футуральной зоне турецкого языка ведущим средством выражения будущей референции является простое / финитное будущее — 41,8 %. Это свидетельствует о высокой роли морфологически выраженных форм будущего времени при обозначении событий, отнесённых к перспективе после ближайшего времени, но в пределах более широкого календарного горизонта. Вторую позицию занимают модально–инфинитивные / интенциональные конструкции — 21,9 %, что указывает на значимость значений плана, намерения, необходимости и прогнозируемого действия. Далее следуют аналитические / пассивно–предикативные модели — 14,6 %, настоящее в футуральном значении — 9,7 %, а также нарративное прошедшее / относительное будущее — 7,9 %. Наименее частотны номинативные / безглагольные конструкции — 4,1 %. Таким образом, средняя зона будущего в турецком языке имеет выраженное финитное ядро, но одновременно демонстрирует структурную вариативность за счёт модальных, аналитических, презентных и относительных моделей.

Отдалённое будущее время в турецком языке. Годовые показатели рассматриваются как средства выражения дальней футуральной зоны в турецком языке. В анализ включены только те случаи, где лексема «yıl» ‘год’ и связанные с ней временные выражения обозначают реальную перспективу будущего сроком от одного года и более. К основным маркерам этой зоны относятся «X yıl sonra» ‘через X лет’, «birkaç yıl sonra» ‘через несколько лет’, «önümüzdeki X yıl içinde» ‘в течение предстоящих X лет’, «gelecek birkaç yıl içinde» ‘в течение ближайших нескольких лет’, а также более обобщенные показатели «ileride» ‘в будущем / позднее’ и «uzun vadede» ‘в долгосрочной перспективе’.

Первичная выдача составила 223 совпадения, однако после ручной фильтрации было подтверждено 30 контекстов с действительной футуральной референцией, что соответствует 13,5% материала. В пределах этого массива наиболее продуктивным средством выражения будущего является форма «–(y)AcAk»: она зафиксирована в 21 случае, то есть в 70,0% релевантных примеров. Менее частотными, но функционально значимыми являются конструкции

намерения и плана — 3 примера, 10,0%; конструкции ожидания и прогноза — 2 примера, 6,7%; аористно–модальные формы — 2 примера, 6,7%. Единично представлены аналитическая конструкция с «olacak» и неглагольная предикация — по 1 примеру, 3,3%.

Распределение временных маркеров показывает, что дальняя футуральная перспектива чаще всего оформляется через конкретизированную модель отсрочки. Наиболее частотным является выражение «X yıl sonra» ‘через X лет’ — 11 примеров, 36,7%. Далее следуют «birkaç yıl sonra» ‘через несколько лет’ — 6 примеров, 20,0%, и «önümüzdeki X yıl içinde» ‘в течение предстоящих X лет’ — 5 примеров, 16,7%. Остальные показатели, включая «gelecek birkaç / 10 yıl içinde» ‘в течение ближайших нескольких / десяти лет’, «ileride» ‘в будущем / позднее’ и «uzun vadede» ‘в долгосрочной перспективе’, встречаются реже. Следовательно, дальняя футуральная зона в турецком языке преимущественно опирается на морфологически выраженное будущее время, однако ее значение формируется также за счет лексических маркеров дистанции, модальности, прогноза и контекста планирования.

(128) «**Önümüzdeki 5 yıl içinde** dünyanın sayılı büyük firmalarından en az 3 tanesinin ülkemizde yatırım planladığını duyuyoruz.» [TNC: W–TF10E1B–2871–1828]. 'Мы слышим, что **в предстоящие 5 лет** по крайней мере 3 из числа крупных мировых фирм планируют инвестиции в нашей стране.'

В примере (128) выражение «önümüzdeki 5 yıl içinde» 'в предстоящие 5 лет' задает дальнюю футуральную перспективу. Форма «duyuyoruz» морфологически оформлена как настоящее время на «–yor» '–йор', однако будущее значение возникает прежде всего из содержания вложенного сообщения: «yatırım planladığını» 'что планируют инвестиции'. Поэтому пример можно интерпретировать как плановую перспективу, где лексика планирования и годовой интервал совместно формируют значение будущего.

(129) «**Birkaç yıl sonra** ürün alınacak.» [TNC: W–KE39C3A–0357–2446]. **'Через несколько лет** продукт будет получен.'

В примере (129) представлена открытая форма будущего времени «alınacak», образованная с помощью аффикса «–(y)AcAk» '–(й)аджак'. Временное выражение «birkaç yıl sonra» 'через несколько лет' переносит ситуацию за пределы среднего будущего и задает отсроченный результат. Грамматический показатель будущего и лексический показатель временной дистанции здесь действуют согласованно.

(130) «Bugün oraya gidip yatırım yapan KOBİ'ler **10 yıl sonra** oranın en büyük şirketlerinden olabilir.» [TNC: W–UF25D1B–2170–1290]. 'Малые и средние предприятия, которые сегодня пойдут туда и сделают инвестиции, **через 10 лет** могут стать крупнейшими компаниями этого места.'

В примере (130) глагол «olabilir» 'могут стать' оформлен аффиксом возможности «–Abil» и аористическим показателем «–Ir» '–ыр'. Временное выражение «10 yıl sonra» 'через 10 лет' переносит интерпретацию в дальнюю футуральную зону. Конструкция выражает не гарантированное событие, а прогноз с модальным оттенком возможности; поэтому она относится к группе аористно–модальных форм.

(131) «... hem bir şekilde cezalandırılmış olacaklar, hem de **beş–on yıl sonra** ... olumsuz etkiler önlenmiş olacaktı.» [TNC: W–FA16B3A–0393–984]. '… они каким–то образом будут наказаны, а **через пять–десять лет** … негативные последствия были бы предотвращены.'

В примере (131) используются аналитические конструкции «cezalandırılmış olacaklar» и «önlenmiş olacaktı». Формы «olacaklar» и «olacaktı» связаны с будущим показателем «–(y)AcAk» '–(й)аджак', а форма «olacaktı» дополнительно выражает будущее в прошедшем, то есть взгляд на последующее событие из прошлой точки отсчета. Временное выражение «beş–on yıl sonra» 'через пять–десять лет' усиливает значение дальней временной дистанции и придает конструкции результативно–перфективный оттенок.

(132) «Çünkü gencin aile gelirine katkıda bulunacak hale gelmesi ancak **4–5 yıl sonra** mümkün olmaktadır.» [TNC: W–CE05A1B–3343–914]. 'Потому что достижение молодым человеком состояния, при котором он сможет вносить вклад в доход семьи, становится возможным только **через 4–5 лет.**'

В примере (132) выражение «4–5 yıl sonra» 'через 4–5 лет' задает дальнюю временную дистанцию. Предикативная часть «mümkün olmaktadır» 'становится возможным' не содержит самостоятельного морфологического показателя будущего времени; будущее значение формируется за счет лексического временного указателя и общей семантики возможности. Поэтому пример относится к контекстуально и лексически поддержанной футуральности.

С «gelecekte» 'в будущем' и «uzak gelecekte» 'в далёком / очень далёком будущем'. Формы «gelecekte» 'в будущем', «görünür gelecekte» 'в обозримом будущем', «uzak gelecekte» / «çok uzak bir gelecekte» 'в далёком / очень далёком будущем' и «öngörülebilir gelecekte» 'в предсказуемом будущем' выступают маркерами дальней футуральной зоны. Эти показатели не всегда обозначают точную календарную дистанцию, а чаще задают обобщенную перспективу будущего.

В рассматриваемом материале явно преобладает форма «gelecekte» 'в будущем': она составляет 1381 пример, или 97,6 % подтвержденных контекстов. Остальные маркеры встречаются значительно реже: «görünür gelecekte» 'в обозримом будущем' – 21 пример, «uzak gelecekte» / «çok uzak bir gelecekte» 'в далёком / очень далёком будущем' – 12 примеров, «öngörülebilir gelecekte» 'в предсказуемом будущем' – 1 пример. Следовательно, «gelecekte» 'в будущем' функционирует как основной немаркированный показатель дальней перспективы, тогда как другие формы уточняют степень удаленности или прогнозируемости будущего.

По способу выражения будущности наиболее частотны аористно–модальные и другие глагольные формы – 589 примеров, 41,6 %, а также форма «–(y)AcAk» '–(й)аджак' – 558 примеров, 39,4 %. Это показывает, что дальняя футуральность выражается не только морфологическим будущим временем, но и более широким комплексом глагольных, модальных и контекстуальных средств.

Материал с «gelecekte» 'в будущем' и его вариантами показывает, что дальняя футуральная зона в турецком языке имеет не только календарный, но и прогнозно–концептуальный характер. «Gelecekte» 'в будущем' задает широкую перспективу

будущего и может сочетаться не только с формой «–(y)AcAk» '–(й)аджак', но и с аористом, модальностью, настоящим временем, конструкциями намерения и именными предложениями. Поэтому будущее здесь часто понимается как пространство ожидания, возможности, плана или прогноза, а не как точно заданная календарная точка.

(133) «Bu da onları **gelecekte** başarılı kılacak.» [TNC: W–SF10E1B–2870–986]. 'Это и сделает их успешными **в будущем**.'

В примере (133) предикат «kılacak» реализует эксплицитную морфему будущего времени «–(y)AcAk» '–(й)аджак'. Лексема «gelecekte» 'в будущем' уточняет временной горизонт и закрепляет высказывание в дальней перспективе.

(134) «Dilerim bu **gelecekte** gerçekleşir.» [TNC: W–QC37C4A–0084–42]. 'Дай Бог, это осуществится **в будущем**.'

В примере (134) форма «gerçekleşir» относится к аористу, то есть к настояще–будущему времени на «–(A/I)r» '–(а/ы)р'. В данном окружении она получает футурально–прогностическое прочтение, а дальняя референция создается прежде всего лексически – через «gelecekte» 'в будущем'.

(135) «Seni **gelecekte** çok büyük başarılar bekliyor.» [TNC: W–PA16B4B–3311–654]. 'Тебя ждут **в будущем** очень большие успехи.'

В примере (135) форма «bekliyor» содержит показатель настоящего времени «–(I)yor» '–(ы)йор', однако в сочетании с «gelecekte» 'в будущем' она функционирует проспективно. Здесь настоящее время не обозначает актуальное настоящее, а направляется в область ожидаемого будущего.

(136) «Bu sebeple **gelecekte** şu olmak istiyorum şeklinde bir planım yok.» [TNC: W–SI22C4A–0847–45]. 'По этой причине у меня нет плана **в будущем** стать тем–то и тем–то.'

В примере (136) будущая перспектива оформляется через волитивно–плановую рамку: «istiyorum» 'хочу' и «planım yok» 'у меня нет плана'. Важно, что здесь выражается не наличие конкретного намерения, а отрицание плановой перспективы, поэтому будущее значение формируется через лексику плана и временной показатель «gelecekte» 'в будущем'.

(137) «Ama **gelecekte** sahip olabileceğimizin belirtileri var.» [TNC: W–LC06E1B–3086–734]. 'Но есть признаки того, чем мы сможем обладать **в будущем**.'

В примере (137) экзистенциальный предикат «var» 'есть' формирует неглагольную схему. Будущее значение поддерживается сочетанием «gelecekte» 'в будущем' и зависимой формой «sahip olabileceğimizin» 'того, чем мы сможем обладать', содержащей потенциалис «–Abil» '–абиль'.

(138) «Ancak, **gelecekte** beklenen getirilerin birçok durumda gerçekleşmemesi mümkündür.» [TNC: W–NF10A4A–1820–1559]. 'Однако во многих случаях ожидаемые **в будущем** доходы могут не реализоваться.'

В примере (138) именной модальный предикат «mümkündür» 'возможно' сам по себе не маркирует будущее морфологически. Тем не менее лексико–семантическая рамка «gelecekte» 'в будущем' + «beklenen getiriler» 'ожидаемые доходы' делает интерпретацию однозначно футуральной.

(139) «Geleceğe daha fazla önem veren bireyler, **gelecekte** harcamak üzere daha çok tasarruf ederler.» [TNC: W–TF10A2A–1903–1475]. 'Индивиды, придающие большее значение будущему, сберегают больше, чтобы потратить **в будущем**.'

В примере (139) инфинитивно–целевой комплекс «harcamak üzere» 'чтобы потратить / с целью потратить' выражает отсроченную реализацию действия. Основной предикат «tasarruf ederler» стоит в аористе, а «gelecekte» 'в будущем' связывает действие с дальней перспективой.

(140) «Bu nedenle tarih, **uzak gelecekte** ... altın edebiyat sayfaları sunacak.» [TNC: W–KE13C2A–1474–1668]. 'По этой причине история **в отдаленном будущем** предоставит золотые страницы литературы.'

В примере (140) сочетание «uzak gelecekte» 'в отдаленном будущем' является явным маркером дальней зоны. Будущее время «sunacak» с формой «–(y)AcAk» '–(й)аджак' закрепляет высокую степень временной определенности и прогнозируемого результата.

«Yıl» 'год', «yıllar» 'годы' и «yıllar sonra» 'через годы / годы спустя'. Лексемы «yıl» 'год' и «yıllar» 'годы', а также конструкции с компонентом множественного числа образуют в материале компактный, но показательный

сегмент дальней футуральной зоны. В отличие от общего корпуса с «yıl» 'год', где встречаются как календарные, так и нефутуральные употребления, здесь учитываются только модели, задающие отсроченный временной горизонт: «yıllar sonra» 'через годы / годы спустя', «önümüzdeki yıllar» 'в предстоящие годы', «gelecek yıllar» 'в будущие годы', «bundan sonraki yıllar» 'в последующие годы', «yıllar sürecek» 'будет длиться годы' и «yıllar var» 'впереди годы / есть годы'.

Рабочий массив включает 33 подтвержденных футуральных контекста. Наиболее частотной является модель «yıllar sürecek» 'будет длиться годы' – 12 примеров, 36,4 %. Далее следуют «önümüzdeki yıllar» / «gelecek yıllar» 'в предстоящие / будущие годы' – 8 примеров, 24,2 %, и «yıllar sonra» / «yıllar sonrası» 'через годы / годы спустя' – 7 примеров, 21,2 %. Конструкции «yıllar var» 'впереди годы / есть годы' представлены 4 примерами, 12,1 %, а сочетания типа «uzun yıllar» + будущее действие 'долгие годы' + будущее действие – 2 примерами, 6,1 %. Такое распределение показывает, что дальняя футуральность выражается не только через точку наступления события, но и через длительность, временной ресурс и открытую последующую перспективу.

(141) «Şayet böyle devam edersen **yıllar sonra** bunları yaptığına pişman olacaksın.» [TNC: VA14B1A–1598–1761]. 'Если ты будешь так продолжать, **годы спустя ты** пожалеешь, что сделал это.'

В примере (141) сочетание «yıllar sonra» 'годы спустя / через годы' задает отдаленный горизонт, а форма «olacaksın» с показателем «–(y)AcAk» '–(й)аджак' обеспечивает прямую грамматическую маркировку будущего. Конструкция обозначает отсроченный, персонально адресованный результат.

(142) «**Önümüzdeki on yıllar içinde** fosil hammaddelerinin giderek azalacağı ...» [TNC: CC06A1B–3401–751]. 'То, что **в предстоящие десятилетия** ископаемое сырье будет постепенно уменьшаться ...'

В примере (142) временная рамка «önümüzdeki on yıllar içinde» 'в предстоящие десятилетия' расширяет перспективу за пределы ближайшего будущего. Зависимая форма «azalacağı» с показателем «–(y)AcAk» '–(й)аджак'

оформляет прогнозируемое изменение и делает пример характерным для научно–прогностического дискурса.

(143) «Önünde daha kullanılmamış koca koca yıllar var.» [TNC: TE13C2A–1322–1338]. '**Впереди** еще целые неиспользованные годы.'

В примере (143) будущая перспектива создается не формой будущего времени, а экзистенциальной схемой «var» 'есть'. Именная группа «koca koca yıllar» 'целые годы' представляет дальний горизонт как сохраняющийся временной ресурс.

(144) «**Çok uzun yıllar sonra** görüşmek üzere...» [TNC: SE20C0A–0238–2140]. 'До встречи **через очень долгие годы...**'

В примере (144) формула «görüşmek üzere» 'до встречи / с целью встретиться' задает отложенную перспективу встречи. Адвербиал «çok uzun yıllar sonra» 'через очень долгие годы' усиливает временную дистанцию и переводит ситуацию в дальнюю футуральную зону.

(145) «**Bundan sonraki yıllar** da güller hep kapımızda olacak.» [TNC: OA16B0A–0174–1304]. 'И **в последующие годы** розы всегда будут у наших дверей.'

В примере (145) выражение «bundan sonraki yıllar» 'в последующие годы' открывает длительный будущий период. Форма «olacak» с показателем «–(y)AcAk» '–(й)аджак' поддерживает значение устойчивого и повторяемого результата в последующей временной перспективе.

(146) «Eminim, **yıllar sonra** da bugünleri anıp güleceğiz.» [TNC: EA16B3A–0490–2040]. 'Уверен, **годы спустя** мы будем вспоминать эти дни и смеяться.'

В примере (146) форма «güleceğiz» содержит показатель будущего времени «–(y)AcAk» '–(й)аджак', а вводное «eminim» 'уверен' добавляет субъективную модальность уверенности. Модель «yıllar sonra» 'годы спустя' создает дальнюю ретроспективную точку, из которой настоящее будет осмысляться как прошлое.

(147) «Kırılmaların **gelecek yıllar içinde** de süreceği öngörülebilir.» [TNC: PD03A3A–0867–1628]. 'Можно прогнозировать, что сбои будут продолжаться и **в будущие годы**.'

В примере (147) будущая референция задается сочетанием «gelecek yıllar içinde» 'в будущие годы' и зависимой формой «süreceği» с показателем «–(y)AcAk» '–(й)аджак'. Модальный предикат «öngörülebilir» 'можно прогнозировать' переводит высказывание в плоскость вероятностного, но явно футурального прогноза.

(148) «... getireceği sıkıntılara **yıllar var** daha.» [TNC: QA16B4A–0155–657]. '... до проблем, которые это принесет**, еще годы**.'

В примере (148) дальняя перспектива строится через взаимодействие зависимой формы «getireceği» с показателем «–(y)AcAk» '–(й)аджак' и экзистенциальной рамки «yıllar var daha» 'еще есть годы'. Будущее представлено как временная дистанция, отделяющая настоящий момент от ожидаемых последствий.

Материал с «yıl» / «yıllar» 'год / годы' показывает, что дальняя футуральная зона в турецком языке связана с отложенным результатом, длительной перспективой и прогнозируемыми последствиями. В 33 подтвержденных контекстах центральное место занимает форма «–(y)AcAk» ('–(й)аджак') 'аффикс будущего времени': она представлена в 23 случаях, то есть в 69,7 % материала. Модели «yıllar sonra» 'через годы / годы спустя', «önümüzdeki yıllar» 'в предстоящие годы', «gelecek yıllar» 'в будущие годы' и «bundan sonraki yıllar» 'в последующие годы' задают разные оттенки дальней будущности: результат, прогноз, длительность и широкий временной горизонт. Особую роль играют конструкции с «var» 'есть / имеется', где будущее представлено как запас времени или пространство еще не реализованных возможностей. Таким образом, компонент «yıl» / «yıllar» 'год / годы' не только удаляет событие от момента речи, но и придает будущему более проектный, ожидательный и результативный характер.

«İleride» 'в будущем'. В большинстве случаев данная единица функционирует как сильный лексический маркер дальней футуральной зоны. Из 1985 контекстов 1714 примеров, то есть 86,3 %, имеют футуральное значение; остальные 271 случай, 13,7 %, относятся к пространственным, сравнительным или иным нефутуральным употреблениям.

Внутри футурального массива наиболее частотной является форма «–(y)AcAk» '–(й)аджак' 'аффикс будущего времени' – 570 примеров, 33,3 %. Далее следуют аорист «–(A/I)r» '–(а/ы)р' 'настояще–будущее время' – 425 примеров, 24,8 %, и конструкции намерения / плана – 303 примера, 17,7 %. Остальные средства представлены менее активно: неглагольные и эллиптические модели, формы «–(I)yor» '–(ы)йор', нарративное прошедшее, модальные конструкции и модели с «var» 'вар' / «yok» 'йок' 'есть / нет'.

Таким образом, «ileride» 'в будущем' не только сопровождает форму будущего времени, но и способно придавать футуральное значение аористу, настоящему времени, модальным и именным конструкциям. Поэтому дальняя будущность здесь формируется взаимодействием временного наречия, сказуемого и контекста.

(149) «Ülkemizde, özel sektörün GIS kullanımı **ileride** mutlaka artacaktır.» [TNC: GC06A1B–3615–559]. 'В нашей стране использование ГИС в частном секторе **в будущем** обязательно возрастет.'

В примере (149) представлена форма «artacaktır» с аффиксом будущего времени «–(y)AcAk» '–(й)аджак' и показателем «–dIr» '–дыр', который усиливает категоричность высказывания. Адвербиал «ileride» 'в будущем' помещает ситуацию в неопределенно дальний, но ясно выраженный футуральный горизонт.

(150) «Şimdi bunun farkında değiller, zannederim **ileride** anlarlar.» [TNC: GD03A0A–0256–1147]. 'Сейчас они не осознают этого, полагаю, **в будущем** поймут.'

В примере (150) форма «anlarlar» относится к аористу «–(A/I)r» '–(а/ы)р' 'настояще–будущее время'. В сочетании с вводной конструкцией «zannederim» 'полагаю' и адвербиалом «ileride» 'в будущем' она получает прогностическое футуральное прочтение.

(151) «Yetişkin gözlükleriyle bakan bu insanlar **ileride** mutsuz oluyorlar.» [TNC: IE39E1B–2837–963]. 'Эти люди, смотрящие сквозь взрослые очки, **в будущем** становятся несчастными.'

В примере (151) форма «oluyorlar» морфологически оформлена как настоящее время на «–(I)yor» '–(ы)йор'. Однако адвербиал «ileride» 'в будущем' переносит интерпретацию в область ожидаемого результата, поэтому настоящее время функционирует проспективно.

(152) «Yeteneğe bağlı olarak verilen ve **ileride** verilmesi düşünülen birçok hizmet var.» [TNC: NC06E1B–3088–727]. 'Существует множество услуг, предоставляемых в зависимости от способностей и планируемых к предоставлению **в будущем**.'

В примере (152) представлен неглагольный тип предикации с экзистенциальным предикатом «var» 'вар' 'есть, имеется'. Футуральное значение формируется через сочетание «ileride» 'в будущем' и зависимой формы «verilmesi düşünülen» 'планируемых к предоставлению'.

(153) «Şimdilik akıllı yaşamı destekleyemese de **ileride** bunu başarabilir.» [TNC: LC06E1B–3086–732]. 'Хотя пока он не может поддерживать разумную жизнь, **в будущем** он сможет это сделать.'

В примере (153) форма «başarabilir» содержит показатель возможности «–Abil» '–абиль' и аористический показатель «–(A/I)r» '–(а/ы)р'. Временной адвербиал «ileride» 'в будущем' задает перспективу возможной, но еще не реализованной ситуации.

(154) «Tez elden askere gidip gelmemi, **ileride** kasaya benim bakacağımı söylüyordu.» [TNC: RA16B4A–0901–30]. 'Он говорил, чтобы я быстро сходил в армию и вернулся, что **в будущем** кассой буду заведовать я.'

В примере (154) зависимая форма «bakacağımı» содержит аффикс будущего времени «–(y)AcAk» '–(й)аджак', однако вся конструкция включена в прошедшую повествовательную рамку «söylüyordu» 'говорил'. Поэтому пример передает модель будущего в прошедшем.

Материал с «ileride» 'в будущем' показывает, что данная единица выступает сильным лексическим маркером дальней футуральной зоны. Наиболее частотной является форма «–(y)AcAk» '–(й)аджак' 'аффикс будущего времени' – 570 примеров, 33,3 %, однако значимую роль играют также аорист «–(A/I)r» '–(а/ы)р' 'настояще–

будущее время' – 425 примеров, 24,8 %, и конструкции намерения / плана – 303 примера, 17,7 %.

Следовательно, «ileride» 'в будущем' не только сопровождает морфологическое будущее, но и придает футуральное значение аористу, настоящему времени, модальным и неглагольным конструкциям. Будущность формируется взаимодействием временного наречия, формы сказуемого и контекста.

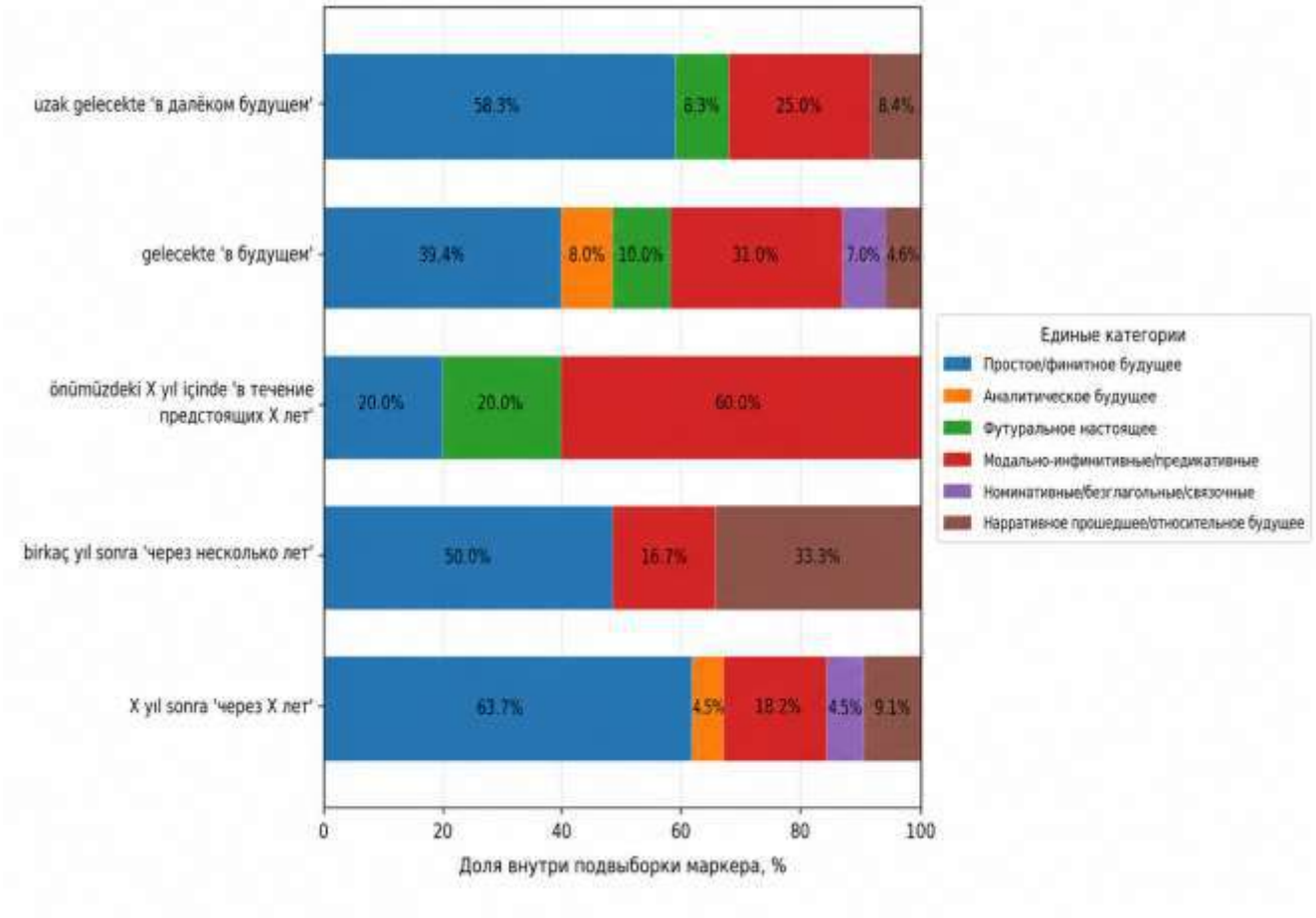

Рисунок 11 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне дальней дистантности в турецком языке

Представленные на рисунке 11 данные показывают, что отдельные маркеры дальней зоны имеют разные структурные профили. При маркере «X yıl sonra» ‘через X лет’ преобладает простое / финитное будущее — 63,7 %; далее следуют модально–инфинитивные / предикативные конструкции — 18,2 %, нарративное прошедшее / относительное будущее — 9,1 %, а также аналитические и номинативные модели — по 4,5 %. У маркера «birkaç yıl sonra» ‘через несколько

лет’ также ведущим является простое будущее — 50,0 %, однако значительную долю занимает относительное будущее — 33,3 %, что указывает на связь этого маркера с повествовательной перспективой. Иной профиль демонстрирует «önümüzdeki X yıl içinde» ‘в течение предстоящих X лет’: здесь доминируют модально–инфинитивные / предикативные конструкции — 60,0 %, тогда как простое будущее и футуральное настоящее составляют по 20,0 %. При маркере «gelecekte» ‘в будущем’ распределение более сбалансировано: простое будущее составляет 39,4 %, модальные конструкции — 31,0 %, футуральное настоящее — 10,0 %, аналитическое будущее — 8,0 %, номинативные модели — 7,0 %, относительное будущее — 4,6 %. Маркер «uzak gelecekte» ‘в далёком будущем’ преимущественно сочетается с простым будущим — 58,3 %, а также с модальными конструкциями — 25,0 %, футуральным настоящим — 8,3 % и относительным будущим — 8,4 %. Следовательно, дальняя футуральная зона в турецком языке выражается не только через форму будущего времени, но и через модели прогноза, возможности, плана и нарративной перспективы.

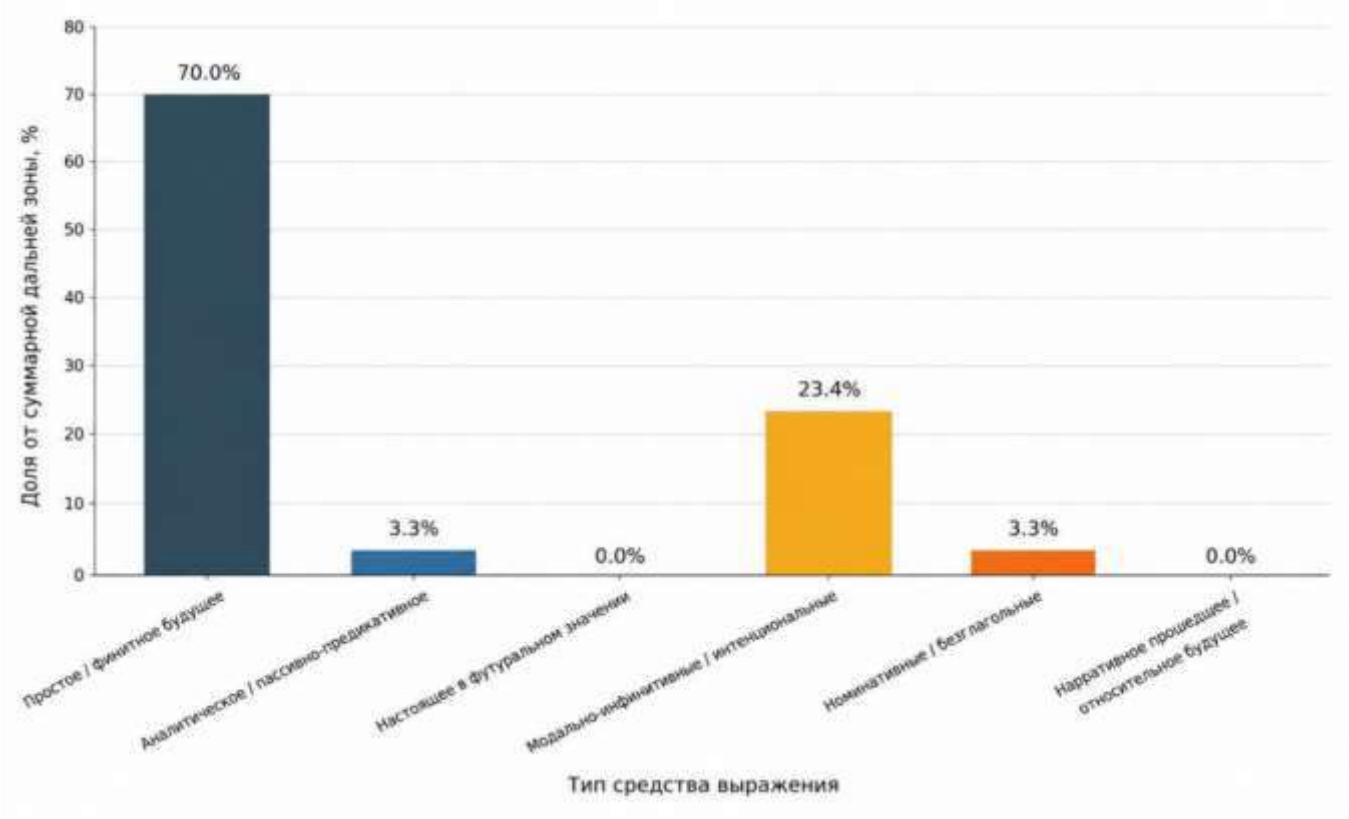

Рисунок 12 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне дальней дистантности в турецком языке

Представленные на рисунке 12 данные показывают, что в дальней футуральной зоне турецкого языка явно доминирует простое / финитное будущее — 70,0 %. Это свидетельствует о том, что отдалённая перспектива чаще всего выражается прямой грамматической формой будущего времени, прежде всего конструкциями «с –(y)AcAk». Вторую позицию занимают модально–инфинитивные / интенциональные конструкции — 23,4 %, что указывает на значимость прогноза, плана, возможности и намерения при описании удалённых будущих событий. Аналитические / пассивно–предикативные и номинативные / безглагольные модели представлены минимально — по 3,3 %. Настоящее в футуральном значении и нарративное прошедшее / относительное будущее на суммарном рисунке не образуют самостоятельной доли — 0,0 %. Таким образом, дальняя зона будущего в турецком языке имеет выраженное морфологическое ядро, но дополнительно поддерживается модальными и предикативными средствами.

2.2.3. Средства ближней, средней и дальней дистантности в татарском языке

В татарском языке будущее время не образует единой и однородной категории. Оно представляет собой многослойную систему, в которой временная удаленность действия от момента речи сочетается с ожиданием, вероятностью, намерением и оценочной позицией говорящего. Поэтому футуральность в данном случае целесообразно рассматривать не только как морфологическую категорию, но и как функционально–семантическую область, формируемую временными наречиями, эпистемическими модальными словами, аналитическими глагольными конструкциями и контекстом [120, с. 43–48; 175, с. 89–95; 123, с. 312–320].

В данной работе значение будущего времени в татарском языке рассматривается в рамках трех временных зон: ближайшее, среднее и отдаленное будущее. Ближайшее будущее охватывает интервал от момента речи примерно до двадцати четырех часов и связано с действиями, воспринимаемыми как подлежащие скорой реализации. Среднее будущее включает период от двадцати четырех часов до одного года; здесь событие уже отдалено от момента речи, но еще

осмысляется в пределах плана, намерения, ожидания или прогноза. Отдаленное будущее относится к периоду после одного года и обычно связано с обобщенной перспективой, долгосрочными планами, стратегической направленностью или длительными процессами изменения.

Такое трехчастное разграничение позволяет последовательно упорядочить языковые средства по степени временной дистанции. Ближайшее будущее строится на временной близости и высокой ожидаемости; среднее будущее опирается на вероятность, прогноз и планирование; отдаленное будущее чаще связано с потенциальностью, качественной характеристикой и смещением перспективы контекстом [120, с. 43–48; 175, с. 89–95; 123, с. 312–320]. В «Татар грамматикасы» временные отношения рассматриваются в рамках синтаксических связей и обстоятельственных значений, что позволяет учитывать не только морфологические формы, но и контекстуальные средства выражения времени [72, с. 280–310].

В зоне ближайшего будущего действие мыслится как непосредственно предстоящее или максимально приближенное к моменту речи. Такой смысл может усиливаться лексическими средствами временной близости: наречия и обстоятельственные показатели типа «тиздән» 'скоро' и «бераздан» 'чуть позже' помещают действие в ближайшую точку после момента речи и подчеркивают приближающийся характер события [37, с. 3971–3975]. Модальные элементы «әле» 'әле' и «инде» 'инде' усиливают значение ожидания, неизбежности или высокой вероятности, поэтому событие воспринимается как почти наступившее [84, с. 54–60]. Аналитические конструкции с глаголами движения, например «–п кит–» '–п кит–', «–п чык–» '–п чык–', «–п бар–» '–п бар–', также могут создавать ощущение ближайшего будущего: вспомогательный компонент указывает на новую фазу, начинающуюся сразу после обозначенного действия [34, с. 292–302].

В этой же зоне особое значение имеет форма «–асы / –әсе» '–асы / –әсе'. Она кодирует действие, которое еще не осуществилось, но ожидается, считается обязательным или воспринимается как неизбежное. Субстантивированное и предикативное употребление этой формы позволяет представить действие как

«дело, которое следует сделать»; будущая направленность здесь строится не столько через календарную удаленность, сколько через порог завершенности и значение необходимости, выражаемое термином «кирәклек». Поэтому «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' в ближайшем будущем формирует высокообязательную и целенаправленную ориентацию.

Среднее будущее обозначает действие, которое уже не относится к непосредственному моменту, но еще не переносится в неопределенно далекую перспективу. Оно обычно выражается через эпистемические модальные элементы и аналитические конструкции. Слова «бәлки» 'может быть', «мөгаен» 'вероятно', «ихтимал» 'вероятно', «күрәсең» 'видимо' переводят будущее в плоскость вероятности и предположения; в таком употреблении будущее значение прямо связано с уровнем знания и оценкой говорящего [117, с. 176–181; 162, с. 24–33]. Аналитические конструкции с «бул–» задают рамку ожидания, прогноза и предположения, поэтому будущее значение возникает не только из временного аффикса, но и из модальной организации высказывания [75, с. 82–99]. Формы настоящего времени также могут получать значение среднего будущего, если временное наречие или контекст позволяют интерпретировать действие как план или намерение [123, с. 315–318].

На уровне среднего будущего форма «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' выражает запланированные или намеченные действия, временные рамки которых еще не полностью определены. Здесь на первый план выходят намерение, обязанность и программа действия, а не сиюминутное ожидание. По мере увеличения временной дистанции эта форма теряет свое функциональное ядро и уступает место более категоричным средствам, прежде всего конструкциям на основе «–ачак / –әчәк» '–ачак / –әчәк'. Сравнительные данные по современным тюркским языкам показывают, что формы типа «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' обычно связаны с запланированными, обязательными или намеченными действиями, тогда как категорическое и отдаленное будущее чаще формируется средствами, восходящими к «–acak / –ecek» '–аджак / –эджек' [157, с. 34–35].

Отдаленное будущее охватывает ситуации, когда действие отнесено к неопределенной или временно удаленной точке после момента речи. В этой зоне будущее нередко представляется не как точная дата, а как потенциальное свойство, роль или ожидаемая судьба субъекта. Конструкции с причастием на «–р / –ыр» '–р / –ыр' кодируют не столько событие, сколько возможность или функцию, которая может быть реализована позднее [32, с. 35–38]. Конструкции со смещением перспективы, например «–р ide» '–р иде' и «–ачак ide» '–ачак иде', выражают будущее с точки зрения прошлого; оно может быть нереализованным, предположительным или контрфактическим [120, с. 108–111].

Форма «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' в современном казанско–татарском литературном языке функционирует на двух взаимосвязанных уровнях: в системе неличных форм глагола и в предикативно–модальных конструкциях. На уровне причастия она традиционно оценивается как причастие будущего времени и выполняет атрибутивную функцию, обозначая предмет через действие, отнесенное к будущей перспективе: «kiläse keşe» 'будущий человек' [71, с. 235–236; 93, с. 157]. Однако в таком употреблении форма не образует самостоятельной спрягаемой временной категории, а остается внутри системы причастий и других неличных форм глагола. В историко–функциональном плане «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' также сближается с инфинитивными значениями, поскольку может обозначать процесс, соотносимый с инфинитивом на «–ырга / –ергә» '–ырга / –ергә', но при этом сохраняет модальный оттенок долженствования [93, с. 157–159].

На предикативном уровне конструкции с «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' выступают как модальные предикации необходимости, обязанности, намерения и ожидаемого действия. Изолированная форма «barası» 'барасы' передает значение обязательности 'надо идти'; конструкция «irtägä eşkä barası tügĭl» 'иртәгә эшкә барасы түгел' выражает отрицание будущей обязанности или отсутствие необходимости выполнить действие. Формы «–асы иде» '–асы иде' и «–асы түгел иде» '–асы түгел иде' переносят необходимость в прошлую точку отсчета и передают значения 'надо было' и 'не надо было' [71, с. 171]. В этом случае футуральность возникает не из специального аффикса будущего времени, а из семы

предстояния и обязательности: действие мыслится как такое, которое должно быть выполнено после момента речи или относительно иной референциальной точки. Поэтому форма «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' поддерживает модель, в которой будущее значение формируется через взаимодействие времени, модальности и направленности действия [95, с. 149–150].

Особое значение имеют конструкции «–асы бар» '–асы бар', «–асы юк» '–асы юк' и «–асы түгел» '–асы түгел', поскольку они показывают, что предстоящее действие может быть представлено через наличие или отсутствие модально маркированной перспективы. Конструкция «–асы бар» '–асы бар' усиливает значение обязательности или предстоящего действия, тогда как «–асы юк» '–асы юк' и близкая ей форма «–асы түгел» '–асы түгел' выражают отсутствие намерения, отказ от будущего действия или отрицание его реализации [71, с. 128, 171–172]. В диалектном материале формы «–асы» '–асы', «–ачак» '–ачак' и «–малы» описываются как конкурентные средства по отношению к форме будущего времени на «–ыр»; их активность зависит от конкретной говорной зоны и входит в систему диалектной вариативности татарского индикатива [95, с. 193; 96, с. 114–123].

Отдельную группу образуют конструкции семейства «–асы бул–» '–асы бул–', в которых значение необходимости соединяется с планированием, предположением и умозаключением. Форма «–асы була» '–асы була' выражает запланированную или ожидаемую необходимость, «–асы булыр» '–асы булыр' – предположительную необходимость, а «–асы булгач» '–асы булгач' – причинное обоснование необходимости. Формы «–асы булган» '–асы булган', «–асы калган» '–асы калган' и «–асы гына калган» '–асы гына калган' обозначают нереализованную необходимость, упущенную возможность или предельную близость действия к осуществлению [71, с. 171–172]. Следовательно, форму «–асы / –әсе» '–асы / –әсе' следует понимать не как ядро актуальной категории будущего времени, а как периферийный источник футурально–модального значения, возникающего через цепь «причастие / инфинитивное значение → предикативизация → модальность» [71, с. 235–236; 93, с. 157–159; 95, с. 193; 96, с. 114–123].

Модальность и наклонение также участвуют в формировании футуральности в татарском языке. В татарской грамматической традиции модальность понимается как отношение содержания высказывания к действительности через оценку говорящего, тогда как наклонение рассматривается как морфологическое выражение этой оценки. Изъявительное наклонение представляет действие как реальное; повелительное, желательное, условное и сослагательное наклонения переводят его в сферу нереализованного, потенциального или желаемого. Особенно показательно повелительное наклонение, которое без специальных временных показателей помещает действие после момента речи. Аналитическая форма «–а торган иде» '–а торган иде' показывает, что временная перспектива может быть встроена в повествование через нарративный сдвиг [71, с. 125–129, 140–143].

Одним из центральных средств выражения долженствования в современном татарском литературном языке является конструкция «инфинитив + tieş» 'инфинитив + тиеш'. Формы «–rga / –maska tieş» '–рга / –маска тиеш' с компонентами ide и bul– рассматриваются как наиболее употребительное выражение необходимости. Конструкции типа «–rga it–» '–рга ит–', «–rga tor–» '–рга тор–', «–rga yör–» '–рга йөр–' создают будущую направленность через значения решения, цели, порога и намерения. В зависимости от контекста формы на «–ачак» '–ачак' и «–ачак ide» '–ачак иде' также могут выражать долженствование и неизбежность. Следовательно, будущее значение формируется не только спрягаемыми формами «–ачак / –әчәк» '–ачак / –әчәк' и «–р / –мас» '–р / –мас', но и модальностью необходимости, сожаления, категорического отрицания и порога завершенности [71, с. 128, 171–172].

Модальность возможности, намерения и предположения формирует еще один устойчивый слой футуральности. Возможность выражается моделями «деепричастие на «–а / –ә, –ый / –и + ал– / алма–», а также конструкциями «–п бул– / –п булма–, –рга бул– / –маска бул– и –са була». В этих случаях будущее действие оценивается по шкале осуществимости или неосуществимости. Намерение передается формой «–макчы» '–макчы' и инфинитивными конструкциями, включая

«–рга булды», где будущее осмысляется как план, решение или сознательный выбор. Предположение переносит футуральность в эпистемическую плоскость: формы типа «–а / –ә, –ый / –и + торган + –дыр», а также сочетания «с бәлки, мөгаен, булса кирәк, шаять и булыр» выражают вероятное или умозаключаемое будущее. Поэтому «ал–, бул–, торган + –дыр / икән», «–макчы» '–макчы' и другие аналитико–модальные средства следует рассматривать как ядерные элементы футуральной системы [71, с. 165–166, 171–172].

Условное наклонение, основным показателем которого является форма «–са / –сә» '–са / –сә', формирует структуру «условие + следствие». Временная отнесенность обычно определяется не самой формой условия, а аподозисом и контекстом, поэтому футуральность строится через модальность и степень реализации действия [71, с. 152–156]. Система условных конструкций включает реальные, гипотетические и нереализовавшиеся условия [71, с. 156–160]. При реальном условии будущая направленность обычно создается формами аподозиса: «–р / –мас» '–р / –мас', –ачак, настоящим временем с будущей референцией или императивом [71, с. 158–159]. При гипотетическом условии используются «–са / –сә» '–са / –сә', –ган булса, –асы булса», а в аподозисе типичны «–р ide», «–ачак ide» '–ачак иде', «–ган булачак ide»; будущее здесь имеет прогностический и гипотетический характер [71, с. 160–162]. При нереализовавшемся условии формы «–са ide, –ган булса, –асы булса ide, –р ide», «–ачак ide» '–ачак иде', «–ган ide, –а ide и –ган булыр ide» создают контрфактическую перспективу прошлого [71, с. 162–166].

Причастия будущего времени, обозначаемые как «киләчәк заман сыйфат фигыль» 'причастие будущего времени', требуют отдельного рассмотрения, поскольку они связывают хронологическое значение будущего с субстантивированным действием, квалификацией и модальной оценкой. В анализируемом грамматическом описании эта область организована вокруг трех структур: «–р, –асы и –ачак» [71, с. 230–245]. Причастие на –р является древнейшим и наиболее распространенным типом; оно выражает не прямое «будущее событие», а направленную вперед потенцию. В конструкциях «җөрер ат

и барыр юл футуральность» строится через отношение имя–действие, то есть как возможное свойство, функция или назначение [71, с. 231–235].

Причастие на «–асы» прежде всего ориентировано на модальность будущей направленности. В конструкциях «аласым бар, аласым килә, аласым иде и карарга барасы юлларым бар» будущее выражается как необходимость, намерение, желание или нереализованное желание [71, с. 236–240]. Наиболее явным носителем будущей направленности является причастие на «–ачак», представляющее действие как определенное, запланированное и ожидаемое. При этом и эта форма включает оттенки уверенности и ожидаемости, а также может субстантивироваться, обозначая абстрактное понятие будущего. Система –р, «–асы и –ачак» показывает, что будущее в татарском языке кодируется как потенция, обязанность, намерение, желание или ожидаемое событие [71, с. 227–229, 230–245].

Инфинитив на «–rga / –rgä» также формирует направленность на будущее. Не имея временного спряжения, он помещает действие в сферу цели, необходимости или намерения. В конструкции «Барырга кирәк» будущее возникает через деонтическую модальность; в сочетании «Утын әзерләргә киттеләр.» инфинитив обозначает цель действия, которое еще предстоит реализовать. Сходным образом причастие на «–r / –ır / –er» в сочетаниях «Әйтер сүз, Барыр юл, Булыр кеше.» переносит внимание с вопроса «когда?» на вопрос «что или каким будет?». В обороте «–r хәл юк» форма может утрачивать собственно темпоральность и выражать абсолютную невозможность действия [71, с. 227–229, 259].

Смещение точки отсчета является еще одним способом выражения будущего. Формы «–r ide» '–р иде' и «–ачак ide» '–ачак иде' показывают будущее, рассматриваемое из прошлого, особенно в предположительных, условных и ирреальных контекстах. Поэтому будущее значение строится по трем связанным осям: модальная направленность, качественный потенциал и нарративно–перспективная проекция из прошлой точки отсчета [71, с. 154–156, 227–229, 259]. В конструкциях «инфинитив + модальный элемент» формы «–rga / –mak + kiräk» '–рга / –мак + кирәк' создают значение 'надо сделать'; «–rga kiräk ide, –rga kiräk tügĭl ide» и «–rga kiräk bulğan» привязывают необходимость к прошлой точке отсчета, а

«–rga ide» '–рга иде' передает значения 'должен был сделать' или 'следовало бы сделать' [71, с. 171].

Аналитические глагольные конструкции показывают, что футуральность создаётся не только морфологическими показателями времени, но и направленностью действия в дискурсе. В системах со вспомогательными глаголами движения, например «–п кит–» '–п кит–', «–п бар–» '–п бар–', «–п чык–» '–п чык–', «–п кер–» '–п кер–', действие даже при формальной связи с прошедшим или настоящим временем получает проспективную перспективу. Конструкции «эшләп китте, аңлатып чык–, кайтып китә, менеп бара, карап чык, кунып китте» представляют событие как этап, открывающий дальнейшее развитие, результат или новое состояние [70, с. 259–260; 77, с. 41–45].

Лексические и дискурсивные средства также играют существенную роль. Временные наречия позиционируют действие относительно момента речи независимо от формального времени глагола. В татарской грамматической традиции они определяются как слова, обозначающие признак, не связанный с процессом, в том числе время; это указывает на их способность организовывать футуральность вне системы глагольных аффиксов [71, с. 319]. Наречия «иртәгә, тиздән, бераздан» самостоятельно формируют будущую перспективу: «иртәгә» локализует действие после момента речи, «тиздән» обозначает ближайшее и ожидаемое будущее, а «бераздан» указывает на отсроченное, но неопределенное последование. В сочетании «с әле и инде» эта направленность получает оттенки незавершенности, ожидания или неизбежности; в сочетании с «бәлки, мөгаен, ихтимал, күрәсең» будущее переносится в плоскость вероятности и предположения [71, с. 319–320, 340–343].

Таким образом, футуральность в татарском языке выражается не только спрягаемыми формами будущего времени, но и системой лексических временных локализаторов, которые варьируют определенность, ожидаемость и вероятность события [71, с. 340]. Формула «будущее время = время + модальность + направленность» подтверждается именно этим взаимодействием морфологии,

лексики, модальной оценки и дискурсивного контекста [71, с. 319–320, 340–343, 365].

В рамках функционально–семантического подхода временное значение определяется не изолированно, а не только формой глагола, но и его функцией в предложении, а также контекстом употребления. Поэтому будущее в татарском языке может возникать через ориентацию на результат, ожидание, предположение и оценку; формы настоящего времени в определенных условиях также получают проспективное значение [71, с. 101, 104]. Исторические грамматические описания дополняют эту картину: ранние источники фиксируют разнообразие простых и аналитических форм в повествовательной, условной и желательной сферах, что указывает на системную роль смещения перспективы и модальной переинтерпретации [12, с. 17–85, 90–96].

Особенно отчетливо взаимодействие грамматических и лексических средств проявляется в зоне ближайшего будущего. Г. Ф. Лутфуллина определяет ближайшее будущее как интервал, равный одному дню, следующему за моментом речи, и относит к его лексическим индикаторам формы типа «иртәгә» 'завтра', «бер сәгатьтән» 'через час', «ике сәгатьтән» 'через два часа', «дүрт сәгатьтән» 'через четыре часа' [37, с. 3973]. В исследовании также показано, что данные локализаторы сочетаются с разными формами будущего времени и тем самым уточняют степень дистантности и модальную оценку реализации действия [37, с. 3973–3974]. На прагматическом уровне формы будущего входят в речевые акты обещания, прогноза, приказа, угрозы и проспективной похвалы; поэтому они функционируют не только как временные, но и как модальные и дискурсивно–акциональные средства [40, с. 5334–5339].

Для описания будущей дистантности существенно, что в татарском языке различаются абсолютные и относительные формы времени. К абсолютным формам авторы относят, в частности, будущее определенное, тогда как будущее неопределенное и будущее незаконченное рассматриваются в системе относительных временных форм [46, с. 74–75]. В итоге будущее время в татарском языке следует понимать как многослойное функционально–семантическое поле,

конструируемое на пересечении временной дистанции, модальной оценки, направленности действия и дискурсивной перспективы.

«Иртәгә» 'завтра' является одним из основных показателей ближайшей футуральной зоны в татарском языке. Оно обозначает действие, реализация которого ожидается в пределах ближайших суток, и поэтому занимает центральное место среди средств выражения непосредственного будущего. В анализ были включены первые 100 контекстов из корпуса «Туган Тел Татар Корпусы», содержащие данное наречие.

В рассмотренной выборке преобладает простая форма «иртәгә» 'завтра': она зафиксирована в 90 случаях, что составляет 90,0 % материала. Усиленная форма «иртәгә үк» 'уже завтра / прямо завтра' представлена 7 примерами, 7,0 %, а уточненное сочетание «иртәгә иртән» 'завтра утром' – 3 примерами, 3,0 %. Форма «иртәгә кич» 'завтра вечером' в данной подвыборке не обнаружена.

Таким образом, ядром ближайшей футуральной зоны выступает немаркированное наречие «иртәгә» 'завтра'. Его варианты уточняют базовое значение: «иртәгә үк» 'уже завтра / прямо завтра' усиливает срочность и непосредственность действия, а «иртәгә иртән» 'завтра утром' ограничивает будущую ситуацию утренним интервалом следующего дня.

(155) «**Иртәгә иртән** форум кысаларында „түгәрәк өстәл“ләр үткәреләчәк.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 29.11.2009, http://tat.tatar–inform.ru/] ‘**Завтра** утром в рамках форума будут проведены «круглые столы».’

В примере (155) наречное сочетание «иртәгә иртән» ‘завтра утром’ формирует суженный контекст ближайшего будущего. Форма «үткәреләчәк» ‘будут проведены’ содержит показатель будущего времени «–ачак/–әчәк» ‘–ачак/–әчәк’. Следовательно, будущность маркируется одновременно лексически и морфологически: временной локализатор задаёт ближайший интервал, а глагольная форма обозначает запланированное действие.

(156) «**Иртәгә** Мәскәүдә „Бердәм Россия“ партиясенең XIII съезды була.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 25.05.2012, http://tat.tatar–inform.ru/] ‘**Завтра** в Москве состоится XIII съезд партии «Единая Россия».’

В примере (156) форма «була» относится к настояще–будущему употреблению. Наречие «иртәгә» ‘завтра’ переносит временную референцию в следующий день, поэтому высказывание описывает календарно запланированное событие. Такой тип можно определить как настояще–будущую форму с футуральной референцией.

(157) «**Иртәгә** кире китәм, котылырсың.» [ТТК–Аманулла, Җәйге кырау] ‘**Завтра** я уеду обратно, избавишься от меня.’

В примере (157) форма «китәм» является формой настоящего времени первого лица единственного числа. Однако в сочетании с наречием «иртәгә» ‘завтра’ она получает значение ближайшего будущего. Футуральность создаётся взаимодействием временного локализатора, контекста и намерения говорящего.

(158) «— Болай да нервлар какшап бетте, **иртәгә** безнең кафега ревизорлар килергә тиеш.» [ТТК–Заһид Мәхмүди, Серле кунак] ‘— Нервы и без того расшатаны, **завтра** в наше кафе должны прийти ревизоры.’

В примере (158) сочетание «килергә тиеш» ‘должны прийти’ представляет собой модально–инфинитивную конструкцию со значением долженствования или ожидаемости. Наречие «иртәгә» ‘завтра’ локализует это долженствование в пределах ближайших суток, поэтому будущее значение выражается лексико–модальной структурой.

(159) «**Иртәгә үк** больницага китәрбез.» [ТТК–Аманулла, Җәйге кырау] ‘Уже **завтра** мы поедем в больницу.’

В примере (159) форма «иртәгә үк» ‘уже завтра / прямо завтра’ усиливает значение непосредственности и срочности. Частица «үк» придаёт наречию выделительно–усилительный оттенок. Глагольная форма «китәрбез» относится к синтетической форме будущего времени и в данном контексте выражает решительное предстоящее действие.

(160) «**Иртәгә** — эш көне.» [ТТК–Айгөл Юлъякшина, Яңа ел Яңавыл белән башланды, http://kiziltan.ru/] ‘**Завтра** — рабочий день.’

В примере (160) отсутствует явная глагольная форма, а предикативность выражена именной группой. Тем не менее наречие «иртәгә» ‘завтра’ помещает

высказывание в ближайшую футуральную зону. Следовательно, ближайшее будущее может кодироваться и безглагольной номинативной конструкцией.

Рассмотренный материал показывает, что «иртәгә» ‘завтра’ является сильным лексическим маркером ближайшего будущего. Оно может сочетаться с формой на «–ачак/–әчәк» ‘–ачак/–әчәк’, настояще–будущими формами, модально–инфинитивными структурами и именными предложениями. Поэтому ближайшая футуральная зона в татарском языке формируется не только морфологически, но и через взаимодействие временного наречия, сказуемого и синтаксической организации высказывания.

«Бераздан» ‘спустя некоторое время / вскоре’. В татарском языке данное наречие обозначает краткую отсрочку и выступает одним из показателей ближайшей футуральной зоны. В анализ были включены 100 корпусных контекстов. В большинстве случаев наречие употребляется в немодифицированной форме: «бераздан» зафиксировано в 94 примерах, то есть в 94,0 % материала. Уточняющие варианты «бераздан инде» ‘уже скоро’, «бераздан соң» ‘немного позже’, «бераздан гына» ‘совсем скоро’ и «тагын бераздан» ‘ещё немного погодя’ встречаются значительно реже и передают дополнительные оттенки близкой реализации или краткого ожидания.

По позиции в предложении «бераздан» чаще всего занимает начальное место – 70 примеров, 70,0 %; в середине предложения оно отмечено в 20 случаях, 20,0 %; после связующего элемента – в 10 случаях, 10,0 %. Распределение по типам предикатов показывает, что наиболее продуктивными являются формы настоящего времени с футуральной референцией – 32 примера, 32,0 %, нарративное последовательное прошедшее – 30 примеров, 30,0 %, и аналитические / перифрастические конструкции – 25 примеров, 25,0 %. Эксплицитное будущее время встречается реже – 6 примеров, 6,0 %.

Таким образом, «бераздан» задаёт ближайшую временную перспективу, однако футуральное значение формируется не только самим наречием, но и типом предиката. Поэтому ближайшее будущее при «бераздан» выражается через взаимодействие лексического локализатора, грамматической формы и контекста.

Анализ употреблений «бераздан» показывает, что это наречие выступает устойчивым и частотным маркером ближайшего будущего в татарском языке: из 100 рассмотренных контекстов 94 приходятся на немодифицированную форму, тогда как варианты «бераздан инде», «бераздан соң», «бераздан гына» и «тагын бераздан» лишь уточняют значения пороговой близости, краткой задержки и дополнительного ожидания. Его футуральная семантика формируется не по единой морфологической модели, а во взаимодействии с разными предикативными структурами, прежде всего с настоящим временем с футуральной референцией, нарративным последовательным прошедшим и аналитическими, или перифрастическими, конструкциями. Поэтому «бераздан» обозначает не просто следование события после момента речи, а короткую отсрочку и высокую ожидаемость его реализации, подтверждая, что ближайшее будущее в татарском языке формируется на пересечении временной дистанции, модальности и направленности действия.

(161) «**Бераздан** Шәүкәт керә.» [ТТК–Аманулла. Җәйге кырау. v04/1_1201_0_1.txt] ‘**Скоро** входит Шавкат.’

В примере (161) глагольная форма «керә» морфологически относится к настоящему времени, однако в сочетании с темпоральным наречием «бераздан» ‘спустя некоторое время / вскоре’ обозначает действие, ожидаемое после краткого интервала. Такая структура представляет модель настоящего времени с футуральной референцией.

(162) «**Бераздан** без аның белән рәхәтләнеп сөйләшеп бара идек инде.» [ТТК–Зәһид Мәхмүди. Серле кунак. v04/1_3807_0_1.txt] ‘**Немного спустя** мы уже шли и приятно беседовали с ним.’

В примере (162) составное сказуемое «сөйләшеп бара идек» выражает процессуальность и протяжённость действия в прошедшей повествовательной рамке. Наречие «бераздан» ‘немного спустя’ помещает событие в последующий этап рассказа, поэтому формируется значение нарративной последовательности с внутритекстовой проспективностью.

(163) «**Бераздан** миңа хәбәр итәрсең.» [ТТК–Гыйззәт. Сайланма әсәрләр 2 том. v04/1_4709_0_1.txt] ‘**Чуть позже** ты мне сообщишь.’

В примере (163) форма «итәрсең» содержит показатель будущего времени «–ыр/–ер» ‘–ыр/–ер’ и личное оформление адресата. Наречие «бераздан» ‘чуть позже’ уточняет ближайшую временную дистанцию и усиливает значение краткой отсрочки.

(164) «**Бераздан** миңа әйләнеп кер әле.» [ТТК–Гыйззәт. Сайланма әсәрләр 2 том. v04/1_4709_0_1.txt] ‘**Немного позже** зайди ко мне.’

В примере (164) футуральность создаётся повелительной формой «кер» и частицей «әле», а не специальным аффиксом будущего времени. Наречие «бераздан» ‘немного позже’ задаёт краткое временное смещение действия и формирует императивно–модальную модель ближайшего будущего.

(165) «**Бераздан соң** булыр!» [ТТК–Батулла Рабит. Алтын куллы Гөлчәһрә. v04/1_3460_0_1.txt] ‘**Немного позже** будет!’

В примере (165) аналитический вариант «бераздан соң» ‘спустя некоторое время / немного позже’ сочетается с формой «булыр», относящейся к настояще–будущему времени. Сочетание этих элементов ясно выражает реализацию действия после непродолжительной отсрочки.

Рассмотренный материал показывает, что «бераздан» ‘спустя некоторое время / вскоре’ является лексическим маркером краткой отсрочки. Оно способно формировать ближайшую футуральную перспективу с настоящим временем, будущим временем, повелительными формами, аналитическими конструкциями и нарративным прошедшим, а конкретное прочтение определяется взаимодействием наречия, предиката и контекста.

«Тиздән» ‘вскоре’ является одним из основных лексических показателей ближайшего будущего в татарском языке. Корпус «Туган Тел Корпусы» содержит 2906 употреблений данной единицы; для анализа была сформирована рабочая выборка из 100 контекстов, которая рассмотрена полностью.

В выборке явно доминирует простая форма «тиздән» ‘вскоре’: она зафиксирована в 96 примерах, то есть в 96,0 % материала. Уточняющие варианты

встречаются единично: «бик тиздән» ‘очень скоро / совсем скоро’ – 2 примера, «менә тиздән» ‘вот скоро / вот–вот’ – 1 пример, «шунда ук тиздән» ‘сразу же вскоре’ – 1 пример. Эти формы усиливают значение близости, срочности или непосредственного следования.

С точки зрения предикативного оформления «тиздән» чаще всего сочетается с синтетическими формами будущего времени – 34,0 %, а также с формами настоящего / настояще–будущего времени с футуральной референцией – 28,0 %. Модальные и интенциональные конструкции составляют 20,0 % материала. Остальные случаи представлены безглагольными, нарративными и контекстуально–проспективными моделями.

Таким образом, «тиздән» не привязано к одной грамматической форме. Оно выступает ближайшим темпоральным локализатором и переносит действие или состояние в короткий интервал после точки отсчёта.

(166) «Шундый ук сүзлек **тиздән** татар телендә дә басылып чыгачак.» [ТТК–Шәфыйков Ягъсуф Долмаганович. БЕР ОЧРАШУ – БЕР ГОМЕР] ‘Такой же словарь **скоро** выйдет и на татарском языке.’

В примере (166) наречие «тиздән» ‘вскоре’ локализует действие в зоне ближайшего будущего. Форма «басылып чыгачак» содержит показатель будущего времени «–ачак» ‘–ачак’ и обозначает ожидаемую реализацию уже намеченного действия. Следовательно, будущность маркируется одновременно лексически и морфологически.

(167) «Менә мин **тиздән** өйләнәм.» [ТТК–Эльвира ФАТЫЙХОВА. Кияүгә чыгармынмы?] ‘Вот я **скоро** женюсь.’

В примере (167) форма «өйләнәм» относится к настояще–будущему времени. В сочетании с наречием «тиздән» ‘вскоре’ она получает отчётливое футуральное прочтение, а частица «менә» усиливает ощущение приближения события.

(168) «**Тиздән** ике яңа автобус кайтырга тиеш, һәм администрация туларның берсен Сәйдәшевкә бирергә дип карар кылган икән.» [ТТК–Адлер ТИМЕРГАЛИ**Н**. ИГЕЗӘКЛӘР] ‘**Скоро** должны прибыть два новых автобуса, и администрация, оказывается, решила отдать один из них Сайдашеву.’

В примере (168) будущее значение создаётся модально–предикативной конструкцией «кайтырга тиеш» ‘должны прибыть’. Наречие «тиздән» ‘вскоре’ задаёт ближайший временной горизонт и связывает долженствование с коротким интервалом после точки отсчёта.

(169) «**Тиздән** Дәүләт Думасына сайлаулар, мартта – Россия президенты сайлаулары.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 01.12.2011] ‘**Скоро** выборы в Государственную думу, в марте – выборы президента России.’

В примере (169) отсутствует личная глагольная форма, а футуральная перспектива задаётся именными группами в сочетании с наречием «тиздән» ‘вскоре’. Такая структура показывает, что ближайшее будущее может выражаться и номинативной конструкцией.

(170) «**Тиздән** Урал ягы сөргеннән әтисенең сеңлесе Гайшә апа кайтты һәм Юнысның абыйсының үлгәнлеге турында хәбәр итте.» [ТТК–Шәфыйков Ягъсуф Долмаганович. БЕР ОЧРАШУ – БЕР ГОМЕР] ‘**Вскоре** из уральской ссылки вернулась сестра его отца, тётя Гайша, и сообщила о смерти брата Юнуса.’

В примере (170) форма «кайтты» стоит в прошедшем времени, поэтому речь идёт не о прямой дейктической футуральности. Наречие «тиздән» ‘вскоре’ обозначает ближайшее следование события внутри повествования.

Рассмотренный материал показывает, что «тиздән» ‘вскоре’ является гибким локализатором ближайшего будущего. Оно сочетается с синтетическим будущим временем, настояще–будущими, модальными и именными структурами, а в нарративных контекстах может обозначать ближайшее следование относительно внутренней точки отсчёта.

«Сәгатьтән соң» ‘через час / спустя час’. в татарском языке функционирует как аналитический темпоральный локализатор ближайшего будущего. В отличие от простых наречий типа «иртәгә» ‘завтра’ или «тиздән» ‘вскоре’, данная модель обозначает не общий будущий горизонт, а количественно измеряемую краткую отсрочку.

Материал включает 100 контекстов. Из них 93 случая выражают интервал после определённого отрезка времени, а 7 случаев связаны с часовым рубежом.

Наиболее частотными являются модели «ярты сәгать» ‘полчаса’ – 18 контекстов, «1 сәгать» ‘один час’ – 17, «берничә сәгать» ‘несколько часов’ – 15 и «2 сәгать» ‘два часа’ – 11. Остальные варианты, включая «3 сәгать», «2–3 сәгать», «1,5 сәгать» и приблизительные выражения, представлены менее регулярно.

Таким образом, конструкции типа «сәгатьтән соң» прежде всего обслуживают измеримые короткие интервалы. Ближайшее будущее здесь выражается как событие, ожидаемое через ограниченное количество часов или после конкретного часового рубежа.

(171) «**Берничә сәгатьтән соң** чыгарга дип ишеккә килсә – тыш яктан бикләгәннәр.» [ТТК–Галимҗан Ибрахимов; «Инсаният – кешелек дөньясы»; ID 1503] ‘Когда он подошёл к двери, чтобы выйти **через несколько часов**, снаружи уже заперли.’

В примере (171) аналитическая конструкция «берничә сәгатьтән соң» ‘через несколько часов’ задаёт неопределённый, но краткий временной интервал. Форма «бикләгәннәр» оформлена прошедшим временем, поэтому речь идёт не о дейктическом будущем относительно момента речи, а об относительной проспективности внутри повествования. Конструкция указывает на последующее действие относительно внутренней точки отсчёта.

(172) «Әмма кыз моны җитди итеп кабул итми, **ярты сәгатьтән соң** дус кызы һәм ике егет компаниясендә йорт янында пәйда була.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; 08.06.2012; http://tat.tatar–inform.ru/; ID 1533] ‘Однако девушка не воспринимает это всерьёз и **через полчаса** появляется у дома с подругой и двумя парнями.’

В примере (172) выражение «ярты сәгатьтән соң» ‘через полчаса’ локализует действие в пределах точного краткого интервала. Форма «пәйда була» относится к настоящему / настояще–будущему времени и в повествовательном контексте обозначает последующее событие. Модель типична для ближайшей футуральной зоны, поскольку временная дистанция минимальна и количественно определена.

(173) «**Ике сәгатьтән соң** мин пионер булырмын.» [ТТК–**С. М**ихалков; «КЫЗЫЛ ГАЛСТУК (тәрҗемә)»; ID 7610] ‘**Через два часа** я стану пионером.’

В примере (173) выражение «ике сәгатьтән соң» ‘через два часа’ формирует точную краткосрочную перспективу, а форма «булырмын» содержит показатель будущего / настояще–будущего времени «–ыр» ‘–ыр’ и личное оформление первого лица. Будущность маркируется одновременно лексически и грамматически.

(174) «Коңгызларның зурлары барыбер үлми һәм **бер–ике сәгатьтән соң** кабат бәрәңге яфракларын ашый башлый», – ди Суходольская. [ТТК–Ландыш Харрасова; «Колорадо коңгызына каршы агудан кем күбрәк зарар күрә?»; 08.04.2009; http://www.azatliq.org/; ID 13713] ‘Крупные жуки всё равно не погибают и **через час–два** снова начинают есть листья картофеля’, – говорит Суходольская.

В примере (174) сочетание «бер–ике сәгатьтән соң» ‘через час–два’ выражает приблизительный, но количественно ограниченный интервал. Форма «ашый башлый» относится к настоящему / настояще–будущему времени и передаёт закономерно ожидаемое последующее действие. Футуральность поддерживается временным локализатором и обобщённо–прогностическим характером высказывания.

(175) «Кичке **23 сәгатьтән соң** тавышлану.» [ТТК–Мөнир Вафин; «Башкортстан депутатлары тәртип сакламакчы»; 17.05.2011; http://www.azatliq.org/; ID 13416] ‘Шум после **23 часов вечера**.’

В примере (175) конструкция «23 сәгатьтән соң» ‘после 23 часов’ обозначает не длительность, а временной порог. Предложение имеет именной характер и не содержит личной глагольной формы; последующий интервал задаётся самой пороговой конструкцией. Такое употребление связано с нормой или предписанием, действующим после указанного рубежа.

Материал показывает, что модель «сәгатьтән соң» выражает ближайшее будущее через измеримую краткую отсрочку. В отличие от общих наречий типа «иртәгә» ‘завтра’ и «тиздән» ‘вскоре’, она точно сужает временной горизонт. Пороговые варианты типа «23 сәгатьтән соң» ‘после 23 часов’ встречаются реже и обозначают начало интервала после заданного времени.

«Бүген» ‘сегодня’. В корпусной подвыборке ближайшего будущего наречие «бүген» ‘сегодня’ обозначает не только день речи, но и ещё не реализованную точку внутри текущего дня. Из первых 100 контекстов было выделено 12 проспективных употреблений: простая форма «бүген» ‘сегодня’ представлена в 8 случаях, 66,7 %, а уточняющие сочетания – в 4 случаях, 33,3 %. К ним относятся «бүген кич», «бүген, 8 нче июльдә», «бүген шоу кортка сәгать 11 гә» и «бүген 3 нче кортка сәгать 11 гә».

Наиболее продуктивной является модель настоящего или настояще–будущего времени с плановой референцией. В таких контекстах значение ближайшего будущего формируется за счёт сочетания дейктического наречия, календарной приуроченности и предикативной структуры.

(176) «№ 20 (23884), пәнҗешәмбе, 2 февраль, 2012 ел. **Бүген** укыгыз!» [ТТК–Источник: http://kiziltan.ru/] ‘№ 20 (23884), четверг, 2 февраля 2012 года. Читайте **сегодня**!’

В примере (176) значение ближайшего будущего реализуется через повелительное наклонение. Морфологический показатель будущего времени не используется, однако действие отнесено к ближайшему отрезку после момента речи. Наречие «бүген» ‘сегодня’ задаёт значение незамедлительности и актуальности в пределах текущего дня.

(177) «**Бүген**, 8 нче июльдә үткәрелмәгән түбәндәге матчлар узачак.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; http://tat.tatar–inform.ru/; 09.07.2013] ‘**Сегодня**, 8 июля, состоятся следующие матчи, не проведённые ранее.’

В примере (177) значение ближайшего будущего выражается синтетической формой будущего времени «узачак». Аффикс «–ачак» ‘–ачак’ прямо маркирует последующее действие, а наречие «бүген» ‘сегодня’ ограничивает его рамками текущего дня. В результате футуральность получает конкретную календарную локализацию.

(178) «Популяр иҗат коллективы **бүген кич** Миәсс шәһәрендә чыгыш ясый.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; http://tat.tatar–inform.ru/; 09.12.2009] ‘Популярный творческий коллектив **сегодня вечером** выступает в городе Миасс.’

В примере (178) значение ближайшего будущего формируется при участии формы «ясый», относящейся к настоящему или настояще–будущему времени. Сочетание «бүген кич» ‘сегодня вечером’ уточняет более поздний момент внутри того же дня. Поэтому конструкция интерпретируется как настоящее время с футуральной референцией и плановым значением.

(179) «3 нче корт Хам (Корея) – Хармат (Канада) – **бүген** 3 нче кортка сәгать 11 гә күчерелә.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; http://tat.tatar–inform.ru/; 09.07.2013] ‘Корт № 3: Хам (Корея) – Хармат (Канада) – переносится **сегодня** на корт № 3 на 11 часов.’

В примере (179) значение ближайшего будущего создаётся контекстуально, поскольку глагол «күчерелә» оформлен как форма настоящего времени страдательного залога. Указание «сәгать 11 гә» ‘на 11 часов’ конкретизирует момент, к которому действие ещё только должно быть осуществлено. Наречие «бүген» ‘сегодня’ связывает это запланированное действие с ближайшей временной перспективой внутри текущего дня.

(180) «**Бүген** Иске Победилово бистәсендә Бөек Ватан сугышында һәлак булучылар истәлегенә һәйкәл ачуга багышланган тантаналы митинг була.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; http://tat.tatar–inform.ru/; 20.04.2010] ‘**Сегодня** в посёлке Старое Победилово состоится торжественный митинг, посвящённый открытию памятника погибшим в Великой Отечественной войне.’

В примере (180) значение ближайшего будущего выражается через именную группу в сочетании с предикатом «бул+а». Конструкция опирается не столько на специальный показатель будущего времени, сколько на календарно заданный характер события. Наречие «бүген» ‘сегодня’ фиксирует событие как ожидаемое и предстоящее в пределах ближайшего временного интервала.

Рассмотренный материал показывает, что «бүген» ‘сегодня’ сохраняет дейктическое значение текущего дня, но в условиях планирования и календарной привязки приобретает проспективную функцию. В ближайшей футуральной зоне оно сочетается с императивом, формой на «–ачак» ‘–ачак’, настояще–будущими

формами и именными конструкциями. Следовательно, будущность в этой группе формируется лексико–контекстуально, а не только морфологически.

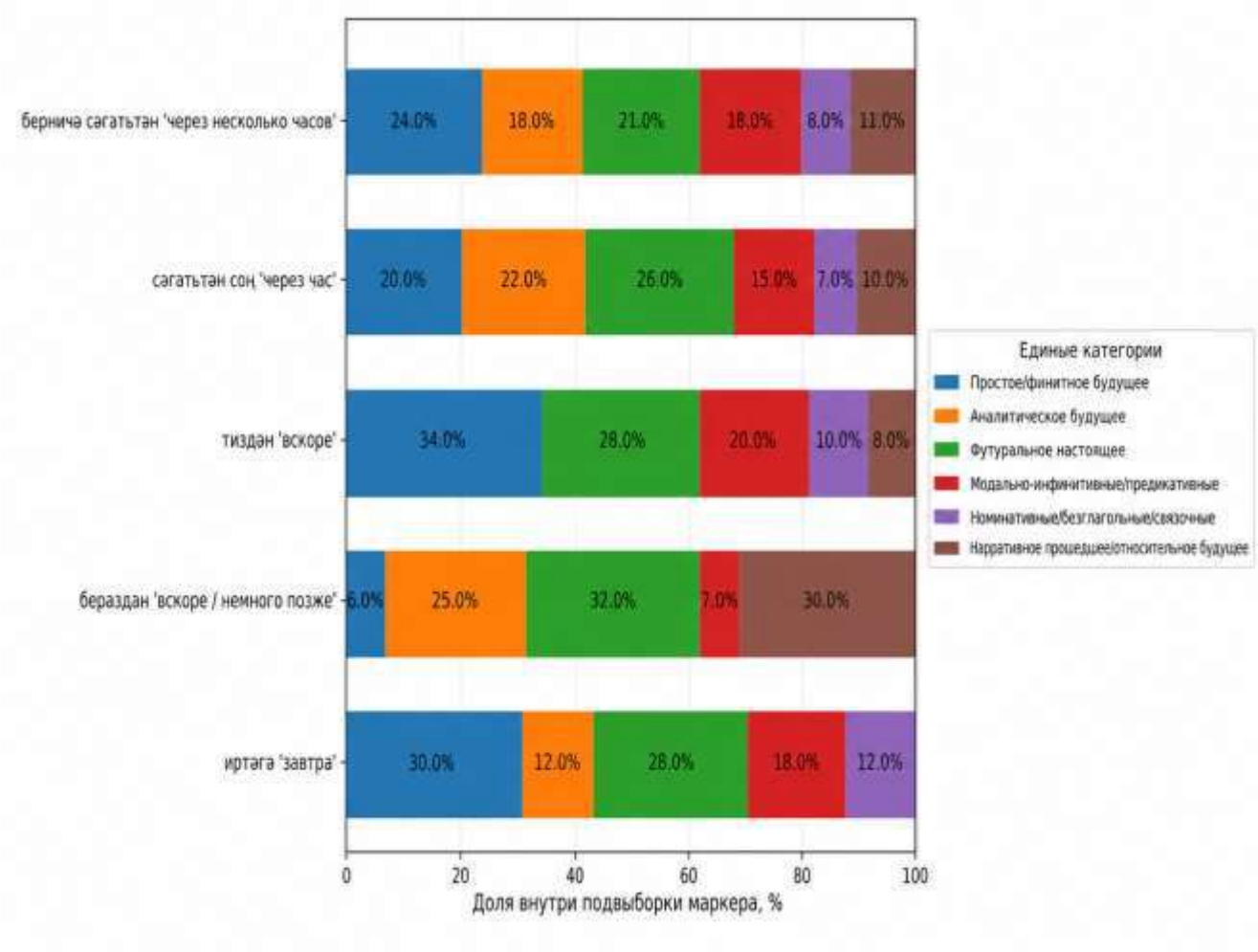

Рисунок 13 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне ближней дистантности в татарском языке

Представленные на рисунке 13 данные демонстрируют различия между отдельными временными маркерами. При маркере «иртәгә» ‘завтра’ ведущими являются простое / финитное будущее — 30,0 % и футуральное настоящее — 28,0 %, что отражает его устойчивую связь с ближайшей календарной перспективой. У маркера «бераздан» ‘вскоре / немного позже’ доминирует футуральное настоящее — 32,0 %, а также заметно нарративное прошедшее / относительное будущее — 30,0 %, что связано с выражением краткой отсрочки и последовательности событий.

Маркер «тиздән» ‘вскоре’ чаще всего сочетается с простым / финитным будущим — 34,0 %, а также с футуральным настоящим — 28,0 %. В конструкциях «сәгатьтән соң» ‘через час’ и «берничә сәгатьтән» ‘через несколько часов’ распределение более равномерное: соответственно футуральное настоящее составляет 26,0 % и 21,0 %, простое будущее — 20,0 % и 24,0 %, аналитические модели — 22,0 % и 18,0 %. В целом рисунок показывает, что маркеры ближней зоны в татарском языке активируют разные грамматические механизмы ближайшей футуральности.

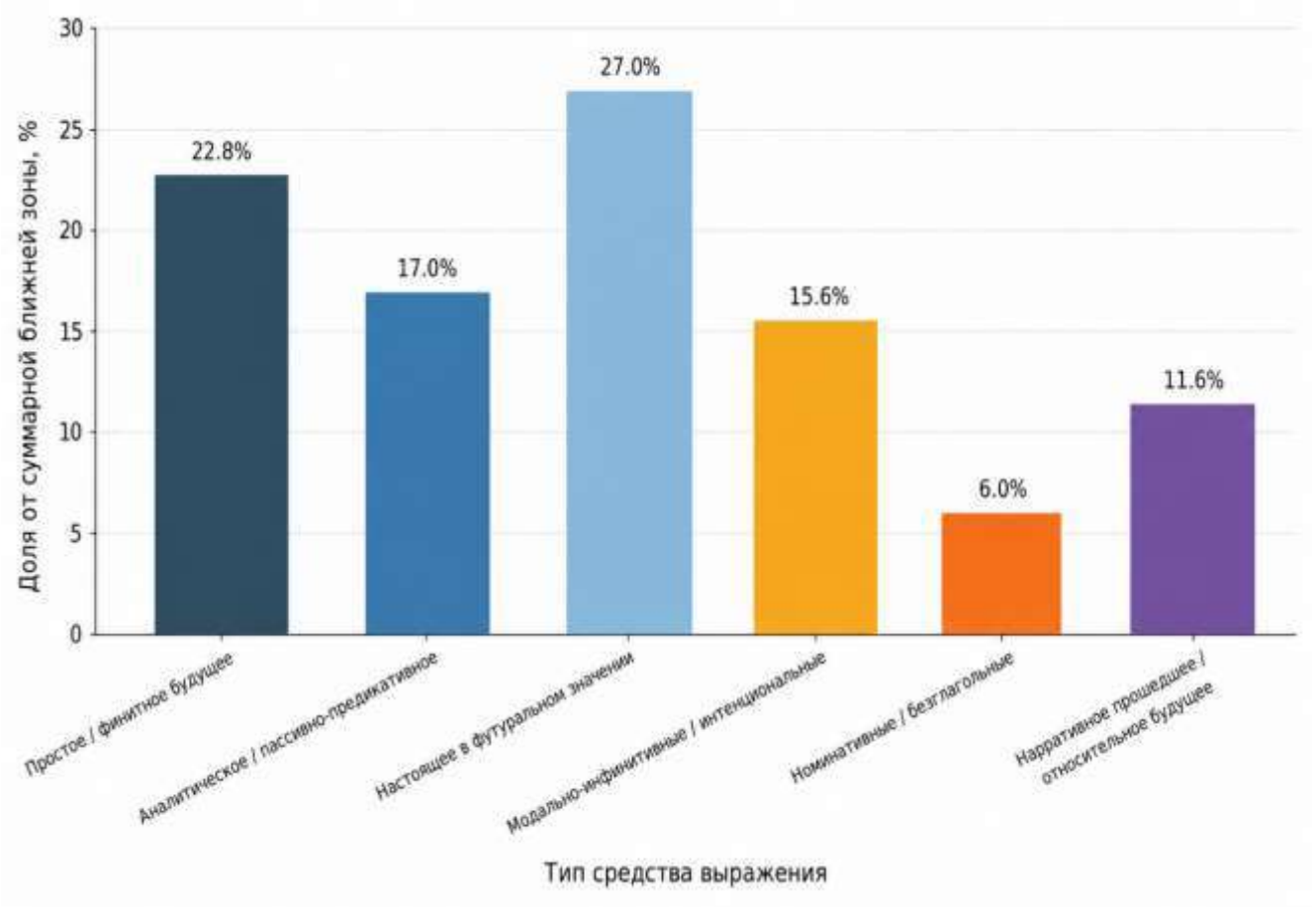

Рисунок 14 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне ближней дистантности в татарском языке

Представленные на рисунке 14 данные показывают, что в ближней футуральной зоне татарского языка наиболее частотным средством является настоящее в футуральном значении — 27,0 %. Это указывает на активную роль презентных форм, которые получают значение ближайшего будущего при поддержке временного маркера и контекста. Далее следуют простое / финитное

будущее — 22,8 %, аналитические / пассивно–предикативные конструкции — 17,0 % и модально–инфинитивные / интенциональные модели — 15,6 %. Менее представлены нарративное прошедшее / относительное будущее — 11,6 % и номинативные / безглагольные конструкции — 6,0 %. Таким образом, ближайшее будущее в татарском языке не сводится к одной форме будущего времени, а формируется через сочетание презентных, финитных, аналитических и модальных средств.

Средняя зона будущего времени в татарском языке охватывает период после ближайших суток и до одного года. В данном разделе рассматриваются временные локализаторы, которые обозначают не непосредственное, а среднесрочное будущее. Анализ основан на корпусных выборках из корпуса «Туган Тел». К основным показателям этой зоны относятся «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ – 100 контекстов, «Х атнадан соң» ‘через Х недель’ – 87 контекстов, «киләсе айда» ‘в следующем месяце’ – 27 контекстов, «Х айдан соң» ‘через Х месяцев’ – 100 контекстов, «быел» ‘в этом году’ – 35 проспективных контекстов из 100, а также «ел ахырына (кадәр)» ‘к концу года / до конца года’ – 88 проспективных контекстов из 100.

Особое внимание уделяется конструкции «быел» ‘в этом году’, поскольку она может обозначать как будущее, так и прошедшее или обобщённое внутригодовое время. Из 100 проанализированных контекстов только 35 случаев, то есть 35,0 %, имеют проспективное значение и относятся к средней зоне будущего; остальные 65 контекстов, 65,0 %, были исключены как нерелевантные для футурального анализа. Таким образом, средняя зона будущего в татарском языке формируется не одним отдельным наречием, а системой недельных, месячных и годовых локализаторов. Недельные и месячные маркеры задают измеримую временную дистанцию, тогда как «быел» ‘в этом году’ и «ел ахырына (кадәр)» ‘к концу года / до конца года’ оформляют более широкую календарную рамку будущего действия.

Недельные локализаторы «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ и «Х атнадан соң» ‘через Х недель / спустя Х недель’ образуют одну из зон среднего

будущего в татарском языке. В рабочий массив вошли 187 контекстов: 100 употреблений модели «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ и 87 употреблений модели «Х атнадан соң» ‘через Х недель / спустя Х недель’. Первая конструкция преимущественно связана с календарным и институциональным планированием, тогда как вторая чаще выражает относительную временную дистанцию внутри повествования.

По частотности «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ составляет 53,5 % материала, а «Х атнадан соң» ‘через Х недель / спустя Х недель’ – 46,5 %. С формальной точки зрения наиболее заметны относительное будущее в нарративе – 33,2 %, синтетическое будущее – 21,9 %, настоящее время с футуральной референцией – 18,7 % и модально–плановые конструкции – 17,1 %. Следовательно, недельная локализация выражается не только аффиксом будущего времени, но и через плановую семантику, настоящее время, условно–модальные и эллиптические структуры.

(181) «Ул 2 капчык бәрәңге сатып алган һәм **киләсе атнада** тагын берничә капчык алырга планлаштыра.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы // Источник: http://tat.tatar–inform.ru/; ID 201] ‘Он купил два мешка картофеля и планирует **на следующей неделе** купить ещё несколько мешков.’

В примере (181) оборот «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ сочетается с инфинитивом «алырга» ‘купить’ и предикатом «планлаштыра» ‘планирует’. Футуральность формируется за счёт темпорального локализатора и семантики планирования, поэтому пример относится к модально–плановой реализации среднего будущего.

(182) «**Киләсе атнада** казанлылар һәм башкала кунаклары йорт хайваннарының гаҗәеп дөньясын чагылдырган уникаль күргәзмәнең шаһиты булачак.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; 21.07.2009 // Источник: http://tat.tatar–inform.ru/; ID 1423] ‘**На следующей неделе** жители Казани и гости столицы станут свидетелями уникальной выставки, отражающей удивительный мир домашних животных.’

В примере (182) глагольная форма «булачак» содержит аффикс «–ачак» ‘–ачак’ и представляет собой синтетическую форму будущего времени. Темпоральный локализатор «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ задаёт недельную календарную рамку, а морфологическая форма закрепляет событие как ожидаемое и институционально запланированное.

(183) «**Киләсе атнада** ТР Сәнәгать һәм сәүдә министрлыгы „Казанкомпрессормаш“ җәмгыяте базасында ... киңәшмә уздыра.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; 06.06.2011 // Источник: http://tat.tatar–inform.ru/; ID 4148] ‘**На следующей неделе** Министерство промышленности и торговли РТ проводит на базе общества «Казанькомпрессормаш» совещание по данной теме.’

В примере (183) форма «уздыра» морфологически относится к настоящему времени, однако в сочетании с показателем «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ получает футуральную интерпретацию. Такая модель характерна для календарно закреплённых событий, где настоящее время функционирует как средство выражения запланированного будущего.

(184) «Ләкин Азат җиңү бәйрәме үтеп **берәр атнадан соң** гына шалтыратты.» [ТТК–Адлер ТИМЕРГАЛИН. «ИГЕЗӘКЛӘР»; ID 368] ‘Но Азат позвонил только примерно **через неделю** после того, как прошёл праздник Победы.’

В примере (184) предикат «шалтыратты» оформлен как прошедшее время, однако выражение «берәр атнадан соң» ‘примерно через неделю’ создаёт последовательность относительно внутренней точки отсчёта повествования. Следовательно, речь идёт не о дейктическом будущем, а об относительной проспективности внутри нарратива.

(185) «... интернет челтәрендәге татар конгрессын **киләсе атнада ук** башлап җибәрер идек.» [ТТК–Римзил Вәли. «Манхеттенда Азатлык радиосын тыңлыйбыз да, укыйбыз да»; 30.11.2007 // Источник: http://www.azatliq.org/; ID 7088] ‘... мы бы уже **на следующей неделе** запустили татарский конгресс в интернете.’

В примере (185) форма «җибәрер идек» объединяет будущностную основу «җибәрер» и условно–модальный компонент «идек». В сочетании с «киләсе атнада

ук» ‘уже на следующей неделе’ конструкция выражает потенциальное действие или намерение, отнесённое к среднему будущему.

(186) «**Бер атнадан соң** гына ачарга.» [ТТК–Источник: http://kiziltan.ru/; ID 37929] ‘Открывать только **через неделю**.’

В примере (186) отсутствует личная глагольная форма, однако инфинитив «ачарга» ‘открыть’ вместе с оборотом «бер атнадан соң» ‘через одну неделю / спустя одну неделю’ создаёт отчётливую проспективную рамку. Футуральность выражается эллиптически и выводится из темпорального локализатора и предписательного характера высказывания.

Рассмотренный материал показывает, что недельные локализаторы татарского среднего будущего не сводятся к одной морфологической модели. «Киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ чаще связано с календарным планированием, а «Х атнадан соң» ‘через Х недель / спустя Х недель’ – с относительной временной дистанцией. В обоих случаях футуральность формируется взаимодействием временного показателя, формы сказуемого и контекста.

«Айдан соң» ‘спустя месяц / через месяц’, «киләсе айда» ‘в следующем месяце’ и «Х айдан соң» ‘спустя Х месяцев / через Х месяцев’ рассматриваются как аналитические локализаторы средней футуральной зоны в татарском языке. Рабочая выборка включает 127 контекстов: 100 употреблений модели «айдан соң» и 27 употреблений конструкции «киләсе айда». Интервальная модель «Х айдан соң» преобладает и составляет 78,7 % материала, тогда как «киләсе айда» представлена 21,3 % и чаще связана с календарно заданным планированием.

Среди конкретных месячных показателей наиболее частотны «бер айдан соң» ‘через месяц’ и «ике айдан соң» ‘через два месяца’ – по 22 случая, «берничә айдан соң» ‘через несколько месяцев’ – 16 случаев и «өч айдан соң» ‘через три месяца’ – 12 случаев. По типу предиката ведущее место занимают настоящее / историческое настоящее с футуральной референцией – 43 случая, синтетическое будущее – 40 случаев и относительное будущее в нарративе – 30 случаев. Менее частотны модально–предикативные и эллиптические модели.

(187) «**Киләсе айда** тагын ике әсәр сәхнәләштереләчәк икән.» [ТТК–Наил Алан. «Татарлар Болакта урын табармы?» // http://www.azatliq.org/, 12.01.2010] ‘**В следующем месяце**, оказывается, будут поставлены ещё два произведения.’

В примере (187) глагольная форма «сәхнәләштереләчәк» содержит показатель «–ачак» ‘–ачак’ и представляет синтетическое будущее время. Оборот «киләсе айда» ‘в следующем месяце’ локализует действие в пределах следующего календарного месяца. Следовательно, среднее будущее маркируется одновременно лексически и морфологически.

(188) «Венесуэла президенты Һуго Чавес **киләсе айда** Русия һәм Венесуэла Кариб суларында уртак хәрби күнегүләр үткәрә.» [ТТК–Ali Gilmi. «Русия Латин Америкасын яулый» // http://www.azatliq.org/, 08.10.2008] ‘**В следующем месяце** президент Венесуэлы Уго Чавес проводит совместные военные учения России и Венесуэлы в Карибских водах.’

В примере (188) форма «үткәрә» морфологически относится к настоящему / настояще–будущему времени. Темпоральный оборот «киләсе айда» ‘в следующем месяце’ смещает интерпретацию действия в будущую плоскость. Такая модель передаёт плановое среднее будущее через форму настоящего времени с футуральной референцией.

(189) «Шураның киләсе утырышы Мәскәүдә **бер айдан соң** үтәргә тиеш.» [ТТК–Римзил Вәли. «Федераль милли–мәдәни мөхтәриять утырышы» // http://www.azatliq.org/, 31.08.2007] ‘Следующее заседание совета должно пройти в Москве **через месяц.**’

В примере (189) конструкция «үтәргә тиеш» сочетает инфинитив «үтәргә» с модально–предикативным компонентом «тиеш» ‘должен’. Синтетический показатель будущего времени отсутствует, поэтому футуральность формируется через семантику долженствования и интервал «бер айдан соң» ‘через один месяц’.

(190) «**Бер айдан соң** Фарук Вәсиләгә тәкъдим ясады.» [ТТК–ГАЙНЕКАМАЛ. «Бер төн һәм бер гомер»] ‘**Через месяц** Фарук сделал Василе предложение.’

В примере (190) глагол «ясады» оформлен как прошедшее время с показателем «–ды» ‘–ды’. Оборот «бер айдан соң» ‘через один месяц’ задаёт последующий этап относительно внутренней точки отсчёта повествования. Поэтому прошедшая форма получает значение относительного будущего в нарративной перспективе.

(191) «**Ике айдан соң** тагын сугышка.» [ТТК–Рәдиф Сәгъди. «Бервакытны без тугач…»] ‘**Через два месяца** – снова на войну.’

В примере (191) эксплицитное глагольное сказуемое отсутствует, поэтому конструкция относится к эллиптическому типу. Оборот «ике айдан соң» ‘через два месяца’ самостоятельно задаёт месячный интервал будущей реализации. Среднее будущее восстанавливается из темпорального модификатора и контекстуальной импликатуры.

В месячной зоне среднего будущего преобладает интервальная модель «Х айдан соң» ‘через Х месяцев / спустя Х месяцев’, а «киләсе айда» ‘в следующем месяце’ выражает календарно заданное плановое будущее. Материал показывает, что месячные локализаторы сочетаются с синтетическим будущим, настоящим временем с футуральной референцией, модально–предикативными, нарративными и эллиптическими моделями.

«Быел» ‘в этом году’. В рассматриваемой выборке зафиксировано 35 контекстов со значением среднего будущего, связанных с наречием «быел» ‘в этом году’ и его аналитическими вариантами. Наиболее частотна немаркированная форма «быел»: 24 случая из 35, или 68,6 %. Аналитические локализаторы составляют 11 случаев, 31,4 %, и уточняют месяц, дату, сезон, конечный срок, повторность или срочность действия.

С точки зрения предикативного оформления преобладают эксплицитные формы будущего времени – 45,7 % материала. Модально–плановые выражения составляют 31,4 %, формы настоящего / настояще–будущего времени с футуральной референцией – 17,1 %. Следовательно, «быел» ‘в этом году’ задаёт календарную рамку текущего года, а конкретная футуральная интерпретация уточняется глагольной формой, плановой модальностью или контекстом.

(192) «Төзелгән контрактлар нигезендә **быел декабрь ахырына кадәр** Казанга 255 „МАЗ“ автобус китертеләчәк, нәтиҗәдә Универсиадага кадәр кимендә 700 машина сатып алу планлаштырылган.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 20.02.2012 // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘Согласно заключённым контрактам, **до конца декабря этого года** в Казань будет поставлено 255 автобусов „МАЗ“, и в результате до Универсиады планируется приобрести не менее 700 машин.’

В примере (192) форма «китертеләчәк» представляет собой эксплицитное будущее время с аффиксом «–ачак» ‘–ачак’ и показателем страдательного залога. Локализатор «быел декабрь ахырына кадәр» ‘до конца декабря этого года’ помещает действие в рамки текущего года, а форма «планлаштырылган» усиливает значение предварительной запланированности.

(193) «**Быел** торак–коммуналь хезмәтләргә тарифлар беренче ярты еллыкта үзгәрешсез кала.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 30.01.2012 // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘**В этом году** тарифы на жилищно–коммунальные услуги в первом полугодии останутся без изменений.’

В примере (193) форма «кала» относится к настоящему / настояще–будущему времени. В сочетании с наречием «быел» ‘в этом году’ и уточнением «беренче ярты еллыкта» ‘в первом полугодии’ она получает футуральную референцию и обозначает программируемое состояние в пределах текущего года.

(194) «Узган ел шундый 570 стимулятор куелган булса, **быел** бу санны 670 кә җиткерү күздә тотыла.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 14.02.2011 // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘Если в прошлом году было установлено 570 таких стимуляторов, то **в этом году** предусматривается довести это число до 670.’

В примере (194) конструкция «күздә тотыла» реализует модально–плановую модель без эксплицитного аффикса будущего времени. Футуральность формируется за счёт семантики целевого планирования и количественного ориентира, соотнесённого с текущим годом.

(195) «**Быел** „Интернет, галәм татарча сөйләшә“ дигән акция үткәрергә җыенабыз.» [ТТК–Наил Алан. «Миңнеханов көне буе татарча гына сөйләшерме?»

// http://www.azatliq.org/, 03.04.2011] ‘**В этом году** мы собираемся провести акцию „Интернет, вселенная говорит по–татарски“. ’

В примере (195) форма «җыенабыз» относится к настоящему / настояще–будущему времени, но выражает намерение и готовность к действию. Наречие «быел» ‘в этом году’ задаёт календарную рамку, а футуральное значение возникает через плановую перспективу говорящего.

(196) «**Быел июнь аенда** Татарстанда Урман селекция–орлыкчылык үзәгенең беренче чираты кулланылышка тапшырылырга тиеш.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 26.05.2011 // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘**В июне этого года** в Татарстане должна быть введена в эксплуатацию первая очередь лесного селекционно–семеноводческого центра.’

В примере (196) конструкция «тапшырылырга тиеш» сочетает инфинитив с модально–предикативным элементом «тиеш» ‘должен’. Локализатор «быел июнь аенда» ‘в июне этого года’ соединяет значение долженствования с календарной конкретизацией и тем самым маркирует среднее будущее.

Рассмотренный материал показывает, что «быел» ‘в этом году’ задаёт календарную рамку среднего будущего. В этой зоне футуральность оформляется формой на «–ачак/–әчәк» ‘–ачак/–әчәк’, модально–плановыми конструкциями, настояще–будущими формами и контекстом.

«Ел ахырына (кадәр)» ‘к концу года / до конца года’ рассматривается как аналитический темпоральный локализатор средней футуральной зоны в татарском языке. В корпусном материале были проанализированы 100 примеров модели ‘дейктический показатель / название года + ел + ахырына (кадәр)’. Из них 88 контекстов имеют проспективную интерпретацию, тогда как 12 употреблений относятся к ретроспективным, историческим или нарративным случаям.

В подтверждённой проспективной выборке наиболее частотной является синтетическая форма будущего времени – 33 примера, 37,5 %. Далее следуют формы настоящего времени с футуральной референцией – 26 примеров, 29,5 %, и модально–предикативные конструкции – 24 примера, 27,3 %. Безглагольные и именные модели представлены 5 случаями, 5,7 %. Такое распределение

показывает, что модель «ел ахырына (кадәр)» ‘к концу года / до конца года’ задаёт не общий годовой период, а предельную точку реализации события внутри годового цикла.

(197) «... **ел ахырына** хезмәт яшендәге кешеләрнең 1,5 проценты гына эшсез булачак...» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы // http://tat.tatar–inform.ru/, v04/1_33119_1_1.txt] ‘... **к концу года** безработными останутся лишь 1,5 % лиц трудоспособного возраста...’

В примере (197) форма «булачак» представляет собой эксплицитную синтетическую форму будущего времени с аффиксом «–ачак» ‘–ачак’. Темпоральный локализатор «ел ахырына» ‘к концу года’ обозначает предельную точку, к которой ожидается реализация прогнозируемого результата. Следовательно, будущность маркируется одновременно грамматически и лексически.

(198) «**Шушы ел ахырына кадәр** ... күп фатирлы йортны файдалануга тапшыру планлаштырыла.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы // http://tat.tatar–inform.ru/, 18.10.2013, v04/1_27338_1_1.txt] ‘**До конца этого года** планируется ввести в эксплуатацию многоквартирный дом.’

В примере (198) форма «планлаштырыла» относится к настоящему / настояще–будущему времени и содержит значение планирования. В сочетании с оборотом «шушы ел ахырына кадәр» ‘до конца этого года’ она получает футуральную интерпретацию. Будущее значение создаётся через взаимодействие плановой семантики и предельного временного локализатора.

(199) «Без **ел ахырына кадәр** ... 112 дәрәҗәсенә чыгарга тиешбез.» [ТТК–Наил Алан. «Су басудан килгән зыянга ярдәм икеле» // http://www.azatliq.org/, 23.07.2008] ‘Мы должны выйти на уровень 112 **до конца года**...’

В примере (199) конструкция «чыгарга тиешбез» образована сочетанием инфинитива с модально–предикативным элементом «тиеш» и выражает долженствование. Специальный аффикс будущего времени отсутствует, однако оборот «ел ахырына кадәр» ‘до конца года’ переводит модальное обязательство в среднесрочную футуральную перспективу.

Конструкция «ел ахырына (кадәр)» ‘к концу года / до конца года’ функционирует как сильный аналитический ограничитель средней футуральной зоны. Она обозначает конечный срок реализации события и особенно продуктивна в контекстах прогноза, плана, административного обязательства и ожидаемого результата.

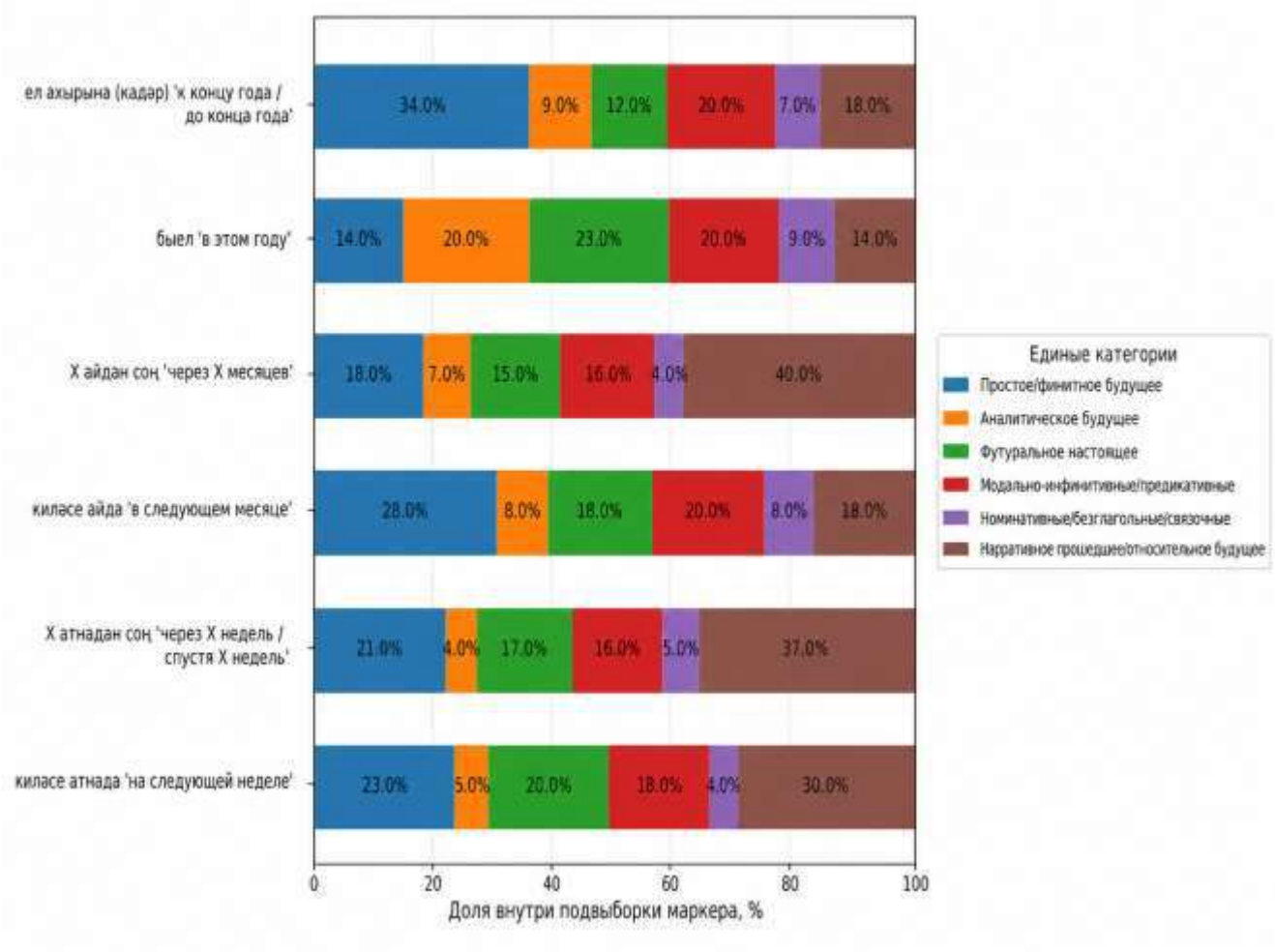

Рисунок 15 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне средней дистантности в татарском язык

Представленные на рисунке 15 данные показывают, что разные локализаторы средней зоны формируют неодинаковые грамматические профили. При маркерах «киләсе атнада» ‘на следующей неделе’ и «Х атнадан соң» ‘через Х недель / спустя Х недель’ значительную долю занимает нарративное прошедшее / относительное будущее — соответственно 30,0 % и 37,0 %, что связано с выражением будущего относительно внутренней точки отсчёта. При «Х айдан соң» ‘через Х месяцев’ эта

модель достигает максимального показателя — 40,0 %, поэтому месячная отсрочка особенно активно связана с относительной проспекцией.

Иной профиль наблюдается у календарных локализаторов. При «киләсе айда» ‘в следующем месяце’ ведущим является простое / финитное будущее — 28,0 %, а модально–инфинитивные конструкции составляют 20,0 %. У маркера «быел» ‘в этом году’ на первый план выходит настоящее в футуральном значении — 23,0 %, при заметной доле аналитических и модальных моделей — по 20,0 %. Локализатор «ел ахырына (кадәр)» ‘к концу года / до конца года’ чаще всего сочетается с простым / финитным будущим — 34,0 %, что отражает значение календарного предела и ожидаемого результата. В целом рисунок показывает, что средняя футуральная зона татарского языка строится на взаимодействии календарных, интервальных и граничных маркеров с финитными, модальными и относительными моделями.

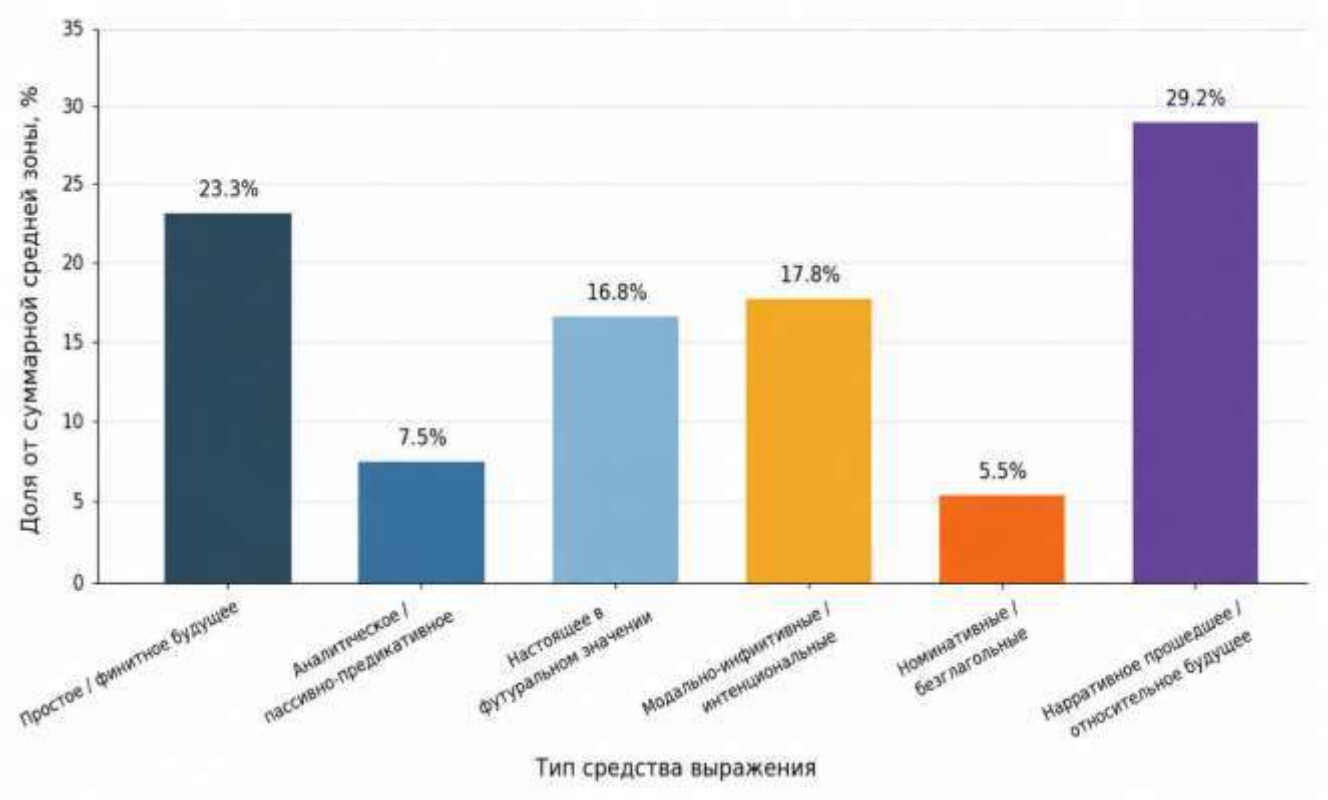

Рисунок 16 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне средней дистантности в татарском языке

Представленные на рисунке 16 данные показывают, что в средней футуральной зоне татарского языка наиболее заметную долю занимает нарративное прошедшее / относительное будущее — 29,2 %. Это указывает на важную роль внутритекстовой точки отсчёта, при которой будущее событие осмысляется относительно другой ситуации в повествовании. Далее следуют простое / финитное будущее — 23,3 %, модально–инфинитивные / интенциональные конструкции — 17,8 % и настоящее в футуральном значении — 16,8 %. Менее представлены аналитические / пассивно–предикативные модели — 7,5 % и номинативные / безглагольные конструкции — 5,5 %. Таким образом, средняя зона будущего в татарском языке имеет смешанный структурный характер: она выражается не только специальными формами будущего времени, но и относительными, презентными, модальными и предикативными средствами.

Дальняя дистантность в татарском языке может выражаться конструкцией **«киләсе елда» ‘в следующем году’,** которая переносит событие за пределы текущего календарного года и задаёт годовой горизонт будущего. Фактическая дистанция от момента речи может быть различной, однако сама модель отличается от внутрисуточных, недельных и месячных локализаторов тем, что связывает событие со следующим календарным годом.

В корпусной выборке рассмотрено 100 контекстов с вариантами этой конструкции. Ядро группы образует простая форма «киләсе елда» ‘в следующем году’ – 86 примеров, 86,0 %. Вариант «киләсе елда да» ‘и в следующем году / тоже в следующем году’ зафиксирован в 11 случаях, 11,0 %; «киләсе елда ук» ‘уже в следующем году’ – в 2 случаях, 2,0 %; единичная модель со значением ‘после следующего года’ составляет 1,0 %.

По формальному выражению будущности наиболее продуктивны две группы: синтетическое будущее время – 41,0 % и формы настоящего / настояще–будущего времени с футуральной референцией – 40,0 %. Модально–инфинитивные конструкции составляют 12,0 %, а безглагольные и эллиптические структуры – 7,0 %. Следовательно, годовая перспектива формируется не только морфологически, но и через календарный локализатор, модальность и контекст планирования.

(200) «„Татнефть“ ААҖ **киләсе елда** Әлмәттә күлләр каскадының алтынчы чиратын төзиячәк.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 09.12.2011 // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘ОАО «Татнефть» **в следующем году** построит в Альметьевске шестую очередь каскада озёр.’

В примере (200) темпоральный локализатор «киләсе елда» ‘в следующем году’ задаёт годовой горизонт отдалённого будущего. Сказуемое «төзиячәк» содержит показатель будущего времени «–ячәк/–ачак» ‘–ячәк/–ачак’, поэтому футуральность маркируется лексически и морфологически. Конструкция обозначает запланированное институциональное действие в пределах следующего календарного года.

(201) «**Киләсе елда** бу һичшиксез тормышка ашырылып бетәргә тиеш, – диде ул.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘**В следующем году** это, несомненно, должно быть полностью реализовано’, – сказал он.

В примере (201) выражение «тормышка ашырылып бетәргә тиеш» ‘должно быть полностью реализовано’ представляет модально–предикативную модель с элементом «тиеш» ‘должен / необходимо’. Открытый показатель будущего времени отсутствует, однако локализатор «киләсе елда» ‘в следующем году’ переносит долженствование в отдалённую футуральную перспективу.

(202) «Татарстан Дәүләт советы Рәисе тыл хезмәткәре Фәсәхәт Бөйрәмовада кунакта булды, **киләсе елда** аңа 90 яшь тула.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘Председатель Государственного совета Татарстана побывал в гостях у труженицы тыла Фасахат Бойрамовой; **в следующем году** ей исполнится 90 лет.’

В примере (202) форма «тула» относится к настоящему / настояще–будущему времени. В сочетании с локализатором «киләсе елда» ‘в следующем году’ она получает однозначную футуральную интерпретацию. Будущее значение основано на календарной предсказуемости события и его привязке к следующему году.

(203) «Керем салымы исә **киләсе елда** 37,5 млрд.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы, 07.09.2011 // http://tat.tatar–inform.ru/] ‘Подоходный налог **в следующем году** – 37,5 млрд.’

В примере (203) личная глагольная форма отсутствует, поэтому конструкция относится к безглагольным или эллиптическим моделям. Локализатор «киләсе елда» ‘в следующем году’ вместе с именной группой и количественным показателем формирует прогнозную бюджетную рамку. Футуральность создаётся не глагольной морфологией, а годовым указателем и контекстом планирования.

В целом конструкция «киләсе елда» ‘в следующем году’ выступает сильным локализатором отдалённой футуральной зоны. Она сочетается с синтетическим будущим временем, настояще–будущими формами, модально–инфинитивными и эллиптическими структурами, закрепляя высказывание в годовой перспективе даже без специального аффикса будущего времени.

«Киләсе елдан» ‘начиная со следующего года’. Модель «киләсе елдан» ‘со следующего года / начиная со следующего года’ сохраняется в анализе, поскольку она обозначает не просто годовую локализацию, а начальную границу нового периода. В выборке из 100 контекстов простая форма «киләсе елдан» ‘со следующего года / начиная со следующего года’ представлена 87 случаями, а расширенные варианты типа «киләсе елдан башлап» ‘начиная со следующего года’ и «киләсе елдан ук» ‘уже со следующего года’ составляют 13 случаев. Такая конструкция особенно характерна для институциональных решений, новых правил, планируемых процессов и переходов к иному состоянию.

Футуральность в этой группе выражается через взаимодействие годового локализатора с модально–плановыми структурами, формами настоящего времени с будущей референцией, синтетическим будущим и именной предикацией. Поэтому «киләсе елдан» ‘со следующего года / начиная со следующего года’ следует оставить как самостоятельный показатель отдалённой футуральной зоны, но без чрезмерно развёрнутого описания.

(204) «дигән сорау яңгырауга, очрашуда катнашкан милли–мәдәни мохтарият рәисе Рәсим Акчурин: “Ул мәсьәлә чишелгән инде, **киләсе елдан** Сабан

туе Измайлов паркында узарга тиеш.”» [ТТК–Нәзифә Кәримова; 01.10.2009; http://www.azatliq.org/] ‘Этот вопрос уже решён: **со следующего года** Сабантуй должен проходить в Измайловском парке.’

В примере (204) темпоральный локализатор «киләсе елдан» ‘со следующего года’ сочетается с модально–предикативной конструкцией «узарга тиеш» ‘должен проходить’. Будущее значение оформляется как нормативно закреплённый переход, начинающийся с годового рубежа.

(205) «Россиядәге иң эре спорт телеканалы **киләсе елдан** эшчәнлеген туктата.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; 01.10.2009; http://tat.tatar–inform.ru/] ‘Крупнейший спортивный телеканал в России **со следующего года** прекращает свою деятельность.’

В примере (205) форма «туктата» относится к настоящему / настояще–будущему времени, однако локализатор «киләсе елдан» ‘со следующего года’ переносит действие в будущий календарный период. Футуральность создаётся сочетанием формы настоящего времени, контекста решения и начальной временной границы.

(206) «**Киләсе елдан** йортларны ремонтлауга акчалар биреләчәк.» [ТТК–Ландыш Харрасова; 09.11.2007; http://www.azatliq.org/] ‘**Со следующего года** будут выделяться средства на ремонт домов.’

В примере (206) форма «биреләчәк» содержит показатель будущего времени «–ачак/–әчәк» ‘–ачак/–әчәк’ и показатель страдательного залога. Лексический локализатор «киләсе елдан» ‘со следующего года’ и морфологическая форма будущего времени совместно маркируют ожидаемый процесс.

(207) «**Киләсе елдан башлап** ил гражданнары медицина иминияте компаниясен һәм дәвалау учреждениеләрен үзләре сайлауга хокуклы.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; 14.12.2010; http://tat.tatar–inform.ru/] ‘Начиная **со следующего года** граждане страны имеют право сами выбирать страховую медицинскую компанию и лечебное учреждение.’

В примере (207) расширенная форма «киләсе елдан башлап» ‘начиная со следующего года’ выделяет начальную границу нового правового режима.

Именная предикация «хокуклы» ‘имеющий право’ получает футуральное прочтение благодаря годовому локализатору.

Модель «киләсе елдан» ‘со следующего года / начиная со следующего года’ важна для анализа, поскольку выражает начало будущего периода, а не только временную точку внутри следующего года.

«Елдан соң» ‘спустя год / через год’. Конструкция «елдан соң» ‘спустя год / через год’ задаёт отдалённую перспективу через отсрочку от исходной точки. В проспективном подмассиве релевантными являются 24 контекста: наиболее заметны финитные формы будущего времени, модальные конструкции и формы настоящего времени с футуральной интерпретацией. Простая модель «X елдан соң» ‘через X лет’ является основной, а элементы типа «гына» ‘только’, «кабат» ‘снова’ или «тагын» ‘ещё’ уточняют порог, повторность или дополнительную отсрочку.

(208) «**2–3 елдан соң** аларның саны 1000 гә җитәчәк.» [ТТК–«Татар–информ» мәгълүмат агентлыгы; 17.11.2010; http://tat.tatar–inform.ru/] ‘**Через 2–3 года** их число достигнет 1000.’

В примере (208) темпоральный локализатор «2–3 елдан соң» ‘через 2–3 года’ задаёт количественно измеримую дальнюю дистанцию. Форма «җитәчәк» содержит показатель будущего времени «–ачак/–әчәк» ‘–ачак/–әчәк’ и выражает прогнозируемый результат.

(209) «Димәк, кабат **бер елдан соң** килеп чыксам сезнең авылга, халкың икенче формага күчкән булачак?» [ТТК–Фәнзаман Баттал, «Сәфәр чыктым…»] ‘Значит, если я снова появлюсь в вашей деревне **через год**, её население уже перейдёт в другую форму?’

В примере (209) оборот «бер елдан соң» ‘через год’ задаёт повторный годовой рубеж. Аналитическая форма «күчкән булачак» представляет результативное будущее, при котором последующее состояние мыслится как уже достигнутое.

(210) «… **берничә елдан соң гына** фикер йөртергә мөмкин булачак.» [ТТК–Илдар Фазлетдинов, «Чиратта авиация компанияләреме?»; http://kiziltan.ru/] '… только **через несколько лет** можно будет делать выводы.'

В примере (210) локализатор «берничә елдан соң гына» 'только через несколько лет' выражает отсроченный порог. Предикативная группа «мөмкин булачак» 'можно будет' объединяет модальность возможности и форму будущего времени.

(211) «Гомумән, **5–10 елдан соң** Башкортстан татарларының тормышын ничек итеп күрәсез?» [ТТК–Илдар Фазлетдинов, «Римма Үтәшева: "Бөек милләт булып кала белик!"»; http://kiziltan.ru/] 'Вообще, как вы представляете жизнь татар Башкортостана **через 5–10 лет**?'

В примере (211) оборот «5–10 елдан соң» 'через 5–10 лет' переносит вопрос в дальнюю прогнозную перспективу. Форма «күрәсез» получает футуральную интерпретацию за счёт годового локализатора и оценочного характера вопроса.

Модель «елдан соң» 'спустя год / через год' передаёт будущее как отсроченный результат, прогноз или возможность, наступающую после заданного годового интервала.

«Киләчәктә» 'в будущем'. Единица «киләчәктә» 'в будущем' выступает общим лексическим маркером отдалённой перспективы. В выборке из 100 контекстов немодифицированная форма составляет 78 случаев, вариант «киләчәктә дә» 'и в будущем' – 16 случаев, а «якын киләчәктә» 'в ближайшем будущем' – 6 случаев. Основным средством предикации является финитное будущее время, однако значительная часть материала выражает футуральность через модальность, формы настоящего времени и именные конструкции.

(212) «Имеш, **киләчәктә** татар теле һәм әдәбияты укытучыларына ихтыяҗ һаман саен кимиячәк, шуңа күрә дә башка һөнәрләр сайлау хәерлерәк булачак.» [ТТК–Фәнис Фәтхи, «Башкортстанда татар бүлекләренә көндәшлек юк дәрәҗәсендә»; Azatliq.org, 20.08.2011] 'Говорят, что **в будущем** спрос на учителей татарского языка и литературы будет всё больше снижаться, поэтому выгоднее выбирать другие профессии.'

В примере (212) локализатор «киләчәктә» ‘в будущем’ сочетается с формами «кимиячәк» и «булачак», содержащими показатель будущего времени «–ачак/–әчәк» ‘–ачак/–әчәк’. Конструкция выражает прогнозируемое изменение ситуации.

(213) «**Киләчәктә** биш томлык Зур татар энциклопедиясен язу күздә тотыла.» [ТТК–Шәфыйков Ягъсуф Долмаганович, «Бер очрашу – бер гомер»] ‘**В будущем** предусматривается написание пятитомной Большой татарской энциклопедии.’

В примере (213) форма «күздә тотыла» относится к настоящему / настояще–будущему времени, но в сочетании с «киләчәктә» ‘в будущем’ получает планово–футуральную интерпретацию.

(214) «Бәлкем китапны **киләчәктә** гарәп теленә дә тәрҗемә итәргә кирәктер дигән сөйләшүләр булды.» [ТТК–Ландыш Харрасова, «Сөләйман Рәхимов: “Татарлар турында инглиз телендә иң саллы хезмәт”»; Azatliq.org, 28.10.2010] ‘Были разговоры, что, возможно, **в будущем** книгу следует перевести и на арабский язык.’

В примере (214) темпоральное наречие «киләчәктә» ‘в будущем’ взаимодействует с модально–инфинитивной структурой «тәрҗемә итәргә кирәктер» ‘вероятно, следует перевести’. Футуральность формируется через сочетание необходимости, вероятности и временного локализатора.

(215) «**Киләчәктә** тагын да зуррак проектларыбыз бар.» [ТТК–Гафиулла Газиз, «„Азатлык“ татар яшьләре берлегенең Чаллы бүлеге еллык корылтаен уздырды»; Azatliq.org, 01.10.2012] ‘**В будущем** у нас есть ещё более крупные проекты.’

В примере (215) безглагольная конструкция с предикативным компонентом «бар» ‘есть’ получает футуральное значение благодаря локализатору «киләчәктә» ‘в будущем’. Будущее выражается не морфологически, а лексико–синтаксически.

Материал с «киләчәктә» ‘в будущем’ показывает, что дальняя футуральность может выражаться как формой будущего времени, так и модальностью, настоящим временем и именными конструкциями.

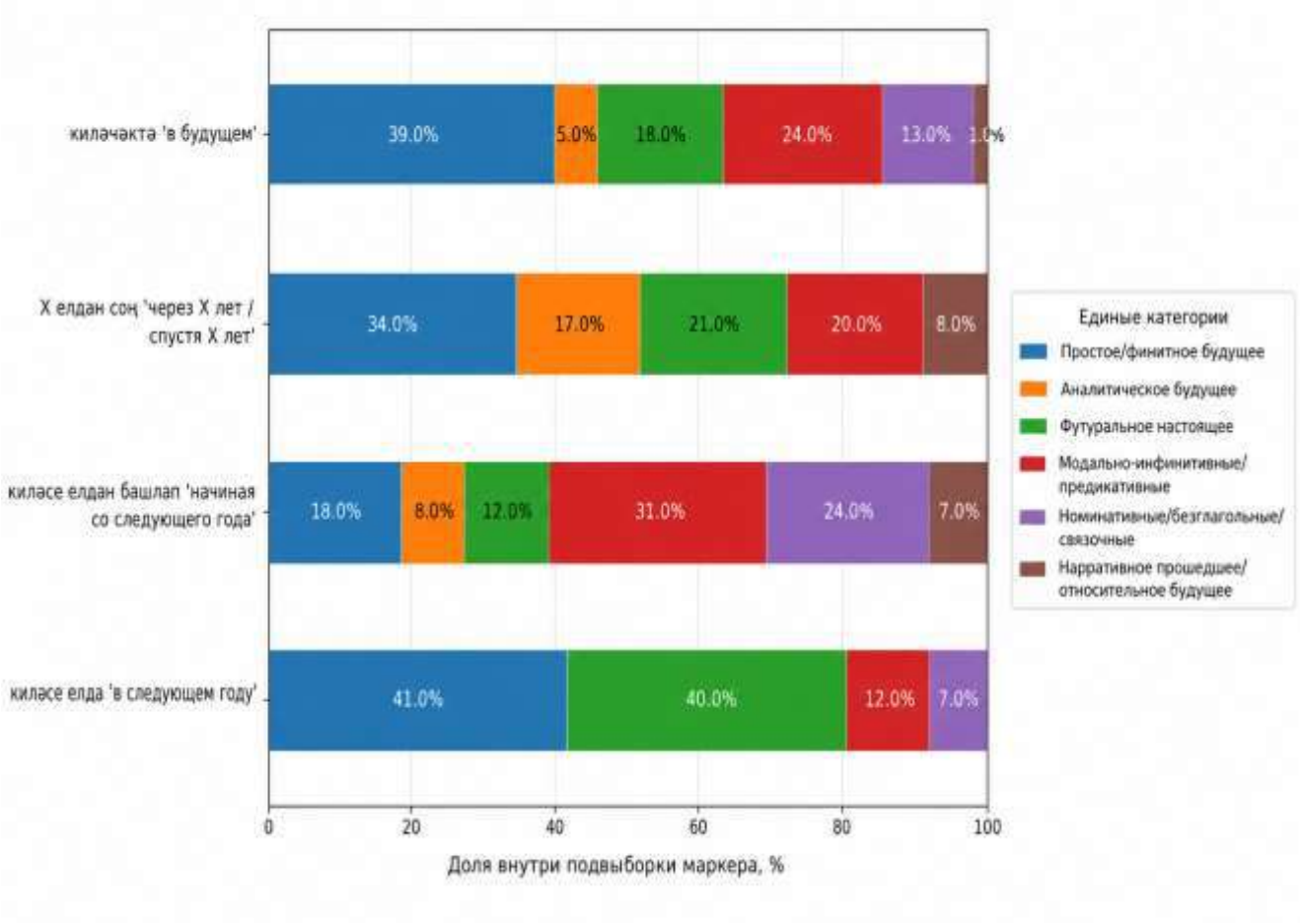

Рисунок 17 — Распределение способов выражения будущей референции по временным маркерам в зоне дальней дистантности в татарском языке

Представленные на рисунке 17 данные демонстрируют, что отдельные локализаторы дальней зоны имеют разные структурные профили. При маркере «киләсе елда» ‘в следующем году’ почти равномерно представлены простое / финитное будущее — 41,0 % и футуральное настоящее — 40,0 %; это связано с календарно определённой годовой перспективой, где будущее может выражаться как специальной формой, так и настоящим временем в прогнозной функции. Маркер «киләчәктә» ‘в будущем’ также чаще всего сочетается с простым будущим — 39,0 %, но заметную роль играют модально–инфинитивные конструкции — 24,0 %, футуральное настоящее — 18,0 % и номинативные модели — 13,0 %.

Иной профиль наблюдается у локализатора «киләсе елдан башлап» ‘начиная со следующего года’, где доминируют модально–инфинитивные / предикативные конструкции — 31,0 %, а также значительны номинативные / безглагольные

модели — 24,0 %. Это объясняется тем, что данный маркер часто обозначает начало нового режима, плана или институционального периода. В группе «X елдан соң» ‘через X лет / спустя X лет’ ведущим остаётся простое будущее — 34,0 %, при этом заметны футуральное настоящее — 21,0 %, модальные конструкции — 20,0 % и аналитическое будущее — 17,0 %. В целом рисунок показывает, что дальняя футуральная зона татарского языка формируется через взаимодействие календарных, интервальных и перспективных локализаторов с финитными, презентными, модальными и номинативными средствами.

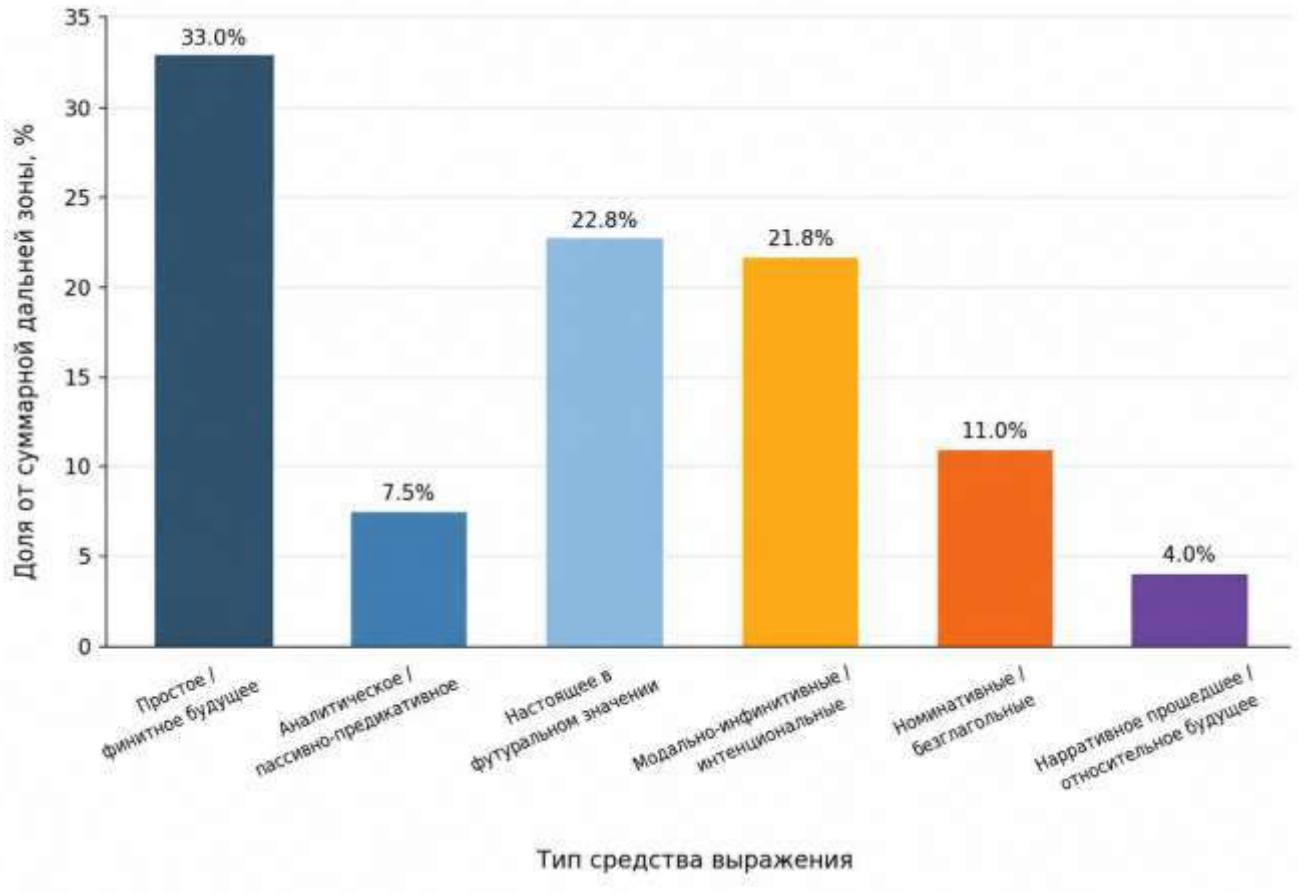

Рисунок 18 — Суммарное распределение способов выражения будущей референции в зоне дальней дистантности в татарском языке

Представленные на рисунке 18 данные показывают, что в дальней футуральной зоне татарского языка ведущим средством выражения будущей референции является простое / финитное будущее — 33,0 %. Это указывает на значимую роль специальных форм будущего времени при обозначении отдалённой перспективы. Существенную долю также занимают настоящее в футуральном

значении — 22,8 % и модально–инфинитивные / интенциональные конструкции — 21,8 %, что показывает связь дальней зоны не только с грамматическим будущим, но и с прогнозом, планом, намерением или возможностью. Менее представлены номинативные / безглагольные модели — 11,0 %, аналитические / пассивно–предикативные конструкции — 7,5 % и нарративное прошедшее / относительное будущее — 4,0 %. Таким образом, дальняя зона будущего в татарском языке имеет смешанный характер: её ядро образуют финитные формы, однако значимую роль сохраняют презентные, модальные и номинативные средства.

2.2.4. Сопоставительный анализ будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках

Сопоставительное исследование средств выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках позволяет выявить как универсальные механизмы репрезентации будущности, так и специфические особенности, обусловленные типологической принадлежностью каждого языка. В данном разделе рассматриваются три зоны временной дистантности: ближняя, среднесрочная и дальняя перспектива. Несмотря на общую семантическую направленность на обозначение действий, отнесённых к будущему временному плану, анализируемые языки демонстрируют различия в выборе грамматических, лексико-грамматических, модальных и контекстуальных средств. Сопоставление количественных показателей и функционально-семантических характеристик данных средств позволяет определить степень их продуктивности, выявить доминирующие модели выражения будущности и установить основные закономерности организации будущей референции в трёх языках.

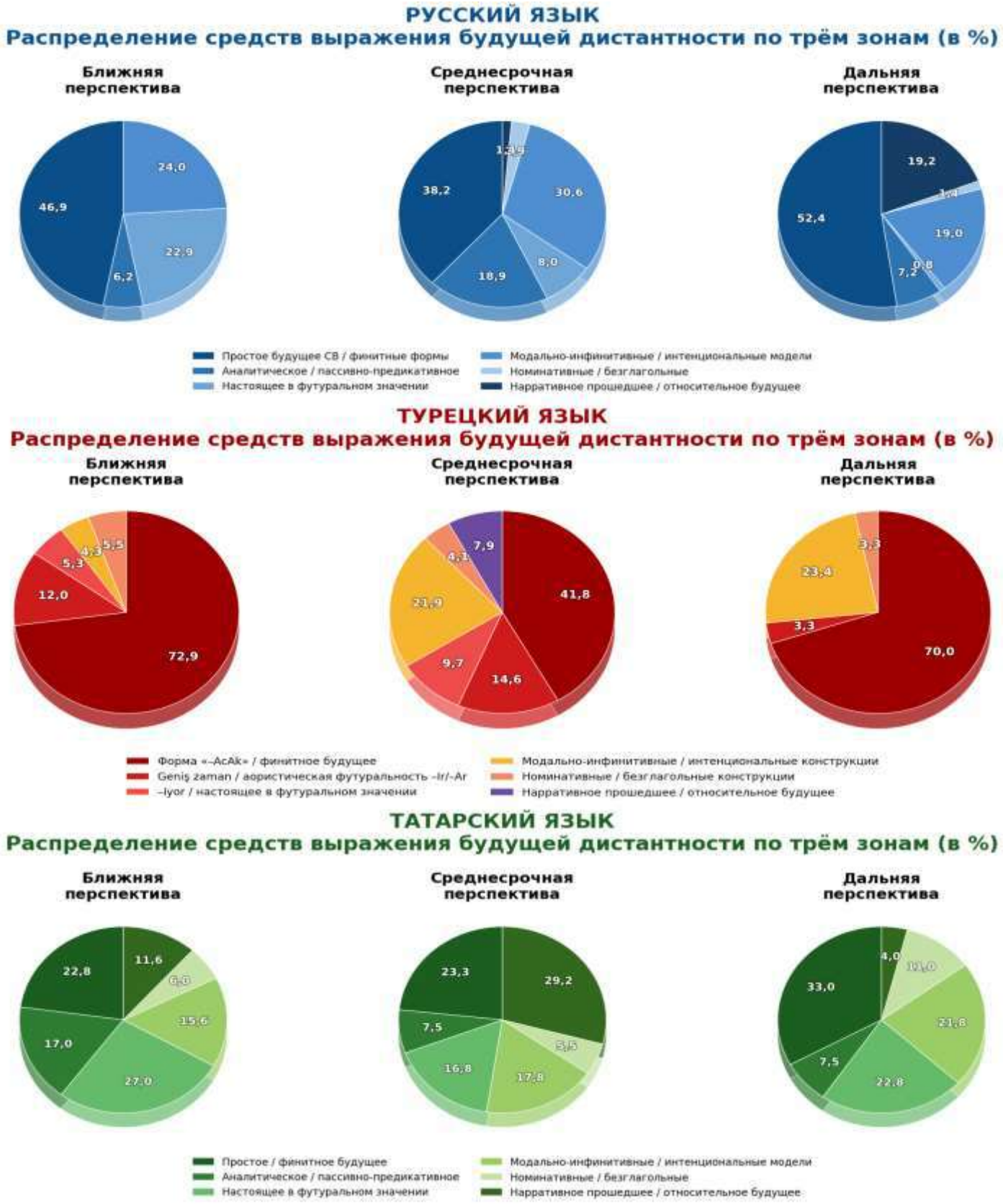

Рисунок 19 — Сопоставительное распределение средств выражения будущей референции в зонах ближней, среднесрочной и дальней дистантности в русском, турецком и татарском языках

На рисунке 19 представлено сопоставительное распределение средств выражения будущей референции в зонах ближней, среднесрочной и дальней дистантности в русском, турецком и татарском языках. Диаграммы позволяют выявить количественные различия в функционировании глагольных и неглагольных средств будущей референции, а также определить доминирующие модели организации футуральной перспективы в каждом из сопоставляемых языков.

Сопоставительный анализ распределения средств выражения будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках показывает, что каждая языковая система по-разному организует ближнюю, среднесрочную и дальнюю перспективу. Будущая референция выражается не только грамматическими формами будущего времени, но и модальными, аналитическими, презентными, номинативными и относительными моделями. При этом выбор конкретного средства зависит от того, как говорящий представляет будущее событие: как непосредственное действие, как план, как намерение, как процесс, как результат или как событие, соотнесённое с другим будущим событием.

В зоне ближней перспективы три языка демонстрируют разные способы выражения будущего. В русском языке первое место занимает простое будущее совершенного вида / финитные формы — 46,9 %. Это показывает, что даже ближайшее будущее в русском языке часто представляется как целостное действие или результат. Однако наряду с этим значительную долю составляют нарративное прошедшее / относительное будущее — 24,0 % и модальные, инфинитивные и неглагольные модели — 22,9 %. Следовательно, ближнее будущее в русском языке не сводится только к форме совершенного вида. Оно также активно связано с планированием, намерением и последовательностью действий. Например, говорящий может не просто обозначать действие как будущий факт, но и связывать его с другим событием: «когда приду, позвоню», «после того как закончу, отправлю».

В турецком языке ближняя перспектива имеет более выраженный грамматический центр. Здесь доминирует форма –AcAk / финитное будущее —

72,9 %. Это самый высокий показатель среди всех средств в ближней зоне. Такой результат объясняется тем, что форма –AcAk прямо маркирует будущность и является основным грамматическим средством выражения будущего времени в турецком языке. В ближней зоне говорящий обычно указывает на ожидаемое или запланированное действие, поэтому специализированная форма будущего оказывается наиболее естественной. Остальные средства представлены значительно слабее: geniş zaman / аористическая футуральность — 12,0 %, –Iyor в футуральном значении — 5,3 %, модально-инфинитивные конструкции — 4,3 %, номинативные / безглагольные конструкции — 5,5 %. Это показывает, что в ближайшей перспективе турецкий язык предпочитает прямое грамматическое маркирование будущности, а не модальное или контекстуальное выражение.

В татарском языке ближняя перспектива, напротив, характеризуется более равномерным распределением средств. Ведущее место занимает настоящее в футуральном значении — 27,0 %, далее следуют простое / финитное будущее — 22,8 %, аналитические модели — 17,0 %, модально-инфинитивные конструкции — 15,6 %, относительное будущее — 11,6 %, номинативные конструкции — 6,0 %. Это показывает, что в татарском языке ближнее будущее не имеет одного абсолютного центра. Футуральность создаётся через взаимодействие нескольких моделей. Особенно важно, что настоящее в футуральном значении занимает первое место. Это говорит о высокой роли презентных форм в обозначении ближайших будущих действий, которые воспринимаются как уже актуальные или непосредственно включённые в текущую ситуацию.

Таким образом, в ближней зоне русский язык ориентируется на результативность и относительную последовательность действий, турецкий язык — на специализированную форму будущего времени –AcAk, а татарский язык — на полицентрическое распределение средств с ведущей ролью футурального настоящего. Общим для трёх языков является то, что ближайшее будущее связано с актуальностью события для момента речи. Однако способы выражения этой актуальности различаются: в русском языке она часто выражается через совершенный вид и относительные связи, в турецком — через грамматическую

форму будущего, в татарском — через настоящее в футуральном значении и сочетание нескольких моделей.

В зоне среднесрочной перспективы наблюдается наиболее интересное перераспределение средств. В русском языке доля простого будущего совершенного вида снижается с 46,9 % до 38,2 %, тогда как доля модально-инфинитивных и интенциональных моделей возрастает до 30,6 %. Это самый высокий показатель модальных моделей в русском материале. Такая динамика показывает, что среднесрочная зона в русском языке является зоной планирования, намерения и прогнозирования. Событие уже не является непосредственным, но ещё входит в обозримый горизонт говорящего. Поэтому говорящий чаще использует конструкции типа «собираюсь сделать», «планирую поехать», «нужно подготовить», «должен закончить». Одновременно аналитические / пассивно-предикативные модели составляют 18,9 %, что также указывает на усиление процессуальности и организованности действия.

В турецком языке в среднесрочной зоне форма –AcAk также снижается — с 72,9 % до 41,8 %. Однако она всё ещё остаётся ведущим средством. При этом заметно возрастает доля модально-инфинитивных / интенциональных конструкций — 21,9 %, а также geniş zaman / аористической футуральности — 14,6 % и –Iyor в футуральном значении — 9,7 %. Это означает, что средняя перспектива в турецком языке становится зоной конкуренции между специализированной формой будущего и средствами планирования, намерения, ожидаемости и организованного действия. Форма –Iyor используется тогда, когда будущее событие воспринимается как уже запланированное: «gelecek ay başlıyorum», «haftaya gidiyorum». Аористические формы могут передавать ожидаемое, обобщённое или потенциальное будущее действие. Поэтому снижение –AcAk в этой зоне не означает ослабление футуральности, а показывает перераспределение функций между несколькими средствами.

В татарском языке среднесрочная перспектива отличается тем, что на первое место выходит нарративное прошедшее / относительное будущее — 29,2 %. Простое / финитное будущее составляет 23,3 %, модально-инфинитивные модели

— 17,8 %, настоящее в футуральном значении — 16,8 %, аналитические модели — 7,5 %, номинативные конструкции — 5,5 %. Этот результат показывает, что среднее будущее в татарском языке часто строится не напрямую от момента речи, а через соотнесение одного будущего события с другим. Иначе говоря, одно будущее действие становится точкой отсчёта для другого. Поэтому возрастает роль относительной временной организации, последовательности действий и микроконтекста.

Если сравнить три языка в среднесрочной зоне, видно, что именно здесь система выражения будущего становится наиболее вариативной. В русском языке максимум достигают модальные модели — 30,6 %, что связано с планированием и намерением. В турецком языке снижается доминирование –AcAk и усиливаются модальные, аористические и презентные модели. В татарском языке на первый план выходит относительное будущее — 29,2 %, что показывает особую роль межсобытийной связи. Следовательно, среднесрочная зона во всех трёх языках является зоной перехода: будущее уже не является непосредственным, но ещё не воспринимается как полностью удалённый факт. Поэтому здесь активизируются модальность, планирование, прогнозирование и относительная временная связь.

В зоне дальней перспективы снова наблюдается перестройка системы. В русском языке резко возрастает доля простого будущего совершенного вида / финитных форм — до 52,4 %. Это максимальный показатель данной формы во всех трёх русских зонах. Такой рост объясняется тем, что отдалённые события чаще воспринимаются как результат или будущий факт, а не как непосредственный план или процесс. Чем дальше событие находится от момента речи, тем слабее связь с конкретным намерением говорящего и тем сильнее потребность представить событие как целостный результат: «построят», «создадут», «напишу». Поэтому в дальней зоне усиливается совершенный вид. Одновременно модальные модели снижаются до 19,0 %, а аналитические формы — до 7,2 %. Это подтверждает, что процессуальность и непосредственная планируемость менее характерны для дальней перспективы русского языка.

В турецком языке в дальней зоне вновь резко возрастает доля формы –AcAk — до 70,0 %. Это почти такой же высокий показатель, как в ближней зоне. Однако причина здесь другая. В ближней зоне –AcAk выражает ожидаемое или запланированное ближайшее действие, а в дальней зоне она используется потому, что отдалённое будущее требует ясного грамматического маркирования. Чем дальше событие от момента речи, тем важнее прямо указать, что оно относится к будущему временному плану. Поэтому –AcAk снова становится доминирующим средством. При этом модально-инфинитивные конструкции достигают 23,4 %, что является самым высоким показателем модальности в турецком материале. Это показывает, что в турецком языке дальняя перспектива связана не только с грамматически выраженным будущим, но и с желанием, намерением, возможностью или необходимостью. Форма –Iyor в дальней зоне отсутствует, поскольку она в большей степени связана с ближайшими или заранее организованными событиями.

В татарском языке в дальней перспективе первое место занимает простое / финитное будущее — 33,0 %. Это показывает, что при увеличении временной дистанции татарский язык также усиливает формы, способные представить событие как будущий факт. Однако, в отличие от русского и турецкого языков, здесь не возникает абсолютного доминирования одной формы. Настоящее в футуральном значении сохраняет высокую долю — 22,8 %, модально-инфинитивные конструкции составляют 21,8 %, номинативные / безглагольные конструкции возрастают до 11,0 %, аналитические модели составляют 7,5 %, относительное будущее снижается до 4,0 %. Это показывает, что даже в дальней перспективе татарская система остаётся полицентрической. Отдалённое будущее может выражаться как факт, как план, как состояние, как ожидаемое действие или как контекстуально заданная референция.

Сопоставление дальней зоны показывает общее сходство и важные различия. Общее состоит в том, что во всех трёх языках при увеличении временной дистанции усиливаются финитные формы будущего или формы, способные представить событие как факт: в русском языке — 52,4 %, в турецком — 70,0 %, в

татарском — 33,0 %. Однако степень доминирования различна. В турецком языке доминирование наиболее сильное, потому что форма –AcAk является специализированным грамматическим показателем будущего времени. В русском языке высокая доля простого будущего связана с семантикой совершенного вида и результативностью. В татарском языке рост простого будущего есть, но он не устраняет другие модели, потому что система будущей референции распределена между несколькими средствами.

Если рассматривать модальные модели отдельно, видно, что они по-разному связаны с зонами будущей дистантности. В русском языке модальность максимальна в среднесрочной зоне — 30,6 %. Это значит, что для русского языка модальные конструкции прежде всего связаны с планом, намерением и подготовкой действия в обозримом будущем. В дальней зоне они снижаются до 19,0 %, потому что отдалённые события чаще оформляются как результат, а не как личный план. В турецком языке модальность, наоборот, максимальна в дальней зоне — 23,4 %. Это можно объяснить тем, что отдалённые события часто выражаются через желание, намерение, возможность или необходимость. В татарском языке модальные модели распределены более стабильно: 15,6 % в ближней зоне, 17,8 % в среднесрочной и 21,8 % в дальней. Это показывает, что в татарском языке модальность не привязана жёстко к одной зоне, а является постоянным компонентом выражения будущей референции.

Особенно показательно соотношение финитных форм и модальности. В русском языке, когда в среднесрочной зоне простое будущее снижается до 38,2 %, модальные модели возрастают до 30,6 %. Это говорит о том, что ослабление результативной формы компенсируется средствами планирования и намерения. В дальней зоне, наоборот, простое будущее возрастает до 52,4 %, а модальность снижается до 19,0 %. Следовательно, дальняя перспектива в русском языке больше связана с результатом, а среднесрочная — с планом. В турецком языке снижение –AcAk в среднесрочной зоне до 41,8 % также сопровождается ростом модальных моделей до 21,9 % и аористических средств до 14,6 %. Это показывает, что средняя перспектива является зоной функциональной конкуренции. В татарском языке

такая зависимость выражена слабее, поскольку несколько средств одновременно сохраняют значимые показатели.

Настоящее в футуральном значении также распределяется неодинаково. В турецком языке оно имеет ограниченную функцию: 5,3 % в ближней зоне, 9,7 % в среднесрочной и 0 % в дальней. Это связано с тем, что –Iyor в футуральном значении обычно обозначает запланированное и уже организованное действие, а не неопределённое отдалённое будущее. В татарском языке настоящее в футуральном значении имеет намного более широкую функцию: 27,0 % в ближней зоне, 16,8 % в среднесрочной и 22,8 % в дальней. Это показывает, что презентные формы в татарском языке способны активно участвовать в выражении всех зон будущей дистантности. В русском языке настоящее в футуральном значении занимает менее устойчивое положение и не формирует центральной модели.

Относительное будущее также выявляет межъязыковые различия. В русском языке оно существенно представлено в ближней зоне — 24,0 % и в дальней зоне — 19,2 %. Это связано с активностью конструкций, где одно будущее событие соотносится с другим: «когда приду, позвоню», «после того как закончу, отправлю». В татарском языке относительное будущее достигает максимума в среднесрочной зоне — 29,2 %, что показывает высокую значимость последовательности действий и межсобытийной временной связи. В турецком языке относительное будущее выражено слабее: оно фиксируется в среднесрочной зоне — 7,9 %, но отсутствует в ближней и дальней зонах. Это подтверждает, что турецкий язык чаще использует прямое грамматическое маркирование будущего, а не относительное построение футуральной референции.

Номинативные и безглагольные конструкции во всех трёх языках занимают периферийное положение, но их функция также различается. В русском языке они минимальны: 2,9 % в среднесрочной зоне и 1,4 % в дальней зоне. В турецком языке они составляют 5,5 % в ближней зоне, 4,1 % в среднесрочной и 3,3 % в дальней. В татарском языке их доля возрастает в дальней перспективе до 11,0 %. Это может быть связано с тем, что отдалённые события в татарском материале чаще

оформляются как сроки, этапы, состояния или именные обозначения будущих ситуаций.

В целом полученные данные показывают три разные стратегии выражения будущей дистантности. Русский язык демонстрирует видо-временную стратегию: в среднесрочной зоне усиливается модальность, а в дальней зоне возрастает роль совершенного вида и результативности. Турецкий язык демонстрирует грамматико-маркированную стратегию: форма –AcAk доминирует в ближней и дальней зонах, а средняя зона становится пространством конкуренции между будущим временем, модальностью, аористом и футуральным настоящим. Татарский язык демонстрирует полицентрическую стратегию: ни одно средство не подчиняет себе всю систему, а футуральность формируется через взаимодействие финитных, презентных, модальных, аналитических, номинативных и относительных моделей.

Следовательно, ближняя перспектива в трёх языках показывает разную степень грамматической определённости будущего: высокая определённость в турецком языке, результативно-контекстуальная организация в русском языке и полицентричность в татарском языке. Среднесрочная перспектива является зоной наибольшей конкуренции средств: в русском языке — за счёт модальности, в турецком — за счёт снижения –AcAk и роста модальных / аористических моделей, в татарском — за счёт относительного будущего. Дальняя перспектива во всех языках усиливает представление события как будущего факта, но реализует это по-разному: через совершенный вид в русском, через форму –AcAk в турецком и через сочетание простого будущего с презентными и модальными формами в татарском языке.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Проведённый анализ показал, что выражение будущей дистантности в русском, турецком и татарском языках формируется во взаимодействии двух уровней: глагольных форм будущего времени и неглагольных средств. Глагольные формы задают общую футуральную направленность высказывания, однако степень

временной удалённости события определяется также временными локализаторами, модальностью, календарными обозначениями и микроконтекстом. Неглагольные средства выполняют важную функцию при разграничении ближней, среднесрочной и дальней перспективы будущего временного плана.

2. В русском языке центральную роль играет противопоставление простого будущего совершенного вида и аналитического будущего несовершенного вида. В ближней зоне преобладает простое будущее СВ (46,9 %), однако существенную роль играют относительное будущее (24,0 %) и модально-инфинитивные конструкции (22,9 %). В среднесрочной зоне возрастает доля модально-инфинитивных моделей (30,6 %) и аналитических конструкций (18,9 %), что отражает связь данной зоны с планированием и прогнозированием. В дальней зоне простое будущее СВ достигает максимальных показателей (52,4 %), тогда как роль модальности снижается, что свидетельствует о тенденции к представлению будущего события как результата или будущего факта.

3. Турецкая модель имеет морфологически концентрированный характер. Форма -(y)AcAk доминирует в ближней (72,9 %) и дальней (70,0 %) зонах, подтверждая свой статус основного средства выражения будущей референции. Среднесрочная зона характеризуется наибольшей вариативностью: доля формы -(y)AcAk снижается до 41,8 %, тогда как усиливается роль модально-инфинитивных конструкций (21,9 %), аористической футуральности (14,6 %) и формы -(I)yor в футуральном значении (9,7 %). Для дальней зоны характерно усиление модальных значений, связанных с намерением, возможностью, необходимостью и прогнозированием.

4. Татарская модель отличается распределённым и полицентрическим характером организации. В ближней зоне ведущую роль играет футуральное настоящее (27,0 %), в среднесрочной — относительное будущее (29,2 %), а в дальней — простое (финитное) будущее (33,0 %). Особенностью среднесрочной зоны является высокая активность относительного будущего, отражающая значимость межсобытийных временных отношений. В дальней зоне сохраняются высокие показатели футурального настоящего (22,8 %) и модально-инфинитивных

конструкций (21,8 %), что подтверждает отсутствие единственного доминирующего средства выражения будущей референции.

5. Сопоставление трёх языков показало, что ближняя зона преимущественно связана с непосредственной предстоящностью события, среднесрочная — с планированием, намерением и относительной перспективой, а дальняя — с представлением будущего события как результата, прогноза или будущего факта. При этом распределение языковых средств в каждой зоне имеет собственные национально-языковые особенности.

6. Типологическое сопоставление позволило определить русскую модель как смешанную видо-временную, турецкую — как морфологически концентрированную, а татарскую — как распределённую и полицентрическую. Выявленные различия подтверждают, что будущая дистантность представляет собой функционально-семантическую область, в которой грамматические формы, неглагольные средства, модальность и микроконтекст совместно участвуют в организации будущего временного плана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило, что дистантность в будущем временном плане в русском, турецком и татарском языках не может быть сведена ни к одной грамматической форме будущего времени, ни к простой календарной удалённости события от момента речи. Будущая референция представляет собой многоуровневую функционально-семантическую область, в которой взаимодействуют грамматическое время, вид, модальность, временные локализаторы, контекст и дискурсивная перспектива. Поэтому сопоставление трёх языков позволило выявить не только различия в инвентаре глагольных форм, но и различия в принципах распределения футуральной нагрузки между глагольными и неглагольными средствами.

В первой главе была определена теоретическая основа исследования. Было установлено, что будущее время следует рассматривать шире, чем морфологическую категорию глагола. Понятие футуральности охватывает все средства, с помощью которых действие соотносится с последующим временным планом: синтетические и аналитические формы глагола, настоящее время в футуральном значении, модальные конструкции, инфинитивные модели, временные наречия, календарные обозначения, количественно-временные сочетания, именные и эллиптические структуры. Такой подход оказался особенно важным для сопоставления русского, турецкого и татарского языков, поскольку в каждом из них будущая референция имеет собственный центр и собственную периферию.

Полученные результаты подтверждают продуктивность функционально-семантического подхода к описанию будущей референции. Значение будущности формируется не отдельной грамматической формой, а системой взаимодействующих языковых средств различного уровня. В связи с этим категория будущего времени получает интерпретацию как динамическое

функционально-семантическое поле, объединяющее грамматические, лексические, модальные и дискурсивные компоненты.

Теоретический анализ также показал, что дистантность будущего не является исключительно количественной характеристикой. Ближайшая, среднесрочная и отдалённая зоны различаются не только расстоянием от момента речи, но и степенью определённости, ожидаемости, плановости, вероятности и институциональной заданности события. Ближайшее будущее чаще связано с непосредственной предстоящностью и высокой ожидаемостью действия; среднесрочная перспектива — с планом, обязанностью, расписанием и социально организованным сроком; отдалённая перспектива — с прогнозом, предположением, неопределённостью или долгосрочной программой. Следовательно, временная дистантность в исследуемых языках постоянно пересекается с модальной оценкой.

Во второй главе были проанализированы глагольные и неглагольные средства выражения будущей дистантности. Сначала были рассмотрены оппозиции временных форм будущего в русском, турецком и татарском языках, их аспектуальный, модальный и контекстуальный потенциал. Затем на корпусном материале были выявлены количественные и функциональные особенности распределения данных средств по трём зонам будущей дистантности: ближайшей, среднесрочной и отдалённой.

Сопоставительное распределение средств выражения будущей референции подтверждает наличие трёх разных моделей организации будущей дистантности. В русском языке выявлена смешанная видо-временная модель, в турецком — морфологически концентрированная модель, в татарском — распределённая и полицентрическая модель выражения будущей перспективы. Эти различия проявляются не только в выборе глагольных форм, но и в степени участия неглагольных средств, временных локализаторов, модальности и микроконтекста.

В зоне ближайшего будущего турецкий язык демонстрирует наиболее высокую степень морфологической концентрации. Форма -(y)AcAk / финитное будущее составляет 72,9 % всех употреблений. Это свидетельствует о том, что даже

при минимальной временной дистанции турецкий язык преимущественно использует специализированную форму будущего времени. При этом остальные средства занимают периферийное положение: geniş zaman / аористическая футуральность составляет 12,0 %, номинативные / безглагольные конструкции — 5,5 %, форма -(I)yor в футуральном значении — 5,3 %, модально-инфинитивные / интенциональные конструкции — 4,3 %.

Русский язык в ближайшей зоне занимает промежуточное положение. В общей структуре ближайшей перспективы простое будущее совершенного вида / финитные формы составляют 46,9 %. Однако значительную роль также играют нарративное прошедшее / относительное будущее — 24,0 % и модальные, инфинитивные и неглагольные модели — 22,9 %. Аналитические формы несовершенного вида составляют 6,2 %. Следовательно, русская система не является полностью морфологически централизованной: выбор средства зависит от вида, временного локализатора, модальной окраски и повествовательной перспективы.

Татарский язык в ближайшей зоне обнаруживает наиболее распределённую модель. Футуральное настоящее составляет 27,0 %, простое / финитное будущее — 22,8 %, аналитические конструкции — 17,0 %, модально-инфинитивные модели — 15,6 %, относительное будущее — 11,6 %, номинативные / безглагольные конструкции — 6,0 %. Это показывает, что ближайшее будущее в татарском языке не закрепляется за одной грамматической моделью, а формируется через взаимодействие нескольких средств.

В среднесрочной зоне различия между языками становятся более выраженными. В русском языке ведущим средством остаётся простое будущее совершенного вида / финитные формы — 38,2 %, однако значительно возрастает роль модально-инфинитивных и интенциональных конструкций — 30,6 %. Аналитические / пассивно-предикативные модели составляют 18,9 %, настоящее в футуральном значении — 8,0 %, номинативные / безглагольные конструкции — 2,9 %, нарративное прошедшее / относительное будущее — 1,4 %. Это показывает, что

среднесрочная перспектива в русском языке является зоной планирования, намерения, необходимости и прогнозируемости.

В турецком языке в среднесрочной зоне простое / финитное будущее на -(y)AcAk составляет 41,8 %. Однако по сравнению с ближайшей зоной его доминирование ослабевает, поскольку усиливаются модально-инфинитивные / интенциональные конструкции — 21,9 %, geniş zaman / аористическая футуральность — 14,6 %, форма -(I)yor в футуральном значении — 9,7 %, нарративное прошедшее / относительное будущее — 7,9 %, номинативные / безглагольные конструкции — 4,1 %. Следовательно, среднесрочная зона в турецком языке является зоной функциональной конкуренции между специализированной формой будущего, модальностью, аористом и футуральным настоящим.

В татарском языке в среднесрочной зоне на первое место выходит нарративное прошедшее / относительное будущее — 29,2 %. Это показывает усиление роли внутренней точки отсчёта и контекстуальной организации будущей перспективы. Простое / финитное будущее составляет 23,3 %, модально-инфинитивные модели — 17,8 %, настоящее в футуральном значении — 16,8 %, аналитические / пассивно-предикативные модели — 7,5 %, номинативные / безглагольные конструкции — 5,5 %. Следовательно, среднесрочная зона в татарском языке особенно тесно связана с межсобытийной временной связью, когда одно будущее событие выступает точкой отсчёта для другого.

В зоне отдалённого будущего типологические различия проявляются наиболее отчётливо. В русском языке ведущим средством становится простое будущее совершенного вида / финитные формы — 52,4 %. Это максимальный показатель данной формы в русской системе и свидетельствует о том, что отдалённые события чаще воспринимаются как будущий результат или факт. При этом заметную роль сохраняют нарративное прошедшее / относительное будущее — 19,2 % и модально-инфинитивные / интенциональные конструкции — 19,0 %. Аналитические / пассивно-предикативные модели составляют 7,2 %, номинативные / безглагольные конструкции — 1,4 %, настоящее в футуральном

значении — 0,8 %. Таким образом, по мере увеличения временной дистанции в русском языке усиливается результативная семантика совершенного вида, тогда как модальность и процессуальность становятся менее доминирующими.

В турецком языке в дальней зоне вновь резко возрастает доля формы -(y)AcAk / финитного будущего — до 70,0 %. Это подтверждает морфологически концентрированный характер данной системы. В отличие от среднесрочной зоны, где активизируются конкурирующие модели, отдалённая перспектива требует более чёткого грамматического маркирования будущего временного плана. Вместе с тем модально-инфинитивные / интенциональные конструкции достигают 23,4 %, что показывает связь удалённых событий с намерением, возможностью, необходимостью или прогнозируемостью. Geniş zaman / аористическая футуральность и номинативные / безглагольные конструкции представлены по 3,3 %, тогда как форма -(I)yor в футуральном значении и относительное будущее в данной зоне не фиксируются.

В татарском языке в дальней перспективе наиболее частотным средством становится простое / финитное будущее — 33,0 %. Однако, в отличие от русского и турецкого языков, оно не формирует абсолютного доминирования. Значительную роль сохраняют настоящее в футуральном значении — 22,8 % и модально-инфинитивные / интенциональные конструкции — 21,8 %. Номинативные / безглагольные конструкции составляют 11,0 %, аналитические / пассивно-предикативные модели — 7,5 %, нарративное прошедшее / относительное будущее — 4,0 %. Следовательно, даже в отдалённой перспективе татарская система сохраняет распределённый характер: будущее событие может быть представлено как факт, план, состояние, ожидаемое действие или контекстуально заданная референция.

Сопоставительный анализ позволил уточнить три модели выражения будущей дистантности. Русская модель имеет смешанный видо-временной характер: в ней взаимодействуют простое будущее совершенного вида, аналитическое будущее несовершенного вида, модально-инфинитивные конструкции, футуральное настоящее и относительная повествовательная

перспектива. Турецкая модель характеризуется высокой морфологической концентрацией, поскольку её ядром выступает форма -(y)AcAk, особенно активная в ближней и дальней зонах. Татарская модель является распределённой и полицентрической: будущая референция формируется через взаимодействие форм -ыр/-ер, -ар/-әр, -ачак/-әчәк, футурального настоящего, аналитических, модальных, номинативных и относительных средств.

Исследование также показало, что наличие временного локализатора само по себе не гарантирует однозначной футуральной интерпретации. Значение будущего формируется только во взаимодействии временного показателя с глагольной формой, контекстом и коммуникативной установкой. Маркеры «завтра», «через час», «в этом году», «в будущем», турецкие yarın ‘завтра’, gelecek hafta ‘на следующей неделе’, birkaç ay sonra ‘через несколько месяцев’, татарские иртәгә ‘завтра’, киләсе атнада ‘на следующей неделе’, киләчәктә ‘в будущем’ не только уточняют время, но и участвуют в организации футуральной перспективы.

Сопоставительный анализ показал, что при установлении соответствий между средствами выражения будущей референции в русском, турецком и татарском языках необходимо учитывать не только грамматическую форму, но и её функционально-семантические характеристики, контекст употребления, тип дискурса и точку отсчёта. Например, русское «напишу», турецкое yazacağım и татарское язачакмын могут совпадать по общей футуральной направленности, но различаться по аспектуальной, модальной, прагматической и контекстуальной нагрузке.

Результаты исследования подтвердили положения, выносимые на защиту: степень будущей дистантности определяется взаимодействием глагольных, неглагольных и контекстуальных средств, распределение и функциональная нагрузка которых варьируются в зависимости от языка и зоны будущего; трёхзонная модель применима к сопоставительному анализу русского, турецкого и татарского языков; глагольные и неглагольные средства участвуют в маркировании степени временной удалённости события; зоны будущего различаются по степени

формальной выраженности и способу контекстуальной интерпретации. Таким образом, цель исследования была достигнута.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования при преподавании русского, турецкого и татарского языков, а также при корпусной разметке временных значений. Полученные данные позволяют точнее объяснять различия между грамматическим будущим временем и контекстуально формируемой будущей референцией, а также учитывать роль временных локализаторов при сопоставительном описании языковых средств.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпусной базы, более детальным анализом жанровых различий, включением устной речи и сопоставлением полученных данных с материалом других тюркских и славянских языков. Особый интерес представляет дальнейшее изучение функционирования средств выражения будущей дистантности в различных типах дискурса и коммуникативных ситуациях.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

НКРЯ — Национальный корпус русского языка.

TNC — Турецкий национальный корпус (*Turkish National Corpus*).

TNC–W — Письменный подкорпус Турецкого национального корпуса.

ТТК — Татарский национальный корпус «Туган тел».

WALS — Всемирный атлас языковых структур (*The World Atlas of Language Structures*).

S — Время речи (*speech time*).

E — Время события (*event time*).

R — Время референции (*reference time*)

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Аналитическое будущее — будущее значение, выраженное составной конструкцией с вспомогательным, модальным или предикативным компонентом.

Аорист — форма глагола с обобщённым, привычным, модальным или контекстуально-футуральным значением.

Бенефактивность — семантика действия, совершаемого в пользу или в интересах участника ситуации.

Ближняя дистантность — зона будущей перспективы, связанная с непосредственной реализацией ожидаемого события.

Дальняя дистантность — зона будущей перспективы, характеризующаяся значительной временной удалённостью и повышенной ролью прогнозирования.

Деонтическая модальность — модальность, выражающая обязанность, необходимость, разрешение или запрет.

Дистантность — степень временной удалённости события относительно момента речи или иной точки отсчёта.

Интенциональная модальность — модальность, связанная с намерением, планом или установкой субъекта.

Ирреалис — область возможных, желаемых, предполагаемых или нереализованных ситуаций.

Микроконтекст — минимальный фрагмент текста, достаточный для интерпретации значения языковой единицы.

Модально-инфинитивные конструкции — конструкции, выражающие будущее действие через значение необходимости, возможности, намерения или долженствования.

Нарративное прошедшее — выражение будущего события относительно внутренней точки отсчёта в повествовании, а не непосредственно относительно момента речи.

Нарративный сдвиг — смещение временной или референциальной перспективы внутри повествования.

Настоящее будущее время — форма настоящего времени, используемая для обозначения регулярных, планируемых, ожидаемых или будущих ситуаций вне непосредственного момента речи.

Номинативные (безглагольные конструкции) — именные или эллиптические модели, в которых будущая референция задаётся без личной глагольной формы.

Относительное будущее — будущее действие, определяемое относительно иной временной точки отсчёта.

Постериорность — отношение следования события за моментом речи или иной точкой отсчёта.

Предикативизация — переход языковой единицы к выполнению предикативной функции.

Прогрессивный футуратив — прогрессивная форма, используемая для обозначения запланированного или ожидаемого будущего действия.

Простой / финитное будущее — личная форма глагола, непосредственно выражающая будущую референцию без дополнительной аналитической конструкции.

Простой футуратив — конструкция с будущей референцией без специального аналитического показателя будущего времени.

Референциальная точка — временная точка, относительно которой локализуется событие.

Средняя дистантность — промежуточная зона будущей перспективы, связанная с планированием и ожидаемым развитием ситуации.

Темпоральный локализатор — лексическое или синтаксическое средство, уточняющее временную локализацию ситуации.

Финитная форма — личная форма глагола, способная выполнять функцию сказуемого.

Функционально-семантическое поле — совокупность разноуровневых языковых средств, объединённых общностью значения и функции.

Футуральная дистантность — степень временной удалённости будущей ситуации относительно момента речи или иной точки отсчёта.

Футуральная референция — отнесение ситуации к будущему временному плану.

Футуральное настоящее — форма настоящего времени, употребляемая в значении будущего при наличии временного локализатора или соответствующего контекста.

Футуральность — семантическая направленность высказывания на будущее.

Футуративная конструкция — конструкция, выражающая будущую референцию независимо от наличия специального морфологического показателя будущего времени.

Эпистемическая модальность — модальность, выражающая степень достоверности, вероятности или предположительности сообщаемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэзова, З.–А. М. Предисловие / З.–А. М. Ауэзова // Ал–Кашгари, М. Диван лугат ат–Турк / М. Ал–Кашгари. — Алматы : Дайк–Пресс, 2005. — С. 28–38.

2. Боднарук, Е. В. Актуализация семантики будущего времени в англоязычном художественном дискурсе / Е. В. Боднарук // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — Т. 21, № 3. — С. 17–30. — DOI: 10.25205/1818–7935–2023–21–3–17–30.

3. Бондарко, А. В. Вид и время русского глагола : значение и употребление / А. В. Бондарко. — М. : Просвещение, 1971. — 239 с.

4. Бондарко, А. В. К теории функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. — М. : Наука, 1985. — С. 16–29.

5. Бондарко, А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики : на материале русского языка / А. В. Бондарко. — М. : Языки славянской культуры, 2002. — 736 с.

6. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира : на материале русской грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 576 с.

7. Бурганова, Ф. А. Категория времени в татарском языке / Ф. А. Бурганова. — Казань : Татарское книжное издательство, 2005. — 112 с.

8. Виноградов, В. В. Русский язык : грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — М.; Л. : Учпедгиз, 1947. — 784 с.

9. Воронина, Т. М. Настоящее — прошлое — будущее в русском языке : связи и оппозиции / Т. М. Воронина // Филологический класс. — 2024. — Т. 29, № 3. — С. 69–82. — DOI: 10.26170/2071–2405–2024–29–3–69–82.

10. Ганиев, Ф. А. Способы действия глаголов в татарском языке / Ф. А. Ганиев. — Казань : Дом печати, 2003. — 152 с.

11. Гениш, Э. Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания. Т. 1 : Язык, грамматика, фонетика, слова, имена существительные, имена прилагательные, местоимения, наречия / Э. Гениш. — М. : Издательство ЛКИ, 2008. — 232 с.

12. Гиганов, И. Грамматика татарскаго языка / сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарскаго языка, Софийскаго собора священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованная. — В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук, 1801. — 187, [1] с.

13. Гильфанова, Ф. Х. Модальный признак форм изъявительного наклонения в немецком и татарском языках / Ф. Х. Гильфанова, Р. Т. Гильфанов // Russian Journal of Humanities. — 2018. — Vol. 10, no. 4. — P. 255–270. — DOI: 10.12731/2077–1770–2018–4–255–270.

14. Гловинская, М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола / М. Я. Гловинская. — М. : Азбуковник; Русские словари, 2001. — 320 с.

15. Грунина, Э. А. Глагольные формы будущего времени в тюркских языках / Э. А. Грунина. — М. : Наука, 1978. — 96 с.

16. Гузев, В. Г. Опыт построения понятийного аппарата теории турецкой грамматики : учебное пособие на турецком языке / В. Г. Гузев, О. Д. Йылмаз. — СПб. : Издательство Санкт–Петербургского университета, 2004. — 132 с.

17. Гузев, В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка / В. Г. Гузев; под ред. А. С. Аврутиной, Н. Н. Телицина. — СПб. : Изд–во СПбГУ, 2015. — 320 с.

18. Джавдет–заде, Х. Грамматика современного турецкого языка : фонетика, морфология и синтаксис / Х. Джавдет–заде, А. Н. Кононов. — Л. : Издание Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе, 1934. — 267 с.

19. Дмитриев, Н. К. Грамматика татарского языка / Н. К. Дмитриев. — М.; Л. : Изд–во АН СССР, 1948. — 260 с.

20. Закиев, М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар / М. З. Закиев. — Казань : Татар. кн. изд–во, 1986. — 304 с.

21. Закиева, Р. Г. О системе причастий в татарском и турецком языках / Р. Г. Закиева // История России и Татарстана: итоги и перспективы энциклопедических исследований : сборник статей итоговой научной конференции научных сотрудников Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. — Казань, 2019. — Вып. 11. — С. 60–76. — eLIBRARY ID: 42949173.

22. Зализняк, А. А. Русская аспектология : в защиту видовой пары / А. А. Зализняк, И. Л. Микаэлян, А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — 392 с.

23. Зализняк, А. А. Исследования по русской и компаративной семантике / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. — М. : Языки славянской культуры, 2021. — 548 с.

24. Исаченко, А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким / А. В. Исаченко. — Братислава : Изд–во Словацкой академии наук, 1965. — Т. 1. — 496 с.

25. Историческая грамматика русского языка : Морфология. Глагол / Р. И. Аванесов, В. В. Иванов, В. Б. Силина [и др.] ; под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова ; АН СССР, Институт русского языка. — М. : Наука, 1982. — 436 с.

26. Каксин, А. Д. Эвиденциальность в тюркских языках: типологический взгляд / А. Д. Каксин // Научное обозрение Саяно–Алтая. — 2021. — № 3 (31). — С. 22–28. — DOI: 10.52782/KRIL.2021.3.31.004.

27. Князев, Ю. П. Воздействие референции к будущему на противопоставление видов в русском языке / Ю. П. Князев // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. — 2014a. — Т. X, ч. 2. — С. 43–70.

28. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика : Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. — М. : Языки славянских культур, 2014b. — 528 с.

29. Кононов, А. Н. Грамматика турецкого языка / А. Н. Кононов; Академия наук СССР, Институт востоковедения; отв. ред. С. Е. Малов. — М.; Л. : Изд–во АН СССР, 1941. — 312 с.

30. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов; Академия наук СССР, Институт востоковедения. — М.; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1956. — 569 с.

31. Кузнецов, П. И. Учебник турецкого языка : Начальный курс / П. И. Кузнецов. — М. : ИД «Муравей–Гайд», 2000. — 400 с.

32. Лутфуллина, Г. Ф. Облигаторная проспективная референтность неопределенных именных групп в темпоральных контекстах будущего временного периода: на материале французского языка / Г. Ф. Лутфуллина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — С. 35–38.

33. Лутфуллина, Г. Ф. Особенности перевода значений форм будущего времени во французском и татарском языках / Г. Ф. Лутфуллина // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири : материалы IV Международной научно–практической конференции, Абакан, 19–20 мая 2016 г. — Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2016a. — С. 125–127.

34. Лутфуллина, Г. Ф. Репрезентация квазиперфектного значения формами будущего времени в английском и русском языках / Г. Ф. Лутфуллина, И. П. Назарова // Культура и цивилизация. — 2016b. — № 1. — С. 292–302.

35. Лутфуллина, Г. Ф. Вспомогательные глаголы движения французского, английского, русского и татарского языков / Г. Ф. Лутфуллина // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2021. — Т. 7, № 4. — С. 44–55. — DOI: 10.18413/2313–8912–2021–7–4–0–4.

36. Лутфуллина, Г. Ф. Субстантивная репрезентация темпоральной и аспектуальной длительности : на материале английского и русского языков / Г. Ф. Лутфуллина, А. О. Шипова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15, вып. 4. — С. 1283–1288. — DOI: 10.30853/phil20220156.

37. Лутфуллина, Г. Ф. Выражение ближайшего будущего лексическими и грамматическими средствами татарского языка / Г. Ф. Лутфуллина //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024a. — Т. 17, вып. 11. — С. 3971–3975. — DOI: 10.30853/phil20240559.

38. Лутфуллина, Г. Ф. Семасиологический анализ темпоральных существительных как средств выражения неглагольного аспектуального значения количества действия (на материале английского, русского, татарского) / Г. Ф. Лутфуллина // Вестник Томского государственного университета. — 2024b. — № 501. — С. 22–29. — DOI: 10.17223/15617793/501/3. — EDN: FQZWEX.

39. Лутфуллина, Г. Ф. Современные направления сопоставительных исследований темпоральности / Г. Ф. Лутфуллина, И. В. Марзоева, Г. З. Гилязиева [и др.] // Современный ученый. — 2024c. — № 4. — С. 185–192. — DOI: 10.58224/2541–8459–2024–4–185–192.

40. Лутфуллина, Г. Ф. Речевые акты с формами будущего времени во французском и татарском языках / Г. Ф. Лутфуллина, Р. Ф. Мирхаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18, вып. 12. — С. 5334–5339. — DOI: 10.30853/phil20250721.

41. Марзоева, И. В. Спектр референциальных значений футурума в контексте во французском и татарском языках / И. В. Марзоева, Г. Ф. Лутфуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — С. 132–134.

42. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. — Л. : Изд–во Ленинградского университета, 1984. — 263 с.

43. Маслов, Ю. С. Вид и время в славянских языках / Ю. С. Маслов // Вопросы глагольного вида. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — С. 512–528.

44. Маслов, Ю. С. Избранные труды : Аспектология. Общее языкознание / Ю. С. Маслов. — М. : Языки славянской культуры, 2008. — 840 с.

45. Махмутова, А. Н. Языковые средства выражения категоричности в современной англоязычной научной прозе / А. Н. Махмутова, Г. Ф. Лутфуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2023. — Т. 16, вып. 7. — С. 2151–2158. — DOI: 10.30853/phil20230331.

46. Мингазова, Н. Г. Асимметрия видовременных форм глаголов татарского и арабского языков / Н. Г. Мингазова, Р. Р. Закиров, В. Г. Субич // Арабистика Евразии. — 2021. — № 15. — С. 68–85.

47. Мирзагитов, Р. Х. Лингвистическое образование татар XIX века / Р. Х. Мирзагитов. — Казань : ТГГПУ, 2006. — 75 с.

48. Митрофанова, О. А. Частотность глагольных форм в современном русском языке / О. А. Митрофанова // Вопросы языкознания. — 2015. — № 3. — С. 72–84.

49. Муллагалиев, Н. К. Модальность художественного текста : на материале английского и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. К. Муллагалиев. — Казань, 2016. — 27 с.

50. Нуриева, Ф. Ш. Жизнь в науке. Памяти известного тюрколога Дмитрия Михайловича Насилова / Ф. Ш. Нуриева // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы : труды и материалы международной конференции (Казанский федеральный университет, 14–17 октября 2018 г.) : в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. — Казань : Изд–во Казан. ун–та, 2018. — Т. 1. — С. 178–182.

51. Оганова, Е. А. Настоящее–будущее время на «–Ar» в турецком языке как лингводидактическая проблема / Е. А. Оганова // Вопросы тюркской филологии. — Вып. XIII : материалы Дмитриевских чтений. — М. : Издательство МБА, 2020. — С. 179–201.

52. Падучева, Е. В. Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.

53. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 608 с.

54. Падучева, Е. В. Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. — 2–е изд., испр. и доп. — М. : Языки славянской культуры, 2010. — 480 с.

55. Плунгян, В. А. Общая морфология : Введение в проблематику / В. А. Плунгян. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 384 с.

56. Рассадин, В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / В. И. Рассадин. — М. : Наука, 1978. — 287 с.

57. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. — М. : Русские словари, 2008. — 416 с. — ISBN 5–93259–016–5.

58. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Наука, 1980a. — Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 800 с.

59. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М. : Наука, 1980b. — Т. 2 : Синтаксис. — 710 с.

60. Сагдиева, Р. К. Сравнительный анализ причастия татарского и турецкого языков / Р. К. Сагдиева, Д. Х. Хуснутдинов, И. К. Сибгатуллина // Liberal Arts in Russia. — 2018. — Т. 7, № 5. — С. 424–430.

61. Салахов, А. М. Развитие татарской грамматической теории : на материале грамматик татарского и арабского языков XIX — нач. XX века / А. М. Салахов; науч. ред. М. И. Ахметзянов; рец. Н. Ш. Насибуллина; Акад. наук Респ. Татарстан, Ин–т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. — Казань : ИЯЛИ, 2017. — 184 с. — ISBN 978–5–93091–237–1.

62. Сибгатуллина, А. А. Выражение категории модальности в русском, немецком и татарском языках / А. А. Сибгатуллина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 10. — С. 53–57.

63. Современный татарский литературный язык : лексикология, фонетика, морфология / Н. Б. Бурганова, М. З. Закиев, Х. Р. Курбатов; Казанский институт языка, литературы и истории. — М. : Наука, 1969. — 380 с.

64. Стойнова, Н. М. Аналитическая конструкция будущего времени / Н. М. Стойнова // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Выпуск II : Синтаксические конструкции и грамматические категории / отв. ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова ; редкол.: Е. Р. Добрушина, О. Е. Пекелис,

Е. В. Рахилина ; Ин–т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — СПб. : Нестор–История, 2017. — С. 344–437. — ISBN 978–5–4469–1189–9.

65. Стойнова, Н. М. Будущее время [Электронный ресурс] / Н. М. Стойнова // Русская корпусная грамматика. — 2018a. — URL: http://rusgram.ru/Будущее_время (дата обращения: 24.03.2024).

66. Стойнова, Н. М. Будущее время в русском языке : грамматический статус и функции / Н. М. Стойнова // Вопросы языкознания. — 2018b. — № 3. — С. 78–95.

67. Стойнова, Н. М. Будущее несовершенного вида и инфинитивное сочетание с глаголом стать как конкурирующие конструкции в современном русском языке / Н. М. Стойнова // Русский язык в научном освещении. — 2019. — № 1 (37). — С. 58–82.

68. Сунгатуллина, М. М. Глагол в грамматике И. Мегизера «Institutionum linguae Turcicae libri quatuor» («Основные правила тюркского языка») 1612 года / М. М. Сунгатуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 3 (45), ч. 2. — С. 185–188. — URL: https://www.gramota.net/article/phil20150550/pdf (дата обращения: 17.02.2026).

69. Сухомлина, Т. А. Теория поля как метод представления языковых явлений : на примере категории будущего времени / Т. А. Сухомлина // Поволжский педагогический вестник. — 2019. — Т. 7, № 4 (25). — С. 147–153. — EDN FLZIKD.

70. Татар грамматикасы : 3 томда. Т. II : Морфология / ред. М. З. Зәкиев. — М. : ИНСАН ; Казань : ФИКЕР, 2002. — 448 с.

71. Татар грамматикасы : өч томда. Т. II : Морфология / проект җит. М. З. Зәкиев. — Тулыландырылган 2 нче басма. — Казан : ТӘhСИ, 2016. — 432 б. — ISBN 978–5–93091–212–8.

72. Татар грамматикасы : 3 томда. Т. III : Синтаксис / ред. М. З. Зәкиев. — М. : ИНСАН ; Казань : ФИКЕР, 1999. — 512 с.

73. Татарская грамматика : в 3 т. / гл. ред. М. З. Закиев. — Казань : Татарское книжное издательство, 1992–1993. — 3 т.

74. Татарская грамматика : в 3 т. Т. II : Морфология / отв. ред. М. З. Закиев. — Казань : Татарское книжное издательство, 1993. — 397 с.

75. Татевосов, С. Г. О подпарадигме аналитических форм татарского глагола / С. Г. Татевосов // Урало–алтайские исследования. — 2018. — № 3 (30). — С. 82–99.

76. Типология императивных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский; [Л. А. Бирюлин, В. С. Храковский, Е. Ю. Груздева и др.]; Рос. АН, Ин–т лингвистических исследований. — СПб. : Наука, С.–Петербургское отделение, 1992. — 300, [1] с. — ISBN 5–02–028062–3.

77. Тумашева, Д. Г. Татар телендә эшнең субъект–объектка караган юнәлеше (ориентациясе) / Д. Г. Тумашева. — Казан, 1986a. — 76 б.

78. Тумашева, Д. Г. Татарский глагол : Опыт функционально–семантического исследования грамматических категорий / Д. Г. Тумашева. — Казань : Издательство Казанского университета, 1986b. — 189 с.

79. Хавронина, С. А. Обучение турецких учащихся русским приставочным глаголам движения с учетом языковых картин мира / С. А. Хавронина, К. Эмрак // Russian Language Studies. — 2021. — Vol. 19, no. 3. — P. 313–330. — DOI: 10.22363/2618–8163–2021–19–3–313–330. — URL: https://journals.rudn.ru/russian–language–studies/article/download/27497/19821.

80. Харисова, Г. Ф. Функционально-семантическая категория модальности в татарском языке / Г. Ф. Харисова, Г. Ф. Гайнуллина // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2–3. — С. 75–79.

81. Харисова, Ч. М. Татар теле. Морфология : югары уку йортлары өчен дәреслек / Ч. М. Харисова. — Казан : Мәгариф, 2010. — 128 с.

82. Харисова, Ч. М. Татарский язык : справочник / Ч. М. Харисова. — Казань : Татарское книжное издательство, 2014. — 191 с.

83. Хисамова, В. Н. Глагольная система татарского языка в сравнении с английским языком : автореф. дис. ... д–ра филол. наук : 10.02.02; 10.02.20 / В. Н. Хисамова. — Казань, 2005. — 36 с.

84. Хисамова, Л. М. Категория модальности в татарском языке / Л. М. Хисамова // Вестник Казанского федерального университета. Филология. — 2012. — № 1. — С. 54–60.

85. Хисамова, Ф. М. Письменно–литературный язык XVII — первой четверти XX в. / Ф. М. Хисамова // История татарского литературного языка (XIII — первая четверть XX в.). — Казань : Фикер, 2003. — С. 419–421.

86. Храковский, В. С. Теория функциональной грамматики : Перспективность / В. С. Храковский. — СПб. : Наука, 2001. — 260 с.

87. Чуйкова, О. Ю. Семантика будущего времени в русском, английском и испанском языках : взаимодействие темпоральности, аспектуальности и модальности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. Ю. Чуйкова. — Санкт–Петербург, 2018. — 272 с.

88. Чуйкова, О. Ю. Будущее время в русском языке : семантика, прагматика и контекст / О. Ю. Чуйкова // Język i metoda. — 2019. — № 6. — С. 233–242.

89. Шамсутдинова, А. Р. Неглагольные средства выражения аспектуальности в татарском языке / А. Р. Шамсутдинова, Г. В. Галавова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. — 2020. — № 3 (18). — С. 292–295. — EDN JGGCRR.

90. Шатуновский, И. Б. Проблемы русского вида / И. Б. Шатуновский. — М. : Языки славянских культур, 2011. — 352 с.

91. Шмелёв, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелёв. — М. : Языки славянской культуры, 2015. — 320 с.

92. Щека, Ю. В. Практическая грамматика турецкого языка / Ю. В. Щека. — М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. — 666, [6] с. — ISBN 978–5–17–043016–1; ISBN 978–5–478–00529–0.

93. Юсупов, А. Ф. Вариативность грамматических форм глагола в языке татарских поэтических произведений XIX века / А. Ф. Юсупов // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150, кн. 8. — С. 154–160.

94. Юсупов, Ф. Ю. Изучение татарского глагола / Ф. Ю. Юсупов. — Казань : Татарское книжное издательство, 1986. — 287 с.

95. Юсупов, Ф. Ю. Татарский диалектный язык : перспективы синхронных исследований / Ф. Ю. Юсупов // Филология и культура. — 2012. — № 2 (28). — С. 190–195.

96. Юсупов, Ф. Ю. Опыт исследования тюркских диалектов : некоторые итоги системно-синхронного исследования татарского диалектного языка (индикатив) / Ф. Ю. Юсупов // e-history.kz. — 2014. — С. 112–125.

97. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон ; пер. с англ., нем., фр. яз. ; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева ; предисл. Вяч. Вс. Иванова. — М. : Прогресс, 1985. — 455 с. — (Языковеды мира).

98. Якобсон, Р. О. О структуре русского глагола / Р. О. Якобсон // Избранные работы / Р. О. Якобсон ; пер. с англ., нем., фр. яз. ; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева ; предисл. Вяч. Вс. Иванова. — М. : Прогресс, 1985. — С. 210–221.

99. Яруллин, Ф. Г. Җилкәннәр җилдә сынала : повестьлар / Ф. Г. Яруллин. — Казан, 1986. — 288 с.

100. Aaron, J. E. El futuro epistémico y la variación : gramaticalización y expresión de la futuridad desde 1600 / J. E. Aaron // Moenia. — 2007. — Vol. 13. — P. 253–274.

101. Akal, T. Plain and Progressive Futurates in Turkish / T. Akal // Cankaya University Journal of Humanities and Social Sciences. — 2024. — Vol. 18, no. 1. — P. 110–123. — DOI: 10.47777/cankujhss.1436908.

102. Aksan, D. Türkçenin grameri / D. Aksan. — Ankara : Türk Dil Kurumu Yayınları, 1999. — 145 s.

103. Akşehirli, S. Türkçe’de konuşma zamanı, olay zamanı ve referans zamanı ilişkileri / S. Akşehirli // Turkish Studies. — 2010. — Cilt 5, sayı 4. — S. 15–73. — DOI: 10.7827/TurkishStudies.1558.

104. Andersen, H. Periphrastic futures in Slavic : divergence and convergence / H. Andersen // Change in Verbal Systems : Issues in Explanation / ed. by K. Eksell, T. Vinther. — Bern : Peter Lang, 2006. — P. 9–45.

105. Aslan, S. Türkiye Türkçesinde ol-yardımcı fiilli yapıların görünüş-zaman bildirimindeki işlevleri / S. Aslan // Bilig. — 2012. — Sayı 63. — S. 12–30.

106. Atabay, N. Sözcük türleri : ad, sıfat, belirteç, adıl, ilgeç, bağlaç, ünlem, eylem / N. Atabay, İ. Kutluk, S. Özel ; yöneten ve yayıma hazırlayan D. Aksan. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 1983. — 288 s.

107. Balcı, O. Türkiye Türkçesinde yakın gelecek zaman bildiren yapılar / O. Balcı // Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. — 2019. — № 63. — S. 341–348.

108. Banguoğlu, T. Türkçenin grameri / T. Banguoğlu. — İstanbul : Baha Matbaası, 1974. — 628 s.

109. Banguoğlu, T. Türkçenin grameri / T. Banguoğlu. — 3. bs. — Ankara : Türk Dil Kurumu Yayınları, 1990. — 628 s. — (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu Yayınları ; 528). — ISBN 975–16–0268–8.

110. Benzer, A. Fiilde zaman, görünüş, kip ve kiplik : Doktora tezi / A. Benzer. — İstanbul : Marmara Üniversitesi, 2008. — 297 s.

111. Benzer, A. Türkçede zaman, görünüş ve kiplik / A. Benzer. — İstanbul : Kabalcı Yayınları, 2012. — 244 s.

112. Bergamalı Kadri. Müyessiretü'l–Ulûm : giriş, metin, sözlük, terimler dizini, tıpkıbasım / Bergamalı Kadri ; haz. Esra Karabacak ; inceleyen Mustafa Özkan. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 2002. — XVI, 287 s. — ISBN 975–16–1551–8.

113. Berta, Á. Tatar and Bashkir / Á. Berta // The Turkic Languages / ed. by L. Johanson, É. Á. Csató. — London ; New York : Routledge, 1998. — P. 283–300.

114. Bilgegil, M. K. Türkçe Dilbilgisi / M. K. Bilgegil. — 2. baskı. — İstanbul : Dergâh Yayınları, 1982. — 308 s.

115. Boland, A. Aspect, Tense and Modality : Theory, Typology, Acquisition : doctoral dissertation / A. Boland. — Utrecht : LOT, 2006. — 2 vols. — 674 p.

116. Burbiel, G. Tatar Grammar : A Grammar of the Contemporary Tatar Literary Language / G. Burbiel. — Stockholm ; Moscow : Institute for Bible Translation, 2018. — 901 p. — ISBN 978–5–93943–259–7.

117. Bybee, J. L. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world / J. L. Bybee, Ö. Dahl // Studies in Language. — 1989. — Vol. 13, no. 1. — P. 51–103. — DOI: 10.1075/sl.13.1.03byb.

118. Bybee, J. L. The Evolution of Grammar : Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World / J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. — Chicago ; London : University of Chicago Press, 1994. — XXII, 398 p.

119. Comrie, B. Aspect : An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems / B. Comrie. — Cambridge : Cambridge University Press, 1976. — 142 p. — (Cambridge Textbooks in Linguistics).

120. Comrie, B. Tense / B. Comrie. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985. — 139 p.

121. Comrie, B. Linguistic Typology / B. Comrie // Annual Review of Anthropology. — 1988. — Vol. 17. — P. 145–159. — DOI: 10.1146/annurev.an.17.100188.001045.

122. Dahl, Ö. Tense and Aspect Systems / Ö. Dahl. — Oxford : Blackwell, 1985. — 210 p.

123. Dahl, Ö. The grammar of future time reference in European languages / Ö. Dahl // Tense and Aspect in the Languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. — P. 309–328.

124. Dahl, Ö. The Future Tense [Электронный ресурс] / Ö. Dahl, V. Velupillai // The World Atlas of Language Structures Online / ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. — URL: https://wals.info/chapter/67 (дата обращения: 24.03.2025).

125. Dalkılıç, L. Ç. Rusça fiillerdeki görünüş türlerinin Türkçeye aktarılmasında görülen farklılıklar / L. Ç. Dalkılıç // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih–Coğrafya Fakültesi Dergisi. — 2017. — Cilt 57, sayı 2. — S. 1208–1223. — DOI: 10.1501/Dtcfder_0000001558.

126. Deniz Yılmaz, Ö. Türkiye Türkçesinde Eylemsi / Ö. Deniz Yılmaz. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 2009. — 202 s. — ISBN 978–975–16–2203–7.

127. Dilaçar, A. Gramer : tanımı, adı, kapsamı, türleri, yöntemleri, eğitimdeki yeri ve tarihi / A. Dilaçar // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı — Belleten. — 1971. — S. 83–145.

128. Dinić, M. Old East Slavic Tense System / M. Dinić. — Belgrade : Belgrade Press, 2002. — 215 p.

129. Ediskun, H. Türk Dilbilgisi / H. Ediskun. — İstanbul : Remzi Kitabevi, 1999. — 407 s.

130. Efendioğlu, S. Birleşik zamanlar üzerine = On the Compound Tenses / S. Efendioğlu, A. O. Solmaz // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. — Erzurum, 2007. — Sayı 35. — S. 49–58.

131. Emeksiz, Z. E. Türkçede kiplik anlamının belirsizliği ve anlamsal roller / Z. E. Emeksiz // Dil Dergisi. — 2008. — Sayı 141. — S. 55–66.

132. Eraslan, K. –sar/–ser isim–fiil ekinin yapısı ve fonksiyonları / K. Eraslan // Hasan Eren Armağanı. — Ankara : Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu Yayınları : 773, 2000. — S. 92–127.

133. Ercilasun, A. B. Kutadgu Bilig grameri : fiil / A. B. Ercilasun. — Ankara : Gazi Üniversitesi, 1984. — XI, 196 s. — (Gazi Üniversitesi Yayın ; 33 ; Gazi Eğitim Fakültesi Yayın ; 3).

134. Erdal, M. A Grammar of Old Turkic / M. Erdal. — Leiden ; Boston : Brill, 2004. — 575 p.

135. Ergin, M. Türk Dil Bilgisi / M. Ergin. — İstanbul : Bayrak Basım Yayım Tanıtım, 2009. — 549 s.

136. Fleischman, S. The Future in Thought and Language : Diachronic Evidence from Romance / S. Fleischman. — Cambridge : Cambridge University Press, 1982. — 288 p.

137. Forsyth, J. A Grammar of Aspect : Usage and Meaning in the Russian Verb / J. Forsyth. — Cambridge : Cambridge University Press, 1970. — XIV, 386 p.

138. Gencan, T. N. Dilbilgisi / T. N. Gencan. — 4. baskı. — Ankara : Türk Dil Kurumu Yayınları, 1979. — XIV, 602 s.

139. Göksel, A. Turkish : A Comprehensive Grammar / A. Göksel, C. Kerslake. — London ; New York : Routledge, 2005. — 580 p. — ISBN 978–0–415–11494–3.

140. Grenoble, L. Tense, mood, aspect : the future in Russian / L. Grenoble // Russian Linguistics. — 1989. — Vol. 13, no. 2. — P. 97–110. — DOI: 10.1007/BF02551667.

141. Günay, N. Türkçede –(A/I)r biçimbiriminin kiplik anlamları / N. Günay // International Journal of Language Academy. — 2014. — Cilt 2, sayı 4. — S. 532–544.

142. Güney, F. Ş. Tatar Türkçesinde bitme ve tamamlanma bildiren birleşik fiil yapıları / F. Ş. Güney // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. — 2008. — Cilt 8, sayı 1. — S. 125–140.

143. Haspelmath, M. Comparative concepts and descriptive categories in cross–linguistic studies / M. Haspelmath // Language. — 2010. — Vol. 86, no. 3. — P. 663–687. — DOI: 10.1353/lan.2010.0021.

144. İskender, H. Türkçede –(y)AcAk muamması : zaman–görünüş–kiplik yorumlamaları üzerine bir tahkik / H. İskender // Nesir : Edebiyat Araştırmaları Dergisi. — 2023. — Sayı 5. — S. 149–175. — DOI: 10.5281/zenodo.8402899.

145. Jendraschek, G. Future tense, prospective aspect, and irrealis mood as part of the situation perspective : Insights from Basque, Turkish, and Papuan / G. Jendraschek // Future Times, Future Tenses / ed. by P. De Brabanter, M. Kissine, S. Sharifzadeh. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — P. 138–164.

146. Johanson, L. The Structure of Turkic / L. Johanson // The Turkic Languages / ed. by L. Johanson, É. Á. Csató. — London ; New York : Routledge, 1998. — P. 30–66.

147. Johanson, L. Turkic indirectives / L. Johanson // Evidentials : Turkic, Iranian and Neighbouring Languages / ed. by L. Johanson, B. Utas. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2000. — P. 61–87.

148. Kakzhanova, F. A. Turkologists and the Aspect Category of Turkic Languages in Diachrony : Including the Kazakh Language / F. A. Kakzhanova // European Researcher. Series A. — 2018. — Vol. 9, no. 2. — P. 126–131. — DOI: 10.13187/er.2018.2.126.

149. Kanık, M. The Turkish Aorist and Progressive : Present Tense, Future Tense, or What? / M. Kanık // Journal of Language and Linguistic Studies. — 2015. — Vol. 11, no. 1. — P. 103–115.

150. Karpuz, H. Ö. Türkiye Türkçesi'ndeki zarfların işlevsel ve yapısal özellikleri / H. Ö. Karpuz // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2000. — Cilt 1, sayı 1, özel sayı. — S. 27–43.

151. Karpuz, H. Ö. Türkçe'de zarflar : Türkiye Türkçesi edebi dilindeki zarfların yapısal ve işlevsel incelemesi / H. Ö. Karpuz. — Denizli : Ege–Doğuş Yayınları, 2013. — 516 s. — ISBN 975–97440–0–7.

152. Kerimoğlu, C. Kiplik incelemeleri ve Türkçe / C. Kerimoğlu. — İzmir : Dinozor Kitabevi, 2011. — 340 s.

153. Klein, W. Time in Language / W. Klein. — London ; New York : Routledge, 1994. — 243 p.

154. Korkmaz, Z. Türkiye Türkçesi grameri : şekil bilgisi / Z. Korkmaz. — Ankara : Türk Dil Kurumu Yayınları, 2003. — CV, 1224 s.

155. Kornfilt, J. Turkish / J. Kornfilt. — London ; New York : Routledge, 1997. — XXXII, 575 p. — (Descriptive Grammars). — ISBN 978–0–415–00010–9.

156. Lewis, G. L. Turkish Grammar / G. L. Lewis. — 2nd ed. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — 300 p.

157. Meshadiyeva, A. E. On some future tense participles in modern Turkic languages / A. E. Meshadiyeva // International Humanities Studies. — 2016. — Vol. 3, no. 1. — P. 27–35.

158. Narrog, H. On defining modality again / H. Narrog // Language Sciences. — 2005. — Vol. 27, no. 2. — P. 165–192. — DOI: 10.1016/j.langsci.2003.11.007.

159. Nuyts, J. Epistemic Modality, Language, and Conceptualization : A Cognitive–Pragmatic Perspective / J. Nuyts. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2001. — XIV, 428 p.

160. Orozco, R. Distribution of Future Time Forms in Northern Colombian Spanish / R. Orozco // Selected Proceedings of the 7th Hispanic Linguistics Symposium

/ ed. by D. Eddington. — Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project, 2005. — P. 56–65.

161. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. — 2nd ed. — London ; New York : Longman, 1990. — 215 p. — (Longman Linguistics Library). — ISBN 0–582–03486–8.

162. Palmer, F. R. Mood and Modality / F. R. Palmer. — 2nd ed. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 236 p.

163. Plungian, V. A. Perfective, performative and present : Some non–standard combinations in Slavic and beyond / V. A. Plungian, E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova // Russian Journal of Linguistics. — 2022. — Vol. 26, no. 4. — P. 1012–1030. — DOI: 10.22363/2687–0088–31252.

164. Reichenbach, H. The tenses of verbs / H. Reichenbach // Elements of Symbolic Logic. — New York : Macmillan, 1947. — P. 287–298.

165. Rullmann, H. Why Plain Futurates are Different / H. Rullmann, M. Huijsmans, L. Matthewson, N. Todorović // Linguistic Inquiry. — 2023. — Vol. 54, no. 1. — P. 197–208. — DOI: 10.1162/ling_a_00435.

166. Şahin, H. Türkçede şimdiki zaman eklerinin zaman belirteçleriyle kullanımı / H. Şahin // Uludağ Üniversitesi Fen–Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2006. — Cilt 7, sayı 11. — S. 213–221.

167. Salkie, R. Will : tense or modality or both? / R. Salkie // English Language and Linguistics. — 2010. — Vol. 14, no. 2. — P. 187–215. — DOI: 10.1017/S1360674310000055.

168. Smith, C. S. Tense and temporal interpretation / C. S. Smith // Lingua. — 2007. — Vol. 117, iss. 2. — P. 419–436. — DOI: 10.1016/j.lingua.2004.10.005.

169. Thomsen, K. Das Kasantatarische / K. Thomsen // Philologiae Turcicae Fundamenta. — Wiesbaden, 1959. — Bd. 1. — S. 407–421.

170. Timberlake, A. A Reference Grammar of Russian / A. Timberlake. — Cambridge : Cambridge University Press, 2004. — 510 p.

171. Toktar, S. Türkçe bildirme kipi (indikatif) ulamı : doktora tezi / S. Toktar ; Marmara Üniversitesi, Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı. — İstanbul, 2024. — 161 s.

172. Torun Öğretmen, Y. Türkiye Türkçesinde üzere edatının eşdizimlilik özellikleri bağlamında görünümleri / Y. Torun Öğretmen // TÜRÜK Uluslararası Dil, Edebiyat ve Halkbilimi Araştırmaları Dergisi. — 2020. — Yıl 8, sayı 22. — S. 24–33.

173. Tristram, A. Variation and change in future temporal reference with avoir and être / A. Tristram // Journal of French Language Studies. — 2021. — Vol. 31, no. 1. — P. 25–49. — DOI: 10.1017/S0959269520000174.

174. Üstünova, K. Türkçede zaman kavramı ve işlenişi / K. Üstünova. — Ankara : Türk Dil Kurumu Yayınları, 2012. — 189 s.

175. Van der Auwera, J. Modality's semantic map / J. Van der Auwera, V. A. Plungian // Linguistic Typology. — 1998. — Vol. 2, no. 1. — P. 79–124. — DOI: 10.1515/lity.1998.2.1.79.

176. Verstraete, J.–C. Scalar quantity implicatures and the interpretation of modality : Problems in the deontic domain / J.–C. Verstraete // Journal of Pragmatics. — 2005. — Vol. 37, no. 9. — P. 1401–1418. — DOI: 10.1016/j.pragma.2005.02.003.

177. Wade, T. A Comprehensive Russian Grammar / T. Wade ; revised and updated by D. Gillespie. — 3rd ed., rev. and expanded. — Oxford : Wiley–Blackwell, 2011. — XXXIV, 596 p. — ISBN 978–1–4051–3639–6.

178. Yavaş, F. The Turkish Aorist / F. Yavaş // Kansas Working Papers in Linguistics. — 1979. — Vol. 4, no. 1. — P. 41–49. — DOI: 10.17161/KWPL.1808.656.

179. Yılmaz, Z. Türkçede gelecek zaman işlevli –a ve +cak ekleri / Z. Yılmaz // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. — 2008. — Cilt 17, sayı 2. — S. 161–166.

180. Yüceol Özezen, M. Türkiye Türkçesinde +A ve –A ekli zarflar üzerine / M. Yüceol Özezen // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. — 2008. — Cilt 17, sayı 2. — S. 329–344.

181. Yusupov, F. Tatar Türkçesi ağızlarında gelecek zaman / F. Yusupov // Turkish Studies — International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. — 2012. — Vol. 7, no. 1. — P. 131–152.

182. Zhamaletdinova, E. When modality and tense meet: The future marker budet “will” in impersonal constructions with the modal adverb možno “be possible” / E. Zhamaletdinova // Scando–Slavica. — 2023. — Vol. 69, no. 2. — P. 200–218. — DOI: 10.1080/00806765.2023.2271900.

СПИСОК РЕСУРСОВ

183. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] — URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 10.01.2025).

184. Turkish National Corpus (TNC) / Türkçe Ulusal Derlemi [Электронный ресурс] — URL: https://www.tnc.org.tr/ (дата обращения: 30.11.2024).

185. Татарский национальный корпус (Туган тел) [Электронный ресурс] — URL: https://tugantel.tatar/ (дата обращения: 30.09.2025).